

195

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИКА

!ВНИМАНИЕ—ФЭН—ВНИМАНИЕ!

А Ты подписался
на лучший в России толстый журнал
"ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА"?!
Индекс 70956

Подписка на 1995 г.
в любом отделении связи России!

Наш супержурнал, не имеющий аналогов
в России, с каждым полугодием становится
толще, лучше, интереснее.

Конкуренции с Нами не выдерживает
ни одно из фэн-изданий!

ПФ — уверенно лидирует, не имея себе
равных. Им зачитываются люди от 12 до
80 лет. Почему? Потому что **ПФ** — это
до безумия интересно и увлекательно!

**СПЕШИТЕ НА ПОЧТУ
И ВЫПИСЫВАЙТЕ**
толстый журнал книжного формата

"ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА"

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

qun

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

1 95

rutracker.org
новое имя для torrentz.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

30 Mar 11

СОДЕРЖАНИЕ

И. Волознев "Дарт и агенты Рассадура"	4
А. Садовников "Град Китеж"	81
В. Привалихин "Золотой мираж" ...	92
Е. Жохов "Лечение смертью"	259
А. Писанко "Шанс".....	292

Художник Алексей Филиппов

© Журнал "Приключения, фантастика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

**Рег.номер – 319 от 1.10.90 Госкомпечати
Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.
Учредитель, издатель, главный редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич**

Подписано в печать 1.01.1995 г.
Формат 84x108/32. Тираж 37000 экз.
Заказ № 603.
Отпечатано в Московской типографии № 13
Комитета РФ по печати.
107005, Москва, Денисовский пер., 30.

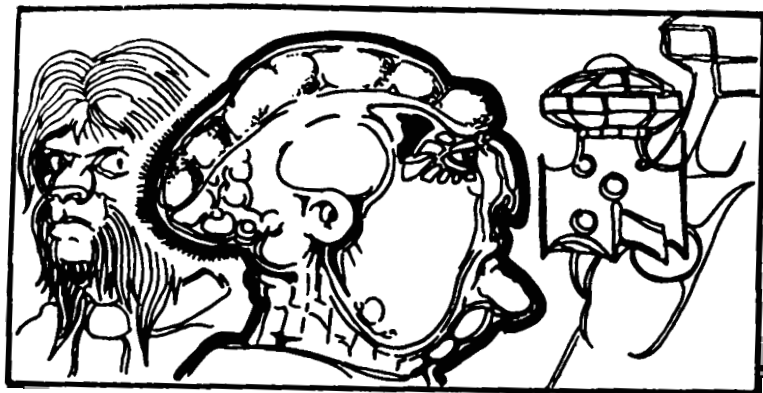
Индекс 70956

дп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
САИЯСЬКА**

14

И. Волознев

ДАРТ И АГЕНТЫ РАССАДУРА

Фантастический детектив

Глава I. Возвращение на Карриор

Аэромобиль летел ровно в пяти метрах над бетонированным покрытием шоссе, как того требовали правила дорожного движения. Шоссе в этот ранний час было пустынным. Позади остался космопорт, куда тридцать минут назад межпланетный пассажирский звездолет доставил Дарта, и еще не меньше часа полета было до столицы Карриора – Эллеруэйна. Дарт перевел управление аэромобилем на автоматический режим и удобнее устроился в мягком сиденье. Аэромобиль был открытым, лицо комиссара обвевал ветер. Выходило солнце, озаряя пушистые кипы облаков, рощи и зеленеющие поля. Дарт оживленно вертел головой, разглядывая знакомые с детства пейзажи с холмами, озерами, островерхими крышами деревень и пасущимися стадами.

Тяга к голубому небу и зеленой растительности была у комиссара, как у всякого карриорца, в генах. Когда-то давно, тысячи лет назад, сюда прибыли переселенцы с невероятно далекой планеты, которая называлась Земля, и основали здесь колонию. Однако с течением времени колония на Карриоре почти утратила связи с прародиной и продолжала развиваться самостоятельно, превратившись в один из самых мощных миров галактики. То же можно сказать и о некоторых других

планетах, основу цивилизации на которых заложили переселенцы с Земли. Эта небольшая планета до сих пор существовала где-то в необозримых далях вселенной, ее звездолеты иногда наведывались на Карриор, но карриорцы мало что знали о ней, кроме того, что на ней такое же голубое небо, зеленая растительность и ее люди похожи на них самих. Земля уже не играла в космосе той роли, которую играла прежде, когда ее космолетчики бесстрашно бороздили вселенную, открывая и осваивая новые миры. Теперь это была дряхлеющая планета, малонаселенная, с гаснущим солнцем. Многие виды животных и растений на ней исчезли. Пожалуй, Карриор похож на Землю, какой она была тысячи лет назад, в период своего расцвета, тем более что многие представители флоры и фауны были завезены сюда именно оттуда.

Карриор, как когда-то Земля для его далеких предков, был родиной Дарта, его домом – единственным в бескрайних и угрюмых просторах космоса. Опустив руку на руль, Дарт думал о том, что над этим домом нависла смертельная опасность. Он не мог думать об этом, скользя взглядом по цветущим полям. Империя Рассадур стремительно распространяла свое влияние во вселенной. Конфедерация свободных миров, куда входил Карриор, вступила с ней в жестокую схватку.

Об Империи было известно лишь то, что ее центр находится где-то в далеком созвездии Деки и что ее владыки обладают высочайшими знаниями, которые позволили им построить субсветовые звездолеты и оснастить их мощнейшим боевым вооружением. Рассадурцы умели поставить себе на службу технический потенциал покоренных народов и заставить их воевать на своей стороне. Предполагалось, что они облучали атмосферу захваченных планет или вводили в ее состав какой-то газ, который оказывал на населявших ее гуманоидов гипнотическое воздействие. Люди, сохраняя разум, память и интеллект, превращались в рабов Рассадур, готовых покорнее собак служить своим темным хозяевам. Но даже самые преданные из них не удостоивались чести лицезреть господ. В Конфедерации, несмотря на все прилагаемые усилия, никто не знал, как выглядят владыки Рассадур. Зауггуг, капитан бандитского звездолета, не был рассадурцем, как поначалу думал Дарт. Это был их наймит. Компьютерная память захваченного корабля была обследована вдоль и поперек, но ничего, что могло бы приоткрыть завесу секретности над темными силами

Рассадура, обнаружить не удалось. Дарт размышлял об этом с горечью. Империя умела хранить свои тайны.

Шоссе свернуло к морю и белой лентой потянулось вдоль берега. Спокойная синяя гладь сверкала в лучах поднимающегося светила. Дарту вспомнились недели, проведенные им на одной из планет Конфедерации, куда его доставили после захвата бандитского звездолета. Специалисты были поражены его новым телом. Четыре месяца интенсивного изучения не дали практически ничего. Не удалось даже выяснить строение вещества, из которого оно состояло. Определили только, что вещество это чрезвычайно прочное и обладает свойствами, которыми не обладает ни одно из известных природных и искусственных веществ. Оно успешно противостояло любым даже внешним воздействиям. От Дарта невозможно было отщепить даже малейшего кусочка. Бандиты Зауггуга уже пытались сделать это, но все их попытки закончились провалом. Пробовали сделать это и ученые Конфедерации. В результате невероятных технических ухищрений, плазменной пилой, под сверхвысоким давлением, им удалось отсечь от Дарта кусочек мизинца. Но как только плазмопила была убрана, отрезанный кусочек стремительно, словно под действием сильнейшего магнита, потянуло к остальному телу. Удержать его было невозможно. Он вернулся на прежнее место и мгновенно сросся с мизинцем, не оставив даже шва.

Рассказ Дарта о приключениях на планете А-уа, каким бы невероятным он ни казался, был подтвержден фактами. И главным фактом было удивительное тело комиссара. Кроме того, исследовательская экспедиция, отправленная в район космоса, указанный Дартom, обнаружила планету, мертвые города на ней и даже следы ядерной бомбежки Зауггуга. Все сходилось. История комиссара была правдива, но она ничего не проясняла. Ученого, летающего, по словам Дарта, где-то в окрестностях планеты, найти не удалось.

Впереди показались белоснежные небоскребы Эллеруэйна. Движение на шоссе сделалось интенсивнее. Десятки автомобилей мчались над полотном дороги: одни летели в метре над шоссе, другие – над ними – в трех метрах, третьи – в пяти, четвертые – в самом верхнем «этаже» – в семи метрах над шоссе. Машины проносились сбоку от Дарта и над его головой, обдавая воздушными струями.

Вскоре шоссе перешло в городскую улицу. По обочинам потянулись сначала одноэтажные виллы, потом многоэтажные

прямоугольные и округлые дома с большими сверкающими на солнце окнами. По тротуарам текли людские потоки. Тысячи аэромобилей мчались по улицам друг над другом, в несколько летних этажей, подчиняясь довольно сложным правилам дорожного движения. Привычный, знакомый вид! Эллеруэйн жил напряженной деловой жизнью, как будто и не было никакой войны...

В двух кварталах от здания Управления космической полиции аэромобиль остановился на стоянке. Дарт вылез и зашагал пешком. Ему хотелось пройтись, посмотреть город, его людей. Он не был здесь несколько лет. Казалось бы, за такой небольшой срок мало что должно было измениться, но наметанный глаз Дарта подмечал перемены. Прежде всего это касалось уличной толпы. Такого множества уроженцев других миров в Эллеруэйне еще не бывало. Перед угрозой распадурского нашествия на Карриор эмигрировали тысячи инопланетных гуманоидов. Дарт узнавал в толпе высоких, под пять метров ростом, жителей Реккода; мохнатых маленьких стессиан – их тела обволакивал едва заметный слой газовой защиты; трехглазых лектов; покрытых чешуей шестируких андагарров. Иммигранты придавали эллеруэйнской толпе пестроту и экзотичность. Дарт взглядом профессионального космолетчика отмечал в ней жителей Гергрума, Сифакса, Уммы, Абалона – планет, где ему доводилось бывать.

На его желтый мундир офицера космической полиции мало кто обращал внимание – в толпе и без этого было много полицейских и военных, гораздо больше, чем их встречалось в прежние годы. Но когда Дарт вошел в вестибюль стоэтажного небоскреба Управления, множество любопытных глаз устремилось на него. Дарта тут хорошо знали, как знали и о чудесных событиях, происшедших с ним. Все жадно разглядывали его, надеясь найти в его облике нечто необычайное, сверхчеловеческое, и разочаровывались: Дарт ничем не отличался от остальных карриорцев, даже синеватый оттенок кожи не выделял его в толпе звездолетчиков. По возвращении со звезд все они имели какой-нибудь экзотический загар: лиловый, зеленый, оранжевый, синий – в зависимости от цвета звезды, в лучах которой жарились.

Кресло-лифт доставило Дарта на восемьдесят восьмой этаж, прямо в кабинет генерала Ленделерфа.

При появлении Дарта высокий седой генерал поднялся из-за стола.

– Наслышан о ваших похождениях. Ни за что бы не поверил, но факты, как говорится, налицо, – он широко улыбнулся, пожимая протянутую Дартом руку. – Я уже получил ответ Биофизического центра и с интересом ознакомился с ним. В нем написано, что вас практически невозможно убить.

– Это так, генерал. Чтобы остановить звездолет Зауггуга, мне пришлось окунуться в фотонный реактор. И, как видите, я стою перед вами.

Внимательные голубые глаза Ленделерфа ощупывали Дарта с головы до ног.

– Я много полетал в космосе, – произнес он после минутного молчания, – попадал в разные переделки, но такого случая, как с вами, не припомню.

Дарт пожал плечами.

– Я удивлен не меньше вашего. Но что произошло, то произошло. Если бы не инъекция четырехрукого профессора, я был бы давно трупом и кости мои тлели в пропасти на мертвой планете.

Ленделерф кивнул, жестом показал на кресло, стоявшее перед его столом. Дарт сел.

– Что ж, мне остается только радоваться за вас, – сказал генерал. – В отчете сказано, что, несмотря на странное изменение вашего тела, вы сохранили крепкую память и ясное сознание. Рекомендовано оставить вас на службе в космической полиции.

Дарт невесело усмехнулся.

– Больше всего мне досталось именно от психиатров. Почему-то они решили, что у меня обязательно должна поехать крыша...

– В конце концов все обошлось, вы признаны человеком, разумным человеком, Дарт, правда, с не совсем обычным телом, – Ленделерф ободряюще улыбнулся. – Еще бы им не признать вас разумным! Для того, чтобы в одиночку, фактически голыми руками уничтожить сверхсовременный боевой звездолет, нужна ясная голова! – Генерал обошел стол и уселся на его край рядом с Дартом. – Сенсационная победа над бандитским звездолетом очень повысила Карриор и в особенности наше Управление в глазах галактического сообщества. Специально для осмотра рассадурского корабля прибыли военные миссии с Шабур и Гойо. Расшифровка данных, содержащихся в его компьютерах, закончена. Вам известны ее результаты?

– В общих чертах. Насколько я понял, о Рассадуре и его владыках ничего узнать не удалось.

– Кое-что мы все-таки откопали. Прежде всего подтвердилось ваше предположение: Зауггуг действительно был военным разведчиком Рассадура. Ну, а главная наша находка – это координаты того пункта в созвездии Деки, куда Зауггуг намеревался направить свой звездолет...

Кулаки Дарта сжались.

– Уверен, что эти координаты выведут нас на след главного логова рассадурских владык!

Генерал кивнул:

– Мы тоже так думаем. Созвездие Деки – одно из крупнейших в метagalaktike. Это миллиарды звезд и триллионы планет. Искать там Рассадур вслепую – все равно, что искать песчинку в пустыне. Координаты дают нам зацепку. По крайней мере, для нас это единственный шанс нанести удар по Рассадуре в его собственном созвездии. Вероятно, координаты указывают не на сам Рассадур, а на какую-то базу, или перевалочную станцию... Если военный флот Конфедерации внезапно появится там и захватит ее, то в наши руки могут попасть ценнейшие сведения, способные решить исход всей войны.

– Генерал, – Дарт порывисто встал. – Я намерен подать рапорт с просьбой направить меня с нашим флотом в созвездие Деки. Я выживу там, где любой другой тысячу раз погибнет! – Он схватил со стола ножик для разрезания бумаги и с силой всадил себе в ладонь. Острие вышло из тыльной стороны руки. – На войне я могу принести гораздо больше пользы, чем выполняя обязанности космического полицейского!

Он выдернул ножик и показал Ленделерфу свою руку.

– Смотрите, я действительно неуязвим! На руке не осталось и царапины.

– Не горячитесь, Дарт, выслушайте меня. – Ленделерф встал и прошелся по кабинету. – Я знаю, вы один стоите боевого звездолета, и вас, безусловно, зачислят в состав эскадры. Лично похлопочу об этом. Но сейчас, пока до отлета есть время, мы даем вам задание. Сядьте, комиссар.

Дарт опустился в кресло.

– Итак, дело вот в чем, – заговорил Ленделерф, заложив руки за спину и остановившись около окна. – Место сбора звездолетов Объединенной эскадры – Брельт, естественный спутник Карриора. К настоящему времени на брельтском кос-

модроме сосредоточено свыше ста пятидесяти кораблей, прибывших с разных миров Конфедерации. Корабли продолжают прибывать. Это будет самый сильный флот за всю историю войны с Рассадуром. Поэтому его гибель чревата очень печальными последствиями... Мы имеем все основания полагать, что о предстоящей военной экспедиции стало известно агентам Рассадура, окопавшимся на Карриоре. Они вознамерились помешать старту, больше скажу – уничтожить флот еще здесь, на Брельте!

– Невероятно! – воскликнул пораженный Дарт. – Кому под силу уничтожить сто пятьдесят боевых звездолетов, к тому же находящихся под надежной охраной?

Вместо ответа Ленделерф взял со стола несколько фотоснимков и протянул Дарту. На снимках с разных точек был заснят взрыв боевого звездолета. Мощные языки пламени, взметнувшиеся в черное небо Брельта, и разлетающиеся в разные стороны обломки производили тягостное впечатление.

— Фотографии сделаны не далее как позавчера вечером. И это уже не первая диверсия на Большом космодроме Брельта. За прошедшие две недели взорвано и сожжено восемь звездолетов.

Дарт швырнул снимки на стол.

– Куда смотрела охрана, черт побери? – возмутился он.

– Охрана бодрствовала и несла службу. Впрочем, вам придется во всем разобраться на месте.

– Когда мне лететь на Брельт?

– Сегодня вечером. И примите во внимание еще вот что, – Ленделерф обошел стол и уселся в свое кресло. – Все взрывы произведены по одной схеме. Мы не сомневаемся, что действует один и тот же отряд диверсантов. Кто эти люди – установить пока не удалось.

– Рассадурские агенты могли проникнуть на Карриор под видом иммигрантов, – заметил Дарт.

Ленделерф кивнул.

– Скорее всего. За последние пять лет количество инопланетных иммигрантов на Карриоре увеличилось почти вдвое. Публика эта зачастую малоизученная, со своими обычаями и особенным складом ума. Полиции подчас трудно иметь с нею дело... И вообще, борьба со шпионажем, контрразведка – вещь для нас новая. Сотни лет мы понятие не имели, что такое шпион или вражеский агент. Все началось после первых боевых столкновений с Империей...

– Во время моей службы в космосе мне не раз приходилось сталкиваться с инопланетными гуманоидами. Так что у меня есть кое-какой опыт в общении с ними.

– Мы учитывали это, поручая расследование вам, – сказал Ленделерф и продолжал, – Совет Конфедерации уже выразил правительству Карриора свое недовольство. Слишком много поставлено на карту, чтобы мы могли ждать и бездействовать. Группу диверсантов необходимо обезвредить как можно скорее, иначе военная экспедиция на Деку будет сорвана. Правительства некоторых миров уже прислали на Карриор ноты, в которых сказано, что если взрывы будут продолжаться, то они отзовут свои звездолеты.

Дарт встал.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Подробности вы узнаете у майора Феллета. Предварительный вывод комиссии, которая занимается взрывами, весьма неутешителен. Тут, по всей видимости, применено какое-то мощное оружие, неизвестное на Карриоре... Направленное перемещение сгустка энергии или что-то в этом роде... После первого взрыва охрана вокруг космодрома была усилена многократно, контролировались все подступы к кораблям, включая воздушное пространство, но это не помогло. Взрывы продолжаются.

– Какова бы ни была природа неизвестного оружия, оно применяется людьми, а людей всегда можно разыскать и нейтрализовать, – сказал Дарт.

Ленделерф кинул взгляд на наручные часы.

– О! Уже половина одиннадцатого! – он поспешно поднялся. – Совещание началось, пойдете. Вы должны присутствовать.

– Что за совещание, генерал? – спросил Дарт, выходя с Ленделерфом из кабинета.

– Сегодня впервые собрались вместе высший командный состав эскадры и руководители контрразведки Карриора. Планируется обсудить вопросы охраны флота, маршрут экспедиции и ориентировочный план захвата рассадурской базы. Все это может оказаться полезным в вашей работе на Брельте.

Они торопливо шли по длинному пустынному коридору, когда откуда-то издалека, прокатившись эхом под высокими сводами, донеслись звуки стрельбы. Ленделерф замер, насторожившись.

– Стреляют в зале, где идет совещание! – вдруг закричал он. – Бежим!

Глава II. Дерзкий налет

Уже через минуту все здание Управления наполнилось тревожным гулом сирены. Началась общая суматоха, по коридорам побежали вооруженные охранники, из всех дверей выскакивали встревоженные сотрудники и, увидев бегущего Ленделерфа, кричали ему вслед:

– Что стряслось, шеф? Неужели в небе над Карриором появились рассадурские звездолеты?

– Стреляли в зале, где собрались адмиралы флота! – ревел генерал. – Скорее туда!

В зал вместе с Ленделерфом и Дартом ворвалась толпа охранников и офицеров полиции. Их глазам предстала ужасающая картина. В креслах и возле кресел, стоявших полукругом перед большой звездной картой, лежали расстрелянные в упор адмиралы Конфедерации. Иные из них были еще живы и корчились в агонии. На их телах зияли страшные раны от разрывных пуль. Следы пуль виднелись на стенах, столах, креслах...

К тому моменту, когда появились Дарт и Ленделерф, все было кончено. Неведомые налетчики успели покинуть зал.

– Что тут произошло, скажет мне кто-нибудь? – закричал Ленделерф, не владея собой.

– Сюда... – донеслось от одного из кресел.

Дарт и Ленделерф бросились к седоволосому адмиралу, лежавшему с запрокинутой головой и судорожно цеплявшемуся слабеющими пальцами за подлокотники.

– Они похитили кассету с секретным маршрутом экспедиции... – шептал умирающий.

– Кто они? – Дарт наклонился над ним. – Куда они скрылись?

– Двое в форме лейтенантов охраны... – прохрипел другой раненый, вокруг которого на полу растекалась лужа крови. – Они выскочили оттуда и открыли стрельбу... – добавил он, с трудом приподняв окровавленную голову и показывая взглядом на небольшую дверцу в стене.

– Торопитесь! – молил седовласый адмирал. – Если кассета попадет на Рассадур, то наше нападение потеряет внезапность и они успеют подготовиться к отпору... Тогда все пропало...

Дарт, расталкивая набившихся в зал охранников, ринулся к дверце. Как он и ожидал, она оказалась запертой. Дарт с разбегу ударил по ней плечом, но она не поддавалась.

– Где комендант здания? – кричал Ленделерф. На генерала было страшно смотреть: он побагровел, руки его тряслись. – Где комендант, черт побери! У кого-то же должны быть ключи!

– Налет был тщательно спланирован, – произнес Дарт, обводя глазами столпившихся вокруг офицеров охраны. – Кто-нибудь знает, куда ведет эта дверь?

Вперед выступил один из охранников.

– Я знаю, сударь. Это аварийный выход, он ведет к навесному ангару.

Словно в подтверждение его слов за окнами раздался гул набирающего скорость летательного аппарата. Все бросились к окнам.

– Вон они! – закричал Ленделерф. – Стреляйте! Стреляйте же, иначе они уйдут!..

Несколькими этажами ниже, из-за угла огромного здания Управления, медленно выруливал турбореактивный флайер. Он почти не отличался от тех, что во множестве сновали в небе над Эллеруэйном. Это была пассажирская летательная машина, быстрая и проворная, способная замереть в воздухе и опуститься на что угодно, даже на узкий выступ в стене. Для таких флайеров на стенах зданий устраивались специальные площадки и ангары; немало их было и на здании Управления космической полиции.

Теперь стал ясен замысел преступников: расправившись с командованием союзного флота и захватив бесценную кассету, они рассчитывали уйти через неохранявшийся аварийный ход к навесному ангару и отсюда вылететь на поджидавшем их флайере.

Набирая скорость, летательная машина с бандитами шла вдоль сверкающей отвесной стены небоскреба как раз под окнами зала, где произошло преступление.

Охранники открыли стрельбу из бластеров, но лучевое оружие оказалось бесполезно. Флайер был заранее подготовлен к операции: на его корпус и короткие треугольные крылья было нанесено огнеупорное покрытие. Подбить его можно было только из автомата, стреляющего разрывными пулями.

– Проклятье! – в отчаянии стонал генерал. – Они уходят... Все пропало...

– Остается последний шанс, – тихо ответил Дарт, вскакивая на подоконник.

В эту минуту флайер приходил внизу, где-то на уровне шестидесятого этажа. Выждав момент, Дарт прыгнул...

Он прекрасно знал, что это ему ничем не грозит. Разбиться он не мог. Зато была возможность задеть в падении летательный аппарат, а если очень повезет – вцепиться в него. Рассекая воздух, Дарт летел, как ныряльщик, прыгающий с трамплина – прогнувшись всем телом и вытянув руки вперед. Бандиты его не заметили, и страшный удар, потрясший флайер, оказался для них полной неожиданностью. Но и Дарт был изумлен не меньше их, когда пробил люк на крыше флайера и очутился в кабине. На такую удачу он не рассчитывал.

Глава III. Бой в воздухе

Протаранив крышу, он свалился на одного из бандитов и задавил его насмерть. Несколько мгновений все, кто находился во флайере, в том числе и сам Дарт, пребывали в оцепенении. Первым опомнился пилот, он схватился за рычаг управления и выправил полет накренившегося аппарата. Флайер продолжал плавное, набирающее скорость движение между ослепительно белыми небоскребами Эллеруэйна, то попадая в их тень, то вырываясь на солнце и мелькая в его лучах серебристой птицей.

Когда пилот выводил машину из штопора, пол во флайере резко накренился и все, кто находились внутри аппарата, кубарем откатились к стене. И тут Дарт из неудобной позы нанес сильный, удар по ближайшему к себе бандиту. Того отбросило к корме, где находилась дверца. Под тяжестью бандита она распахнулась и тот вывалился из кабины. Его громкий, отчаянный вопль смешался с гудением двигателей и затерялся где-то внизу.

Два бандита остались сидеть у пульта управления машиной, трое других набросились на Дарта. В кабине завязалась драка. Клубок сцепившихся тел швыряло от одной стены к другой; через несколько минут Дарт был весь утыкан ножевыми лезвиями. Но он лишь смеялся, когда бандиты в слепой ярости всаживали в него кинжал за кинжалом. Он наносил им резкие, точные удары кулаками с обеих рук, а когда на его руках повисали, он изворачивался и с размаху бил ногами.

Распахнутая кормовая дверца представляла собой постоя

иную опасность для всех дерущихся, в том числе и для Дарта. Падение с такой высоты было чревато для бандитов верной смертью, а для Дарта – упущенной возможностью нейтрализовать их и вернуть кассету. Так что все дерущиеся с одинаковой опаской озирались в сторону кормы, стараясь держаться от нее подальше.

– Вы что там, дохлые тараканы, не можете справиться с одним паршивым полипом? – гнусаво заголосил зверского вида зеленолицый бандит, сидевший рядом с пилотом. – Если через минуту в машине не установится порядок, то я вытряхну вас всех вместе с полипом за борт, так и знайте!

– Но, шеф! – взмолился один из бандитов, на котором Дарт сидел верхом, ожесточенно молотя его кулаками. – Разве вы не видите, что этот полип какой-то особенный? Нам никак не удастся его прирезать... Он, похоже, резиновый, все время ускользает из рук, как ящерица...

– Сам ты ящерица, Плинк! Скорее кончайте с ним, у нас и без него забот хватает!... Вы видите – за нами погоня?

И действительно, когда бандитский флайер миновал черту города и полетел над зелеными окраинами, с первой же встречной воздушно-сторожевой базы поднялись четыре полицейских реактивных турболета и, набирая скорость, устремились вдогонку за преступниками.

Дарт воспрянул духом. Теперь он уже не сомневался, что бандитам не уйти. Он одолеет этих трех, что вцепились в него, и доберется до зеленолицего, которого Плинк назвал «шефом». Противники Дарта явно выбились из сил, они уже пасовали перед его молниеносными ударами.

В маленьких, круглых, глубоко запавших глазках зеленолицего мелькнул испуг. Он наклонился к пилоту и что-то зашептал ему на ухо. Пилот кивнул и поправил зеркальце над собой, в котором ему видна была внутренность флайера. И когда Дарт ловким ударом обеих ног отбросил сразу двух насевших на него бандитов и, повернувшись, устремился к пульту, пилот резко вывернул руль и Дарта отшвырнуло к корме, ударив о косяк распахнутой двери.

Дравшиеся с ним бандиты тоже не удержались на ногах и один из них с воплем вывалился наружу. В последний момент ему удалось уцепиться за подножку. Дарт попытался ударить его по рукам, чтобы тот оторвался от флайера и рухнул вниз, но на него навалились двое оставшихся бандитов, так что

третьему хватило времени подтянуться и с перекошенным от ужаса лицом вползти во флайер.

Полицейские турболеты приближались, беря флайер в кольцо. Их намерения были очевидны: они собирались окружить в полете машину преступников и отконвоировать ее на ближайший аэродром. Но бандит, сидевший за штурвалом управления, не собирался сдаваться. Внезапно бросив флайер вбок, он ударил бортом по крылу турболета, летевшего справа. Тот накренился и задел боком вторую полицейскую машину. Удар был настолько чувствителен, что оба аппарата вышли из строя, задымились и, неуклюже переворачиваясь, пошли к земле. В воздухе распахнулись купола парашютов. Далеко внизу турболеты врезались в бетонированное шоссе, взметнув два столба пламени.

Пилот и зеленолицый разразились хохотом. Предоставив умирать Дарта своим сообщникам, они все внимание сосредоточили на преследовавших флайер полицейских турболетах. Зеленолицый извлек из-под сиденья большой тяжелый огнемет. Распахнув боковой иллюминатор, он выставил наружу ствол бластера и начал целиться в ближайший турболет.

– Эй, Гибби! – недовольно закричал он пилоту. – Не раскачивай так лоханку! Я не могу поймать прицел!

– А ты попробуй сядь на мое место, Трюфон, – сквозь стиснутые зубы отозвался Гибби, сжимая штурвал обеими руками и вперясь в лобовое стекло. – Нас обходят, я вынужден петлять...

Один из турболетов выпустил в сторону флайера несколько светящихся ракет. Они пролетели в считанных сантиметрах от бокового иллюминатора, едва не задев бластер. Трюфон, выругавшись, нажал на пусковую кнопку, однако огненный луч прошел довольно далеко от турболета – в этот момент Гибби снова развернул флайер, и Трюфон, не удержавшись, ударился головой о бластерный приклад.

Вопли, рев и ругательства продолжались минут пять. Взвыли и бандиты, дравшиеся с Дартом.

– Гибби, не тряси машину! – заорал один из них. – Иначе мы никогда не справимся с полипом...

Им действительно приходилось нелегко. Убедившись в невозможности убить Дарта, они избрали другую тактику лишить его подвижности, прижать к полу, связать, а еще лучше – вытолкнуть за борт. Но едва им удавалось дружно навалиться на него, как флайер делал очередной резкий вираж, все ку-

барем летели к противоположной стене, комиссар снова освобождался и набрасывался на своих противников с удвоенной энергией.

– Гибби, ты можешь хоть пять минут придержать флайер в горизонтальном положении? – вопил бандит, которого Дарт пинком отбросил от себя.

Трюфон обернулся к ним и злобно прорычал:

– Трое здоровенных детин не могут выкинуть из машины одного полипа!

– Попробуй сам справиться с ним! – хрипели бандиты, едва успевая уворачиваться от ударов, которыми награждал их Дарт. – Похоже, это кибер! Его невозможно проткнуть ножом и он не устает!...

– Кончайте с ним, каракатицы, слышите, что вам говорят? – огрызнулся Трюфон, между тем как его глазки испуганно сверкали, следя за полицейским. – Выталкивайте его за борт, мы уже входим в верхние слои атмосферы! Через пять минут все отверстия должны быть задраены, а вы все еще возитесь с ним, прохиндеи!..

В этот момент Гибби вынужден был кинуть флайер резко вниз, чтобы увернуться от грозди светящихся ракет. Клубок дерущихся вновь распался. Дарт, почувствовав свободу, тотчас метнулся к пилоту, но Трюфон успел перехватить его руку, сжимавшую кинжал, и удержать лезвие в миллиметре от шеи Гибби...

И в тот же миг на Дарта снова набросились. Схватка в кабине продолжалась.

– Впрочем, люки можно и не задрать, – прохрипел зеленолицый. – Я-то обойдусь и так, когда мы выйдем в открытый космос. А вот вы все отдохнете...

Он самодовольно засмеялся.

Трюфон был уроженцем планеты Гартигас, и, как всякий гартигасец, превосходно чувствовал себя практически в любой атмосфере и даже мог довольно долго существовать в безвоздушном пространстве при температуре, близкой к абсолютному нулю. Перелет в разгерметизированном флайере с Карриора на Брельт ему ничем не грозил, но для его напарников, выходцев с других планет, это было чревато гибелью.

– Шевелитесь, сморчки, если вам дорога жизнь! – ревел Трюфон, снова выставляя в иллюминатор бластерное дуло.

На этот раз он сумел прицелиться точнее. Огненный луч вспорол лобовое стекло ближайшего турболета, ранив его пи-

лота. Потеряв управление, полицейская машина закувыркалась в воздухе, после чего камнем пошла вниз. Гибби и Трюфон завизжали от восторга.

Четвертый турболет отстал, отказавшись от намерения преследовать бандитов в одиночку.

В эту минуту Дарт, изловчившись, нанес такой удар кулаком по одному из бандитов, что тот вылетел через распахнутую кормовую дверь за борт. Увидев это, Трюфон резко оборвал смех. Нижняя губа его затряслась, глазки с ненавистью и страхом уставились на Дарта.

Он наклонился к Гибби и стал что-то горячо шептать ему, косясь на дерущихся. Гибби кивал.

Затем Трюфон схватился обеими руками за подлокотники, и через мгновение пилот резко дернул штурвал. Флайер трянуло. Силой инерции Дарта и двух бандитов, которые вцепились в него, отбросило к распахнутой дверце. Миг – и под злорадный хохот Трюфона вся троица оказалась за бортом.

– Туда вам всем и дорожка! – провозил гартигасец.

Но радость его была преждевременной: один из бандитов, вываливаясь за борт, успел вцепиться в бампер на корме флайера. Второй бандит схватил его за ноги. Дарт, уже находясь в свободном падении, дотянулся до ног второго бандита... Таким образом все трое цепочкой повисли за кормой флайера, вцепившись один в другого.

В ушах Дарта свистел ветер, далеко внизу смутными пятнами проплывали поля и леса. Оба бандита верещали от ужаса и проклинали комиссара, когда он начал подтягиваться по их распластанным в воздухе телам к дверце.

Неожиданно из нее высунулась оскаленная физиономия Трюфона.

– Гибби, ты только взгляни! – заревел он – Они еще тут!...

Видя, что Дарт уже перебрался со второго бандита на первого и вот-вот дотянется до бампера, он угрожающе взмахнул своим волосатым кулачищем.

– Хочешь жить, проклятый полип? – и мерзко расхохотался, разевая пасть. – Нет, тыдохнешь вместе с этими ублюдками!

Тут взмолились бандиты:

– Трюфон! И это твоя благодарность за сегодняшнее дело? Не бросай нас, помоги... Мы еще пригодимся тебе... Нет! нет! – завизжали они, видя, что Трюфон достал нож и, садистски

ухмыляясь, принялся резать вцепившиеся в бампер пальцы. – Только не это! Мы погибнем! Пощади!..

– Вы не справились с полипом, – шипел гангстер, – и потому должны подохнуть. Летите, пташки!

Комиссар так и не успел добраться до флайера: Трюфон вовремя перерезал пальцы своему сообщнику и тот, а вместе с ним и Дарт, и другой бандит, устремились вниз...

Глава IV. Схватка на земле

Комиссар падал, сжимая в объятиях бледно-белое холодное тело беспрерывно визжащего бандита. Это был гуманоид с какой-то отдаленной, неизвестной Дарту планеты. Внешне он походил на большой, в человеческий рост, гриб. У него было длинное цилиндрическое тело, заканчивавшейся большой и плоской, как грибная шляпка, головой, на которой выделялись два фасеточных глаза. Почти от самой головы отходило шесть гибких щупалец, которыми гуманоид импульсивно стиснул Дарта. Второй бандит – тот, у которого Трюфон отрезал пальцы, падал сбоку и чуть выше. Это был карриорец, соотечественник Дарта. Он летел, раскинув руки и выпучив глаза, в которых застыл смертельный ужас.

Земля стремительно приближалась. Место внизу было глухое: поля, поросшие буйной травой, перелески и овраги. Нигде не видно было никакого жилья. Бандитский флайер снижался вместе с падавшими, делая вокруг них широкий круг. Трюфон хотел удостовериться в гибели своих сообщников.

Дарту пришло в голову попытаться сохранить жизнь грибообразному гуманоиду – все же, как-никак, это ценный свидетель. И он в падении перевернулся на спину, принимая удар о грунт на себя. После соприкосновения с землей он подскочил на добрый десяток метров. Не выпуская бандита, снова ударился спиной о землю и снова подскочил. Только тогда он, наконец, выпустил бледнокожего. Тот, вереща, отлетел в сторону и распластался в густой траве.

Не давая ему опомниться, Дарт прыгнул на него, сгреб все шесть щупалец и скрутил их в узел. Затем наступил коленом на грудь гуманоида.

– Говори, – приказал комиссар. – Выкладывай все как есть, если тебе дорога жизнь.

Но бандит лишь взвизгивал и тупо пялился на Дарта своими выпуклыми глазами.

– Здесь тебе не полицейский участок, я с тобой церемониться не буду, – закричал Дарт, теряя терпение.

Он грубо встряхнул гуманоида и еще сильнее скрутил щупальцы. Видя, что бандит продолжает молчать, он поднял его и с размаху ударил о землю.

– Говори, поганка!

Но тут гангстер улучил момент и нанес тремя короткими ножками сильный удар комиссару в пах. Дарт пришел в ярость. Он принялся тузить упрямца, как боксерскую грушу.

– Колись, колись, бледный гриб!...

Но гуманоид только визжал, извивался и в свою очередь норовил нанести ответный удар.

Между тем флайер с Гибби и Трюфоном кружил поблизости. Гартигасец высматривал трупы своих сообщников.

– Ага! – воскликнул он, показывая пальцем на группу деревьев. – Вот один!

Карриорец напоролся на дерево; его тело было насажено на ствол, как на вертел. Второго сообщника, который падал с полицейским, некоторое время никак не удавалось найти: обзор загораживали деревья и холмы. Только с пятого или шестого круга, снизившись на сколько возможно, бандиты увидели его и издали дружный вопль изумления. Бледнокожий бандит был живехонек, так же как и полицейский, который сидел на нем верхом и молотил его кулаками!

– Смотри! – закричал Гибби. – Шидад и полип остались живы! Как такое могло произойти?

– У полипа, возможно, оказался при себе портативный антигравитатор, – отозвался Трюфон. – Шидад нам все объяснит, когда я пробуравлю в черепе полипа дыру...

С этими словами гартигасец выставил в иллюминатор флайера мощный дальнобойный бластер.

– Опустись пониже, – скомандовал он пилоту, прильнув глазом к бластерному прицелу. – Замедли ход... так... еще ниже...

Дарт, распаяясь, бил бледнокожего гуманоида ребром ладони. Приходилось действовать голыми руками – ни бластера, ни даже ножа у комиссара при себе не было. Ладонь отскакивала от упругого тела, как от резиновой груши.

Выругавшись, комиссар принялся выкручивать щупальцы, даже попытался вырвать одно из них. Бесполезно. По тупой физиономии бандита невозможно было понять, чувствует ли он боль.

– Колись, тебе говорят! – в ярости закричал Дарт, поднял гуманоида и с размаху треснул о поваленное дерево.

Тот разразился захлебывающимися, верещащими звуками, в которых комиссару почудился злорадный смех. Отчаявшись, не зная, как заставить бандита говорить, он принялся пинать его ногами. И в этот миг из-за ближнего холма вылетел флайер, низко пронесся над дерущимися и Дарт увидел в иллюминаторе зеленую рожу Трюфона, прильнувшую к бластерному прицелу.

По Дарту прошел огненный луч, но комиссар только расхохотался и погрозил Трюфону кулаком. Лицо у того было обескураженное: он видел, что луч угодил точно в грудь полицейскому, а тому хоть бы что!

Флайер, прибавив скорость, умчался за деревья. Умолк и бледнокожий гуманоид, выжидательно уставившись на комиссара. С появлением флайера он явно воспрянул духом. Дарт понял, что угрозами он вряд ли чего-нибудь добьется от своего пленника, флайер с гангстерами неминуемо вернется и Трюфон либо постарается отбить своего сообщника, либо уничтожить его, чтобы не оставлять свидетеля в руках полиции.

Флайер кружил поблизости; Трюфон и Гибби, видимо, совещались. Дарт вскинул запястье и начал энергично крутить диск наручного радиотелефона. Он набирал номер своего давнего приятеля, частного детектива Ида Рорра, имевшего собственное сыскное бюро в Эллеруэйне.

С полминуты радиотелефон испускал короткие гудки вызова. Наконец они прервались, что-то щелкнуло в диске и миниатюрный динамик заговорил хрипловатым голосом Ида:

– Алло, Рорр слушает.

– Это ты, дружище? – торопливо заговорил Дарт, не спуская глаз с простертого гуманоида. – Мне нужна срочная консультация по одному деликатному дельцу. Полицию я в него впутывать не могу, потому что мне приходится тут в отношении одного поганого субъекта применять физические меры воздействия... Мне позарез необходимо вырвать из него сведения, а он молчит, и только лопочет по-свойски черт знает что...

– Гуманоид? – деловито осведомился Ид.

– Ну а кто же! Сам понимаешь, если о моих методах допроса узнают в Управлении, то прощай служба, а то еще и к суду притянут за нарушение прав личности...

– Я всегда говорил, что с твоим крутым характером, Гиххем, тебе лучше было податься в частные детективы, – отозвался Ид.

– Возможно, когда-нибудь мне и придется пойти по твоим стопам, дружище, а покуда я служу в космической полиции, да к тому же далеко не на самой низшей должности. Работа мне нравится, но, как видишь, приходится иногда прибегать к недозволенным средствам...

– Кто там у тебя, Дарт?

– А бес его знает. Собственно, из-за этого я тебе и звоню. Мне необходимо это выяснить, и очень срочно. Слушай, Ид. Покопайся в памяти своего компьютера. Вы глядит субъект преотвратно.

Пока Дарт описывал внешность бандита, из-за рожи снова вынырнул флайер. Дарт с тревогой наблюдал за ним. Что они задумали?

– Подожди пару минут, – прохрипело в динамике. – Я сейчас подключусь к банку данных Ассоциации по культурным связям с инопланетным цивилизациями. На сегодняшний день у них наиболее полные сведения о населении галактики...

– Поскорее, Ид!

– Постараюсь.

Флайер направлялся в сторону Дарта. Откинулась крышка люка и высунулось тупое дуло гранатомета. Первый снаряд взорвался метрах в двадцати от Дарта. Бледнокожий вдруг пронзительно заверещал и попытался вырваться, оттолкнув Дарта всеми шестью щупальцами, но комиссар навалился на него и после короткой схватки вновь сгреб все щупальцы в пучок и скрутил их.

Второй снаряд взорвался в пяти метрах. Взрывная волна отбросила комиссара и его пленника; бандит, получив свободу, вскочил на свои короткие ножки и попытался удрать, но комиссар в два прыжка нагнал его и повалил на землю.

В эту минуту загудел зуммер радиотелефона.

– Алло, Гиххем, – зазвучало в динамике.

– Я слушаю, – отозвался Дарт.

– Тебе попался илляск, – заговорил частный детектив, – то есть житель планеты Илл в созвездии Медузы.

Дарт даже присвистнул от удивления.

– Созвездие Медузы? – переспросил он. – Это же страшная даль! За всю свою жизнь я знал только одного звездолетчика, который побывал там!

– И тем не менее это там, – ответил Ид и продолжал. – На Карриоре звездолеты иллясков появляются крайне редко. И вообще путешествовать они не любят. Объясняется это их привязанностью к родной планете и сильным чувством ностальгии, которое они испытывают, находясь вдали от нее. Илляск, живущий вне Илла – большая редкость. Они обладают эластичным телом, почти нечувствительны к внешним раздражителям и резкому перепаду температур и давлений, не носят одежды, размножение неполовое...

– Стоп, стоп, Ид! Ты говоришь – обладают нечувствительным телом? Но ведь мне только и надо, что его расшевелить! Неужели оно такое уж нечувствительное?

– Ты имеешь в виду наличие на теле илляска болевых точек? – уточнил Ид.

– Ну да! – в нетерпении закричал Дарт, видя, что флайер разворачивается и вновь приближается к нему. – Я об этом тебе твержу с самого начала!

– Но в компьютере Ассоциации по культурным связям нет таких сведений... Впрочем, попробую запросить банк данных Единого Галактического Госпиталя. Тебе придется еще пару минут подождать, дружище...

– Пару минут, но не больше!..

С грохотом разорвалось несколько выпущенных Трюфном снарядов, и один из них угодил в цель. Под Дартом внезапно взрыхлилась земля, он почувствовал, как десятки осколков вонзаются в его неубиваемое тело. Его отбросило от илляска. Там, где находился комиссар, образовалась воронка. Но самое худшее – одним из осколков в лепешку разбило радиотелефон!

Дарт заскрежетал зубами от отчаяния. Гуманоида отшвырнуло от него метров на пятнадцать, но видно было, что илляск еще жив – он лежал, изогнувшись своим грузно-белым телом и судорожно царапал щупальцами землю.

Дарт подбежал к нему, озираясь на бредущий невдалеке флайер.

– Что, приятель, несладко тебе? – заговорил он на галактическом эсперанто. – Думаю, для нас обоих будет лучше, если мы столкнемся по-хорошему. Мне уже приходилось иметь дело с иллясками. Это честные, мужественные люди, среди них не было никого, кто бы оставил товарища в беде. И я никак не ожидал, что илляск окажется в банде рассадурских убийц!

– Зря стараешься, полип, – свистящим шепотом ответил уроженец Илла. – На жалость меня не возьмишь. Я дал присягу Рассадуре и скорее умру, чем нарушу ее.

– Это я знаю, что илляски слово свое держат крепко, – сказал Дарт. – Это гордый, независимый народ, который даже не пожелал вступить в Галактическую Конфедерацию, настолько он дорожит своей свободой! Но что останется от этой свободы, когда Илл накроет черная тень Империи? Подумай, кому ты служишь. Твои дружки выбросили тебя из флайера как старую изношенную тряпку. Ты им не нужен. Больше того – ты представляешь для них опасность как лишний свидетель.

Как бы в подтверждение его слов с флайера ударил бластерный луч, который прошел по земле в полуметре от головы илляска. Трюфон, рыча от ярости, давил пальцем на пусковую кнопку, огненный луч плясал, оставляя на траве выжженные пятна и все ближе подбираясь к гуманоиду.

Защищая илляска, Дарт подставил под луч собственную спину. Трюфон разразился гневными воплями и, отложив бластер, вновь взялся за гранатомет. Воспользовавшись его заминкой, Дарт подхватил илляска и дотащил до ближайшего оврага. Почти сразу, как они скрылись в нем, по оврагу ударило несколько разрывных снарядов.

Комиссара снова отшвырнуло, илляск же оказался наполовину погребен осыпавшимся склоном. Подбежав к нему, Дарт обнаружил, что тело гуманоида страшно изувечено осколками, а сам он еле дышит.

– Я отомщу за тебя, если ты скажешь, где их логово! – закричал Дарт, обхватив умирающего.

– Трюфон и Гибби – гнусные подонки... – с усилием прошелестел илляск.

Из его горла вылетело что-то вроде стоны, тело изогнулось, щупальцы конвульсивно задрожали.

– Они охотятся за тобой, – заговорил Дарт, прикинув к его голове. – Но у тебя есть шанс выкарабкаться из передраги... Притворись мертвым. Трюфон не уберется отсюда, пока собственными глазами не удостоверится в твоей гибели... Все будет отлично. В ближайшем госпитале тебя заштопают...

Над оврагом зарокотало, и Дарт, посмотрев вверх, увидел в люке пролетавшего флайера искаженную от злобы зеленую физиономию.

Похоже, Трюфон догадался, что илляск еще жив. Гартигасец проревел что-то, погрозил кулаком и, когда через минуту

флайер снова показался над оврагом, на его дно обрушилось с десяток разрывных гранат. Но прежде Дарт успел выдернуть иллыска из завала и отбросить в сторону. И все же осколки достигли тела гуманоида. Комиссар видел, как оно судорожно дернулось, как срезало крупным осколком сразу два щупальца и иллыск завыл, задрожал в агонии, тело его стало коченеть.

Дарт подполз к нему.

– Где их логово? – закричал он в ухо иллыску. – Куда Трюфон должен доставить кассету? Ответь мне! Это твой последний шанс отомстить подонкам!

Иллыск судорожно раскрыл рот, и в свисте, который исторгся из него, комиссару скорее почудилось, чем слышалось:

– Трюфон – гнусный ублюдок... Я его ненавижу... Но я дал клятву. Ты прав, полип: иллыски гордый народ. Еще ни один из нас не запятнал себя как клятвопреступник. И я тебе... ничего не скажу...

Из носовых и ушных отверстий гуманоида стала выдавливаться какая-то вязкая бледно-зеленая жидкость, свист перешел в хрип, грибовидное тело несколько раз дернулось и застыло...

Снова над оврагом пролетел флайер. Дарт вовремя отпрыгнул в сторону – гранаты взорвались там, где лежало мертвое тело иллыска, разорвав его и далеко разметав останки.

Дарт со всех ног побежал вдоль оврага, дно которого быстро поднималось. Через несколько минут он оказался на равнине. Отсюда его хорошо было видно из кружившего флайера. Бандиты тотчас устремились к нему – Трюфон не мог отказать себе в удовольствии дать по комиссару залп. Дарт только этого и ждал. Когда его отшвырнуло взрывной волной, он остался лежать. Грудь его, ноги и руки были утыканы осколками. В таком виде его всякий бы принял за мертвеца, и Трюфон, конечно, не составил исключения.

Испутив восторженный крик, гартигасец несколько минут хохотал, созерцая поверженного противника. Флайер постепенно снижался и, наконец, сел метрах в пятидесяти от комиссара, ближе к тому месту, где на дне оврага лежал изуверченный труп иллыска.

Из люка вылез Гибби и первым делом побежал к оврагу – взглянуть на погибшего сообщника. Дарт, скосив глаза, видел, как он поливает иллыска бластерным огнем. Затем Гибби направился к комиссару. Дарт лежал не шевелясь. Бандит, при-

близившись, на всякий случай полоснул по нему из бластера. Дарт даже бровью не повел. Тогда Гибби сделал еще несколько шагов к нему.

Бандит встал над ним и, видимо окончательно поверив, что комиссар мертв, победно поставил ему на грудь ногу. Трюфон, наблюдавший за ним из флайера, захопал в ладоши.

И в этот миг Дарт, извернувшись, схватил Гибби за ногу и резко дернул. Бандит рухнул с испуганным воплем. В ужасе заревел Трюфон. В мгновение ока Дарт вскочил и, как кошка, прыгнул на Гибби. Напуганный внезапным воскрешением комиссара, тот даже не помышлял о сопротивлении. Дарт больно заломил ему руку и Гибби громко запросил пощады.

– Кому и когда вы должны передать каскету? – металлическим тоном произнес Дарт, еще сильнее выкручивая бандиту руку.

– Ой-ой-ой! – вопил тот. – Это невозможно вынести! Полегче!..

– И так – кому и когда?

– Не знаю, клянусь! Это знает только Трюфон, он у нас главный!..

Дарт бросил взгляд в сторону флайера. Физиономии Трюфона в иллюминаторе уже не было; аппарат загудел и дернулся, отрываясь от земли.

Дарт чертыхнулся с досады.

– Где его логово? Говори правду. Если ты солжешь, то я тебя достану из любой тюрьмы и расправлюсь с тобой, чертова обезьяна.

– Мы обосновались на Брельте, в Регеборских скалах, – торопливо ответил Гибби. – Ой-ой-ой... Только не жмите так, господин полицейский! У вас руки, как стальные клещи...

– Продолжай, – сказал Дарт, ослабляя хватку.

– В этих скалах, у южного подножия горы Мабор, есть древняя башня. Штаб-квартира Трюфона находится на ее верхушке. Трюфон и Шшеа – резиденты рассадурской разведки, с кем они связаны, кроме нас, я не знаю, но думаю, что в руках Трюфона вся агентурная сеть на Карриоре и Брельте...

– Трюфона я видел. Кто такой Шшеа?

– Напарник Трюфона. Он остался на Брельте. Возможно, он-то и есть первое лицо всей рассадурской резидентуры...

– Что за оружие было применено для уничтожения боевых кораблей?

– А никакого оружия не было. Это Шшеа. Он плазмоид, человек-огонь. Он может превращаться во что угодно. Может принять образ антропоморфного существа и с виду не отличаться от людей, а может сделаться костром, огненным шаром, лучом, мельчайшей искрой. Это он, превратившись в луч, нашел возможность проникнуть в реактор звездолета, из-за чего в нем возник пожар и корабль взорвался...

В этот момент на Дарта и его пленника упала тень пролетавшего над ними флайера. Гибби смертельно побледнел и оборвал себя на полужразе.

– Он убьет меня... – прошептал он, в ужасе глядя на флайер, – как убивал всех, кто вызывал у него хоть малейшее подозрение...

– Я прикрою тебя своим телом, – сказал Дарт. – Не трать. Меня не так-то легко прожечь бластером или разорвать гранатой. Итак, Шшеа должен уничтожить весь союзный флот?

– Нет. Плазмоиду это не под силу. Сдается мне, он поджигает корабли скорее для собственного удовольствия, чем следуя приказам начальства... В отношении флота у них есть другой план. Флот должны уничтожить сразу, весь, еще до того, как он стартует к Рассадуру...

– В чем заключается этот план?

– В трех метрах от них взорвался снаряд. Дарт и Гибби покатались, отброшенные взрывной волной; видимо, Трюфону было неудобно одновременно управлять флайером и швырять гранаты, поэтому его броски не отличались меткостью. Еще несколько гранат взорвались, не причинив особых неприятностей Дарту и захваченному им бандиту.

Гибби бормотал, ошалев от ужаса:

– Меня не посвятили во все детали, я слишком мелкая сошка в отряде; единственное, что я знаю – это то, что с Рассадурой ожидается посылка с миной громадной разрушительной силы... Возможно даже, она уже доставлена на Брельт и находится в каком-то тайнике, из которого ее надо извлечь...

– Что она из себя представляет? Кто и как ее будет устанавливать?

— Ничего этого я не знаю — но я слышал из разговора Трюфона, что се и не нужно устанавливать... Просто ее нужно включить, пустить механизм, а уж все остальное мина сделает сама — доберется ло космодрома и взорвется, вызвав ужасающее землетрясение на территории в сотню километров...

Гранаты, непрерывно швыряемые Трюфоном, разрывались уже совсем близко. Дарта и Гибби вновь отшвырнуло, накрыв взрывной волной, а когда комиссар подбежал к бандиту, его тело, прошитое осколками, не подавало признаков жизни. Гибби оказался куда менее живучим, чем илльск.

Комиссар схватил бластер убитого и резанул лучом по флайеру. Огнеупорная обшивка машины отразила луч. Из распахнутого люка до Дарта долетел торжествующий смех Трюфона. Дарт в ответ погрозил кулаком. Флайер, сделав над комиссаром круг, взмыл ввысь. Видимо, Трюфон понял, что ввязываться в схватку с Дартом бесполезно, и счел за лучшее убраться.

Серебристо-стальная птица некоторое время маячила в небесной голубизне, быстро превращаясь в точку, и наконец исчезла вдали.

Глава V. Дарт приступает к расследованию

Весь остаток дня и всю ночь Дарт шел лесами и перелесками, переправлялся через реки и обходил озера. К рассвету он вышел на шоссе и двинулся по нему наугад на юго-запад.

После часа ходьбы, когда небо заголубело и над дальним лесом показался край солнца, Дарт вошел в какой-то городок. Улицы были тихи и пустынно; городок, видимо, еще спал или только-только просыпался. Дарт подумал, что это даже к лучшему. Зрелище бледно-синего человека в обгорелых лохмотьях, да еще всего, как дикобраз, истыканного осколками, вызвало бы в городе переполох.

Он сразу направился в местный госпиталь, где дежурный кибернетический врач без промедления занялся его неубиваемым телом, а именно – извлечением всех, даже самых мелких осколков. В другой помощи Дарт не нуждался.

После операции, длившейся более двух часов, Дарт оделся в любезно предложенный ему костюм. Из госпиталя он отправился в местный телефонный узел, где его немедленно соединили по спутниковой связи с Брельтом.

– Алло, – заговорил Дарт в микрофон, – это отделение брельтской космической полиции?

– Да. Что вам угодно?

– Говорит комиссар Дарт. Мне надо срочно связаться с кем-нибудь из следственной группы по делу о диверсиях на военном космодроме.

– Соединяю вас с майором Феллетом, – откликнулись на том конце радиоволны. – Подождите минуту.

– Алло, говорит Феллет, – раздался другой голос. – Это вы, Дарт! Я вчера получил приказ о вашем назначении. Когда ожидать вас на Брельте?

– Вероятно, сегодня, если обстоятельства не задержат меня в Эллеруэйне, – ответил комиссар. – У меня есть для вас несколько предварительных распоряжений, майор.

– Слушаю вас.

– Во-первых, постарайтесь узнать все что возможно о гуманоиде с Гартигаса некоем Трюфоне. Вообще вам что-нибудь говорит это имя?

– Трюфон взят нами под негласное наблюдение с той ночи, когда на космодроме был самый первый взрыв. Он околачивался поблизости и его поведение вызвало подозрение у охраны. Но прямых улик против него у нас нет.

– Вам известно, где он живет?

– Да, мы установили это. Довольно далеко от космодрома, в очень пустынном и уединенном месте – в Регеборских скалах. С ним живет еще несколько человек. На всякий случай мы их тоже взяли под контроль.

– Нет ли среди сожителей Трюфона некоего плазмоида по имени Шшеа?

– Наши агенты, наблюдающие за их жилищем, о плазмоиде не сообщают.

– Скажите, майор, – продолжал Дарт после минутного раздумья, – где, по-вашему, этот Трюфон находился вчера?

Собеседник Дарта замялся.

– Должен признаться, господин комиссар, – пробормотал он извиняющимся тоном, – что позавчера наши парни, следившие за ним, дали промах. Трюфон и его компания – всего шесть человек, – погрузились на флайер и вылетели со своей башни в неизвестном направлении...

– Не далее как сутки назад Трюфон участвовал в дерзком налете на Управление космической полиции Карриора! – почти выкрикнул Дарт. – Он и его сообщники убили нескольких высших офицеров союзного флота и похитили план военной кампании. Вот к чему привела оплошность ваших людей, майор!

– Но, сударь, мы не предполагали, что Трюфон так опасен... Мы и под наблюдение-то его взяли, как говорится, на всякий случай, для очистки совести...

– Только ваше неведение вас и извиняет, Феллет, – сказал Дарт. – Теперь слушайте внимательно. Из всех участвовавших во вчерашнем налете в живых остался один Трюфон. Ему удалось уйти. Не исключено, что он вернется в свое брельтское логово. Пока не трогайте его, но не спускайте с него глаз. Фиксируйте всех прибывающих к нему и сразу берите их под наблюдение. Я должен быть в курсе каждого шага Трюфона и всех, с кем он перекинулся хотя бы одним словом.

– Но это возможно только в том случае, если он вернется на Брельт, – заметил майор.

– Вернется, – уверенно сказал Дарт. – Главное дело у него еще впереди.

– Больше никаких поручений не будет?

– Все-таки постарайтесь найти плазмоида. Это очень важно. Он должен быть где-то на Брельте.

– Мы предпримем все меры для его розыска.

– Отлично, Феллет. Надеюсь через несколько часов пожать вашу руку.

– Желаю вам счастливого пути! – откликнулся майор.

Дарт опустил трубку и взглянул на часы. До отбытия аэробуса в Эллеруэя оставалось шестнадцать минут.

В столице Дарт сразу направился в Управление. Совещание с Ленделерфом было недолгим. Генерал одобрил действия Дарта и поздравил с успешным началом борьбы с диверсантами.

Турбореактивный летательный аппарат мягко оторвался от плоской крыши Управления и взял курс почти вертикально вверх, унося Дарта на Брельт – единственный естественный спутник Карриора.

На Брельте комиссару доводилось бывать много раз. Он до мельчайших подробностей знал унылый ландшафт этой небольшой планеты, начисто лишенной воды и с очень разреженной атмосферой. Он почти не глядел в иллюминатор, когда турболет преодолел притяжение Карриора и начал приближаться к Брельту. А вскоре внизу поплыли бесконечные каменистые равнины, горы, нагромождения скал, кратеры, обширные естественные цирки, в которых располагались города карриорских поселенцев.

Со стороны казалось, что эти города стоят прямо под открытым космосом, ибо слабая атмосфера не могла, конечно, служить для них защитой. Но если взглядеться внимательно,

то можно было различить над брельтскими городами атмосферную дымку, висящую над ними словно купол. Эта искусственная атмосфера, создаваемая мощными силовыми установками, не улетучивалась, и в ней можно было разгуливать без скафандра и спокойно дышать. Атмосферные купола служили также прекрасной защитой от мелких метеоритов – часто можно было видеть, как эти летающие камни, попадая в силовой купол, сгорают, описывая над крышами домов эффектные светящиеся дуги.

Дарт обернулся к иллюминатору только когда турболет пролетал над Большим космодромом. Никогда еще Дарт не видел здесь такого скопления звездолетов. Они были самой разнообразной формы и величины. На Брельт привели свои боевые корабли почти все миры – учредители Конфедерации. Свободные планеты были настроены весьма решительно в отношении Рассадура и намеревались покончить с ним одним ударом.

Турболет описал над космодромом круг и опустился в Гарселе – городке, где находилось Главное Управление полиции Брельта.

– Как вам понравилась боевая армада? – спросил Феллет, когда Дарт появился в его кабинете. – Не правда ли, производит внушительное впечатление?

– Потрясающе, – согласился Дарт. – Некоторые типы кораблей я вообще видел впервые в жизни, хотя немало полетал по космосу.

– Их боевая мощь поистине необычайна! – продолжал Феллет. – Рассадурский флот, если он осмелится выйти против нас, будет разгромлен в первые же минуты сражения, я в этом абсолютно убежден!

– Возможно вы и правы, – сказал Дарт, усаживаясь в кресло перед большим письменным столом. – Но вначале до Рассадура надо добраться, хотя бы благополучно стартовать с Брельта, в чем у меня, например, имеются некоторые сомнения.

– Я не вполне вас понимаю, комиссар.

– У меня есть сведения, – заговорил Дарт, откидываясь в кресле и внимательно глядя на своего высокого плечистого собеседника, – что против союзной эскадры готовится крупномасштабная диверсия. Поджог и взрывы отдельных кораблей – это чепуха, детские игры в сравнении с тем, что намечается в самое ближайшее время.

– Вы располагаете доказательствами?

– Я знаю об этом со слов одного хорошо информированного субъекта.

– Кто он?

– Теперь это не имеет значения. Он мертв, – Дарт забарабанил пальцами по столу. – Однако давайте перейдем к делу, майор. Что тут у вас случилось?

– Здесь, – Феллет показал рукой на бумаги и кассеты, грудой лежащие на столе, – собраны все материалы, относящиеся к делу о диверсиях на космодроме – протоколы допросов очевидцев, результаты анализов...

Он осекся, не договорив, потому что Дарт резко поднялся и рукой смел со стола все папки и бумаги. Ворох документов с грохотом посыпался на пол. Стол очистился, и Дарт, вынув из кармана бластерный пистолет, положил его там, где только что громоздились документы.

– Именно так, Феллет! – сказал он, присаживаясь на стол. – Мое дело – держать штурвал звездолета и охотиться за космическими пиратами, а не рыться в бумагах, как архивная крыса! А теперь выкладывайте, как было на космодроме, и покороче.

– В первый раз это произошло чуть больше двух недель назад, – без долгих предисловий начал Феллет. – Вскоре после наступления сумерек часовой, который нес вахту у контрольного наблюдательного поста возле ограды космодрома, заметил, как со стороны пустынных холмов к ограде приблизилась какая-то фигура в темном плаще с капюшоном, закрывавшем лицо. Окрестности были безлюдны, с той стороны, откуда появилась фигура, к космодрому обычно никто не подходит, и поэтому незнакомец сразу привлек внимание охранника. По его описаниям выходило, что под капюшоном у незнакомца что-то светилось, как будто тот нес лампу, тщательно пряча ее под лапами своей одежды... Незнакомец остановился на вершине невысокого холма. От него до ограды космодрома было метров двести, плюс еще четыреста метров до ближайшего боевого корабля – линкора «Меч триумфатора». Хотя фигура и вызвала некоторые подозрения, но все же часовой никак не мог предположить, что она представляет опасность для огромного, мощного, бронированного линкора... Он даже не окликнул незнакомца. А через минуту онемел от изумления! Из складок темного плаща вдруг вырвался длинный тонкий луч, похожий на бластерный, только, видимо, более сильный, потому что он мгновенно одолел расстояние, отделявшее не-

знакомца от линкора. При этом фигура не шевелилась, незаметно было, что она держит какой-нибудь прибор или что-то еще; больше того – было такое впечатление, что и самих-то рук у незнакомца нет. Луч, по описаниям часового, шел как будто из груди этого странного субъекта. Луч бил по основанию звездолета, по соплу. Продолжалось это не более двух минут, причем с каждым мгновением фигура как будто слабела, оседала на землю; вскоре луч иссяк и погас, и вместо незнакомца на вершине холма остался лежать его плащ, обгоревший внутри. Зато огонь бушевал вокруг сопла звездолета – странный огонь, иногда принимавший форму огненного человекоподобного существа. Языки пламени кружились вокруг корабля, словно ища лазейку в его дюзах, и, наконец, проникли в реактор, потому что еще до прибытия аварийной бригады прогрехотал взрыв, разворотивший звездолет. Обломки разлетелись на сотни метров, ранив нескольких охранников...

– Так, – сказал Дарт, видя, что майор умолк. – Какова же роль Трюфона в этом деле?

– Трюфон появился утром, когда вокруг взорванного линкора свершались работы по тушению пожара. Огонь заливали пеной, и пламя отступало, лишь кое-где пробивались слабые языки. К этому времени известие о диверсии дошло до Гарселя, и некоторые особенно любопытные жители отправились к космодрому поглазеть на пожар, благо от городка до космодрома недалеко. В числе зевак, околавивавшихся возле пожарных, находился и Трюфон... Гартигасец попросил у охранника огоньку, чтоб закурить сигарету...

– Сигарету?... – брови Дарта удивленно взлетели.

– Именно! – воскликнул Феллет. – Хотя он, как я теперь думаю, не мог не знать, что охране не полагается держать при себе ни спичек, ни зажигалок... Вообще говоря, его поведение ни у кого подозрения не вызвало... Попросил огоньку. Что тут особенного?... Конечно, ему позволили прикурить от пожарщика, что он и сделал очень охотно. Лишь потом, когда часовые и офицеры охраны давали подробные показания, вспоминая все до мелочей, мы обратили внимание на этот эпизод и решили на всякий случай проверить, кто такой этот курильщик... Повторяю, мы и предположить не могли, что он как-то связан с рассадурской агентурой, проверка была чисто профилактической...

– Что вам известно о людях, живущих с ним в башне?

– Их шестеро, трое из них – инопланетные иммигранты, – Феллет нажал на кнопку в столе.

Тотчас перед комиссаром засветился большой экран, на котором возникла сильно увеличенная зеленолицая физиономия Трюфона.

– Ну да, точно, это тот самый тип, который руководил налетом на Управление космической полиции, – сказал Дарт. – Хитрая и злобная тварь, не погнушавшаяся в минуту опасности избавиться от своих товарищей.

Изображение гартигасца сменилось групповым портретом его сообщников. Дарт узнал Гибби, илляска, других бандитов, с которыми дрался во флайере.

– Все они мертвы, – сказал он, показывая на экран. – Полет в Эллеруэйн обошелся Трюфону недешево! Кстати, он вернулся?

– Сегодня утром, – отозвался Феллет. – По данным моих людей, наблюдающих за башней, он вернулся один и в настоящее время пребывает в одиночестве. Мы его можем взять в любой момент.

– Не будем спешить, – сказал Дарт. – Сначала попытаемся установить, что за странная личность появлялась в ту ночь возле космодрома. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Феллет пожал плечами.

– Мы консультировались с учеными, – ответил он, – но это только еще больше напустило туману. Они толкуют о транзиттерах и энергетических передатчиках, о голограммах, биополях и еще черт знает о чем, единого мнения среди них нет, а что уж тогда говорить о нас? Если хотите знать мое мнение, господин комиссар, то это не что иное, как секретное оружие Рассадура.

– А вы не подумали о том, что это могут быть штучки плазмоида?

– Мне приходило это в голову, но я отбросил это предположение. Во-первых, на Брельте уже пять лет нет ни одного плазмоида, а во-вторых – разве им под силу взорвать звездолет?..

– Плазмоиды – странные, интересные, необычные существа, о которых на Карриоре известно далеко не все, – отозвался Дарт. – За годы моей службы в космосе мне неоднократно приходилось сталкиваться с ними. Они – порождения солнц, точнее – солнечных корон; они живут на звездах, тогда как,

например, мы – на планетах. Это огненные люди, их сущность – плазма. На некоторых звездах цивилизации плазмоидов достигли довольно высокой степени развития, а цивилизация звезды Авварер даже входит в Галактическую Конфедерацию. Плазмоиды, так же как мы, сооружают звездолеты и путешествуют по космосу, заселяют необжитые звезды, нацеливаются они и на планеты. На Карриоре, кстати, существует дипломатическое представительство Авварера. Впрочем, не редкость гости и с других звезд...

– Я одно время работал с авварерцами, – заметил Феллет, – это доброжелательные, умные существа, надо отдать им должное. Но, комиссар, плазмоиды с Авварера зеленые!..

– Окраска плазмоида зависит от цвета его родной звезды, – спокойно возразил Дарт. – В космосе миллиарды звезд самых различных цветов и оттенков, соответственно и обитающие на них плазмоиды могут иметь разную окраску. Кстати, знающие люди только по цвету их и различают...

– Если диверсии на космодроме осуществляет плазмоид, то родом он не с Авварера, – сказал Феллет. – Явно это желтый плазмоид, цвета обычного пламени или бластерного луча...

– Вот именно! – воскликнул Дарт. – Его схожесть с бластерным лучом и сбила с толку следствие.

– Но, повторяю, комиссар: в настоящее время плазмоидов на Брельте нет – ни зеленых, ни голубых, ни желтых, никаких.

– Вы в этом уверены?

Феллет смутился под пристальным взглядом Дарта.

– Конечно, в нашем деле ни в чем нельзя быть уверенным... – пробормотал он. – На всякий случай я разослал запросы по всему Брельту, но положительного ответа пока нигде не пришло.

– Давайте вернемся к Трюфону, Феллет, тем более ничего другого у нас под руками все равно нет, – Дарт встал и прошелся по кабинету. – С того дня, как вы его взяли под наблюдение, он встречался с кем-нибудь? Куда-нибудь заходил?

– Нет. Все время он неотлучно пребывал на башне вместе со своими людьми. Никто из них никуда не отлучался. И вообще его поведение не вызывало подозрений, мы даже собирались снять наблюдение...

– Кто-нибудь из посторонних наведывался на башню?

– Нет. Хотя постойте... – Феллет задумчиво потер лоб. – Дня три назад – за сутки до налета на Управление в Эллеру-

эйнэ, – Трюфон прилетел сюда, в Гарсель. Наш человек следил за ним.

– Интересно, – сказал Дарт. – И что же гартигасец делал тут?

– Абсолютно ничего. Он прошелся по улицам и в конце своей короткой прогулки зашел в Астрозоологический музей.

– Трюфон? В музей? С какой стати?

– Ну, наверное, просто из любопытства, – пожал плечами майор. – Незадолго до этого туда привезли большую партию чучел разных диковинных существ, обитающих на отдаленных планетах. Газеты разрезвонили о них на весь Брельт, публика в музей повалила валом. Посмотреть на чучела приезжали даже с Карриора, и как будто нет ничего удивительного, что и Трюфон решил полюбопытствовать... Он шел по залам, ни с кем не разговаривая; остановился возле какого-то чучела, ткнул в него палкой и сейчас же удостоился замечания от музейного зрителя. В ответ Трюфон не сказал ни слова, повернулся и направился к выходу. Вот, собственно, и все. Выйдя из музея, Трюфон сразу направился к стоянке флайеров и вылетел к себе на башню.

Дарт некоторое время размышлял.

– После всего, что произошло, – заговорил он, – как-то не верится, что это была просто прогулка... Не исключено, что у него была назначена встреча, которая по каким-то причинам не состоялась... Музей... А может удар палкой по чучелу – это условный знак, который бандит подавал своему сообщнику, который в это время находился в зале?

– Вы думаете, в Гарселе есть их резидент?

– Это только предположение, – Дарт подошел к столу, взял пистолет и засунул его в потайную кобуру под мышкой. – Покуда Трюфон сидит в башне, нам есть смысл наведаться в музей. Это далеко отсюда?

Минут пятнадцать ходьбы.

Выйдя из здания гарсельской полиции, они зашагали по матовому пластику тротуара. По обочинам прямой неширокой улицы располагались одноэтажные, реже – двухэтажные коттеджи, полускрытые бледно-зеленой листвой небольших деревьев, вывезенных сюда с Карриора прижившихся на искусственной почве. Турбомобили почти не встречались – местные жители пользовались ими редко, ведь город можно было пересечь пешком за полчаса.

Регенерированный воздух был свеж и прохладен, на вечно черном небе дрожали и переливались россыпи созвездий. Брельтский «день» вместе с большим голубоватым диском Корриора клонился к закату, когда Феллет и Дарт шли по улицам Гарселя, приближаясь к Астрозоологическому музею.

Музей по праву считался гордостью Гарселя, второго такого не было во всем Брельте. Это было внушительных размеров здание из светлого мрамора, с широкой лестницей и высокими колоннами у входа. На портике красовались изображения зубастых ящерок, обитавших на Брельте миллионы лет назад, когда здесь еще была атмосфера, вода и обширные густые леса.

В этот день музей был закрыт на переоборудование экспозиции, но полицейских впустили. В походе по залам их сопровождал Главный Хранитель – невысокий толстый человек с указкой. Ею он тыкал в витринные стекла и без умолку тараторил о ящерах, рептилиях, пресмыкающихся и членистоногих. Дарт слушал вполуха. Наконец он не выдержал и перебил Хранителя, заявив, что их с майором прежде всего интересуют новые поступления в музей.

– Это в двух следующих залах, – поспешил ответить Хранитель. – Там сейчас переставляют витрины, но, надеюсь, мы не помешаем... Пройдемте туда.

В просторном зале, куда Хранитель провел своих спутников, кипела работа. Служители музея деловито сновали с раскладными лестницами, молотками и пилами сколачивая новые витрины и передвигая старые. Пятеро рабочих укрепляли под потолком чучело гигантского крылатого существа с оскаленной пастью и выпученными глазами, в которых, казалось, до сих пор не угасла неутолимая злоба.

– Немалого, должно быть, труда стоило подстрелить такую пташку, – заметил Хранитель. – Тело ее покрыто броней, которую даже разрывной пулей не прошибешь.

– Откуда все это доставлено? – поинтересовался Дарт. – И что за охотники раздобыли этих тварей?

Все это является даром музею от одного из уроженцев Брельта, который пожелал остаться неизвестным, – ответил Хранитель и его голос задрожал от гордости. – Нам не впервой получать дары от наших соотечественников, работающих в самых отдаленных пределах галактики. Эту уникальную коллекцию мы получили из невероятного далека, вы себе даже представить не можете – из созвездия Заводи! Так, во вся-

ком случае, значилось на почтовых квитанциях, сопровождавших эту удивительную посылку. Того, что вы видите здесь, нет даже в Большом Астрозоологическом музее Карриора. Эти бесценные, редчайшие экспонаты, гордость музея, Гарселя и всего Брельта! Спешу вас заверить, что я сделаю все, чтобы разузнать имя нашего благодетеля, нашего скромного героя, сделавшего городу и всей планете такой сказочный подарок...

– Нам, пожалуй, это тоже неплохо бы выяснить, – вполголоса заметил Дарт, обращаясь к Феллету. – Но где экспонат, в которого тыкал палкой Трюфон?

– Вон там, в углу, – сказал майор.

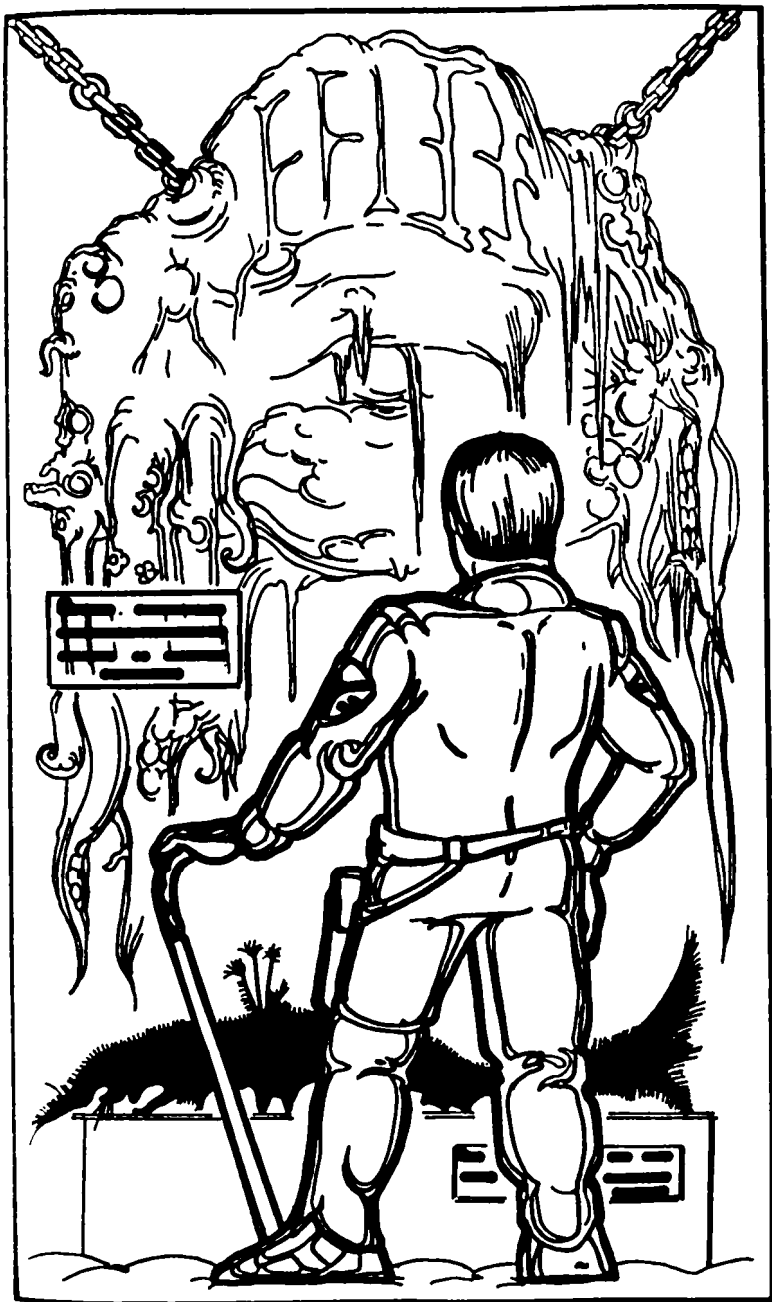
Они подошли к висевшей на стене бесформенной туше внушительных размеров, усеянной множеством торчащих присосок.

– Астрогимпиос григибурский, – торжественно изрек Хранитель, подойдя вместе с полицейскими к отвратительному чучелу. – Судя по данным на почтовой квитанции, обитает на некоей планете Григибур, по которой и получил свое название. Это электрический моллюск, который при жизни способен был убивать на довольно большом расстоянии; его кожа до сих пор хранит какую-то часть заряда – по крайней мере, дотрагиваться до него опасно, может «дернуть». Каким-то образом публика узнала, что тело этого моллюска обладает способностью рефлекторно реагировать на прикосновения, – продолжал Хранитель, – и вот, представьте, дня не проходит, чтоб в несчастного астрогимпиоса не ткнули отдельные неосознательные посетители. Им доставляет удовольствие смотреть, как он дергается, хотя лично я не вижу в этом ничего смешного. Тыкать палками в бесценный экспонат – это некультурно и глупо. И сегодня мы собираемся упрятать его в специально изготовленную витрину – так оно будет надежнее...

Не говоря ни слова, Дарт взял у опешившего Хранителя указку и ткнул ею в один из присосков. Бесформенная бледная, какая-то с виду студенистая масса сжалась, собравшись в тысячу морщин, разгладилась, и снова сжалась, и так несколько раз.

Ужимки чучела, действительно, производили забавное впечатление.

– Григибур... – произнес Дарт в задумчивости. – Созвездие Заводи... Это же глухой угол галактики, почти неисследован-

ная окраина... Насколько мне известно, там неоднократно за-секали разведывательные звездолеты Рассадура...

С минуту он молча разглядывал астрогимпиоса, затем повернулся к Феллету, намереваясь что-то сказать, и в этот момент его наручный телефон разразился короткими гудками. Дарт нажал кнопку на его диске.

– Дарт слушает, – негромко сказал он, поднеся диск ко рту.

– Алло, комиссар! – послышался из динамика взволнованный голос. – Докладывает начальник охраны космодрома. Снова диверсия! Несколько минут назад пламя охватило патрульный крейсер «Стремительный». Он возник совершенно неожиданно в районе сопла звездолета. Пламя в любую минуту может просочиться вовнутрь и добраться до реактора, а тогда неминуем взрыв... Уже взорвалось!.. Вы слышите грохот, комиссар? Это взлетел на воздух патрульный крейсер!

Загудел и наручный радиотелефон Феллета. Майор перебросился по нему с кем-то несколькими фразами, затем повернулся к Дарту.

– Мне сообщают, – тихо сказал он, – что Трюфон покинул свое логово в Регеборских скалах. Его флайер направляется в сторону Гарсея.

– Прикажите, чтоб его не трогали, – распорядился Дарт. – Если ему опять захочется прикурить от пожарища – пускай прикуривает. Он не должен почувствовать за собой слежку.

– Понял вас, комиссар.

– А пока он будет околачиваться возле космодрома, – добавил Дарт, – я наведаюсь в его жилище...

Оба полицейских быстро направились к выходу.

– Куда же вы, господа? – закричал им вслед Хранитель. – Я еще не показал вам самое интересное!..

Но Дарт и Феллет были уже в дверях.

На улице их ожидал полицейский флайер.

– В Регебор, – сказал Дарт, садясь рядом с пилотом.

Машину тряхнуло, когда она резко взяла с места. Набирая высоту, флайер полетел над домами. Спустя минуту летательный аппарат вырвался из-под воздушного купола Гарсея и помчался над каменистым плато, изобиловавший кратерами, скалами и пропастями. Ваши люди побывали в жилище Трюфона? – спросил Дарт.

– Нет, – отозвался Феллет. – Все это время мы ограничивались наружным наблюдением.

– Я пойду туда один, – сказал комиссар после молчания.

– Один? – изумился Феллет. – Без сопровождения? Думаю, лучше нам пойти вместе.

– Ни в коем случае. Неизвестно, какие сюрпризы подстерегают тех, кто попытается проникнуть в логово рассадурских шпионов. Не забывайте, что убить меня не так-то просто, в отличие от вас... Генерал Ленделерф был прав, поручая это дело мне.

Глава VI. Башня в Регеборских скалах

Через тридцать минут стремительного полета флайер начал сбавлять скорость. Он летел над мрачной, пустынной местностью, усеянной островерхими скалами и изрезанной пропастями. Это был хаос скал, как будто море внезапно окаменело во время неистовой бури и его взметнувшиеся валы застыли гигантскими, устремленными ввысь гранитными глыбами. И среди этих разметавшихся каменных волн угрюмыми рифами возвышались горы. Одна из них, похожая на статую скорчившегося великана, называлась Мабор, к ней и направлялся, снижаясь, полицейский флайер.

Голубоватый диск Карриора скрылся за горизонтом и океан скал поглотила черная, брельтская ночь. Свет звезд выхватывал лишь вершины, которые, подобно островам, выступали из моря тьмы. На флайере не стали включать фары – свет могли увидеть с башни. Путь в скалистых нагромождениях прощупывался с помощью локаторов. На пульте управления флайером мерцали экраны, на которые в инфракрасных лучах проецировались изрезанные трещинами стены ущелий, куда бесстрашно, на полной скорости устремился летательный аппарат. Как видно, его пилоту была хорошо известна дорога к башне.

– Через двести метров – наблюдательный пост, – сказал Феллет. – Оттуда наши люди ведут круглосуточное наблюдение за башней.

– Они уверены, что сейчас там никого нет? – спросил Дарт. Феллет пожал плечами.

– Полной уверенности нет. Но, по всем признакам, Трюфон находился там один... А вот и башня. Видите, вон там, слева?

Флайер пробирался среди массивных гранитных нагромождений, ныряя из одного ущелья в другое, и шпиль башни, то

и дело скрывавшийся за скалами, рассмотреть было нелегко. Однако Дарт заметил его слева от склона Мабор.

Башня тянулась ввысь тонкой линией, имевшей почти одинаковую толщину на всем протяжении, и лишь вершину ее увенчивало небольшое утолщение с узкими окнами, в которых, похоже, горел огонь.

– Верхушка башни – плоская, – пояснил Феллет. – Там устроена посадочная площадка для флайеров. А под площадкой находится единственное жилое помещение...

– Метров сто над землей? – прикинул Дарт.

– Сто пятнадцать, – уточнил Феллет. – Башня древняя и давно заброшена. Ее построили почти тысячу лет назад первые карриорские поселенцы. Поначалу она служила радиомаяком, потом здесь был пост космического наблюдения... А потом надобность в этом сооружении отпала и оно стояло необитаемым лет, наверное, пятьсот. Впрочем, оно с самого начала не было предназначено для жилья. Весь его ствол снизу доверху состоит из одной лишь винтовой лестницы...

Флайер замер на дне ущелья, где его уже поджидали двое полицейских из группы наблюдения. На них были защитные комбинезоны и круглые шлемы, тела окутывала светящаяся оболочка силовой защиты.

Феллет, перед тем как покинуть флайер, тоже надел шлем и включил индивидуальную защиту. Дарту ничего этого не требовалось. Он вышел из машины вслед за Феллетом и обменялся с полицейскими словами приветствия.

– Вход в башню находится в трехстах метрах отсюда, – заговорил лейтенант Гирк – старший в группе наблюдения, – но Трюфон и его люди никогда им не пользовались. В их распоряжении были два флайера, которые они держали на верхушке. На флайерах они сюда прибывали, на флайерах же и отправлялись...

– Два дня назад они нанесли визит на Карриор, – мрачно молвил Дарт.

– Мы уже знаем об этом. Но мы и предположить не могли, что они так опасны, иначе бы их аппарат не ушел далеко.

– Когда Трюфон вылетел с башни?

– Тридцать пять минут назад, вскоре после того как им поступило сообщение о новой диверсии на космодроме. Мы постоянно держим вершину башни под наблюдением чувствительного прибора, лучи которого проникают сквозь ее каменные стены. Прибор показывает, что сейчас там никого нет.

– Хорошо, – сказал Дарт. – Проводите меня ко входу в башню.

– Постойте, комиссар, – вмешался Феллет. – Как вы намереваетесь проникнуть в их логово: по винтовой лестнице или по наружной стене? Мне кажется, второй путь безопаснее. У нас имеется альпинистское снаряжение со специальными присосками, благодаря которым можно быстро и без малейшего риска подняться по вертикальной поверхности.

– Не говоря о том, что можно подлететь туда на флайре, – добавил Гирк. – Вы ничем не рискуете, комиссар, ведь башня пуста.

Дарт отрицательно покачал головой.

– Вряд ли Трюфон оставил свое логово без охраны, – сказал он. – Если он откуда-то и ждет незваных гостей, то наверняка с посадочной площадки или с наружной стены, откуда до него доберется любой полицейский в одежде с присосками. И меньше всего он готов к встрече с ними в самой башне, ведь путь по винтовой лестнице долог и опасен, не так ли?

– Но это действительно так! – воскликнул обескураженный Феллет. – Там есть провалы и рухнувшие ступени, а многие участки лестницы растрескались до того, что держатся буквально на честном слове... Я бы не советовал вам подниматься по ней.

– Подлетев к вершине башни на фланере, мы можем спугнуть Трюфона, – возразил Дарт. – Уверен, что там есть фиксирующие приборы, которые тотчас пошлют гартигасцу радиосигнал. И тогда бандит исчезнет, а вместе с ним – единственная ниточка, которая может помочь нам распутать всю паутину... Со стороны лестницы меньше шансов наткнуться на электронного сторожа, поэтому я и выбираю этот путь. Идемте, – добавил комиссар. – Не будем терять время.

В сопровождении Гирка и Феллета он прошел под нависшей скалой. Дальше простиралось расчищенное от скал пространство, в центре которого возвышалась башня. Крупные необработанные глыбы, из которых она была сложена, покрылись трещинами от ударов мелких метеоритов. Приблизившись к ней, Дарт увидел метрах в десяти от земли черное зарешеченное отверстие. Когда-то в незапамятные времена к отверстию вела лестница, но к настоящему времени от нее осталась лишь куча камней.

– Можете возвращаться, – сказал Дарт, обращаясь к своим спутникам. – Дальше я пойду один.

– В случае чего – немедленно радируйте. Флайер сразу поднимется на площадку, – ответил Феллет.

Они с Гирком скрылись в темноте.

Дарт надел на руки специальные перчатки с присосками и такие же наколенники, подошел к башне и прижался к ее стене руками и ногами. Автоматические присоски, послушные сигналам, исходящим от его мозга, тотчас прикрепились к камням. Дарт быстро полез вверх. Присоски прикреплялись и отлеплялись, удерживая Дарта на вертикальной стене; без помех достигнув входного отверстия, комиссар сдвинул решетчатую дверь ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы протиснуться внутрь.

За дверью обнаружилось круглое помещение с низким потолком. Во мраке глаза Дарта видели так же хорошо, как и при свете дня, и он сразу разглядел ступени каменной лестницы. Опустив руку на приклад автомата, висевшего на груди, комиссар прислушался. На изгибающейся лестнице, круто уволившей верх, царил тишина.

Дарт начал подниматься. Повсюду валялись камни и обломки, отвалившиеся от стен, на потолке зияли трещины. Ступени крошились, а иные с шумом рушились, когда Дарт ставил на них ногу. Некоторых ступеней не было вовсе и разломы приходилось перепрыгивать.

«Тут запросто может произойти грандиозный обвал, – думал карриорец, пробуя ногой прочность очередной ступени. – Лестница рухнет и меня погребет под обломками. Феллету и ею людям придется немало повозиться, чтобы вытащить меня из завала, а Трюфон к тому времени смоеется... Может быть, действительно стоило подняться по наружной стене?»

И все же он продолжал неторопливый подъем, чутко вслушиваясь к тишине. Минут через двадцать он связался по наручному радиотелефону с Феллетом. Майор доложил, что вокруг взорванного «Стремительного» бушует пламя, но пожарной бригаде удалось его локализовать. Через пару часов огонь будет потушен. Трюфон, как и в прошлый раз, снует в толпе зевак, глазееющих на пожар.

– Распорядитесь, чтобы наблюдали за каждым его шагом, – сказал Дарт, хотя это приказание, конечно, было излишним. Люди Феллета прекрасно знали свое дело.

Дарт выключил радиотелефон. Пройдя несколько лестничных маршей, он остановился. Ему показалось, будто кто-то тихо идет впереди...

С минуту он прислушивался, затем двинулся дальше. Шаги слышались уже совершенно отчетливо. Кто-то шел впереди него, точнее – уходил, приравливаясь к скорости Дарта. Стоило комиссару ускорить шаг, как быстрее начинал двигаться неизвестный; когда Дарт останавливался, звук шагов замирал.

Дарт вынул из-за пояса бластерный пистолет. Нашупав пальцем спусковую кнопку, он стремительно зашагал по круто изгибающейся лестнице. В какой-то момент ему показалось, что незнакомец, шедший впереди, замешкался, и он ринулся вперед, перескакивая через две ступени.

Взбежав на площадку между двумя лестничными маршами, комиссар успел разглядеть только ноги удирающего незнакомца. Видел он их доли секунды, но и этого короткого мгновения ему хватило, чтобы полоснуть по ним кластерным лучом. Грохот падения впереди показал что он не промахнулся.

Но таинственный незнакомец упорно продолжал уходить. Дарту пришлось одолеть еще несколько лестничных маршей, прежде чем он увидел хрупкую на вид фигуру около метра ростом, лишенную одежды, тело которой отливало металлическим блеском. У фигуры была небольшая, абсолютно круглая голова, на которой по периметру располагалось с десяток глаз. При взгляде на его подбитые ноги Дарт тотчас понял, что это – кибер. Видимо, это охранник, которого бандиты поставили сторожить вход в свое логово со стороны лестницы.

Кибер полз на передних конечностях, неуклюже волоча перебитые ноги. Убедившись, что Дарт неминуемо догонит его, он перевернулся на спину и замер, поджидая комиссара. Дарт вновь пустил в ход бластер. Огненная струя несколько минут сверлила металлическое тело охранника, оплавляя его и прожигая в нем черные дымящиеся отверстия.

Кибер дергался – видимо, в его внутренностях выходили из строя какие-то жизненно важные части. Наконец он обмяк и безжизненно растянулся на ступенях.

Решив, что с ним покончено, Дарт засунул бластер за пояс и продолжил путь. Лестница была узкая, распластанного кибера пришлось перешагивать. И в тот момент, когда Дарт занес над ним ногу, коварное создание подняло свои не задетые бластерными лучами руки и из их ладоней молниеносно выдвинулись кинжальные лезвия длиной в полметра каждое. С

разлету они пронзили комиссара насквозь, выйдя из его спины.

Руки кибера оказались необычайно сильными. Взмахнув ими, он с размаху швырнул комиссара на каменную стену. Чудовищной силы удар об нее показался Дарту пустяком; из неудобного положения он открыл по киберу стрельбу из автомата. Несколько разрывных пуль окончательно dokonали металлического сторожа. Внезапно в нем что-то взорвалось. Взрыв был такой мощный, что Дарта сорвало с лезвий и отбросило вперед на несколько ступенек. С потолка посыпались камни; Дарту на миг показалось, что рушится вся башня...

Лишь через четверть часа все окончательно стихло. Ниже по лестнице, где лежал кибернетический карлик, произошел страшный обвал, рухнул целый пролет, отрезав Дарту путь назад.

Комиссар двинулся дальше. Вскоре чувствительный датчик, укрепленный на его поясе, зафиксировал близость какого-то электронного прибора. Дарт замер. Впереди мог находиться второй кибер, или какая-нибудь ловушка, установленная бандитами.

Осторожно переставляя ноги, Дарт поднялся еще на несколько ступенек и снова остановился, разглядев во мраке тонкие, почти прозрачные нити, протянутые над лестницей в разных направлениях.

Дарт ползком пробрался под некоторыми из них, но нитей было так много, что он все же задел одну нить локтем. И неожиданно невзрачный каменный обломок, каких немало валялось на ступенях, раскрылся, словно бутон цветка, и из него стремительно выполз тонкий стержень антенны.

Дарт среагировал мгновенно. Разрывная нуля ударила точно в цель, разнеся в куски бандитский передатчик.

Теперь Дарт мог беспрепятственно продолжать путь, не обращая внимание на нити, с которыми был связан передающий аппарат: Трюфон так и не успел получить предупреждающий радиосигнал.

Впереди лестница была свободна, но Дарт поднимался по ней, не ослабляя бдительности: кто мог знать, какие еще ловушки подстерегали его на пути к логову бандитов?

Пройдя еще с десятков витков, Дарт оказался перед стальной дверью. Здесь лестница кончалась. Он надавил на дверь и она отошла, пропустив его в просторный и пустой сводчатый зал.

В большом старинном камине у стены горел огонь, перед камином стояло несколько грубо сколоченных кресел. Пройдя по залу, Дарт обратил внимание на панель с кнопками и экраном; предназначение панели еще предстояло выяснить, но комиссару показалось, что одно из ее отделений должно выполнять функцию передатчика субпространственной связи. Точно такой же он видел на корабле Заугуга. И вообще вся эта панель очень походила на пульт управления сверхскоростным звездолетом...

Каменный пол в нескольких местах был оплавлен, словно здесь горело пламя необычайно высокой температуры. Похоже, пятна образовались совсем недавно, одно из них было еще теплым.

У стены валялись тюфяки и спальные мешки, тут же стояли коробки с концентратной пищей. На полке выстроились в ряд пластиковые бутылки. Пламя камина заливало пол и стены колеблющимся багровым светом, от которого фигура комиссара отбрасывала длинную изломанную тень.

На плоскую крышу башни вела лестница; комиссар собрался было подняться по ней, как вдруг услышал гул приближающегося флайера. Кто бы это мог быть? Трюфон? Дарт бросил взгляд на запястье и застонал от досады: радиопередатчик был раздавлен в лепешку во время удара об стену! Связь с Феллетом прервалась.

Возможно, это был полицейский флайер. Феллет, обеспокоенный его молчанием, мог направить сюда летательный аппарат с отрядом своих людей... Но это могли быть и бандиты!

Дарт взбежал по ступенькам. Не выходя на крышу, он осторожно выглянул из люка. В эту минуту флайер, надрывно скрежеща, опустился на абсолютно ровную плоскую площадку, автоматически выпустив четыре стойки с присосками на концах. Так и есть – Трюфон! Дарт спрыгнул с лестницы. Его взгляд заметался по залу, выискивая место, где бы можно спрятаться. Но зал был пуст. Он подскочил к вороху тюфяков, но, передумав, бросился к камину.

На крыше послышались шаги гартигасца. Тяжело громыхали его магнитные подошвы.

Дарт нырнул в огонь и зарылся в уголья. Пламя скрыло его от глаз бандита, зато самому комиссару сквозь огненные языки был отлично виден и зал и появившийся в нем Трюфон.

Глава VII. Два бандита

Гартигасец остановился посреди зала и вынул изо рта небольшой белый цилиндрик, с виду неотличимый от сигареты, с тлеющим огоньком на конце.

– Ну что, Шшеа, – вдруг прогнусавил он, кривя в самодовольной усмешке свои черно-зеленые, усыпанные бородавками губы. – Теперь-то ты видишь, кто из нас сильнее? Сейчас я могу сделать с тобой все, что захочу! Ты такой маленький, беспомощный, тусклый, даже голосочка твоего не слышно...

Дарт поначалу не понял, с кем он разговаривает. Трюфон держал сигарету перед собой и обращался как будто к ее огоньку...

– Захочу – кину тебя на пол и затопчу башмаком! – провозгласил Трюфон и разразился громким гавкающим смехом.

Тут с сознания комиссара словно спала пелена. Ну конечно, – огонек – это Шшеа, таинственный плазмод, о котором проболтался Гибби! Так вот кто бесчинствует на космодроме, сжигая один корабль за другим!..

Плазмод, человек-огонь – это и фигура в темном; плаще, замеченная часовым, и огненный луч, протянувшийся на сотни метров до боевого звездолета, и пламя, которое охватывало звездолет, вызывая пожар и разрушительной силы взрыв...

Как бы в подтверждение его мыслей Трюфон прыснул на пол какой-то горючей жидкости и поднес к лужице «сигарету». Тотчас почти на трехметровую высоту взвилось пламя, принявшее облик долговязого длиннорукого человека.

Плазмод, пронзительно зашипев, выпрыгнул из круга, очерченного лужицей, и закружился по залу в неистовом танце, замахал развевающимися руками. Огненные ноги касались коробок, кресел и тюфяков, но ничего не вспыхивало...

– Шшшш... Шшшш... – отдувался гуманоидный огонь. – Славно я повеселился сегодня! Пожарище было грандиозным! Я взвился в небо на целый километр и был великаном четверть часа, пока не подъехали пожарные! Страшным, свирепым великаном, и буйствовал, плясал и хохотал над этими дураками карриорцами, которые опять ничего не поняли!.. Ха-ха-ха-ха!..

Шшеа, носясь по залу, принимал самые разнообразные формы: то это был огненный вихрь, винтом кружащийся под потолком, то сверкающий шар, летающий вдоль стен, то распластывался на полу огненной медузой, которая вдруг взлета-

ла и превращалась в пламенеющий цветок, вскоре становившийся похожим на тонкого, гибкого высокого человека с четырьмя заплетающимися ногами и множеством длинных рук-лучей.

Один из этих лучей вытянулся и уперся в дальнюю стену.

– Вот так я дотянулся до боевого линкора – по огненной струе, на глазах у опешившего охранника! – послышался его свистящий голос, и Дарт увидел, как у стены, куда бил луч, стало набухать, вырастая, пламя, в то время как там, где этот луч начинался, пламя уменьшалось.

Человек-огонь перетекал по тонкой, как бластерный луч струе из одного конца зала в другой.

– И охота тебе подставлять себя, – проворчал Трюфон, усаживаясь в кресло у камина и протягивая к пламени свои толстые волосатые ноги. – На космодроме сто пятьдесят боевых кораблей, и если каждый мы будем уничтожать подобным дурацким способом, то, считай, наша миссия на Бредьте провалилась. Нас обоих вычислят и зацапают.

– Ничего, ничего, Трюфон. – возбужденно шипел Шшеа. – Это мой последний корабль. Должен же я повеселиться напоследок!

– Мы повеселимся, когда уничтожим весь флот одним ударом! – отозвался Трюфон. – Мина уже доставлена на Брельт. Операция «Сувенир» должна начаться с часу на час.

– Как жаль, что скоро все кончится! – воскликнул гуманоидный огонь, прыгнув в соседнее с Трюфоном кресло и приняв человекоподобный облик. – Мне до чертиков понравилось уничтожать корабли! Я с удовольствием сжег бы еще пару-тройку...

– А мне, думаешь, интересно каждый раз таскаться на космодром и вытаскивать тебя оттуда? – зеленое лицо Трюфона недовольно скривилось. – Мне надоело мозолить полипам глаза. Бьюсь об заклад, что если я еще раз подойду к ним с этой идиотской просьбой прикурить, то они повяжут меня и отведут в участок – выяснять личность... Представь, пустая твоя башка, что было бы с тобой, если бы меня не подпустили к пожару? Скажем, если бы у кого-нибудь из охранников нашлась бы зажигалка?

– Им не положено иметь зажигалок!

– Нет, ты представь, что мне дали прикурить от зажигалки, а потом вежливо попросили бы отваливать. А?

Шшеа, превратившись в огненный шар, молчал. Подпрыгивая в кресле, он лучился и издавал невнятные шипящие звуки.

– Вот то-то и оно! – торжествуяше заключил Трюфон. – Тебя загасили бы насмерть, убили бы пеной, и ни единой тлеющей искорки не осталось бы на пепелище, чтобы оживить тебя!

– Риск, разумеется, был... – нехотя согласился Шшеа, и тотчас добавил. – Зато удовольствия сколько!

– Тебе бы только удовольствие получать, о других ты не думаешь, – проворчал Трюфон.

– Ты никогда этого не поймешь! – говорящий шар вдруг раздулся, от него во все стороны протянулись извивающиеся огненные щупальцы. – Хрупким существам из мяса и костей не дано этого наслаждения – разметаться, найдя питательную среду, и жечь, крушить, бесноваться, выть и сыпать искрами до самых облаков! Нет упоительней минут для плазмоида, чем минуты веселого, буйного, страшного пожара!..

– Мы прибыли сюда не развлекаться, а выполнять ответственное задание Владык, – сварливо заметил Трюфон.

– Считай, что задание уже выполнено! – просвистел Шшеа. – Мина находится на Брельте, осталось только извлечь ее из тайника! Наш лучший агент – коротышка кликлик, извлечет ее и запустит механизм, а остальное мина сделает сама... Нам останется только лицезреть волнующий момент уничтожения всей этой чертовой эскадры, когда она провалится сквозь землю!.. Ха-ха-ха-ха... Ха-ха-ха-ха!..

Трюфон хмуро взглянул на него.

– Радоваться будешь, когда дело выгорит и мы благополучно уберемся отсюда.

Он наклонился к своему бедру и вонзил пальцы в одну из гноящихся ран. Раздвинув в стороны почерневшее мясо, он извлек из раны жирного червяка, какие заводятся на трупах. Червяка гартигасец незамедлительно отправил себе в рот и громко зачавкал, зажмурившись от удовольствия.

– Пища богов! – воскликнул он. – Единственное, что можно есть на этой дрянной планете!

Дарта передергивало от отвращения, когда он наблюдал за ним. Трюфон питался червями, которые заводились в его собственных гниющих ранах, да и сами эти раны наверняка были нанесены специально, чтобы в их смердящих разрезах можно было выращивать питательных червей.

Трюфон зашарил пальцами в другой ране, выудил из нее невероятно длинного упитанного червя и, как макаронину, воссал в рот. Затем он сомкнул края раны и вытянул другую ногу.

– Жаль, что издох Гибби, – сказал он, чавкая. – Этот парень так ловко искал блох на моей щетине...

– А я вообще не понимаю, для чего понадобилось устраивать этот дурацкий налет на Управление полиции! – скачал Шшеа. – Какой толк от плана боевых действий, которым мы завладели, когда от ихнего флота останутся один обломки?

– Как для чего? – отозвался Трюфон. – Для страховки, конечно. А вдруг операция «Сувенир» в последнюю минуту сорвется? Тогда похищенная нами кассета очень пригодится рассадурскому командованию... Не выходит у меня из головы тот странный полип, который словно с неба свалился на наш флайер, – добавил он, помолчав. – Прикончить его не удалось, а между тем все мои ребята погибли... Конечно, черт с ними, погибли и погибли, но полип видел мою рожу и наверняка донесет обо мне. Не нравится мне это. Надо быстрее заканчивать дело и убираться отсюда.

Тем временем плазмоид, вновь приняв человекоподобную форму, начал сыпать в каминный огонь какой-то порошок. Пламя сделалось ярко-зеленым. Плазмоид приблизился к нему вплотную и принялся загребать его своими лучевидными щупальцами и лить на себя, удовлетворенно пыхтя. Постепенно его огненное тело приобретало такой же ярко-зеленый оттенок.

– Эй, поменьше увлекайся выпивкой, приятель! – воскликнул Трюфон, извлекая из раны на бедре очередного червяка. – В прошлый раз ты так набрался зеленого пламени, что стал похож на нализовавшуюся огненную свинью. Чуть меня не сжег с пьяных глаз...

– Я отмечаю сегодняшний успех! – прошипел Шшеа.

– И это ты называешь успехом? – Трюфон оскалился в усмешке. – Подумаешь, один какой-то кораблишко спалил. Вот если бы ты сжег за ночь весь флот, тогда бы я сказал: да, герой!

– Флот уничтожит самонаводящаяся мина, – сказал Шшеа. – И тогда я напьюсь до одурения! За удачное проведение диверсионной операции меня наградят орденом Деки, я буду управлять планетами и жить в неслыханной роскоши!..

– Если уж кого из нас наградят, то это меня, – возразил Трюфон. – Всю основную работу сделал я. Я разработал план, я расставил агентов, я совершил налет на Управление космической полиции и завладел кассетой со сверхсекретным планом. А ты весь этот месяц проторчал здесь, на башне, пьянствовал да маялся дурью – таскался на космодром, чтобы сжечь какой-нибудь звездолет, как будто это могло что-то изменить!

– Мои вылазки держат в страхе всю полицию Брельта! – самодовольно выпалил Шшеа.

– И дают полипам прекрасную возможность выследить нас...

ПлазмOID начал швырять в камин другой порошок, от которого пламя сделалось фиолетовым. Шшеа с жадностью поглощал его, чуть не купался в нем, и сам становился фиолетовым.

– Не забывай, Трюфон, кто из нас босс, – шипел Шшеа, бурно отдуваясь. – После смерти Зауггуга я единственный во всем этом звездном секторе, кто видел Владык Рассадура, и уже одно это дает мне право командовать...

– Врешь! Владык Рассадура не видел никто, даже Зауггуг. Все связанное с Владыками окружено глубочайшей тайной. Рассадурские армии состоят исключительно из наемников, вроде нас с тобой. Капитаны и адмиралы во Флоте Рассадура – наемники, которыми Владыки командуют через Посредников... Никто не знает, где находится планета Владык, и вообще – существует ли она, эта планета?.. Не хвались, Шшеа. Ты такой же наемник, как и я, и максимум, на что ты можешь рассчитывать – это на повышение в звании. И то еще неизвестно, как посмотрят Посредники на твои глупые выходки...

– Уничтожение вражеских звездолетов ты называешь глупой выходкой? – Шшеа от возмущения взвился чуть ли не до потолка. – О твоих словах будет доложено в Имперскую Канцелярию!

– А я донесу, что ты хвастался, будто видел Владык Рассадура! Вот это будет донос так донос! Живо очутишься в камере пыток!

– Ах ты, мешок с гнильем, червеед, – струящаяся рука плазмOIDа, снова принявшего человекоподобный облик, дотянулась до Трюфона и треснула его по затылку. Гартигасец с воплем вывалился из кресла. – Клевещешь на своего непосредственного начальника?

– У меня есть только один непосредственный начальник – Его Милость Посредник 4-го класса господин Эрруабр, который в настоящее время находится на планете Гунг! – орал Трюфон. – Других непосредственных начальников я не знаю!

– Нашим главарем в этом звездном секторе был Зауггуг! А после него руководить всеми рассадурскими актами должен я!.. – шипел Шшеа.

– С чего ты взял?

– Зауггуг сказал!

– Когда? Кому?

– Мне говорил! И этого с тебя, грязный червеед, должно быть довольно! Я тут главный!

– Ты пьян и мелешь чепуху!

– Чепуху? Вот тебе, получай!.. Разъяренный Шшеа начал молотить огненными руками и катать по полу визжащего Трюфона. Из кармана гартигасца что-то со звоном вывалилось.

– Стой! – заверещал Трюфон. – Стой! Скрижаль Имперской Канцелярии!

Шшеа замер.

Дарт в камине приподнялся и вытянул голову, пытаясь рассмотреть упавший предмет.

Гартигасец, охая и потирая ушибленные бока, подполз к тонкой маленькой квадратной пластинке, переливавшейся всеми цветами радуги. Свет, казалось, исходил из самой пластинки, и когда Трюфон положил ее себе на ладонь, заскорузлые пальцы бандита осветились радужными переливами.

– Скрижаль Имперской Канцелярии... – благоговейно повторил Трюфон, держа пластинку на ладони. – Подумать страшно, что было бы, если бы я потерял ее из-за тебя, безмозглой головешки... Вся операция, подготовленная с такой тщательностью, сразу сорвалась бы...

– Пластинка с самого Рассадура... – прошептал Шшеа, большим огненным тюльпаном покачиваясь перед Трюфоном.

– Заметь, что доверили ее мне, а не тебе, огненной пустышке, по которой давно плачет огнетушитель...

От пламенеющего цветка стремительно вытянулся отросток и треснул Трюфона по затылку.

– Сколько раз я приказывал не произносить при мне этого слова! – взвизгнул плазмод.

– Ог-не-ту-ши-тель! – гримасничая, назло ему повторил Трюфон.

– Ты меня выведешь из себя! – Шшеа клубком обвился вокруг гартигасца. – Дождешься, что я сожру тебя вместе с твоими червивыми потрохами и вытряхну твой пепел из окон!..

– Ладно, ладно, повздорили и будет, – испуганно пробормотал Трюфон, подползая к креслу.

Шшеа отлепился от него и прошел по залу огненным колесом.

– Все же не следовало тебе так набираться сегодня, – добавил гартигасец, – операция «Сувенир» может начаться в любой момент... Кликлик, должно быть, уже отправился включать мину...

– Жди сигнала, Трюфон! – отозвался Шшеа. – Кликлик должен дать сигнал!

Гартигасец со вздохом облегчения развалился в кресле, снова вытащил из кармана радужную пластинку.

– Эта штуковина должна быть сброшена в центр брельтского космодрома... – пробормотал он задумчиво. – С этим я, пожалуй, справлюсь легко. Во флайере я поднимусь в космос и, пролетая над космодромом, выстрелю ею... Пластинка упадет на поле космодрома и останется лежать, а в это время самонаводящая мина будет прогрызаться к ней под землей, как крот, пока не соединится с ней...

– И в тот момент, когда мина соединится со Скрижалью, произойдет ужасающей силы взрыв, сопровождаемый землетрясением! – возбужденно подхватил плазмид. – От боевого флота Конфедерации не останется ничего! Ха-ха-ха-ха!.. По такому случаю надо еще принять фиолетового огоньку...

И он вновь швырнул в утробу камина пригоршню порошка. Пламя разгорелось, фиолетовые языки вырвались из камина и взметнулись чуть ли не до потолка.

Трюфон вертел пластинку так и этак. Его маленькие глазки беспокойно бегали.

– А не может ли случиться так, что где-то на Брельте есть еще одна такая пластинка, только, может, малость покрупнее этой?.. – пробормотал он. – Ведь это значит... Это значит, что мина неминуемо собьется с курса! Она двинется не к космодрому, а куда-то в другое место – туда, где находится эта вторая пластинка, и взрыв произойдет не там, где мы ожидаем...

– О чем ты болтаешь? – Шшеа лучистыми щупальцами загребал фиолетовое пламя. – Ах, как хорошо! Я чувствую себя

легким, как ветер. Хочется носиться и прыгать... С каким удовольствием я спалил бы сейчас пару-тройку звездолетов!..

– Хотя, – продолжал размышлять Трюфон, – откуда на Брельте может взяться вторая Скрижаль? Это абсолютно невозможно...

– Скажи прямо, что ты трусишь, Трюфон! – плазмоид расхохотался. – Сидел бы лучше на своем паршивом Гартигасе и жрал трюпных червей...

Не успел он договорить, как в верхнем углу приборной панели ослепительно вспыхнула голубая искра и прозвучал гудок зуммера.

– Сигнал! – воскликнул Трюфон, выскакивая из кресла. – Нам сигнализирует кликлик! Это значит, что он уже возле музея и мина будет запущена в ближайшие минуты...

«Музея... – пронеслось в мозгу Дарта. – Сообщник Трюфона, некий кликлик, находится возле музея... Мина будет запущена в ближайшие минуты... Не значит ли это, что... Ну конечно! Чучело, присланное неведомым брельтским охотником, – это замаскированный футляр, содержащий в себе мину!..»

Трюфон торжествующе поднял пластинку над головой.

– Вот она – наживка для мины! Кибернетический крот почует ее за десятки километров и двинется к ней, но наживка уже будет на космодроме! Итак, я лечу! Через тридцать минут я сброшу ее на летное поле!..

Не успел он засунуть ее в карман, как получил сильнейший улар по руке. Это Дарт, выскочивший из камина, дотянулся до него, и ошеломленный бандит выпустил скрижаль из рук. Разбрызгивая радужные искры, она покатилась по полу.

Дарт ринулся за ней, схватил и сжал в кулаке.

– Это тот самый полип, клянусь! – выпучив на него глаза, завопил Трюфон. – Шшеа, не дай ему уйти!

Плазмоид набросился на комиссара, но для Дарта сумасшедшая температура внутри человека-огня ровно ничего не значила. Шшеа был бессилен что-либо сделать с ним. Прикосновение огненного тела доставляло комиссару не больше неудобств, чем дыхание легкого ветерка.

Дарт рассмеялся.

– Нет, Трюфон, ничего у вас не выйдет! – крикнул он и бросился к лестнице, ведущей на крышу.

Гартигасец ринулся ему наперерез. Он настиг Дарта, когда тот уже вышел на площадку, где стоял флайер, и вцепился ему

в ноги. Дарт упал. Они оба покатались по площадке, нанося друг другу удары.

Чтобы удобнее было драться, Дарт взял пластинку в рот. Трюфон, вопя от боли, тем не менее комиссара не отпускал. Когтистые пальцы гартигасца намертво впились в ноги Дарта.

– Не уйдешь, полип... – хрипел он. – Я доберусь до тебя...

Убедившись, что из объятий Трюфона вырваться не так-то просто, Дарт изменил тактику. Осыпая гартигасца ударами, он начал постепенно подползать к краю площадки, лишенной какого бы то ни было ограждения. Падение со стометровой высоты Дарту ничем не грозило, зато Трюфон мог разбиться насмерть.

Шшеа бестолково крутился возле дерущихся. Помощи Трюфону оказать он не мог, лишь изрыгал по адресу комиссара проклятия и ругательства. До края площадки оставалось уже несколько метров, как вдруг Трюфон завопил:

– Пьяная головешка! Забыл о Карре?

Шшеа, в эти минуты похожий на огненного спрута, всплеснул щупальцами и ринулся вниз по лестнице в зал. Домчавшись до стены, он прикосновением к секретной кнопке распахнул потайную дверь, за которой стоял круглоголовый кибер, двойник того, с которым Дарт встретился несколько часов назад на винтовой лестнице.

– Карр, здесь чужой, – прошипел Шшеа. – Убей его! Убей или пригвозди к полу!

Круглая голова кибера повернулась налево, направо, все десять глаз замигали. Чувствительные инфраволны заструились из его тела в разных направлениях; считанные доли секунды понадобились ему, чтобы засечь присутствие Дарта. Гулко топя металлическими подошвами, кибер бросился по лестнице на крышу.

Между тем дерущиеся, яростно хрипя и стискивая друг друга в объятиях, приблизились к самому краю. Зверообразное лицо Трюфона посерело от страха, глаза выпучились, он задыхался, сплевывая кровь, и уже не пытался отвечать на удары – все его силы уходили только на то, чтобы удерживать комиссара, не дать ему вырваться. Но Дарт, не чувствовавший усталости, упрямо полз к пропасти. До нее оставался метр, полметра, голова полицейского уже зависла над обрывом, когда на крыше появился Карр.

В несколько больших прыжков он добрался до дерущихся и из его ладоней выдвинулись два длинных стальных лезвия,

проткнувшие Дарта насквозь. Комиссар застыл на краю пропасти.

Трюфон шумно перевел дыхание. С полминуты он пребывал в неподвижности, стараясь сохранять равновесие, потом, цепляясь за своего противника, отполз от края крыши. Бандит утирал рукой кровь, сочившуюся из иссеченных губ и бровей, поминутно сплевывал и осыпал комиссара самыми отборными гартигасскими ругательствами.

Дарт следил за ним в бессильной ярости. Вмешательство кибера повергло его в отчаяние. Он попытался вырваться, но вскоре убедился, что насажен на стальные ножи, как на вертел, и может только молотить по киберу кулаками и ногами, не нанося тому никакого ущерба. Вот когда ему пригодились бы бластер или ручной автомат! Но все его оружие было выведено из строя во время встречи с первым кибером...

– Твоя игра проиграна, неубиваемый полип, – прохрипел гартигасец, приближаясь к нему. – Лучше отдай скрижаль похорошему. У нас мало времени. – Он наклонился над Дартом. – Ну долго я буду ждать, пока ты разинешь пасть?

– Он выпрыгнул из камина, – прошипел Шшеа. – Может, он тоже плазмOID?

– Ты рехнулся! – откликнутся Трюфон. – Какой это плазмOID? Ручаюсь, что это даже не человек. Скорее всего, это кибер какой-то новейшей модификации, сделанный из эластичного огнеупорного материала...

– Значит, нас накрыли и с минуты на минуту надо ожидать полипов! – сделал вывод Шшеа.

– Бет паники! – огрызнулся Трюфон. – Пока еще мы хозяева положения. Операция «Сувенир» продолжается... Так откроешь же ты пасть, черт тебя подери? – взревел Трюфон, обращаясь к Дарту. – Ты, проклятая кибернетическая кукла!

Дарт безмолвствовал.

Гартигасец наклонился к нему и всунул стальное лезвие ножа между его зубов. Комиссар напряг все силы, стараясь не дать ножу разжать челюсти. Он попытался даже проглотить пластинку, но это ему не удалось. После встречи с А-уа он утратил способность есть и пить. Теперь он, пожалуй, впервые за эти месяцы по-настоящему пожалел об этом...

Придавив коленом руку Дарта, Трюфон разомкнул ножом его челюсти и, запустив пальцы комиссару в горло, извлек драгоценную пластинку.

– Вот она! – воскликнул он. – А теперь – на космодром! Скрижаль должна лежать там, среди кораблей!

Он бросился к флайеру. Шшеа метнулся за ним.

– А ты куда? – взвизгнул Трюфон.

– Ты смоешься, я знаю, – прохрипел Шшеа. – Наше убежище на башне известно полипам, они сейчас явятся сюда! Сматываться, так вместе!

– Еще неизвестно, явятся сюда полипы или нет, – возразил Трюфон. – Может быть, они только взяли нас под наблюдение! Так что сиди здесь. Кто-то же должен поддерживать радиосвязь с кликликом. В случае чего спрячешься в камине, превратившись в огонь.

– А если камин зальют из огнетушителей?

– Черт побери, я рискую не меньше тебя! Флайер могут подбить при подлете к космодрому и тогда конец всей операции. Сиди здесь и дожидайся моего сигнала. Если сигнала не будет – все равно жди. Если я не вернусь, то это уже произойдет не по моей вине. Тогда сообщать на Гунг об успехе или провале операции «Сувенир» придется тебе... – Трюфон говорил это, взбираясь в кабину флайера. – Когда свяжешься по субпространственной связи с господином Посредником, не забудь передать ему от меня привет!..

Рев мотора заглушил его последние слова. Флайер с Трюфоном взмыл ввысь и, сделав над башней круг, унесся вверх и пропал в черноте звездного неба.

Комиссар, прижатый к полу стальными лезвиями Карра, испустил бессильный стон, провожая флайер глазами.

Феллет поймал летательный аппарат в окуляры бинокля. Ему оставалось только гадать, кто находится во флайере – Трюфон или комиссар, а может, оба вместе. Передатчик комиссара по-прежнему не отзывался на позывные.

Майор связался по рации с наблюдательным постом, находившимся в двух километрах от башни.

– Запросите экипаж флайера о его маршруте, – приказал он.

– Флайер молчит, – ответили ему через минуту.

– Немедленно поставьте в известность ближайшую радиолокационную станцию.

– Слушаюсь, майор.

Феллет, не снимая наушников, перевел окуляры бинокля на верхушку башни. В узких окнах бандитского логова по-

прежнему был виден свет. Только теперь зоркий глаз Феллета уловил некоторое изменение его оттенка. У света, пробивающегося из окон, появился какой-то фиолетовый отлив...

«Почему не отзывается Дарт? – в который раз спрашивал себя Феллет. – Неужели он угодил в ловушку?»

Молчание радиопередатчика говорило в пользу такого предположения...

– Майор, – раздался голос в наушниках. – Станция сообщает, что флайер на максимальной скорости идет к Большому космодрому.

Помедлив с минуту, Феллет наклонился к микрофону:

– Передайте приказ службе слежения. Флайер сбить. Мы не имеем права рисковать кораблями союзного флота. И вот еще что: пусть зафиксируют место, куда упадут обломки. Возможно, на флайере находится комиссар Дарт...

Глава VIII. Операция «Сувенир»

Трюфон рванул штурвал на себя. Выругался сквозь зубы и вскинул руку к кнопкам автоматической защиты: наперерез флайеру неслись два боевых летательных аппарата. От днища одного из них отделилась серебристо-стальная самонаводящаяся ракета и, набирая скорость, помчалась к его машине. Электронная система слежения, которой был снабжен бандитский флайер, сработала мгновенно: автопилот послал на встречу ракете антиракету. Затем еще несколько антиракет устремилось на перехват крылатых снарядов, пущенных по флайеру.

Бандит резко бросил машину вниз. Этот маневр позволил ему на какое-то время отдалиться от преследователей. Но у них оказалось преимущество в высоте. Теперь они могли свободно расстреливать его...

Однако выстрелов по бандитскому флайеру не последовало. Трюфон стремительно снижался и уже через минуту летел над крышами брельтского города, едва не задевая шпили и флюгера.

Первоначальный маршрут пришлось менять на ходу: увидев, что его преследуют и даже собираются сбить, Трюфон отказался от мысли достичь космодрома из космоса. Теперь его тактика была иной: он шел низко над городами Брельта, растянувшимися цепью; едва кончались предместья одного города, как начинались предместья другого. Трюфон летел

над аккуратными островерхими особняками. Полицейские турболеты выжидали, когда бандит выйдет на пустынную местность. До тех пор, пока внизу жилые дома, Трюфон мог не беспокоиться: стрелять по нему не будут.

Неторопливый полет над городами продолжался минут сорок. Флайер приближался к космодрому. Последним городом на пути к цели был Гарсель. Но вот и Гарсель остался позади. Чтобы достичь космодрома, надо было пересечь довольно обширное пустынное плоскогорье, и уж тут – Трюфон это прекрасно понимал! – с ним обойдутся без церемоний.

Он резко надавил на педаль скорости. Полицейские аппараты рванули следом. Целый сноп ракет устремился к флайеру. Антиракет у Трюфона оставалось мало, ясно, что они не смогут перехватить и уничтожить все летящие на него ракеты.

Бандит, взяв драгоценную пластинку в рот, выбрался из кресла и, забившись в аварийный люк, всунул руки в лямки гравитационного буксира. Нажатие кнопки – и Трюфона буквально вышибло из флайера. Закувыркавшись в воздухе, он успел включить буксир – рычаги управления буксиром располагались как раз возле его перехваченных лялками рук.

Буксир представлял из себя небольшую, всего полметра длиной, коническую ракету, позволявшую передвигаться в атмосфере или в безвоздушном пространстве. Трюфон мог направить буксир в ту или иную сторону, и его тянуло за ним, подобно тому, как водолаза под водой тянет баллон, снабженный мотором. Но, в отличие от водолаза, летун на буксире мог развивать несравненно большие скорости.

Удалившись от флайера на несколько десятков метров, Трюфон услышал позади себя оглушительный взрыв: это одна из самонаводящихся ракет попала во флайер и превратила его в груды обломков. Трюфон резко увеличил скорость гравибуксира.

Несколько минут все в нем замирало от страха: заметили или нет? Но полицейские турболеты находились слишком высоко, и Трюфон, снизившись и летя почти над самой землей, оказался вне поля их видимости. Ветер свистел в ушах бандита, разрывал на нем одежду. Все-таки полет на гравибуксире, тем более на сумасшедшей скорости – вещь не из приятных. В первые же минуты полета с Трюфона сорвало сапоги; еще через несколько минут он лишился штанов. Но гартигасец не обращал внимание на подобные мелочи.

Впереди замаячили звездолеты. Их было много – целый лес боевых кораблей возвышался за невысокой оградой, освещенной прожекторами и снабженной полупрозрачной изолирующей сетью, которая задерживает материальные тела. Чтобы преодолеть эту преграду, Трюфону пришлось подняться чуть ли не на километр.

На высоте напряжение изолирующего поля ослабло, и Трюфон оказался над космодромом. Темными грозными башнями высились боевые звездолеты Конфедерации, готовые в любую минуту сорваться с места и унести на субсветовой скорости к далекому созвездию Деки. Сознание гартигасца, как и всех обитателей планет, попавших под власть Рассадура, было затуманено зловещей силой Владык. Сейчас Трюфон знал только одно: он должен служить им, покорно и ревностно исполнять их приказы, ибо от этого зависела его жизнь. Каким образом такая установка вошла в него, ему было неизвестно, да он и не задумывался над этим. Свое рабство у неизвестных Владык Рассадура и их Посредников он воспринимал как данность, как естественный порядок вещей. Также воспринимали это и Шшеа, и погибший Зауггуг, и тысячи, сотни тысяч гуманоидов, превращенные безжалостными Владыками в убийц, насильников и грабителей.

Сориентировавшись, Трюфон определил, что находится над центром космодрома. И тут он выплюнул скрижаль, которая полетела куда-то в темноту и, легкая и погасшая, опустилась на бетонном поле между кораблями.

Трюфон злобно расхохотался.

– Теперь дело за кликком, – пробормотал он. – Если этот малявка запустит мину – а уж он-то ее запустит, будьте покойны! – то через несколько часов космодром превратится в клочкущее месиво, в котором не останется ни одного целого звездолета!

И, дико хохоча, он развернул буксир и полетел прочь.

В те минуты, когда Трюфон вылетал с башни, у запертых дверей гарсельского Астрозоологического музея появилась странная фигура. Это была чрезвычайно высокая старуха с выпученными глазами, опиравшаяся на палку. На плече у нее сидело какое-то экзотическое существо, которому место было скорее в вольере космического зоопарка. Внешне зверек напоминал паука, размером же был не больше крысы. Лапы и круглое тельце его были покрыты перламутровой шерстью,

бусины глаз торчали на концах четырех небольших рожек. Зверек, несколькими лапами вцепившись в плечо старухи, другими беспрерывно почесывал свое брюшко.

Старуха громко заколотила в дверь. В Гарселе была глубокая ночь, город спал, огни на улицах были притушены, за окнами музея царил мрак. Наконец в ответ на нетерпеливый стук поплыл по стеклам дрожащий свет от фонарика ночного сторожа. Слышно было, как за дверью завопили с запором.

Массивная створка приоткрылась и высунулась лысая голова служителя. Он осветил фонариком на старуху и, жмурясь спросонья, пробормотал:

– Госпожа что-нибудь забыла?

В ответ он получил сокрушительный удар палкой по лысине.

Служитель рухнул замертво. Старуха перешагнула через труп и устремилась в вестибюль, а оттуда – на широкую лестницу.

Остановить незваную гостью было некому. Она мчалась по просторным сумеречным залам, а на плече у нее взвизгивал и подскакивал мохнатый зверек. Встречая на пути запертую дверь, старуха, как танк, таранила ее на полной скорости и дверь разлеталась в щепки. Натыкаясь на витрину, прищелица не искала обходных путей, а рушила ее своей отлитой из чугуна палкой, и сквозь обломки устремлялась дальше, в следующие залы.

Сонная тишина музея взорвалась грохотом и гулом тяжелых шагов. Старуха мчалась как ураган, потрясая палкой; зверек, переместившись на ее голову, громко визжал и подпрыгивал, взмахивая лапками. В залах то здесь, то там зажигался свет. Сработала система охранной сигнализации, завывла сирена, зазвучали встревоженные голоса ночных сторожей, сбегавшихся на шум.

Старуха ворвалась в последний зал, временно закрытый для посетителей, где днем шли работы по смене экспозиции. В зале была выставлена коллекция чучел, присланная в подарок музею неведомым благотворителем. Тут зверек словно взбесился. Он истошно заверещал, высоко подпрыгнул и щупальцами уцепился за подвешенное к потолку чучело огнеглазого дракона. Старуха между тем продолжала крушить витрины. Звенели разбиваемые стекла, с шумом падали полки с прозрачными сосудами, в которых были заспиртованы чудо-

вищные твари, валились древние скелеты, столбом взвивалась пыль.

Зверек, ловко перебирая лапами, переместился по брюху дракона и, раскачавшись, перепрыгнул на люстру. С нее он перескочил на соседнюю. В том же направлении устремилась и старуха.

Один из сторожей выстрелил в нее из парализующего пистолета. В музее строжайше запрещалось пользоваться автоматическим или лучевым оружием. Все вооружение сторожей составляли лишь парализующие пистолеты, которые могли сделать какого-нибудь разбуянившегося посетителя неподвижным всего на несколько минут. Выстрела старуха даже не почувствовала. Пробегая мимо несчастного охранника, она одним ударом палки выбила у него из рук пистолет, а другим – размозжила череп. Видя это, второй охранник поспешил убраться за дверь.

Зверек, вереща, спрыгнул с люстры на стеклянный шкаф, в котором помещалось чучело астрогимпиоса. Тотчас к шкафу метнулась старуха. Сторожа и глазом не успели моргнуть, как прочное стекло было разбито вдребезги. Старуха, перехватив палку, которая на конце была заточена, как кинжальное лезвие, стремительно вспорола тушу астрогимпиоса сверху донизу.

И тут произошло то, отчего несколько вбежавших в зал сторожей застыли в изумлении. Из внутренностей мерзкой твари вывалился массивный тупоносый аппарат с десятью когтистыми лапами по бокам, внешне похожий на черепаху. В длину аппарат достигал двух метров, толщиной был около метра; впереди вместо морды у него был странный экран, как будто опутанный мелкой сеткой. Тут зверек, оттолкнувшись от крыши шкафа, совершил длинный прыжок и упал точно на аппарат. Его лапы заметались по каким-то кнопкам в задней части аппарата, и вдруг нелепая металлическая черепаха вздрогнула. Тусклым красноватым огнем зажегся экран. Замигали какие-то лампы на ее корпусе... Зверек с визгом отскочил.

«Черепаха» развернулась и приподняла тупоносую переднюю часть. Она словно принохивалась к чему-то. Затем, видимо, «взяла след»; вновь опустила морду и двинулась к стене. Сторожа в панике кинулись прочь, давая ей дорогу.

«Черепаха» шла по прямой, уничтожая все, что попадалось ей на пути. Экран обладал свойством аннигилировать веществ-

во в десяти сантиметрах от себя, и все, что оказывалось перед «черепахой», мгновенно превращалось в молекулы.

Распахнутые двери были в полуметре от линии ее движения, но «черепаха», раз и навсегда избрав направление, не свернула ни на миллиметр. Она ринулась к стене, в которой немедленно появилось круглое отверстие. Чудовищный аппарат устремился в него. Зверек прыгнул на плечо старухи и та рванулась в дверь следом за «черепахой».

В эти минуты к музею подъезжали патрульные полицейские машины, вызванные по рации сторожами. Одна из них въехала на зеленую лужайку перед боковым выходом из здания, из нее выскочило четверо блюстителей порядка, вооруженных автоматическим оружием и огнеметами.

В изумлении они остановились в двух десятках метрах от стены музея: сбоку от двери внезапно возникло круглое отверстие, из которого сначала высунулся экран металлической «черепахи», а затем и весь кибернетический монстр. «Черепаха» двигалась вперед, не обращая ни малейшего внимания на полицейских.

Один из них догадался пальнуть по ней из бластера, но огненный луч отразился от огнеупорного корпуса, не причинив киберу вреда. Кустарник, который оказался на пути «черепахи», исчез, испарился в воздухе.

– Ты видел? – полицейский толкнул локтем напарника. – Похоже, на се носу установлен мощный аннигилятор!

– Да, а иначе как объяснить, что земля исчезает перед ней?.. Эта кибернетическая тварь – грозное оружие, нам с нашими огнеметами, пожалуй, тут нечего делать...

– Надо срочно вызвать бригаду спецроботов с антианнигиляционными приборами! – воскликнул третий полицейский. – Эта штука может наделать беды!

Но кибер не сделал попытки напасть на полицейских, не двинулся он и в сторону жилых домов. Вместо этого он вонзился в землю, войдя в нее, как нож в масло. Земля затряслась в радиусе сотни метров от того места, куда врылась таинственная «черепаха»; еще целую минуту раздавался гул, удаляющийся под землю.

Наконец гул стих и трясение земли прекратилось. Полицейские подбежали к яме, оставленной странным существом. Монстр в буквальном смысле провалился сквозь землю, породив в душах людей тревогу и страх.

Из замешательства их вывели гулкие шаги старухи, которая со зверьком на плече показалась в дверях музея.

– Вот она! – крикнул полицейский. – Стой! – закричал он старухе. – Стой! Буду стрелять!

Но старуха, не слушая его, быстрым шагом направлялась к невысокой музейной оgrade. Ее настиг бластерный луч; одновременно прозвучала очередь из автомата. Старуха пошатнулась, шаг ее замедлился. Зверек с пронзительным писком скатился с ее плеча, юркнул в кусты и исчез. Полицейские позволили ему уйти, все их внимание было занято старухой.

Получив несколько пуль, она продолжала идти, но походка ее сделалась какой-то вихляющей, автоматической, как у испорченной заводной куклы.

– Это кибер! Определенно кибер! – крикнул один из полицейских.

Они открыли по уходящей старухе стрельбу из всего имевшегося в их распоряжении оружия, и страшное существо, так и не дойдя до огады, упало в траву, продолжая автоматически передвигать ноги. Из ее прожженной спины повалил черный дым.

Внезапно полицейские увидели, как многоногий зверек снова вернулся к ней. Он подскочил к ее безжизненно откинутой голове, от прикосновения его мохнатой лапки в старушечьем черепе что-то звонко щелкнуло и череп раскрылся, как две створки ореха. Зверек что-то быстро вытащил из черепной коробки кибера

Бежавшие к старухе полицейские остановились, вскинули бластеры; заматались лучи, опаляя траву; но времени прицелиться не было: зверек, держа в лапах какой-то предмет, запрыгал, уворачиваясь от лучей, и спустя несколько секунд растворился во мраке буйной поросли у огады.

Блюстителю порядка подбежали к распластанной старухе. Теперь, когда от бластерного огня на ней сгорели одежда и верхний покров, имитировавший кожу, в облике ночной посетительницы музея не было уже ничего человеческого. Кибернетические внутренности оплавилась; при свете звезд поблескивал голый металлический остов.

Неожиданно из кустов, где исчез зверек, послышалось резкое шипение, похожее на звук взлетающего фейерверочного огня. Полицейские успели заметить, как из зарослей стремительно взмыл к небу огонек, спустя считанные секунды зате-

рявшийся среди звезд. За огоньком, как маленький шлейф, неслась черная тень...

Излишне говорить, что прибывшая к месту происшествия землеройная машина так ни до чего и не докопалась, хотя вырыла по следу «черепahi» внушительной длины туннель.

Глава IX. Неожиданная развязка.

Плазмoид вызвал на крышу башни еще одного кибера – двойника Карра. Оба кибера связали Дарта по рукам и ногам, после чего отнесли в зал и здесь по приказу Шшеа подвесили вниз головой на крюк, торчавший в потолке.

Затем киберы вернулись в свои потайные шкафы, а Шшеа, высыпав изрядную порцию фиолетового порошка в пламя камина, впрыгнул туда весь и удовлетворенно зашипел, впитывая в себя опьяняющую цветную плазму. На какое-то время в зале установилась тишина.

Дарт, сделав несколько безуспешных попыток избавиться от пут, затаил. Вспоминая разговор двух бандитов, он выстроил в уме логическую цепь, в которой нашли свое место и упоминания о неведомом «кликлике», и о музее, и о mine, и о Скрижали Имперской Канцелярии; операция «Сувенир» представилась ему почти во всех своих основных звеньях. Итак, размышлял Дарт, мина доставлена на Брельт в чучеле одного из экзотических животных, помещенных в гарсельский музей. Скорее всего, это чучело астрогимпиоса. Агент, которого называют кликликом, должен извлечь ее оттуда и «включить». Вероятно, к настоящему времени он уже сделал это. Кибернетическая мина в дальнейшем работает на автономном режиме, самостоятельно передвигаясь по поверхности Брельта или – если принять во внимание обмолвку Трюфона – прорываясь, как крот, под землей... При этом мина ориентирована на маленькую радужную пластинку, которую бандиты почтительно именуют «Скрижалю Имперской Канцелярии». Видимо, как бы далеко ни находилась пластинка, мина должна учуять ее, определить ее местонахождение и, прорываясь сквозь все препятствия, двигаться прямо к ней. Успех операции зависел от того, удастся ли Трюфону доставить пластинку на космодром.

Неужели, думал Дарт, Феллет промедлит и даст бандиту пролететь над союзной эскадрой?.. Кулаки комиссара непроизвольно сжались, он застонал в бессильной ярости, задергался в своих путах. Если Скрижаль окажется на космодроме, то флот погиб. Мина несет в себе небывалый заряд разрушительной энергии. Когда она соединится со Скрижалю, про-

изойдет взрыв и землетрясение такой силы, что все звездолеты будут уничтожены. И самое обидное, самое горькое – это то, что он, Дарт, связан и беспомощно висит здесь, на крюке, и ничего не может сделать...

Но окажись он сейчас в лагере Феллета, смог бы он как-нибудь воспрепятствовать сатанинскому замыслу? Хотя может случиться и так, что кликлику не удалось включить мину и его обезвредила музейная охрана, а флайер Трюфона подбили далеко на подлете к космодрому...

Может быть так, но может быть и иначе! Комиссар держался всем телом и проклинал рассадурских киберов и веревки, которыми был связан.

Время шло, и ни полицейские, ни Трюфон не показывались на башне. Наконец за узкими окнами послышалось приглушенное гудение. Дарт насторожился. На полицейский флайер это непохоже...

В зал через окно влетел Трюфон, привязанный к гравибуксиру. Руки гартигасца, державшиеся за рычаги, затекли и плохо слушались своего обладателя; Трюфон не успел в нужный момент отжать скорость, и буксир, а вместе с ним и бандит, врезался в стену. Из камина вылез темно-фиолетовый, сильно захмелевший плазмод. Некоторое время огненный сгусток перекатывался по полу, потом на нем образовался отросток, который, удлиняясь, извивающимся щупальцем потянулся к гартигасцу и шлепнул его. Трюфон, застонав, поднялся на ноги.

После удара об стену все плыло перед его глазами, пол качался. Гартигасец высвободил руки из переплетения ремней буксира и встал, широко расставив ноги.

– Ну, что? – спросил Шшеа. – Удалось обделать дело?

– Флайер разнесли к чертовой матери проклятые полипы, – Трюфон нетвердыми шагами двинулся к креслу. – Пришлось лететь на буксире... Путешествие было не из приятных... – Он свалился в кресло и облегченно вздохнул, вытянув ноги. – Я чуть не околочился под открытым космосом, хотя мы, гартигасцы, можем переносить сверхнизкие температуры...

– Говори прямо. Ты доставил Скрижаль на космодром?

– Угу. Там она...

– Отлично! – Шшеа взвился чуть ли не до потолка. – Теперь дело за кликликом.

– Кликлик никогда не подведет! – раздался звонкий писк, и Дарт, повернув голову, увидел, как из окна в зал влетело маленькое мохнатое существо с множеством лапок, которыми оно держалось за такой же маленький гравибуксир. – Мина

запущена! – продолжал торжествующе верещать уродец, летая вокруг связанного Дарта. – Она пошла на соединение со Скрижалью, а это значит, что через несколько часов мы будем любоваться самым захватывающим зрелищем во Вселенной!

– Отлично, отлично, – плазмоид, как безумный, носился по залу, – нам всем обеспечена награда, и прежде всего – мне!

– Что это за тип болтается тут на веревках? – опускаясь на пол, осведомился гуманоид с планеты Кликль. – Среди наших я, вроде, такого не видел...

– Мы сами еще не до конца разобрались с ним, – отозвался Трюфон. – Судя по всему, это какой-то усовершенствованный суперсовременный полуразумный кибер. Дьявольски живуч, между прочим. Представь, мы так и не смогли его прикончить.

– Не сомневаюсь, что это – секретное оружие Конфедерации! – завопил Шшеа, носясь вокруг Дарта. – Мы Доставим его на Гунг и удостоимся за это особого вознаграждения!

– Кибернетический полип? – злобно пискнул кликлик.

Он высоко подпрыгнул и в прыжке ударил комиссара своим круглым животиком – тугим, как боксерская перчатка.

– На, получай! И еще! и еще!..

Дарт не обращал внимание на удары, хотя они были довольно увесистыми. Издевательства и оскорбления бандитов были ничто по сравнению с чувством уязвленного самолюбия, которым терзался пленник. Как он мог так глупо попасться! Слишком поздно он кинулся на Трюфона, надо было сделать это раньше, во время потасовки гартигасца с плазмоидом, когда Скрижаль выпал из кармана зеленолицего бандита... Тогда у Дарта был шанс завладеть драгоценной пластинкой и, увернувшись от лап Трюфона, выбежать на крышу башни. А уж оттуда бы он кинулся прямо вниз, на скалы, не рискуя разбиться, и бандиты никогда бы не нашли его в жутких черных ущельях, среди нависающих глыб и узких расщелин! Дарт завладел бы их сатанинской Скрижалью, без которой операция «Сувенир» провалилась бы...

– Смотри на экран, полип! – шипел огненный сгусток, вытягиваясь изгибающимся столбом и вырастая до потолка. – Смотри на экран!

Комиссар бросил угрюмый взгляд на приборную панель с огромным экраном, стоявшую у противоположной от камина стены.

– Видишь цифры! – вопил плазмоид. – Они показывают расстояние, которое отделяет мину от Скрижали! Нейтронное излучение, исходящее от мины, улавливается чувствительным датчиком, вмонтированным в панель, и компьютер тут же вы-

дает расстояние до объекта с точностью до метра. Видишь, как мелькают цифры? «Черепашка» роет туннель со скоростью курьерского экспресса! Ха-ха-ха-ха!.. – Плазмод, разбрызгивая искры, закувыркался в воздухе. – Ха-ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха-ха!.. Смотри, полип, всего-то ей осталось проползти сто восемьдесят километров.! Она прорвет их за пару часов! Ха-ха-ха-ха!..

Тем временем в башню через окна и люк в потолке влетали сообщники Шшеа и Трюфона, которым, видимо, было известно об операции «Сувенир». Это были гуманоидные существа самых разнообразных видов. На Карриоре и Брельте они выдавали себя за иммигрантов, беженцев или туристов с других миров, а на самом деле занимались шпионажем в пользу Рассадура. Операция по уничтожению союзной эскадры близилась к завершению, и все они желали собственными глазами увидеть взрыв и землетрясение, которое покажет им экран. Нынешняя ночь обещала стать для них ночью великого торжества. Лишь немногие из прибывающих «работали» на Брельте; большинство агентов специально прилетело с Карриора. На башню они слетались, держась за рукоятки гравитационных лифтов. Влетая в зал, они опускались на пол, где их шумно приветствовали Трюфон, кликлик и Шшеа.

Плазмод считал своим долгом каждого из них со злорадным хохотом представить Дарту.

– Вот это, полип, агент 41-В, – говорил он, подводя к комиссару большого гориллообразного гуманоида со звериной волосатой мордой и длинными ручищами. – Только в этом году кокнул восьмерых полипов, вроде тебя! Ха-ха-ха-ха!..

Рожа агента перекосилась от ярости, он дотянулся до Дарта и попытался ногтями разодрать ему лицо, но у него ничего не вышло. Лицо комиссара, несмотря на эластичность и податливость, мгновенно восстанавливало свою форму, зато Дарт изловчился и схватил зубами когтистый палец агента. Он сжал его с такой силой, что палец оказался перекушенным задолго до того, как Трюфон взгромоздился на плечи заревевшей горилле и вставил между зубами Дарта кинжал.

Очень довольный, Дарт выплюнул окровавленный огрызок пальца прямо в искаженное от злости и боли лицо агента.

– А вот это, полип, 34-А – гений диверсии! – продолжал Шшеа, выталкивая из толпы уродливого карлика с землистым морщинистым лицом. – Это он устроил взрыв на заводе по сборке межзвездных кораблей!

У меня на нелегальной квартире в Эллеруэйне есть унитаз, сделанный в виде головы карриорского полицейского, – прогнусавил карлик. – Голова очень похожа на рожу этого поли-

па! Жаль, что он висит так высоко, я бы на него с удовольствием помочился!

– Ты видел, как я откусил палец, гнусный ублюдок? – Дарт извивался в тщетных попытках сорваться с крюка. – Точно так же я перегрызу твой поганый член!..

– А вот агент 04-С! – прокричал Шшеа, подводя к Дарту девушку в фривольном платье и с довольно миленьким румяным личиком.

Трюфон подскочил к ней, обхватил ее личико своей волосатой ручищей и скомкал его. Личико оказалось искусно сделанной маской, под которой обнаружилась звероподобная рожа с клыкастой пастью.

– Агент 04-С заразил венерическими болезнями пятьдесят шесть полипов! – объявил Трюфон.

Бандиты загоготали. Уродливый агент 04-С, жеманясь, тоненьким голоском предложил комиссару составить «ей» компанию на сегодняшнюю ночь.

Агенты продолжали прибывать. Через час их набилось в зале человек семьдесят. Трюфону приходилось снова и снова рассказывать о своем героическом полете к брельтскому космодрому, когда сбили его флайер и он летел без силовой защиты на гравibuксире.

– Как по-вашему, – напыжась, спрашивал он, – я удостоюсь благодарности от Его Милости господина Посредника?

Все соглашались с ним, говоря, что такой подвиг заслуживает ордена. При этом про себя многие считали, что их шпионская деятельность более важна и что они скорее заслужили орден, чем Трюфон. Однако они предпочитали помалкивать об этом.

Вскоре засветился большой экран и на нем возникло летное поле брельтского космодрома. Оно было за сотни километров отсюда, его изображение передавалось через космический спутник, зависший над Брельтом. На необозримой бетонированной глади возвышались боевые звездолеты Конфедерации. Над ними раскинулась звездная ночь. Кроме кораблей, на космодроме не было больше ничего. Не видно было ни одной живой души.

Дарт заскрежетал зубами при мысли о том, что через какой-нибудь час вся эта мощь будет уничтожена сокрушительным взрывом и землетрясением... Светящиеся цифры в верхнем углу экрана неумолимо отсчитывали метры, отделявшие зловещую «черепашу» от Скрижали, которая валялась где-то в центре космодрома.

Кибернетическая мина рыла подземный туннель с поистине бешеной скоростью. Цифры показывали, что от пластинки

ее отделяют сорок тысяч метров. Вот уже тридцать нить тысяч... Тридцать тысяч...

Бандиты от восторга пустились в пляс. Откуда-то появились бутылки с горячительными напитками и наркотическая жвачка. Гуманоиды прыгали, скакали, визжали, кружились, взявшись за руки, и среди всего этого неистовства с пронзительным визгом носился Шшеа, превратившийся в крутящийся фейерверочный фонтан.

Громко щелкали клешни и челюсти, сверкали выпученные глаза, грохотали об пол сапожищи, подкованные намагниченным железом; по стенам метались изломанные уродливые тени. На радостях те из бандитов, что повыше, норовили ударить Дарта, словно это была боксерская груша.

– Тысяча метров! – отсчитывал кликлик, вцепившись в Дарта и раскачиваясь на нем. – Семьсот пятьдесят!..

Дарт уже не мог смотреть на эти сатанинские морды, кружащиеся под ним; на него напало какое-то равнодушие ко всему. Он подумал, что после такого катастрофического провала он не останется на Карриоре, он умчится в самый дальний космос, в несусветную глушь, в те неизведанные области вселенной, куда еще только начали проникать исследовательские звездолеты Конфедерации, и поселится там на какой-нибудь дикой, гибельной для людей планете, где только он с его сверхчеловеческими возможностями и сможет существовать, уединится там на тысячелетия, чтобы забыть свой провал...

– Осталось триста метров! – торжествуяще пищал кликлик. – Молодец, «черепашка»!

Бандиты ревели, столпившись перед экраном.

Космодром по-прежнему безмолвствовал. Ничего не изменилось на необозримом летном поле, только край ночного неба озарился голубоватым блеском: восходил громадный диск Карриора, подсвечивая бока звездолетов.

Бандиты прыгали от нетерпения, и от их прыжков, казалось, сотрясалась вся башня. Первым забеспокоился всегда подозрительный агент 34-А.

– Вы чувствуете, как вибрируют стены? – просипел он. – Уж не землетрясение ли?

Трюфон тоже насторожился.

– Странно... Такого никогда на башне не было...

– Может, полицейские роботы идут по лестнице? – высказал предположение Шшеа. – Но они опоздали, голубчики. Мину уже ничто не остановит!

Полипов, если это действительно они, необходимо задержать, – заметил Трюфон, – хотя бы на полчаса. За это время мы успеем полюбоваться на взрыв и стартовать...

Последнее слово Трюфона заставило комиссара вздрогнуть. Гартигасец, заметив это, со злорадной ухмылкой приблизился к связанному пленнику.

– Ну да, полип, ты не ослышался. Сразу после взрыва мы все отчаливаем отсюда на Гунг. Не веришь? – Трюфон расхохотался. – Верхняя часть башни давно уже переоборудована нами под межзвездный корабль, под полом этого зала установлен фотонный реактор, а в каминной трубе смонтирован двигатель. Корабль только и ждет сигнала к старту!.. Кстати, тебе повезло: ты летишь на Гунг вместе с нами. Уж больно ты нам понравился!

Бандиты дружно подхватили его смех.

– Пятьдесят метров! – визжал кликлик. – Двадцать пять! Еще немного – и все!.. Ну!..

Между тем грохот, от которого сотрясалась башня, теперь уже явственно доносился с лестницы. Что-то большое, тяжелое быстро поднималось там, грохоча по ступеням.

Трюфон метнулся к двум киберам, стоявшим у стены.

– Слушайте приказ! – провозил он. – Бегите на лестницу! Кто бы там ни поднимался – задержите его хотя бы на четверть часа!

На груди кибернетических карликов зажглось бластерное пламя, из рук выдвинулись стальные лезвия и оба сторожа ринулись к двери. Башня продолжала сотрясаться...

– До взрыва остались секунды! – заревели бандиты, вытягивая шеи и не сводя взглядов с большого экрана.

Изображение космодрома казалось застывшим. Корабли замерли на взлетном поле.

– Осталось восемь метров! – истерически выкрикнул кликлик. – Семь!..

Внезапно со страшным треском сорвалась с петель массивная дверь. Ее вышибло страшным ударом, потрясшим до основания всю башню. Отскочившей дверью сбило с ног сразу четырех бандитов. Вслед за рухнувшей дверью в зал ввалилось раскалившееся докрасна металлическое чудовище, в котором кликлик узнал кибернетическую мину... Заверещав от ужаса, он взвился чуть ли не до потолка. Бандиты оторопели.

На тупоносой голове «черепахи» каким-то чудом еще держались искореженные и наполовину аннигилированные останки Карра, безжизненно волочились его руки с длинными ножевыми лезвиями. «Черепаха», ворвавшись в зал, тотчас аннигилировала нескольких бандитов, оказавшихся на ее пу-

ти; тех же, кому удалось увернуться от ее истребляющего носа, она давила своими тяжкими лапами.

В зале слышались вопли ужаса. Не реагируя ни на что, «черепаха» устремилась прямо на Дарта. Монстр подпрыгнул, вцепился в комиссара, веревка лопнула, не выдержав тяжести, и оба они рухнули на пол.

Дарт даже не пытался вырваться из стальных объятий «черепахи» – это было бесполезно. Он был изумлен не меньше остальных. Передние лапы кибера вонзились ему в грудь, что-то щелкнуло внутри кибернетической мины, она вся вспыхнула ослепительным белым пламенем и раздался ужасающей силы взрыв...

Вспышку на вершине Регеберской башни видели почти во всех городах восточного полушария Брельта. Взрыв породил мощнейшую ударную волну, поднявшую в разреженную атмосферу планеты огромные массы пыли и камней. Скалы трясло, склоны горы Мабор покрылись трещинами; во многих местах прогрохотали обвалы. Но взрыв, произведя страшные разрушения в этой пустынной и дикой местности, практически не затронул населенных областей планеты, а из-за того, что он произошел высоко над землей, его сейсмическое значение оказалось сведенным к минимуму. Землетрясение ощущалось только в ближайших окрестностях Мабор. Но от древней башни не осталось ничего, испепелило даже ее камни.

В первые секунды взрыва Дарту показалось, что он снова угодил в фотонный реактор зауггугова звездолета. Несколько минут он плавал в клокочущем пламени, сопровождавшемся ужасающим грохотом. Потом пламя стало быстро слабеть и комиссара окутало густое облако пыли и камней, с которым он поднялся на добрый десяток километров. Четверть часа он носился в пылевом вихре, пока гигантский гриб, поднятый взрывом, не начал спадать и оседать на скалы; в конце концов комиссара швырнуло к подножию Мабор – невдалеке от того места, где высилась башня, – и погребло под грудой камней.

Но миниатюрный передатчик в огнеупорной капсуле, вставленный в его тело, уцелел и продолжал испускать сигналы. Благодаря им у завала, где был погребен Дарт, вскоре появились спасатели. Пеленг был устойчивым, и могучие кибернетические экскаваторы принялись разгрести каменные глыбы.

Дарт был извлечен на пятый день после взрыва и тогда же возле гигантской воронки, образовавшейся на месте башни, он встретился с Феллетом.

– Рад видеть вас невредимым, комиссар! – приветствовал его Феллет. – Хотя я и наслышан о вашей неубиваемости, все же, признаюсь, мне удивительно видеть вас вернувшимся из пекла!

– Но вы-то, Феллет, как уцелели? Ведь ваш наблюдательный пост находился в непосредственной близости от башни!

– Мы счастливо отделались, нас только потрясло, а потом завалило. Но этот взрыв – полнейшая неожиданность для нас... Что произошло, Дарт? Рассказывайте скорее, я сгораю от нетерпения!

Комиссар в немногих словах поведал Феллету о замысле агентов Рассадур; операция «Сувенир», которая должна была завершиться взрывом на космодроме и уничтожением союзного флота, имела финал, оказавшийся неожиданным для всех, в том числе и для Дарта.

Вы сказали, что мина, ворвавшись в зал, сразу бросилась на вас, после чего произошел взрыв? – задумчиво проговорил Феллет. – Но почему именно на вас, ведь она была ориентирована на Скрижаль, заброшенную Трюфоном на космодром?..

– Есть у меня одно соображение, которое могло бы объяснить странное поведение мины, но прежде я должен еще раз увидеть Скрижаль. Свяжитесь по рации с охраной космодрома, пусть организуют ее поиски. Это маленькая тонкая квадратная пластинка, имеет радужный блеск... Думаю, она поможет мне ответить на ваш вопрос.

Пока Феллет связывался с космодромом, Дарт направился к скале, когтистым пальцем возвышавшейся над морем обломков. Несколько раз сорвавшись, он добрался до вершины, выпрямился и, скрестив на груди руки, начал внимательно всматриваться в простиравшуюся перед ним пустынную котловину.

Голубой диск Карриора стоял высоко над горизонтом, озаря угрюмый ландшафт. Роботы-спасатели, сделав свое дело, покинули эти места. Над Регебором царила тишина. Дарт стоял не шевелясь. Внезапно он вздрогнул, видимо заметив что-то, заинтересовавшее его. Он не стал спускаться по склону, а просто спрыгнул с сорокаметровой высоты.

В эту минуту в небе показался флайер. Гудя двигателями, он завис над Феллетом; по веревочной лестнице спустился полицейский и передал майору конверт.

– Идите сюда, Дарт! – закричал Феллет. – Здесь кое-что любопытное для вас!

Дарт подбежал, прыгая с глыбы на глыбу. Феллет передал ему конверт, из которого Дарт извлек радужную пластинку.

– Ну конечно! – воскликнул комиссар. – Еще в тот момент, когда она выскочила из кармана Трюфона, у меня мелькнула эта мысль, но, мелькнув, она тотчас ушла, потому что мне надо было действовать, и как можно быстрее! А между тем, обдумай я ее основательней, все могло бы быть по-другому...

– Не растравляйте мое любопытство, комиссар, говорите!

– Взгляните, Феллет, вот на это, – Дарт вонзил пальцы себе в грудь, и неожиданно в глубине его эластичного тела что-то блеснуло.

Рывком Дарт извлек из себя кинжал, добытый им на звездолете Зауггуга. Рваные края раны на его теле мгновенно сомкнулись. Дарт держал в одной руке кинжал Зауггуга, в другой – Имперскую Скрижаль.

– Догадка Трюфона о том, что на Брельте может оказаться вторая Скрижаль, была верной, хотя никто, даже сам Трюфон, не верил в нее! – воскликнул он.

В лучах поднимающегося Карриора ярко сверкали и переливались кинжал и пластинка. Было ясно, что обе вещи были сделаны из одного и того же материала, только кинжал был толще и раза в три крупнее. Дарт поведал Феллету об обстоятельствах, при которых добыл кинжал.

– Что сказал бы Зауггуг, если б узнал, что он помог погубить всю эту шпионскую свору! – со смехом воскликнул майор.

– Не всю, – загадочно молвил Дарт. – Вы забыли о плазмоиде, единственном из банды Трюфона, который мог уцелеть при взрыве. В сотне метрах отсюда у восточного края воронки я видел кое-что... Флайер тут как нельзя кстати, – с этими словами Дарт схватился за свисавшую с флайера веревочную лестницу и подтянулся по ней.

Через минуту он и Феллет сидели в кабине рядом с пилотом. Внизу за стеклом иллюминатора поплыли оплавленные взрывом обломки скал.

– Стоп, – сказал Дарт. – Снижайтесь.

Когда до земли оставалось метров двадцать, он спрыгнул. Флайер завис, и Феллет спустился по веревочной лестнице вслед за комиссаром.

– Вы видите тот огонек, который как будто движется между камнями? – Дарт показал куда-то направо.

Феллет вглядывался несколько секунд и наконец воскликнул:

– Ну да! Похоже, он стремится скрыться от нас... Смотрите, он улизнул в расщелину!

Дарт прыжками достиг того места, куда нырнул огонек, нагнулся и взял его в руку. Огонек съежился и сделался размером с пламя на кончике спички.

Дарт поднял ладонь с дрожащим пламенем и показал Феллету.

– Я так и знал, что он где-то здесь, – сказал он. – Вот, Феллет, полюбуйтеся. Это тот диверсант, который сжег девять звездолетов.

– Этот маленький огонек? – изумился Феллет.

Плесните на него керосином, и вы увидите громадного свирепого плазмоида, который сжег бы и вас, и флайер в одно мгновение. Трюфон каждый раз спасал его от огнетушителей, беря на кончик сигареты... Плазмиду нужна подпитка, чтобы он разгорелся; здесь, в этих скалах, он не находит питательного материала...

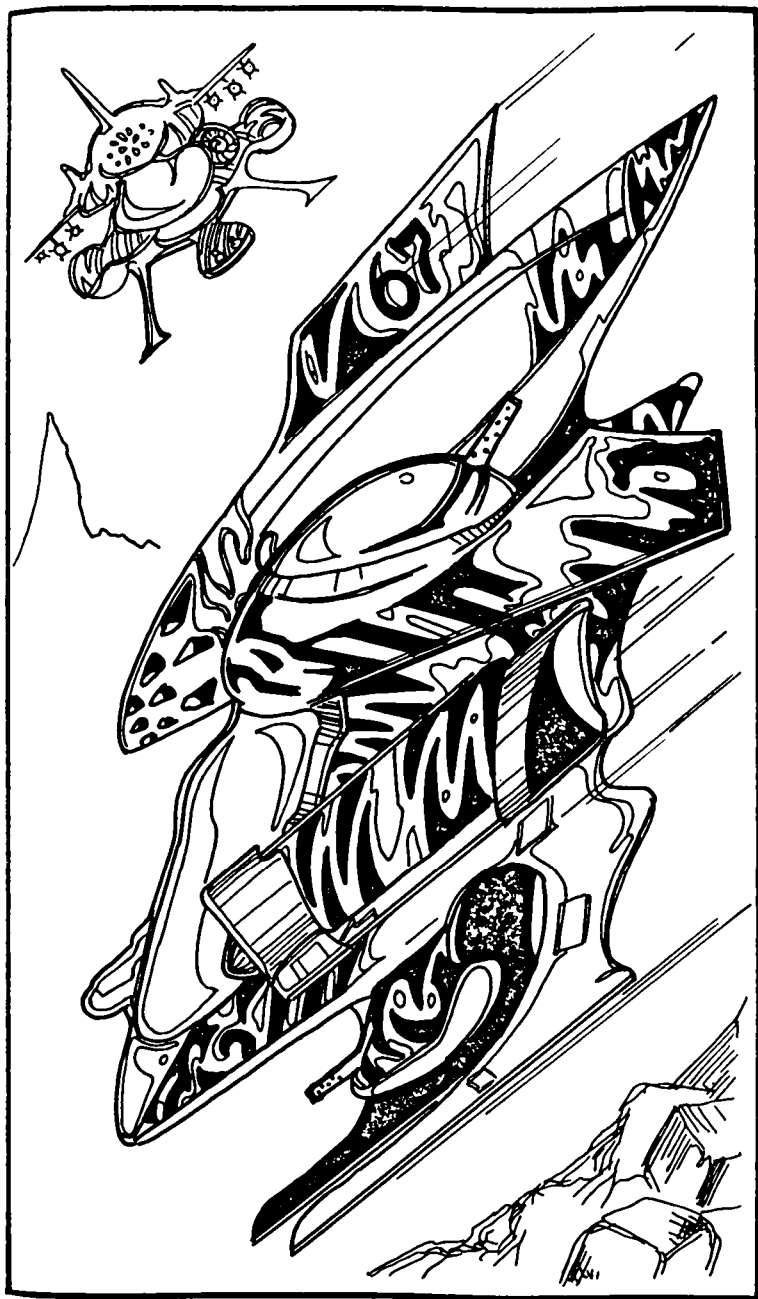
Огонек вдруг спрыгнул с ладони Дарта и метнулся в сторону Феллета, но майор вовремя отпрянул и огонек опустился на голый камень, откуда его вновь поднял Дарт.

– Черт возьми, – воскликнул Дарт, – он еще может надевать бед! Ваша силовая защита, майор, вряд ли уберегла бы от пламени, он сжег бы вас в одно мгновение и окреп бы настолько, что с ним уже трудно было бы справиться!..

Огонек вновь попытался вырваться, но на этот раз Дарт был начеку. Он прикрыл его сверху второй ладонью.

– Ну что, Шшеа, – с усмешкой обратился он к плазмиду, – на этот раз некому вытащить тебя из передраги? Трюфон погиб при взрыве и вся его банда сгинула вместе с ним. Не видать тебе орденов от твоих темных покровителей. И не нужно огнетушителя, чтоб погасить тебя! Достаточно одного плевка... – Он рассмеялся, оборачиваясь к майору. – Как жаль, что мое новое тело лишило меня удовольствия плюнуть или помочиться на эту гнусную тварь... Придется ее просто прихлопнуть.

И он сдвинул ладони, а когда разжал их, то они были пусты, лишь тонкая струйка желтого дыма тянулась от них к небу, быстро растворяясь в разреженной атмосфере Брельта.

А. Садовников

ГРАД КИТЕЖ

Шло лето от сотворения мира 6746.

За крепкими стенами детинца ревели метель, заносила Китеж снегом. Изредка сквозь тучи на миг прорывалось тусклое багровое солнце, и тогда метель становилась кроваво-красной. Суровой выдалась эта зима на Руси – первая зима монгольского нашествия. «Было тогда много тоски и скорби, и слез и вздохов, и страха и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас...» – писал летописец.

Неярко тлела свеча перед образами, отбрасывая отсветы на сосредоточенное лицо князя. Ее слабое пламя смешивалось с синеватыми отблесками летящего за окном снега.

– Княже, человек к тебе просится, – в горницу тяжело шагнул воевода Петр Ратишич.

– Кто такой? – равнодушно спросил князь, не оборачиваясь.

– Не сказывает. Говорит, татары близко, – угрюмо ответил воевода, – пленника привез.

Князь Глеб нахмурился. Уже близко... До последнего надеялись китежане, что стороной пройдут поганые, не полезут в заснеженные дремучие леса из-за крохотного городка. Полезли...

– Зови, – Глеб махнул рукой, перевел взгляд на изузороченное морозом слюдяное оконце. Он уже знал о страшной гибели Рязани, Владимира, Переславля-Залесского – городов, знаменитых своими укреплениями и доблестью дружин. На что же надеяться Китежу с его двумя сотнями ратников? На чудо?

Князь прерывисто вздохнул и тут же, сжав кулаки, мысленно обругал себя за проявление слабости. Ладно, что нет никого. Чуть слышно скрипнула дверь. Князь оглянулся. Сопровождаемый воеводой, вошел юноша лет двадцати, невысокий, но стройный и оттого казавшийся выше своего роста. Строгое красивое лицо, длинные темно-русые волосы, на лбу – свежий рубец от сабельного удара, едва заживший. С ног до головы нежданный гость был закутан в длинный зеленый плащ.

Все это князь разглядел не сразу. Сначала его внимание приковали глаза юноши – холодные, цвета озерного льда, они словно принадлежали другому человеку – мудрому старцу, изведавшему в жизни все мыслимое и немислимое. Князь даже поморщился, скрывая изумление и некоторый... страх? «Да что же это, – тоскливо промелькнуло в голове, – скоро от каждого куста бегать буду. Укрепи, Господи.»

– Здрав будь, княже, – юноша спокойно кивнул. Не рухнул на колени, не поклонился в пояс – лишь двинул подбородком.

– И ты здравствуй, – высокомерно изрек князь, усаживаясь на резной столец.

– Завтра здесь будут татары, – проговорил юноша, сбросил плащ и опустил на лавку. Под плащом на нем пыли штаны из рысьего меха, такие же сапоги и великолепная кольчуга белой стали, украшенная серебряными изображениями птиц и зверей и золотыми загадочными знаками: молниями, заключенными в круг крестами, скрещенными секирами. Глеб не заметил ни дерзости юноши, ни ею доспеха – так поразило его известие.

– Завтра... Ждали через седмицу.

– Нет. Сегодня утром тысячи хама Чельгира были в одном переходе от Китежа. Они идут по реке, завтра будут под стенами.

– Сколько их? – быстро спросил Глеб.

– Я видел тысяч пять.

– Пять тысяч? – князь невесело усмехнулся. В Китеже вместе с младенцами столько не наберется. Две сотни ратников, да мужиков в городе сотен двенадцать.

– Княже, – перебил юноша, – я пришел помочь тебе. Мое имя Родомир, я волхв, Перунов жрец.

– Волхв?

Родомир вскинул голову, и его длинные волосы на мгновение закрыли лицо:

– Я волхв, и я могу спасти город, но взамен...

Князь хмуро улыбнулся: «Спаситель...». Он повернулся к Петру Ратишичу, молча стоявшему у окна:

– Как мыслишь, воевода, одолеет сей язычник сорок сотен?

Воевода не успел ответить. Родомир встал, расправил плечи и вытянул руки вперед – с кончиков пальцев сорвались ослепительные молнии, пробили заиндевшую слюду в оконце и расплавили свинец переплета. В горницу ворвался метельный вихрь. В теплом воздухе снег таял и падал на пол каплями воды. Родомир что-то пробормотал, и ветер стих. Князь и воевода перекрестились, тревожно переглядываясь.

– Священный огонь Сварога-прародителя, малая часть его, – сказал Родомир, пристально всматриваясь в князя. – Огнем я татар не одолею, но не сам я буду биться с ними, призову Перунову дружину.

Глеб медленно поднялся и в задумчивости заходил взад-вперед, постукивая каблуками красных сафьяновых сапог, вопросительно поглядывая на воеводу. Тот долго молчал, поглаживая седую бороду, наконец глухо сказал:

– Все одно, город не сдадим. А поможет волхв – хорошо, не поможет – так мы и сами не лыком шиты. Пойду я, княже, дружину собирать, да народ созову, оружие с кладовых раздам.

Когда тяжелые шаги Петра Ратишича затихли, князь негромко обратился к Родомиру:

– Какая же награда тебе надобна? – он подошел к юноше вплотную. Они стояли друг против друга и внешне были очень похожи – оба темноволосые, светлоглазые – двадцатипятилетний князь и двадцатилетний волхв.

– Ты крещенный, волхв? – неожиданно спросил Глеб. Родомир отрицательно покачал головой

– Я не был бы волхвом, если бы окрестился. Вызвав дружину Перуна для помощи христианам, я потеряю свою силу.

Глеб сделал вид, что не заметил последних слов, и повторил:

– Так какой же награды ты просишь?

– Я прошу немного, княже. Если я одолею татар, пусть с этого дня в твоём княжестве не возбраняется людям вершить священные обряды предков и возлагать требы старым богам. Старые боги уже уходят, но они еще сильны, обильные жертвы могут вернуть их. И тогда они спасут Русь, как спасали ее веками.

– Ты предлагаешь мне перейти в языческую веру?

– Нет же! – Родомир досадливо скривился. – Я не прошу тебя самого возносить хвалу Перуну! Я прошу не мешать делать это истинным сынам Сварога-прародителя, не преследо-

вать их за веру предков. Судьба города или лишняя похвала попов – выбор за тобой, княже.

И тут в зияющее отверстие пробитого окна влетел белый орел и, сложив огромные крылья, сел на плечо волхва. Родомир ласково погладил орла и торжественно произнес:

– Перун слышит нас.

– Быть по сему, – молвил князь решительно, – если благодаря твоей помощи татары не возьмут Китеж, я исполню твою просьбу.

Родомир поклонился:

– Прими мою благодарность, княже. И помни, ты дал слово при Перуновом посланце.

Придерживая птицу, вцепившуюся когтями в его плечо, Родомир еще раз поклонился и вышел.

Князь осенил себя крестным знамением и кликнул гридня, охранявшего дверь:

– Позови отца Никифора. Да поспеши...

Отец Никифор выслушал князя внимательно, спокойно, речь повел издали – вспомнил и Андрея Первозванного, и Владимира Крестителя, и волхвов, предсказавших рождение Христа. Вспомнил восстание язычников Ходоты, жестоко подавленное Владимиром Мономахом. Долго и складно рассуждал о значении церкви, о важности ее помощи князьям, о чудотворных иконах...

В конце концов Глеб не выдержал:

– Совета твоего прошу, отче! Я и сам православный, но если и впрямь поможет Родомир?! – он покосился на разбитое окно.

– Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, – сухо ответил священник, – но, ежели согласишься с язычником, забудь о блаженстве. Незамолимый грех. Едино лишь заступничеством Христовым спасется Китеж. Давно ты, княже, в храме божьем не был, вот и поддался искушению диавольскому. Сегодня после вечерни побеседуем, сын мой, – не слушая князя, отец Никифор удалился.

Глеб подошел к окну, хмуро глядел на город, полускрытый вьюгой. Метель затихала, открывая уже клонившееся к закату солнце. Так, стоя у окна, князь дожидался благовеста в Успенском соборе, созывающего православных к вечерне.

В церковь он пошел пешком; прислушиваясь к скрипу снега под ногами, вспоминал слова деда – Всеволода Великого: «Голос у колоколов погромче княжеского...» Сегодня Глеб хорошо понял смысл этих слов.

...В морозной дымке вставало над Китежем солнце, чистое золото его лучей звенело в хрустальном воздухе, сияло на

крестах церквей, высекало льдистые искры из щитов и кольчуг, горело на шеломах ратников, на лезвиях мечей. Город изготовился к бою.

На просторном дворе детинца Родомир вкопал за ночь четыре столба и привязал к ним ноги принадлежавшей пленнику лошади. Сам татарин, накрепко прикрученный к седлу, вращал узкими черными глазами, с ужасом наблюдая за действиями волхва, – тот деловито обкладывал коня и всадника дубовыми и березовыми поленьями, охапками носил бересту. Кричать пленник не мог – Родомир предусмотрительно заткнул ему рот.

Все это Глеб видел из окна пустой сейчас трапезной – Родомир просил, чтобы никто не заходил на двор во время волхования. Князь с любопытством наблюдал за невиданным языческим священнодействием и представлял грядущее неприятное объяснение с отцом Никифором. Увлеченный жертвоприношением и своими мыслями, князь даже не сразу услышал городской набат.

Набатный колокол бил гулко и тревожно, раскатистое эхо летало над Китежем, запутываясь в узких улочках, отражаясь от бревенчатых стен.

– Пришли, – угрюмо произнес воевода. Он стоял на стене рядом с воротной башней, окруженный несколькими мечниками. По крутой лестнице на стену поднялся Глеб.

На противоположном берегу Светлояра появились первые татары, их низкорослые лошади вязли в снегу, взрывали грудью сугробы и выносили своих всадников на озерный лед, очищенный ночным ветром. Черная волна неудержимо накатывалась из леса, расплзалась по льду многоголовым месивом.

Глеб встал рядом с воеводой, сжимая рукоять меча. На лице князя застыла спокойная уверенность, ратники и горожане искоса поглядывали на него и, радуясь бесстрашию князя, степенно переговаривались:

– Не так страшен черт...

– Ров вот только неглубокий, а стены надежны...

– Половцев бивали и этих одолеем...

Двести ратников и полторы тысячи вооруженных горожан ждали нападения. Среди ратников было несколько рязанцев, проницей и ижеславичей из рязанской дружины, которым князь поручил оборону воротной башни. Уже побывавшие в сече с татарами, они хорошо понимали, что город обречен, но спокойно готовились к бою, ничем не выказывая своих нерастойчивых мыслей.

Двумя темными потоками конница степняков окружала Китеж, отсекала город от мира. Кольцо замкнулось, татары спешивались, тащили наспех сколоченные осадные лестницы. Из их рядов выскочил всадник в половецком доспехе, осадил коня у ворот и, задрвав голову в лисьей шапке, закричал:

– Непобедимый хан Чельгир обещает вам жизнь, если...

Князь Глеб повелительно взмахнул рукой, коротко свистнули стрелы, впились в грудь и лицо половца. Испуганный конь метнулся в сторону, унося за собой запутавшегося ногой в стремени мертвеца.

Оглушительно завопив, осыпая Китеж стрелами, татары бросились на приступ. Перебросив через ров обтесанные стволы деревьев, выдвинув лестницы, полезли на стены. Падали, пронзенные русскими стрелами, летели вниз с раскромсанными черепами, заливали снег дымящейся кровью, но лезли вновь и вновь. Отчаянно рубились китежане, висел в воздухе железный лязг оружия, крики умирающих смешивались с визгом степняков, летели ввысь, в чистое равнодушное небо...

Поняв, что с наскока город не взять, татары отхлынули, подхватив раненых, провожаемые торжествующими криками защитников Китежа. Воевода и князь не радовались. – видели, что на первый приступ хан послал не больше тысячи воинов. Что для Чельгира две-три сотни погибших? А вот погибших ратников заменить некем...

И татары ринулись снова после короткого перерыва – все до единого. Лестниц у них было чуть ли не больше, чем ратников на стенах Китежа. Прикрываясь щитами, особый отряд степняков волок огромное сучковатое бревно – таран.

– Попрощаемся, княже, – сумрачно сказал воевода. Князь кивнул, но ничего не успел ответить – на город обрушилась туча стрел, под ударами тарана затрещали окованные медью ворота. Одним из первых погиб старый Петр Ратишич – длинная татарская стрела пробила незащищенное кольчугой горло, кровь хлынула изо рта, заливая седую бороду воеводы, но и мертвый он не выпустил из руки литую булаву, разбившую немало удалых стенных голов... С яростью обреченных отбивались китежане, падали, раненые, с высоких стен, но и внизу дрались с врагами, пока не обрывали их жизнь кривые сабли. Уцелела едва половина дружины, татары побежали. Еще совсем немного – и рухнут ворота, а одновременно биться на стенах и в самом городе – просто не хватит людей.

Глеб наискось, от плеча, разрубил степняка, и, услышав за спиной странное гудение, обернулся. Над двором детинца пылал огненный столб, ослепительное бездымное пламя неудержимо поднималось, поднималось, соединяя небо и зем-

лю... Взяв двоих дружинников, князь торопливо пошел в детинец.

Родомир стоял перед уже потухшим костром, воздев руки, обратившись лицом к солнцу. Как только князь и дружинники вбежали на двор, волхва окутала искристая непрозрачная дымка, затянула все вокруг, клубящимся туманом взвилась до самых крыш. Когда туман рассеялся, во дворе стояла конная сотня. Сотня витязей в ало-золотых плащах, в золотых латах, сверкающих смарагдами и яхонтами, лалами и окатным жемчугом, на снежно-белых конях. Конники стояли квадратным строем – десяток по челу, десяток по крылу.

– Открывай ворота, князь! – Родомир, пошатываясь от усталости, белый, как полотно, подошел к Глебу. – Я сумел вызвать Перунову дружину... Договорив, он мешком рухнул к ногам князя.

– Жив, дышит, – сказал склонившийся к нему ратник, – да он спит! Кто он, княже?

Глеб не ответил, лишь указал подоспевшим холопам: «Унесите в терем». Он не успел приказать открыть ворота – ало-золотая дружина пришла в движение, витязи выехали к воротам и их кони одним прыжком перемахнули пятисаженную стену! Ало-золотые витязи слитным движением выхватили из ножен мечи и врубались в самую гущу татар, одновременно разворачиваясь цепью. От них отлетали стрелы, их не брали сабли степняков, а их белые кони не замечали препятствий.

Сотнями, тысячами трупов устилали небесные всадники окрестности Китежа, струились в снегу кровавые ручьи. Успевшие взобраться на стены враги прыгали вниз. Воодушевившиеся китежане бросались за ними, скатывались в ров, выбирались из него и вступали в сражение. Из леса на рысях выезжали засадные сотни Чельгира, но навстречу им, из распахнувшихся ворот города, пригнувшись к гривам коней, вылетела княжеская дружина!

Степняков обуял страх. Они кинулись наутек, ища спасения, но ало-золотые витязи настигали их, безжалостно рубили даже бросивших оружие. Стремительным наметом мчались белые кони, втапывали в снег и татар, и их лошадей. Меткие стрелы китежан, рязанцев, проничей, ижеславичей догоняли татар, пытавшихся скрыться в лесу.

Настал миг, когда повалился с истошным воплем последний степняк, и тогда ало-золотые витязи снова выстроились квадратом, и белоснежные кони помчали их в небо. Смотрели онемевшие от радости жители Китежа, как все выше и выше

поднимаются небесные, скрываясь в бездонной синеве, как тают они в призрачной дымке...

Все до единого колокола разом зазвонили в Китеже, поплыл над городом, над Светлояром, над лесом ликующий малиновый звон.

Глеб утер пот со лба, вложил меч в ножны и подозвал двух доверенных ратников из ближней дружины:

– Ступайте в детинец, спросите, где язычник Родомир, – он запнулся, отвел глаза, – Родомир... «Голос у колоколов погромче княжеского...».

Озлившись на собственную нерешительность, князь высил голос:

– Сего Родомира повязать и в поруб бросить!

Через полчаса князь уже заканчивал речь перед дружиной и горожанами:

– Спаситель внял мольбам нашим и рассеял поганых!

– Возблагодарим Господа Бога нашего! – подхватывали священники. Народ ликовал, на все лады обсуждая великое чудо.

Служили благодарственный молебен, снова звонили Колокола, стелился под сводами церковей благоуханный ладановый дымок...

...Охранявшие поруб гридни недоумевали, что за пленник объявился у князя, изредка заглядывали к нему. Родомир ни разу не пошевелился, лицо его застыло, глаза окаменели. Как бы насмерть не замерз, беспокоились ратники.

Наведаясь князь Глеб, узнал, что пленник ведет себя смиренно, и ушел – праздновать ниспосланную свыше победу.

На Китеж тихо опускались синие сумерки, и в этих сумерках на поруб пал из поднебесья огромный белый орел, с тревожным клекотом расхаживал по крыше, шумел крыльями, клювом пытался разбить толстые дубовые доски, скреб их когтями. Ближе к ночи он сложил крылья и замер на порубе живым изваянием. Он склонил голову – казалось, птица к чему-то прислушивается.

– Видать, ловчий, орел-то, – толковали меж собой сторожа, – к хозяину прилетел, а хозяина наш князюшка эвон куда сунул.

А орел неожиданно развернул мощные крылья и, встрепешившись, свечой взмыл в небо – вверх, по прямой!

Измученные гридни проводили его взглядами:

– Слышь, Иван, разве птицы могут так? И ведь крыльями хоть бы шевельнул! Не то наваждение бесовское?

Князю не спалось в эту ночь. Он долго бродил по терему, потом накинул на плечи шубу и вышел на двор. Смешанный с

пеплом снег еще хранил следы копыт небесных коней. В черном небе мерцали холодные звезды, лила янтарный свет выпуклая луна. Князь неспешно размышлял, что же делать с Родомиром. Потерял волхв свою силу или нет? Судя по всему, потерял... Но он выполнил обещанное, а сам князь нарушил данное слово. Но с церковью ссориться нельзя, – хмуро думал Глеб, – нельзя...».

Доносившийся издали еле слышный глуховатый гул, перебиваемым грохотом, отвлек его, и он остановился, прислушиваясь. Что это?

Во двор влетел на рыжем жеребце молодой дружинник из ночной сторожи:

– Княже, Светлояр вскрылся!

– Что?! Коня мне! – Глеб поверил сразу, сам не зная, почему, но, спеша на городскую стену, еще надеялся на какую-то невероятную ошибку. Бросил бледному ратнику, встретившему его, поводья, и поднялся на башню.

Озеро, залитое мертвенным лунным светом, оживало звездчатыми изломами. По льду змеились извилистые трещины; гремели, наползая друг на друга, льдины; темнели полыньи – все в середине, ни одной у берегов. словно невидимые руки разрывали лед, кусками швыряли его на берег, открывая черную воду. Уже горы льда громоздились вокруг, уже побежали по озеру неведомо откуда взявшиеся волны, когда князь увидел кружившего над озером белого орла и, все поняв, кинулся обратно – в детинец, к порубу, к волхву Родомиру!

Забыв про коня, потеряв шубу, задышавшись, он бежал по спящей улице, и его красный плащ стелился за ним на ветру.

– Пленника! Быстро! Развязать!

Ошеломленные грядни торопливо исполнили приказ.

Родомир лежал, как неживой, и его усадили на снег, прислонив спиной к бревенчатой стене поруба. Он медленно открыл глаза, невидящим взором окинул князя и отвернулся.

– Родомир, – хрипло заговорил князь, – не я виною! Я полностью обещаю...

– Поздно... – отчетливо прошептал волхв. Голос его звучал, как шорох змеи в сухой траве, – поздно. Перун проклял тебя и твой город... Китеж... Ничего нельзя сделать... Старые боги уходят... Жаль горожан, они... – и тишина, только нарастающий шум ветра.

– Помер, – буркнул ратник, переворачивая безжизненное тело.

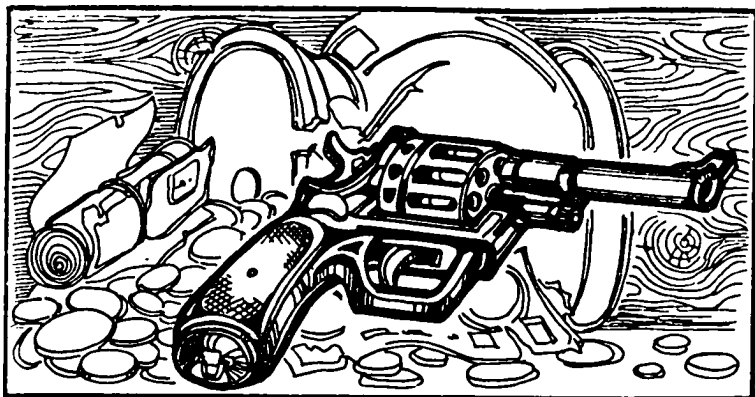
Лунный свет сменился непроглядной тьмой. Глеб посмотрел вверх и оцепенел. Луны и звезд не было! Он не сразу до-

гадался, что над городом нависла огромная волна, навсегда скрывшая небо.

Наутро только ровная гладь озера Светлояр расстилалась над тем местом, где стоял град Китеж. К полудню озеро сковало льдом, к вечеру – замело снегом.

...Иногда доносится со дна озера колокольный звон, и тогда поднимается ветер, гонит к берегам волны, сгущаются темные тучи, и летят из них в Светлояр яростные ало-золотые молнии...

Валерий Привалихин

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Приключенческий роман

Часть первая

Тем августовским ранним погожим утром в Пихтовом произошел случай, который не оставил равнодушным, рассмешил, пожалуй, всех жителей районного городка и долго еще во многих подробностях обсуждался.

А произошло следующее. Стрелок воензированной охраны железнодорожных складов Петр Холмогоров примчался прямо домой к начальнику местного уголовного розыска Нетесову, забарабанил в окно кулаком. Так, что главный пихтовский оперативник, умывавшийся в эту минуту около баньки в огороде, забыв про полотенце, кинулся на стук. Крепкое словцо готово было уже сорваться с губ у старшего лейтенанта; однако застряло в горле при виде устроителя трамтарарама. Охранник Холмогоров был крепко избит. Глаза еле проглядывались в окружках лиловых щедрых синяков, длинные руки с желтыми от усердного курения пальцами были на запястьях окровавлены, черная форменная одежда во многих местах порвана. Из-под рванья на гимнастерке светилось голое худое тело.

– Напали! – возвестил с громким всхлипыванием охранник, прежде чем Нетесов успел спросить, что стряслось.

– Кто напал, где? – Начальник розыска ладонями смахнул капли воды с лица.

– Наган. Из-за него, как пить дать, напали. Надо бы в госбезопасность, – словно не слыша вопроса, продолжал Холмогоров.

– Да погоди ты с госбезопасностью. Толком объясни: когда, где, кто? – допытывался старший лейтенант. – И тише. – Он оглянулся в сторону веранды, где спал приехавший вчера к нему в гости давний друг Андрей Зимин.

– На дежурстве. Трое, вроде... Или двое. В темноте угляди попробуй... – начал рассказывать Холмогоров.

Из путаных его объяснений вырисовывалась такая картина: около часу ночи к складу, где он нес дежурство, к нему приблизился высокий мужчина и попросил закурить. У Холмогорова была пачка «Памира». Он полез за сигаретами, и тут получил удары кулаками в лицо, потом под ребра. Больше ничего не помнит. Очнулся – связан по рукам и ногам, во рту кляп. Сколько ни пытался освободиться от веревок – бесполезно. Спасибо, свояк Григорий заглянул к нему, кляп вынул и освободил от пут. Холмогоров первым делом убедился, что оружие пропало – и сразу к Нетесову.

– Что ж в дежурную-то часть не побежал? – спросил Нетесов.

– А позвонил я в милицию. И в городскую, и в транспортную. Как же, – ответил охранник.

– Склады, которые стерег Холмогоров, находились почти в самом центре города неподалеку от железнодорожного вокзала в бывшей церкви и в принадлежавшей этой церкви хозяйственной постройке. «Урал», выведенный из гаража по случаю намечавшейся поездки на рыбалку, стоял посреди двора. Нетесов подошел к мотоциклу, вынул из люльки туго набитые рюкзаки.

– Садись. Поедем, – сказал Холмогорову.

– Можно и мне, Сергей? – послышался голос Зимины. Очевидно, стук сразу разбудил его, и он слышал весь разговор, на крыльце появился уже одетый.

– Можно, – чуть поколебавшись, согласился Нетесов.

Чтобы не будить домашних, он выкатил «Урал» за ворота. Мотор взревел, и помчались по свежееутренней серой от пыли асфальтированной улице. Четверти часа не истекло как раздался стук в окошко нетесовского дома, а уже затормозили у обнесенной побеленным дощатым забором приземистой кирпичной церкви-склада.

Едва успели заглушить мотор, подкатил еще мотоцикл – милицейский и тоже трехколесный с дежурным но горотделу оперативником Мамонтовым за рулем и с овчаркой по кличке Таймыр в коляске. Не успела воцариться тишина от таракте-

нья второго мотоцикла, подрулил «уазик» транспортной милиции. Пожаловали, правда, не розыскники, а наряд патрульно-постовой службы. Шумно захлопали дверцы.

Нетесов кивком поздоровался сразу со всеми и прошел на складскую территорию. Свояк избитого охранника – Григорий Тимофеев, мужчина лет около пятидесяти в проводничьей поношенной форме, в плетенках на босу ногу устремился к нему.

– Сторожу. Чтоб не шастали тут. Следы, значит, – заговорил Тимофеев. – Петьку-то вон как. Зверюги чистые...

– Во сколько пришли? – спросил Нетесов.

– А после дойки. Марья корову подоила, молочка ему понес. Часто носим. Пришел – он точно рыба в сети, запутанный весь. Уж и оттрепыхался. У меня веревки обрезать, значит, нечем. Вон топор подвернулся, – ткнул пальцем Тимофеев в сторону поленицы. – Им...

– Веревки-то где?

– Сохранил. Как же. – Тимофеев нырнул за поясицу, вернулся с мотком бельевой веревки. Пухлый моток не умещался в руках. Длинные и короткие концы резанной веревки свисали вниз, как лапша. – Вот...

Знаком старший лейтенант адресовал его к Мамонтову. Сам занялся с избитым охранником, попросил показать, где Холмогоров стоял в момент нападения.

– Здесь вот, кажется, – Холмогоров кивнул на островок чахлой травы шагах в четырех-пяти от кирпичной Церковной стены.

– Ночью освещение есть?

– Всегда лампочки горят...

– Лицо все-таки видел?

– Ну, видел.

– И не запомнил?

– А чего запоминать было. Знакомые иногда подходят. Кто ж знал, кто этот и зачем идет... Фиксы, вроде, сверкнули, когда курево спросил... А после удары посыпались. Что хочешь помнить, забудешь.

– И как оружие забирали не помнишь?

– Не-е. Григорий не пришел пока, я и не знал, что наган забрали...

– А почему решил, что не один, а двое или даже трое нападавших было?

– Так, когда этот закурить попросил, тени, вроде, за ним мелькнули...

Холмогоров, рассказывая, отвечая на вопросы, глядел на старшего лейтенанта и не замечал, что на почтительном уда-

лении, за забором – дырявым и давно не отремонтированным – собралась и созерцала происходящее, вслушивалась в диалог группка жильцов дома, соседствовавшего с церковью-складом. Некогда это был поповский дом, просторный, и потому давно внутри перестроенный, переделанный под жилье для полдюжины семей.

Оперативник Мамонтов уже успел дать служебной овчарке понюхать веревки, секунда – и приказал бы псу работать, искать след, но тут раздался голос из-за забора. Голос принадлежал жилище бывшего причтового дома бабке Надежде:

– И не совестно, Петр, а? Одним людям голову морочишь, на других напраслину возводишь. Иль заспал, пьяным в полночь подходил ко мне, сказал: «Я, бабка Надежда, револьвер, кажется, уронил в колодезь?..»

У Холмогорова от этих слов челюсть отвисла. Старший лейтенант пригласил бабку Надежду подойти, спросил:

– Пьяный вечером был Холмогоров?

– Да уж дальше некуда. Пьяней вина.

– В котором часу пьяным видели?

– Так в котором? Как заступил на дежурство, сразу и присосался к бутылке.

– Один?

– Зачем один. С Григорием вон. Григорий после ушел.

– Когда Холмогоров подходил к вам в полночь, лицо какое у него было?

– Да пьяное...

Сообразив, чего добивается от нее сотрудник милиции, бабка Надежда прибавила поспешно:

– Не побитое. Это уж не знаю, кто его так отметелил.

– А вот мы спросим у Тимофеева, кто отметелил и связал, – скачал начальник розыска, в упор смотря на свояка избитого охранника. – Кто?

Ответа не последовало. Тимофеев под пристальным взглядом лишь ниже клонил голову.

Пожилая женщина не настолько глупа была, чтобы сразу не сообразить, почему сотрудник милиции адресуется именно Тимофееву и почему тот молчит, изумленно уставилась на Тимофеева, всплеснула руками:

– Батюшки. Как же так? Неужто это ты, Григорий, а? Вот допились-то. Стыдобушка.

– По-свойски свояк свояка, – раздался из-за ограды чей-то насмешливый мужской голос. Группка зевак в считанные минуты увеличилась по меньшей мере втрое.

– Петька, ты теперь на Григория в суд подай. За нанесение телесных повреждений, – весело скалясь, посоветовал путеец в оранжевом жилете и с масленкой в руке.

– И ты, Григорий, не дрейфь. Петька подбил тебя на такое. Тоже судись, – со смешком бросили из-за ограды в поддержку свояку охранника.

– Учитывать надо еще и чья веревка... – подспела свежая реплика.

Нетесову собравшиеся поглазеть не мешали, тем более никто не пытался проникнуть за ограду. Он глядел на охранника в ожидании ответа на поставленный вопрос. Оперативник Мамонтов в свою очередь не спускал глаз с начальника розыска: сколько еще сдерживать на поводке, не пускать Таймыра в дело?

– Так кто тебя избил и связал? – поторопил Холмогорова с ответом старший лейтенант.

– Ну, ясно ж теперь, – пробормотал охранник. – Бабка Надежда сказала.

– Что ясно?

– Ну, что уронил... Пили с Григорием...

– Понятно. А те трое?

– Какие трое? – не понял Холмогоров.

Один высокий, попросил закурить. Фиксы сверкнули, – напомнил Нетесов.

– Не было. Придумал...

– А связывать тебя, бить, кто придумал?

– Сам я...

Колодец тремя подгнившими лиственничными венцами возвышался над землей вблизи от прохудившейся церковной ограды как раз в той стороне, где теснилась толпа любопытствующих.

Нетесов подошел к колодцу, заглянул в него. Глубокий, до воды метров двадцать. Заброшенный. Ворота и бадьи нет, из глубины идет зловонный застойный запах. Воды в колодце, скорее всего, не пруд пруди. Но попробуй с голыми руками доберись до дна. Старший лейтенант велел Мамонтову съездить за пожарными.

Точно, в колодце воды было мало. Пожарная машина осушила его за четверть часа.

Спустившийся в колодец по складной металлической лестнице молодой пожарный сразу же нашел наган.

– Какой номер? – донесся со дна его гулкий голос.

«Потерпевший» помнил лишь три последние цифры табельного своего оружия.

– Восемьсот девяносто два, – крикнули в колодец в ответ.

– Он самый... Ну и запашок тут.

– Нашел, так вылазь, – поторопили сверху сразу несколько голосов.

– Сейчас... Тут еще одна штуковина, – слышалось снизу.

– Что за штуковина?

– Да сейчас...

Голова пожарного в каске наконец появилась над верхними подгнившими венцами. Прежде чем выбраться из колодца он кинул на землю какой-то круглый предмет, похожий на футбольный мяч. Предмет был тяжелый, и сразу впечатался в землю.

Покинув затхлый колодец, пожарный первым делом достал из кармана брезентовой робы револьвер и отдал Нетесову.

Пока начальник Пихтовского розыска изучал наган, вместе с водителем пожарной машины лазивший в колодец занялся своей второй находкой.

– Чугунок, – сказал водитель машины, верхонками обтерев грязный и мокрый округлый предмет. – Варом что ли залита горловина.

– Похоже, – молодой пожарный воткнул острие складника в край запечатанной горловины чугунка, лезвием сделал круговой надрез. Сделал без больших усилий: под варом была кожа.

Добрую половину чугунка занимали скатанные в толстый рулон и обмотанные суровой ниткой деньги. Пожарный поддел лезвием нитку, слезавшиеся деньги не рассыпались. Пальцами он разлохматил рулон. Там пестрели вперемешку и пятисотки, и сотенные, и четвертные, и даже трехрублевки.

В нетерпении, пока молодой пожарный устался на купонную облигацию военного займа, водитель пожарки перевернул чугунок. Монеты достоинством от гривенника до рубля просыпались на землю. Штук двести монет, и среди них – старинные дореволюционные награды. Две известные – Георгиевские кресты, и какой-то совершенно незнакомый, ни разу не виденный даже на картинке орден: красный, с двумя мечами, с бантом.

– Глянь, Сергей Ильич, – сказал Нетесову водитель пожарки, – Сашка клад нашел.

Нетесов, занятый разбирательством с горе-охранником и его свояком Григорием, подошел, из пачки выудил двадцатипятирублевку с портретом Александра Третьего. Толпа, до сих пор дисциплинированно стоявшая за церковной оградой, как по команде вдруг просочилась через проломы в ограде, окружила Нетесова и сидевших на корточках у чугунка. О Холмогорове, пытавшемся неуклюже инсценировать нападе-

ние на себя, с появлением чугунок разом как-то все забыли. Без толку было уговаривать разойтись. Со словами «Был клад» старший лейтенант протянул пожарному царскую романовскую двадцатипятирублевку и, протиснувшись сквозь людское кольцо, опять оказался рядом с охранником и его свояком Григорием. Собственно, дальнейшего присутствие здесь не требовалось. Все как Божий день ясно. Мамонтов прекрасный сыскник, доведет дело до конца. А он может спокойно отправляться на отдых, на рыбалку.

– Зимин, – выкликнул он по фамилии из толпы друга.

Дважды звать Андрея не пришлось.

– Идем, – сказал Нетесов. – Без нас справятся. А мы – закончили.

Начальник розыска задержал взгляд на избитом лице охранника, на его вчерашнем собутыльнике и направился к мотоциклу.

– Много у вас таких, как Холмогоров? – первым, перекрикивая рев мотора, заговорил по пути Зимин.

– Скажи лучше, где их нет, – белозубая улыбка Нетесова сверкнула в секундном полуобороте. – Опять теперь зашевелиятся, клад начнут искать.

– Какой клад?

– Золото.

– Что?

– Слухи у нас давние, будто колчаковцы в Пихтовой спрятали золото. Слышал?

– Про золотой запас знаю.

– Ну вот, часть его, якобы, у нас зарыта.

– А цель? Почему именно в Пихтовой?

– Не знаю. Вернуться, может, рассчитывали... – Нетесов прервал диалог и молчал до тех пор, пока не заглушил мотор у ворот своего дома:

– Все об этом кладе знают всё, и вразумительно – никто ничего. Но вот когда такое, как нынче, приключится, бум кладоискательства вспыхивает. Помню, у бабки одной, на Первом кабинете живет, обвалился погреб, кирпичная кладка старинная обнажилась – туда кладокопатели ринулись. Демидовский рель, вертикально вкопанный и сверху распиленный, нашли в тайге, к золоту ведущий условный знак углядели... Да много чего было. – Нетесов слез с сиденья и пошел во двор.

Хотели только загрузить в мотоцикл рюкзаки и ехать, однако Полина, жена Нетесова, настояла, чтобы перекусили на дороге.

– А вообще клады у вас находили? – возобновил за завтраком прерванный разговор Зимин.

– Давно. Еще в Гражданскую. Но это кладом как назвать. У Орефьевой заимки отряд чоновцев разбил банду, при ней было несколько пудов золота и серебра.

– Из колчаковского запаса?

– Не знаю. Может быть.

– Далеко Орефьева заимка?

– Километров двадцать.

– Съездим туда.

– Зачем? Бой там был в двадцатом или двадцать первом году. Давно следов никаких не осталось.

– Просто побывать интересно.

– Там, куда мы едем, тоже интересно. Каменные древние идолы сохранились. Кстати, и там был бой. Главаря банды Игнатия Пушилина, первый в Пихтовом богач был, убили. Поехали, – Нетесов встал.

Выехать на рыбалку в этот день, однако, было не суждено. У дома затормозил горотделовский «уазик», и сержант Коломников доложил начальнику розыска, что прибыл за ним: в Малой Серьговке и в Китате ночью подчистую ограбили магазины. В Китате сторож попытался было оказать сопротивление, сейчас в тяжелом состоянии, до сих пор в себя не пришел...

– Вот и тебе и рыбалка, и идолы, – сказал Нетесов другу, глянув на валяющиеся посреди двора рюкзаки.

Опять Зимин, как и ранним утром, попросил взять с собой, но на сей раз получил отказ твердый.

– Слушай, Женя, – обратился Нетесов к сержанту, – у тебя дежурство скоро кончается?

– Да все вроде бы... Сдать осталось.

– Не в службу, свози Андрея Андреевича на Орефьеву заимку. Он историк. Интересуется.

– Это где золото нашли?

– Да.

– Так там что смотреть теперь?

– Ну просят тебя. Я обещал сам, но видишь, как складывается.

– Нет, я пожалуйста, – смутился сержант. – Для вас я... Сейчас Сергея Ильича отвезу и вернусь, – сказал Зимину.

– На моем мотоцикле поезжайте. – Нетесов с полминуты поговорил с женой, потом быстро зашагал к машине.

– Ждите. Я скоро, – бросил на ходу Зимину, заспешивший к «уазу» сержант.

Он действительно долго ждать себя не заставил. Появился, едва успел Зимин рассказать в подробностях Полине историю «нападения» на охранника железнодорожных складов.

Быстро выехали из города, покатали по узенькому проселку среди многоцветья высоких трав, среди мелкоlesia, обдуваемые теплыми августовским ветром.

– Хайская лесная дача, – указал Холомников рукой на стену хвойного леса впереди.

Они сделали петлю, прежде чем приблизились к еловому лесу. В сторонке от него мелькнула среди осота подернутая рябью вода пересыхающего Орефьева озера.

Сержант заглушил мотоцикл, повел Зими́на к лесу. Чуть не доходя, казал:

– Вот здесь заимка был... Я ж говорил, ничего нет.

– М-да. – Зимин не мог скрыть разочарования. Они стояли по пояс в траве.

– Лучше б вам с дедом Мусатовым повстречаться.

– Кто это? – спросил Зимин.

– Единственный живой участник боя, который здесь был. В Пихтовом, по крайней мере, единственный, – поправился сержант.

– А возраст? Сколько лет ему? – спросил Зимин.

– Да в памяти он, хоть и за восемьдесят, – сказал Коломников. – Как Аркадий Гайдар, прибавил себе годы, пошел воевать.

– Конечно, хорошо бы увидеться, – сказал Зимин.

– Тогда к Мусатову?

– Да.

Ветеран Гражданской войны, бывший чоновец и продрозверстовец Егор Калистратович Мусатов жил в самом центре Пихтового в однокомнатной благоустроенной квартирке-панельке.

Среднего роста, голубоглазый и горбоносый, со щеточкой седых усов он открыл дверь гостям, впустил. К вещам хозяин жилища был равнодушен. Диван, телевизор, трехстворчатый шифоньер, стол да несколько стульев – вся обстановка.

– Вот, дед Егор, – сказал Коломников, – привел к тебе человека. Из самой Москвы приехал. Интересуется историей Гражданской войны в Сибири, ее участниками.

Зимин назвалса.

– А-а, ну садись, – хриловатым громким голосом предложил Мусатов. На экране включенного телевизора мелькали кадры хроники времен коллективизации. Мусатов у глушил звук.

– Хорошо, что не забыли, – сказал, – но рассказывать-то что? Про меня уж все написано.

– Так уж и все.

– Все. А если что не написано, теперь о прошлом по-другому...

– Вон ты про что, – Коломников догадался о причине стариковой неприветливости. – Да ну, дед Егор, тебе-то на что обижаться. Ты у нас человек уважаемый.

Мусатов при этих словах сержанта смягчился.

– Ладно. – Он достал из шифоньера потертую кожаную папку, подал Зимину. – Вот. Нового не скажу, поди-ка.

В папке были вырезки из газет; с десяток вырезок, сколотых скрепкой. Некоторые уже пожелтели от времени.

Зимин просмотрел заголовки, не отличавшиеся оригинальностью: «Рядовой революции», «Рядовой боец революции», «На той далекой на Гражданской», «В то тревожное время»... Выбрал одну из самых давних публикаций, довольно большую.

Прочитав первые два столбца, нашел строки об интересовавшем его бое.

«Отряд ЧОНа, в котором служил Егор Мусатов, только с января по декабрь 1920 года ликвидировал в районе четыре крупных группировки белобандитов, возглавляемых яркими врагами Советской власти, такими, как колчаковский полковник-каратель Зайцев, богатый купец Шагалов, старообрядческий священник Леонид Соколов.

Особенно запомнился Егору Калистратовичу Мусатову бой с белобандитами полковника Зайцева. В этой банде насчитывалось около 140 человек. Бандиты засели в доме, бане и конюшне на заимке у Орефьева озера. Они находились в более выгодном положении, чем чоновцы, которым с одной стороны озеро, с другой – густой непроходимый лес мешали осуществить стремительную атаку. Пришлось ждать удобного момента. Через несколько часов атака осуществилась. Бандиты были перебиты. Чувствуя, что за их зверства пощады им не будет, сдаваться в плен большинство не хотели, отстреливались до последнего. Некоторые пытались уйти, но удалось немногим. В банде при ее ликвидации было изъято несколько пудов золота и серебра...»

Дальше говорилось о месяцах, проведенных в продотряде, о работе на железной дороге.

Нового, касающегося боя у Орефьевой заимки, Зимин не нашел и в других материалах.

– Вы не помните, Егор Калистратович, сколько именно пудов золота было, сколько – серебра? – спросил Зимин.

– А нам и не говорили, – ответил Мусатов. – Командир после боя выстроил, объявил, что среди трофеев, кроме оружия, много драгоценностей – серебра и золота. Пуды веса.

– Неизвестно, откуда у банды оказались такие ценности?

– Спрашивали меня об этом сто раз, в слитках золото было, или еще как. А я в глаза не видел.

– А пленные что говорили?

– Они удивлялись, что в банде так много золота. В плен сдавались бандиты только из рядовых, главари от них скрывали, а сами все были перебиты.

– Полковник Зайцев тоже был убит?

– Тоже. У заимки...

Мусатов опять подошел к шифоньеру. На сей раз вынул из шифоньера массивные карманные часы на цепочке и с крышкой. Некогда блестящий корпус никелированных часов потускнел, от частых прикосаний стерся, кое-где проступили мелкие черные точки.

«Въ День Ангела п-ку Зайцеву» выгравировано было на внутренней стороне крышки. Дальше была гравировка на латинском: «Vale, Victor! Et vivat Victoria! V.VII.MCMXIX anno». Зимин изучал латынь, без труда перевел: «Будь здоров, Виктор! И да здравствует победа! 5 июля 1919 года».

Ниже даты было и еще что-то приписано, однако тщательно, почти незаметно стерто. Очевидно, дарители сочли первоначальную надпись чрезмерно длинной и попросили гравера убрать лишнее.

– Это что же, часы того самого колчаковского полковника?! – невольно вырвалось у Зимина.

– Они самые. – Мусатов улыбнулся, довольный произведенным эффектом. – Трофейные. И награда за то, что не дал уйти полковнику.

– Значит, вы лично?

– Да. Резвый, верткий был, удалось прошмыгнуть к избе, где полковник со свитой сидел. Дверь открыл, кинул гранату. Вбежал, думал, всем конец. Гляжу – рама выбита, а золотопогонник бежит к лесу. Я догонять. Он выстрелил в меня, промазал. Ну, а я не промазал. Обшарил его, вдруг какие важные бумаги при нем. И нашел эти часы. Командир сказал: храни, заслужил. До сих пор вот и храню.

– В газетах ни о часах, ни о конце полковника Зайцева нет.

– Печатали много раз. Просто все газеты не храню. Кому это нынче нужно, – старик вяло махнул рукой.

– Нужно, Егор Калистратович, – сказал Зимин. – Кого-нибудь из членов семей чоновцев, потомков командира отряда я в Пихтовом найду? Не подскажете?

– У нас – нет. Отряд почти весь из уральцев состоял. А командир погиб, когда я в продотряде служил. Холостой он был.

– Жаль...

Стали прощаться.

– Так из какой газеты-то будешь ты? – спросил у Зимина старик.

– Андрей Андреевич не из газеты, дед Егор, – напомнил Коломников. – Он историк.

– А-а, – вспомнил Мусатов. – Даже лучше, что не из газеты. А то теперешние газеты до чего докатились: уж и Терентия Засекина прославлять взялись...

– Не в духе нынче что-то дед Егор, – сказал Коломников, когда вышли на улицу. – Я его раза три школьником слушал. Интересно рассказывал. Снимки показывал нам.

– А кто это Терентий Засекин? – спросил Зимин.

– Пасечник у нас в районе был, умер давно. Не знаю, с чего дед Егор решил, что газета его хвалила. О сыне его, тоже пасечнике, писали. И сын, на вопрос, кто для него в жизни примером служил, назвал отца. Дед Егор по инстанциям забегаля, возмущался: как может быть примером человек, с молодю запятнавший себя службой у белых? Хотя служба у белых – громко сказано: подобрал в лесу раненого офицера, от гибели спас. Вот уж кто точно имел отношение к колчаковскому кладу.

– А это откуда известно, да еще точно? – спросил Зимин.

– Ну, это-то в Пихтовом каждый знает.

Довод сержанта был просто-таки замечательный по своей наивности. Невольно Зимин улыбнулся, вспомнив нетесовское: «Все об этом кладе знают все, и вразумительно – никто ничего».

– Тогда съездим к сыну-пасечнику? – предложил сержанту.

– Не удастся, – отказался Коломников. – Он в лесу на Подбельниковском кордоне живет, не проехать нам. Я вас лучше в Кураново свожу, с его двоюродным братом познакомлю. Он на кордоне часто бывает. Согласны?

– Согласен.

– От Пихтового до Кураново было всего десять километров.

Пятистенок Николая Засекина стоял на окраине поселка немного особняком. Перед прибытием неожиданных гостей он вернулся с конефермы, едва успел распрячь и пустить на волю лошадь. Сухощавый и низкорослый, с морщинистым темным от загара лицом, стоял и курил папиросу в ожидании,

пока прибывшие приблизятся. Прежде чем пожать руки гостям, обер шершавую ладонь о пиджак.

– Вот, дед Николай, гость из Москвы к нам, – почти так же, как у Мусатова, начал сержант.

На сей раз Зимин счел за лучшее самому сразу повести разговор:

– Николай Григорьевич, говорят, будто дядя ваш во время Гражданской подобрал в тайге раненого офицера, спас ему жизнь. Правда?

– Вроде как, – ответил Засекин.

– Расскажите.

– Так, а я что знаю?

– Так уж и ничего, – вмешался Коломников. – Он же золото прятал, этот офицер.

– Ну, может быть... Вам Василия лучше поспрашивать.

– Лучше-то лучше, но он же на пасеке.

– Ну.

– На все лето. И не проехать туда.

– Плохая летом дорога, – согласился Засекин.

– Ты, дед Николай, навещаешь брата?

– Бываю.

– Скоро собираешься?

– Послезавтра поеду.

– Вот человека, Сергея Ильича друг, можешь с собой взять?

– Чего ж не взять, пожалуйста. Только ехать верхами. – Конюх вопросительно посмотрел на Зимина: дескать, приходилось верхом ездить?

Зимин немного умел.

– Тогда, дед Николай, привезу Андрея Андреевича к тебе послезавтра утром, – сказал сержант.

– Привози, чего ж...

В Пихтовое возвратились затемно.

Нетесов сидел в неярко освещенном дворе за столиком под черемухой, ужинал. Был он озабочен, не в настроении. На след преступников напасть не удалось. Больше того, после ограблений в Китате и Малой Серьговке обкраден еще и магазин в Благовещенке. За полсуток всего-то и удалось узнать, что преступников трое или четверо, все вооружены, разъезжают на «Ниве» вишневого цвета. Собственно, о «Ниве», которую можно в любой момент бросить или сменить на другую машину, и вся существенная информация... А любители кладов, переменял тему разговора Нетесов, колодец в церковной ограде не оставили в покое. После ухода пожарных и мили-

ции ковырялись там, нашли мельхиоровый подстаканник и тарелку. Подстаканник из тех, какие у проводников пассажирских поездов в каждом вагоне есть, до недавнего времени были, поправился Нетесов, а вот тарелка, хоть и простенькая, но дореволюционная: на доньшке ее, на оборотной ли стороне, двуглавый орел и корона... Самое забавное насчет монет из чугунка. По меньшей мере у пятидесяти человек на глазах Лукин высыпал монеты на землю. Рубли да копейки все до единой серебряные, а по Пихтовому слухи упорные: монеты золотые, и вес их под два килограмма.

– Чудесное превращение одного в другое, – засмеялся Зимин.

– Да. Откуда что берется, – Нетесов со сдержанной улыбкой покачал головой.

– А вообще объяснимо, – Зимин посерьезнел. – Люди устали от будней, хочется необыкновенного. Сами себе придумывают чудо.

– Возможно, – сказал Нетесов. – Ну, а вы? Какой клад на Орефьевой заимке нашли?

– А-а, – Зимин махнул рукой. – Никогда бы не поверил, что там бой шел, если б еще Мусатов не рассказал.

– У Мусатова были?

– Были.

– И как тебе старик?

– Нормально. Только он, по-моему, обижен, что внимания к нему теперь меньше стало.

– Да нет, – возразил Нетесов. – Славы и почета ему пока хватает. По нашим временам особенно. Тут другое.

– Что?

– Сам не знаю толком. Кажется, больше всего злится, что выступать, как прежде, не может.

– Не зовут?

– В том и дело, зовут. Отказывается. После одного случая. Неприятные были минуты для Калистратыча. Выступал перед школьниками месяцев семь-восемь назад, рассказывал о Гражданской, и тут одна наша старая учительница встала и оборвала его. Сказала, что стыдно ему должно быть в его возрасте лгать, тем более детям.

– Что она имела в виду?

– Не уточняла, сразу ушла. Но что-то она знает про Калистратыча такое... – Нетесов бегло посмотрел на часы. – Анна Леонидовна – дочь священника Соколова. Той церкви, где мы были сегодня.

– Серьезно?

– Вполне.

– Дед Мусатов называет его активнейшим участником банды полковника Зайцева.

– Я бы теперешним мусатовским воспоминаниям не слишком доверял. Но его хвалят в губернской газете тех лет. А поп Соколов фигурирует в числе убитых вожаков банды.

– А что, церковь старообрядческая была?

– Нет, про старообрядчество – это чушь, для страшноты, так сказать, – Нетесов бегло посмотрел на часы. – А остальное – я бы не сказал.

– Тем не менее его дочь обвинила Мусатова во лжи?

– Да. И вся штука в том, что я честнее и порядочнее Анны Леонидовны человека не знаю. Вот так.

– Спросил бы у нее.

– Хм. – Нетесов усмехнулся. – Мне как раз сложнее, чем другим, заниматься этим. Думаешь, поймут меня? Начальник уголовного розыска выясняет, не искажает ли чего в рассказах детям о старине почетный гражданин города, герой Гражданской войны Мусатов, и в чем его обвиняет учительница-пензионерка Непенина? Но главное, будет ли ей приятно? Я ведь у нее еще и учился...

– Она в Пихтовом живет?

– Жила. Сейчас снова уехала. К внуку.

– Это где?

– Недалеко. Шахтерский городок. Два часа езды электричкой. – Нетесов обернулся, заслышав шаги жены.

Полина подошла с термосом и свертком в руках. Тут же как раз «уазик» с брезентовым верхом остановился на дороге перед домом.

– Все, мне пора, извини.

Нетесов живо поднялся, взял из рук жены сверток и термос.

– Секунду, адрес учительницы? – торопливо спросил Зимин.

– Полина знает, они вместе работали. – Нетесов быстро зашагал к машине. Хлопнула дверца, и «уазик» помчался по асфальту в темень августовского позднего вечера.

Первая электричка в шахтерский городок отправлялась в шесть, а в девять Зимин уже видел перед собой Анну Леонидовну Непенину. Старческое ее морщинистое лицо, обрамленное седыми гладко зачесанными волосами, светлело в полумраке просторного коридора квартиры.

Зимин назвал, сказал, что из Пихтового, друг Сергея и Полины Нетесовых, прилетел из Москвы навестить их, и что они с Анной Леонидовной коллеги: он тоже преподает – исто-

рию в институте будущим авиаторам. Старая учительница провела его в гостиную с высоким лепным потолком и круглым столом посередине, пригласила садиться.

– Анна Леонидовна, вчера я услышал одну историю или легенду, – начал Зимин, – про клад в районе станции Пихтовой.

Он сделал паузу, ожидая подтверждения или отрицания Хозяйка, севшая по другую сторону стола, промолчала. Поневоле пришлось продолжить:

– После Гражданской чоновцы разбили отряд белых у Орефьева озера, взяли несколько десятков килограммов серебра и золота. Я встречался с участником того боя Егором Калистратовичем Мусатовым, пытался выяснить, не является ли захваченное частью клада.

Зимин не мог не заметить, как от одного упоминания фамилии пихтовского ветерана Непенина поморщилась.

– А потом я услышал, что не так давно вы обвинили его публично во лжи на выступлении его в школе. Причем так на него подействовало, что он с тех пор избегает встреч...

– Он не выступает больше? – спросила хозяйка квартиры. В голосе ее проступило волнение, и выражение торжества возникло на лице.

– Отказывается. Говорит: иные времена, никому не нужно.

– Да, времена иные, – задумчиво сказал Непенина. – Жалко, я не договорила тогда. Струсила: выскажу все – и упаду, не встану. И жалко, никто после не приехал, не спросил...

– Ну вот я...

– Это замечательно, молодой человек, – ваш визит.

– Так в чем ложь, Анна Леонидовна?

– Ой, ее так много, так много. – Непенина сокрушенно, даже горестно, будто речь шла не о чужой, а о ее собственной лжи, покачала головой. – Вот он показывает часы. Столько обмана с одними этими часами связано. Я вам сейчас покажу.

Анна Леонидовна встала, сняла со стены большой фотоснимок, наклеенный на очень плотный картон.

– Градо-Пихтовский храм во имя святого Андрея Первозванного, – сказала она, протягивая гостю снимок.

Зимин взглянул. На фотографии была изображена изумительной красоты каменная церковь со светлыми маковками, увенчанными восьмиконечными крестами, с двухстворчатыми рифлеными дверьми под полуаркой, с невысокой папертью. Светлые купола на тонких кирпичных шейках взмывали ввысь, плыли в небе, и тени их величественно осеняли узорную ограду, широкие ровные дорожки, обсаженные молодыми тополями. Во вчерашнее утро Зимин провел изрядно вре-

мени возле церкви-склада, но, сказать по правде, у него не достало бы воображения уловить, признать даже отдаленное родство между тем Пихтовским обезглавленным зданием и существовавшим на старинной фотографии храмом.

– Это церковь за железнодорожными путями? – уточнил на всякий случай.

Наклоном головы хозяйка квартиры подтвердила.

– Воинствующие безбожники разрушили. Мы с мамой к тому времени уже уехали из Пихтового... Да, но мы говорили о часах. – Непенина встала сбоку от гостя, так, чтобы тоже видеть снимок. Тонкий сухой ее палец приблизился к снимку. – Замечаете, правее придела между мраморными надгробьями белеет крестик. Это могила поручика Зайцева. Часы принадлежали поручику, и он просил перед смертью переправить их родным в Тверь.

– Вы не путаете? На часах, которые у Мусатова, гравировка «полковнику Зайцеву».

Нет, молодой человек. Я с детства запомнила. Там в дарственной надписи не значится – ни поручику, ни полковнику. Просто первая буква «п» и через дефис - «ку». Если, конечно, те самые часы.

Зимин попытался восстановить в памяти надпись, и не смог.

– Значит, не было колчаковского полковника Зайцева? – спросил он.

– Помилуйте! Мне ли знать фамилии всех полковников Колчака. В Пихтовском уезде не было.

– Но о ликвидации его банды писали по горячим следам в губернской газете, – заметил Зимин.

– А вы сами читали?

– Только слышал.

– «Социалистическая новь». Храню. Ложь об отце в ней, но рука не поднимается выбросить. Что делать, новая власть составила ему такой «некролог»...

Анна Леонидовна достала из комода свернутую многократно газету. От времени она, отпечатанная на скверной бумаге, имела не желтый даже, а какой-то темно-ржавый цвет.

– Не разворачивайте, пожалуйста, треснет, – попросила.

В разделе «Происшествия» абзац был отчеркнут: «Еще одна банда ликвидирована на днях в Пихтовском уезде. На Орефьевой заимке, в 25-ти верстах от станции, отряд ЧОН (командир тов. Тютрюмов) полностью уничтожил враждебный Советской власти элемент. Ни главарь, ни его ближайшее окружение поп Леонид Соколов и известный всей Сибири купец-мироед Петр Шагалов не ушли от возмездия. В этом

бою отличился юный ЧОНовец-комсомолец Егорка Мусатов. Храбро действуя маузером и гранатой, это именно он навсегда закрыл глаза бандиту-главарю, ненавистным всему населению уезда и губернии попу и купцу. Кроме оружия, в числе трофеев у разбитой банды ЧОНовом взято ½ пуда золота и 4 пуда серебра».

– Видите, имя главаря не называется, – подождав, пока Зимин закончит читать, сказала старая учительница. – Они имени не знали. Колчаковского полковника Зайцева во главе крупной банды придумал позднее Мусатов. А на самом деле был разбойник Скоба. И с ним еще человек десять таких же. Ни папа, ни купец никогда в банде не состояли. Скоба захватил их. От папы потребовал ценности храма. Тогда же забрал и часы покойного поручика.

– И вы не пробовали протестовать? – спросил Зимин.

– Протестовать?! Много бы нас слушали. Кто были после революции Мусатов и его начальник, а кто – мы? Мама – дворянка, жена священника, к тому же убитого в банде.

– А Мусатов знал, что ваш отец – сам жертва банды?

– Мама пыталась объяснить и ему, и Тютрюмову. Говорила, что отбитые у шайки Скобы ценности – собственность церкви. Они поняли так, что мама пришла их востребовать. Посоветовали убраться из города и пригрозили Чека.

– Значит, все без исключения ценности, взятые чоновцами на Орефьевой заимке, не имеют отношения к колчаковскому кладу?

– Да, я же говорю, это церковные ценности. Вместе с купцом и папой заложником был еще один человек – Головачев. Он чудом остался жив, видался потом с мамой. Я вам сейчас расскажу...

ШАГАЛОВ

В распахнутые настежь ворота купец Петр Иннокентьевич Шагалов вышел с просторного, тонувшего в неубранных сугробах двора бывшего собственного дома на площадь, остановился. Совсем близко, саженях в двадцати пяти, белокаменная громада кафедрального собора святой Троицы туманилась в морозном белесом воздухе. Купола и кресты храма призрачно позолотой проступали сквозь дымку. Сколько он помнил себя, всегда в пору снегопадов дорожки к храму были расчищены, выметены; торцовка их либо глянцевито обнаженно сверкала, либо мягко пушилась молодым инеем. Теперь снежная целина расстилалась вокруг собора. Ни тропки, ни даже следов хотя бы одного человека не вело к собору.

– Закрыли. Дров не дают на топку. И службу вести некому, – упреждая возможный вопрос, сказал спутник, бывший дове-

ренный бакалейно-винного магазина Пантелеймон Гаврилович Головачев.

Было у Шагалова побуждение подойти к храму – столько раз в долгой отлучке снился себе молящимся в его стенах! – он даже сделал вперед шага три, но, заметив на шпиле здания казначейства по правую руку от храма красное полотнище, передумал. Чужое, чужое все – и дом, и казначейство, и храм.

– Губкрестком теперь у них, – назвал Головачев бывшему своему хозяину учреждение, которое разместилось в здании, где так еще недавно – так давно! – обменивали валюту, выдавали векселя и купчие...

– Губкрестком, – медленно повторил Шагалов.

– Да, Петр Иннокентьевич, – подтвердил Головачев и продолжал прерванный рассказ о том, как описывали шагаловское имущество:

– Трое их было в реквизиционной комиссии. Жиденок у них заправлял – верткий, маленький такой, в тужурке. Сперва как будто ладили. А как дошли до сундука, где шуба соболя, вазы китайские и пистолеты кремневые, коллекция ваша, – разлад у них пошел. Еврейчик хотел шубу себе забрать, второй член комиссии, тоже замухрышка мужичок, прикладом двинул еврейчика. Он взвизгнул, кричал, что будет жаловаться самому товарищу Михленсону, и звал в свидетели третьего... А потом поладили, куда-то все вещи возили, несколько раз списки переиначивали. И ни шубы, ни пистолетов, ни белья постельного, ни монет старинных, какие вы на Ирбитской ярмарке не однажды выменивали – все исчезло... Мне только дуло под нос, когда я ихнему начальству докладывал, что целый сундук добра из списка выпал...

Он слушал, а в памяти всплывал день отъезда, студеный ноябрьский день. Ровно полдюжины сундуков с домашним имуществом, обитых кованым листовым железом, были приготовлены к погрузке. Запряженные в сани низкорослые лошади-«нарымки» стояли посреди двора. Оставалось отдать распоряжение – и прислуга, конюхи приступили бы к перетаскиванию сундуков на сани. Он уже готов был приказать, как вдруг появился генерал Анатолий Николаевич Пепеляев. Последние недели генерал квартировал у него, занимая три лучшие комнаты с видом на Миллионную улицу и на Соборную площадь. Молодой, неполных тридцати лет генерал, крепко уже бивший большевиков на Урале и тем прославившийся, тоже снимался с места, уезжал на восток ввиду прорыва фронта и приближения красных. И специально для Пепеляева и для его свиты приготовленные лошади тоже стояли в купеческом дворе. Одетый в шинель до пят, в папахе, генерал,

увидев упакованные сундуки, от души рассмеялся, приближаясь к Шагалову и его супруге: «Петр Иннокентьевич, Анна Филаретовна, уж не насовсем ли собираетесь? Оставьте свой скарб на месте, целее будет. Право слово, недели не пройдет, вернемся». С такой убежденностью прозвучало, и так желалось верить: вернуться, отъезд очень ненадолго, большевики из последних сил наступают, вот-вот звезда их покатится, что поддался гипнотизирующим словам Пепеляева. Велел управляющему сундуки не грузить, а прибрать подальше с глаз. Хотел кое-что из сундуков вынуть, с собой в путь-дорогу взять, да времени в обрез, а так все уложено – не докопаться до нужного.

А и с собой бы забрал – теперь известно, – все одно сундукам, добру пропасть не миновать было. Верстах в двадцати от Красноярска ночью на тракте нагнали купеческую чету всадники с подхорунжим во главе (молодой генерал Пепеляев уже покинул их, своим маршрутом укатил, не сочтя нужным даже проститься), вытряхнули из кошевы на снег, посадили кого-то своих и умчали...

В ту ночь, бредя в нестройной и нередкой толпе отступающих войск Верховного Правителя, понял Петр Иннокентьевич, что если и суждено ему вернуться в родные пенаты, то не через неделю, как заверил бойкий на слово бравый колчаковский генерал, и даже не через месяц... Жена, как добрались до Красноярска, слегла в горячке. На последние деньги, сняв хибарку на берегу студеного Енисея, Перт Иннокентьевич выхаживал жену. И, может, как знать, и выздоровела бы благодаря его и докторов стараниями Анна Филаретовна, да забрали его в чрезвычайку. Выбраться удалось, слава Богу. Поискал безуспешно могилу супруги и подался в одиночестве да пешком в поношенной одежде с чужого плеча на родину. И вот у своего бывшего дома слушает рассказ бывшего своего доверенного.

Подслащивала горечь головачевского рассказа мысль, что не разорен вконец. В семнадцатом весной ранней, как митинговать все чаще начали да знаменами всех цветов размахивать, положил в кедровую шкатулку три сотни империалов, червонцев золотых столько же, украшения жены самые дорогие, да увез в тайгу на дальнюю свою заимку, спрятал. Он представил шкатулку, своими руками искусно вырезанную. Кроме монет, колец и сережек с бриллиантами, были в шкатулке и серебряная медаль Императора Александра III на Станиславской ленте, и знаки нагрудные – общества Голубого Креста и Палестинского общества, учреждений Императрицы Марии, в разные годы пожалованные Шагалову за активность

в благотворительности. Все награды за благотворительную деятельность хоть и из благородных металлов, но ценность их не больно-то весомая в общем содержимом шкатулки. Хотя бы один из нескольких камушков в перстенечке жены все перетянет. Шагалов их тем не менее положил в шкатулку. Как приятную память о былом. И сейчас воспоминание о наградах, в благословенные былые годы полученных, прошло по сердцу греющей волной.

– Лошади нужны, Пантелеймон Гаврилович. На заимку у Хайской дачи съездить. Подыщи, – попросил Шагалов у доверенного.

– Найдем, Петр Иннокентьевич, – закивал Головачев. – У Тахирки татарина из Заисточья добрые лошади.

– Со мной съездишь?

– Какой разговор, коли дело требует.

– Поскорее бы.

– У Тахира свежие лошади всегда найдутся. Хоть через час-другой снарядиться сможем.

– Хорошо, – довольный, сказал Шагалов. Скользнул взглядом по окнам в верхнем этаже своего дома. По окнам гостиной. Уехать и не возвращаться сюда. Никогда. Головачев от заимки один обратно доедет, а он... А он тут все потерял. Легче бы пепелище вместо разоренного родного гнезда узреть...

Тем временем как бывший купец Шагалов с доверенным Головачевым, успешно похлопотав о лошадях и снарядившись в дорогу, отправились к заимке у Хайской лесной дачи, непревзойденный мастер мокрых грандов* по кличке Скоба сидел в Остоцкой тайге под Пихтовой, пребывая в тяжких раздумиях: как жить дальше? Оставаться в здешних местах, вести прежний образ жизни – невысказанно. Новая власть вот-вот укрепится, возьмется и за него. Но не этого Скоба главным образом опасался. Гражданская война вместе с бесчисленными тысячами жизней проглотила, развеяла и немалые состояния. Все меньший навар от грабежей, и риск, значит, все меньше оправдан. И значит, уходить надо из этих мест. Как можно дальше. Лучше даже порвать нитку**. Через Урянхайский край или же через Алтайские горы переметнуться в Монголию, Китай. Скоба был фартовым. За годы, что портняжил с дубовой иглой***, попадали к нему в руки немалые

---

* Мокрый гранд – грабег с убийством

** Порвать нитку – уйти за границу

*** Портняжить с дубовой иглой – грабить

богатства. Но вот теперь, когда нужда, когда приспичило уходить, он с удивлением вдруг обнаружил, что уходить-то не с чем, все бездумно куда-то спущено, протекло сквозь пальцы. И публика на проезжих дорогах нынче пошла такая голь, того и гляди: ты с ножом к ней к горлу, а она милостыню просить...

Было, правда, у него на уме одно дельце, объект его внимания. Все про запас держал. Крюка. Церковь, то есть. В другое время и не помыслил бы **такого**. Давно, когда еще первый раз, за то, что на тракте близ городка Мариинска торговцу чаем раскроил череп острием скобы (отсюда и кличка пошла), получил семь лет, оказался на каторге в одной упряжке с мужичиной, угодившим за святотатство. В желании разбогатеть забрался тот мужичина ночью в церковь, взял с престола чашу и крест и на десять лет обеспечил себе шхеры*. Скоба на его примере с юных лет уразумел: в церквях лучше не красть, Бога не гневить, а грехи замаливать... Но теперь все переменялось. К церквям какое почтение. У большевиков особенно. Для тех Бога нет, храм – так себе, изба разубранная с крестами. Понадобится, и конюшню в святом месте устроят без долгих раздумий. Белые хоть и молитв не забыли, и в нательниках на груди, а тоже хороши. Видел сам, при отступлении ночевали в церковке сельской выстуженной, так для обогрева все псалтири, часословы, поминальники да четьи-минеи в костер покидали. А вокруг церкви той лесу – стена...

Но уж коли те, кто по музыке не ходил ни в жизнь**, кошунство творят и как с гуся вода с них, то ему, Скобе, на кого тогда оглядываться, с него какой спрос?

Он держал на примете Градо-Пихтовский соборный храм во имя святого Андрея Первозванного. Церковь эта при железной дороге слыла до революции самой богатой в губернии. На Рождество, Пасху, Троицу, Благовещенье – по всем самым значительным религиозным праздникам наезжали в этот храм многие состоятельные люди из губернского центра, хотя там своих церковей одна одной краше счетом за двадцать: щедрые дары перепали от именитых гостей-прихожан храму Пихтовскому.

Скобе доводилось бывать в нем в лучшие времена. Богатое его убранство прямо-таки ослепило.

Сейчас, после того как городок пережил войну, трижды в боях переходил из рук в руки, пока окончательно не утвердился за красными, церковь, конечно, не та. Наружные стены пулями из бронепоезда кое-где побиты, маковку одну от по-

---

* Шхеры – нары

** Ходить по музыке – принадлежать к блатному миру

падания снаряда повредило. Внутри вовсе от былой роскоши мало чего осталось. Окладное золото да серебро с икон исчезло, шандалы да лампы хоть и блестят по-прежнему, только блеск металлический поплоче – медный.

Пушен был слух, будто церковь обобрали, когда шли сражения. Но через своих людей Скоба доподлинно осведомлен: ни большевики, ни колчаковцы к храму в Пихтовом рук не прикладывали. Отец Леонид, священник, все до лучших времен схоронил в надежном месте. Вот где только – это предстоит выведать у самого отца Леонида. Любой ценой выведать и забрать церковные сокровища. А пожаловать в гости к отцу Леониду рассчитывал Скоба с подручными нынешней, завтрашней ли ночью. Зависеть будет от того, как скоро добрыми конями разживутся. Обязательно добрыми. После свидания со священником гнать да гнать от Пихтовой нужно подалее, без оглядки...

Обдумывая предстоящие дела, Скоба то садился на лавку за дощатый стол в избушке, неведомо кем и зачем поставленной среди тайги, то подходил к окну.

Избушка стояла на косогоре в окружении елей. Густой лапник прикрывал ее так, что в двухстах шагах пройдешь, не заметишь. Зато из окна избушки видно было петляющую проселочную дорогу, огибающую косогор, на добрые три версты с обеих сторон от косогора. Обзор, что надо, ничего не скажешь, да толку пока мало. Вчера за день пять повозок проселком прокатило. Проводили их взглядами, с места не поднялись: одни клячи в сани запряжены. И нынче с утра четыре еще было, тоже из тех, на каких далеко не ускачешь, в урманах в случае чего не затеряешься. Нынче, похоже, опять в этой избушке, прилепившейся на косогоре, спать: день на исходе, солнце к закату.

Скоба только успел подумать о возможной еще одной ночевке в избушке, как раздался голос его первого приятеля и помощника Шишки:

– Едут!

И, еще не глянув в окно, по интонациям, главарь шайки понял: появились на проселочной дороге именно такие, каких ждали.

– Едут! – подтвердил, возникая на пороге, пуская в избу морозные клубы, коротконогий малый со странной кличкой Крахмальный Грош.

Уверенной, не расплескавшей к сорока годам силы рукой Скоба сгреб свою медвежью шубу, нахлобучил малахай, шагнул за дверь.

Сразу увидел в цуговой упряжке пару коней каурой масти, и двоих седоков в розвальнях разглядел, хоть пока около версты отделило.

Повозка приближалась к кособогу. Дорога особенно близко подходила, прямо-таки прижималась к его подошве в том месте, где стояла избушка. Всего-то и дел: выждать, пока копыта коней ступят на этот прижим и мигом по неглубокому снегу скатиться вниз, очутиться около самой повозки. Впрочем, пока Скоба, Шишка и Крахмальный Грош стояли около избушки, двое из сообщников предусмотрительно переместились поближе к санной дороге.

Скоба нашарил в кармане, вытянул край замызанной красной тряпицы. Убедился: на месте, и тотчас снова спрятал. Не случайно проверил: по взмаху тряпицей все его люди придут в движение.

Чем ближе повозка, тем внимательнее глядел: не на ездоков, они его не интересовали, – пытался угадать степень усталости коней; сколько пробежали и на что еще способны нынче; какой отдых для восстановления сил понадобится. Верст пятнадцать еще пробегут легко, а там отдых задать.

Думая, не забывал примечать, что рыжеватая конская масть уже мелькает внизу между зеленохвойных веток. Тряпица появилась в руке, поднял над головою, потряс ею и степенно, как подобает главарю, направился вниз. Даже не подумал глядеть, как живо метнулись к повозке по его знаку.

Когда приблизился, ездоки уже были вытолканы из саней, Шишка красовался в крепкой дохе одного из них. Свою латанную одежку Шишка великодушно кинул под ноги обобранному владельцу дохи. Тот не спешил облачаться в «подарок», да Шишка и не настаивал, азартно обшаривал, выворачивая наружу карманы путников.

Не оставался без дела и Крахмальный Грош, переворачивал сено в санях: вдруг да под ним что запрятано.

– Одна саренка, – разочарованно сказал Шишка, подкидывая на ладони мелкие монеты.

– Откуда и куда? – сурово справился у недавних владельцев повозки Скоба.

– Из города в Наумовку. За продуктами, – ответил тот, с которого сняли доху.

– Без денег? – с сомнением усмехнулся Скоба.

– Так к сестре...

– Лошади твои?

– Нет своих. Под залог взяли у татарина.

– Ну, а я у тебя под залог, – ухмыльнулся Скоба, садясь в сани.

– Не надо, а... Что скажу хозяину, – жалобно, со слезой в голосе, проговорил лишившийся теплой собачьей дохи.

– А скажешь, хвалил и его лошадей, – весело отозвался Скоба. – Поехали! Но-о! – распорядился под дружный смехок приятелей, сам вожжей понадал по крупу коренника.

Отъехали сажен двадцать-тридцать, крахмальный Грош обернулся. Ограбленные все продолжали стоять.

– Где-то раньше их видел. Обоих.

Никто не отозвался.

Проехали еще с десяток сажен.

– Вспомнил! – Крахмальный Грош ударил себя по лбу. – Этот вон, который молчал все время, свечами торговал в кафедральном соборе.

И опять никто не откликнулся (эка персона – свечами торговал). Но Крахмальный Грош и не ждал удивлений, продолжал:

– Он этими свечами по великим праздникам торговал. Как почетный староста!

На сей раз безучастным не остался ни один. Многого могли не знать, а то, что почетным старостой кафедрального, то есть главного в губернии, собора случайного, без имени и состояния человека не выбирали, – это было известно всем.

А Крахмальный Грош не унимался, память его выуживала новые подробности:

– Шагалов это. Купец первой гильдии. Дом его на Соборной площади стоит. А тот, с какого доху содрали, – он на секунду пятерней вцепился в меховую обнову Шишки, – в главном магазине у Шагалова распорядитель старший.

– А ну назад! – велел Скоба. И быстро развернутые на узком санном пути кони резво помчали навстречу потерпевшим хозяевам, жертвам грабежа.

Хотел не хотел лишившийся дохи, а мороз заставил облачиться в верхнюю ветхую одежку, кинутую Шишкой. Вид у него сразу стал донельзя потешный, скоморошеский. Грабители на это не обращали внимания, настроены были серьезно.

– Так в Наумовку к сестре, говоришь? – грозно спросил Скоба.

– К ней...

– А чего ж ты... – Скоба матерно выругался, – лучше хозяина в дорогу снаряжился?

– Какого хозяина?

– А рядом с тобой стоит.

– Так какой он хозяин мне, сродственник он.

– Звать как сродственника?

– Головачев. Оба мы Головачевы. – Облеченный в дранье с чужого плеча попытался улыбнуться. Улыбка не далась.

– Во едет на небо тайгою*, – не выдержал Крахмальный Groш. – Ты-то, может и Головачев, а вот он – Шагалов. Петр Иннокентьевич. От Тюмени аж до самого Иркутска богатеи известны. Миллионер.

– Сам-то чего молчишь! Аль язык отсох? – Скоба шагнул к тому, о ком шла речь – коренастому мужчине с еле заметным застарелым шрамом на щеке, одетому в крестьянское.

– Ну, Шагалов... – хмуро подтвердил свое имя купец. – Был миллионер, да весь вышел.

– Большевики ощипали?

– Все. Кому не лень было.

– Так что теперь за милостыней в Наумовку ездешь?

– Выходит.

– Будет врать-то. Я, на дорогах стоя, состарился. За харчами и к матери так не ездят. Опять же, имя чего тайл, а? Нет, купец, другое у тебя на уме.

– А ты проверь.

– В Наумовку ехать? Недосуг. – Недолго Скоба молчал, потом приказал: – Вяжи их, ребята! С собой повезем. – Голос главаря зазвучал неожиданно резко и зло. Знавшие его близко боялись таких интонаций.

Когда опять лошадей развернули в нужном направлении, готовы были отправиться, главарь предупредил:

– Чур, двое своим ходом. Попеременке. Животину жалеть будем.

Поздним вечером добрались до Пихтовой, остановились среди заснеженных тополиных деревьев неподалеку от церковной ограды. Встретившие, находившиеся в городке четверо людей из шайки Скобы (шайка теперь была в полном составе), доложили: служба давно закончена, однако поп все еще чего-то торчит в церкви. Отворена ли дверь – неизвестно, но даже если заперся, – эка помеха. Попадья с дочкой дома, в окнах темно. Легли или сидят без огня. Кого-кого, а их опасаться нечего: одни с наступлением сумерек за порог не выходят, боятся. Дьякон и сторож у себя по квартирам. Отец Леонид обязательно оповещает обоих, когда отправляется спать. В поповском доме еще какая-то странница-богомолка, вчера объявилась, но та совершенно безопасная – еле ковыляет с палкой, ее и привели-то со станции под руки старухи. Вот и все, что имеет отношение к причту...

---

* Едет на небо тайгою – врет.

Скоба, выслушав, велел поставить коней в укромном месте, дать им хороший корм, следить за дьяконом и сторожем, не спускать глаз с поповского дома.

Подошли к церкви. Готовились ломать дверь, оказалось, она изнутри не заперта.

Главарь вдвоем с Шишкой скользнули под своды храма, где горело несколько свечек. Отца Леонида увидели сразу. Священник стоял неподвижно у царских врат вполоборота к ним. Поверх подрясника или рясы на плечи было накинуто пальто. Язычки свечек, от того, что, входя, приоткрывали дверь, дружно колыхнулись. Отец Леонид внимания не обратил.

Знаком главарь велел приятелю привести пленников, сам направился к священнику.

– Принимай гостей, святой отец, – сказал обычным своим голосом. Под сводами прозвучало очень громко, кажется, неожиданно для самого Скобы.

Отец Леонид попятился, вздрогнул. Было от чего. В медвежьей лохматой шубе и растрепанном малахае, заиндеветших на морозе, вдобавок с маузером в руке неожиданный гость впечатление произвел устрашающее.

– Темно у тебя, поп. Свечки экономишь, – недовольно и сбавляя тон, сказал Скоба, глянув в темноту под купол.

– Никого нет, – ответил отец Леонид. Нервно огладив короткую светлую бороду, поправился. – Не было.

– А теперь – я.

Шандал с погашенными свечками стоял перед иконостасом. Скоба по-хозяйски, бесцеремонно взял горящую свечку, от нее засветил другие. Одну, вторую, третью. Суровые лики святых глянули с темно-золотистых закопченных досок.

– С оружием да в головном уборе в святилище, – осуждающе сказал отец Леонид, быстро справившись с волнением.

– Не твое дело, поп. – Скоба корявым пальцем грубо ткнул в край иконы, где виднелись следы от выдернутых гвоздиков.

– Образа-то в ризах были?

– В ризах...

– Небось, на одной эфтой серебра фунтик с лишком?

– Не знаю...

– Было. А куда смылилось?

Отец Леонид молчал.

– Ладно, не отвечай, – Скоба передвинулся к другой иконе.

– Все одно вранье будет...

Священник что-то хотел сказать, но тут Крахмальный Грош и Шишка втокнули в полутемную церковь пленников

со связанными за спиной бечевкой руками, и главарь шайки все внимание отдал им.

– Ну что, купец, – вплотную подступил он к Шагалову, – исповедуйся в храме Божьем, Расскажи, куда ехал?

– И ты не молчи, помогай хозяину, – Шишка толкнул в плечо второго пленника.

– Чего еще надо? Все сказано, – угрюмо отозвался Шагалов.

– Значит, в Наумовку?

– В Наумовку.

– Ну-у, купец, так мы не поладим. Долго ждать недосуг, на терпенье я слаб. Учти.

– У Петра Иннокентьевича целый унтер-офицерский батальон на постое был. После красные пришли, разграбили, – вступился за хозяина доверенный.

– Вчистую? – глаза Скобы сверкнули из-под малахая.

– Вчистую.

– А кубышка? Без кубышки купцов не бывает. Верно я говорю, Крахмальный Грош?

– Не бывает, – подтвердил тот.

– А скажи, свечами толстыми, чай, торговал купец в соборе?

– Разными, – ответил Крахмальный Грош.

– Такие, поди, были? – взял Скоба с шандала огарок толщиной с указательный палец.

– Были, – кивнул сообщник.

– И такие? – в руках у Скобы оказался огарок совсем тонюсенький, с детский мизинчик.

– И такие. – Крахмальный Грош не понимал, куда клонит главарь.

– Столы, скамейки здесь есть?

Вопрос Скобы, вроде, был адресован священнику, однако он промолчал, а Шишка с готовностью закружил с зажженной свечкой по церкви в поисках мебели. Из правой двери алтарной принес широкую скамейку. Отец Леонид хотел было вмешаться, когда Шишка, проникнув в алтарь, чертыхаясь, возился со скамейкой, – двое до сей поры неприметных мужичков возникли перед ним, сжали руки: «Охолонись, батюшка».

– Там еще лавка, – сказал Шишка.

– Неси. – Скоба неожиданно размахнулся и ударил рукояткой маузера Шагалова по голове, так, что тот рухнул на пол. Только глухо ухнуло под сводами упавшее тело.

Приказание быстро было исполнено.

– А теперь привязывайте их к лавкам и обутки снимайте.

Помощники выполнили распоряжение главаря четко. Кинули, как куль, на скамью Шагалова, намертво прикрутили к ней веревками, которые, похоже, постоянно имели при себе. Пимы, портянки, носки полетели на пол.

Доверенный, кажется, ясно понял, к чему все клонится, как рыба, пойманная в сети, затрепыхался всем телом. Тщетно. Хваткие, как клешни, здоровенные руки разбойников утихомирили, примотали к лавке и его.

– Не позволю храм Божий в пыточную превращать, – раздался громкий голос священника.

– Общайся с Богом, поп, не вмешивайся, – посоветовал ему Скоба. Понизив голос до шепота, зловеще пообещал: – До тебя еще очередь дойдет.

Скоба из рук лучшего своего приятеля забрал свечку, склонился над очнувшимся купцом.

– Ну, говори, купец, не дури, – сказал почти дружелюбным тоном.

Глаза Шагалова, налившиеся слезами и кровью, смотрели с ненавистью. Он молчал.

– А ты? – переместился от купца ко второму пленнику, осветил ему лицо Скоба.

Постоял в ожидании, потом резко выпрямился, сказал, глядя на огонек свечи:

– Тряпками им рты забейте, шибко слышать тут.

И это приказание главаря выполнили, не мешкая. Главарь присел на корточки, поднес свечу к большому пальцу ноги купца. От боли Шагалов дернулся всем телом, веревки не пускали. Скоба на секунду отдалил свечку. Опять приблизил. Медленно повел огонек по ногтям пальцев ноги, словно пересчитывая их. Пламя окутывало кончики пальцев. Запахло паленым.

– Этому-то ноги тоже погрей, – сказал Шишка деловито, буднично. – Это, глядишь, сговорчивей окажется.

И улыбка озарила лицо, когда бывший доверенный купца от первого же прикосновения огня к оголенным пальцам замычал, отчаянно затряс головой: дескать, согласен, согласен говорить.

Крахмальный Грош вынул ему кляп изо рта.

– Петр Иннокентьевич, – часто дыша, давясь воздухом, торопливо заговорил Головачев, – скажите. Они ж теперь все одно не отстанут. До заупокойной свечки доведут, а не отстанут.

Шагалов только плотнее прижимался щекой к лавке, тарсил слезящиеся выпученные глаза на неприветливые темные лица икон.

– Сам скажи. Чего он тебе.
– Да что я знаю...
– Знаешь, не дури. – Шишка опять поднес горящую свечку к ноге Головачева, правда, ненадолго.
– Он позавчера объявился, чуть не год пропадал. Попросил коней достать, на заимку свезти.
– На какую заимку?
– На его. У Хайской дачи.
– Зачем свезти? Говори, говори, язык тебе – одно спасение,
– подбадривал Шишка.
– Не сказывал.
– А где коней взял?
– У татарина одного под залог.
– Крупный, небось, залог купец дал?
– Да без гроша он пришел. В Красноярске дворничал, на путь домой собирал. Сам я за все платил.
– Ну-к, погрей ему лапы, да получше, чтоб врать не повадно, – вмешался Скоба в разговор. – Сдался бы тебе хозяин нищий. Платить за него, возить за так.
– Не за так. Не вру, – поспешил, упреждая продолжение пытки огнем, говорить Головачев. – На заимке, слово купца дал, рассчитается.
– Как? Чем рассчитается?
– Не обговаривали. Внакладе, сказал, не останешься.
– Дорогу к заимке можешь показать?
– Известно. У самого Орефьева озера.
– Ну что, купец, есть все-таки кубышка-то, а? – Скоба приблизил свое лицо к лицу Шагалова. – Е-есть. Отдай, да живи с миром.

Немигающие глаза Шагалова смотрели мимо бандита на зыбко проступающий в полумраке иконный лик.

Огарок в руках у Скобы совсем укоротился. Он помнил: входя, у стены видел свечной ящик. Сам сходил, взял полную горсть свечей, запалил новую.

– Будем еще греть ноги, – сказал. – И ты продолжай, – велел Шишке, кинув ему пару свеч: – Он хитрит, думает, купца изведем, его отпустим, все ему достанется.

– Христом Богом закли... – вырвался из груди Головачева вопль отчаянья. Крахмальный Грош одним точным движением угасил этот резонирующий под сводами вопль.

Опять запах паленины смрадно поплыл по церкви, только теперь он был куда гуще. Опять привязанные пленники то судорожно тщетно пытались вырваться из пут, то затихали, обмякали, впадая в беспамятство. И так, пока Скоба не решил сделать перерыв.

– Христом Богом молю, Петр Иннокентьевич, скажи им. Изведут ведь, – запричитал, захлебываясь, Головачев, едва вынули ему кляп.

Перевел немного дыхание, продолжал:

– Пощади! Или я плохо служил тебе? Видишь, даже Господь не за нас, не слышит. Если что осталось у тебя – крохи ведь. Стар ты, дела не выправишь. И один, как перст... Пожалей, Петр Иннокентьевич...

То ли боль от пыток, то ли жалость к преданному до нынешнего дня доверенному, имеющему на руках большую семью, а скорее всего, напоминание о старости и одиночестве, сознание, что с помощью содержимого шкатулки кедровой былого не вернешь, воспоминание о своем-чужом доме, мертвом холодном кафедральном соборе, что бы ни было, но сыграло роль, сломило упрямство купца Шагалова. Он сделал знак, что хочет говорить, и, получив возможность, промолвил, с трудом шевеля обкусанными до крови губами:

– В подпол когда спускаться, от пола пятый кирпич вынуть. Там...

– Вот дурья башка, напрасные муки принимал, – сочувственно-удивленно сказал Шишка.

– Лицо оботри, – попросил Шагалов.

– Сейчас. Оботрем, обуем. Еще съездим вместе...

С пленниками, захваченными на таежной дороге, было покуда покончено, и Скоба сразу же, словно забыв об их существовании, перевел взгляд на отца Леонида.

– Ну, а ты, поп, миром отдашь серебро-золото смарыленное, или как?

– Все на виду в храме. Нет других ценностей.

– Брось, святой отец, вола водить*. Про тебя-то известно. Думаешь, в святые мученики с моей помощью попадешь? Не надейся.

Скоба притянул за рукав к себе Шишку, пошептал ему что-то на ухо. Тот кивнул и выскользнул из церкви.

– Не надейся, – повторил Скоба. – Пальцем не трону. Сам отдашь.

– Нечего отдавать. А было бы, все равно не отдал бы.

– Глупый ты, поп. С мое, поди, прожил, а не уразумел, что огнем жечь, гвоздями к кресту прибивать – не самое страшное.

– А что ж самое?

– Самое? Я еще учусь. А вот те, кого ты мне ворами назвать хочешь, – те до конца уразумели.

---

* Вола водить – врать, путать.

Скоба снял малахай, лениво почесал пальцами в свалывшихся, влажных от пота волосах.

В это время дверь в церковь опять раскрылась, и стремительно вошел Шишка. Какой-то огромный продолговатой формы шертук светлел у него в руках. Играючи он поставил свою ношу, размотал матерчатую обертку. Одеядло в белом пододеяльнике с кружевной оторочкой по краям упало на пол.

Взглядам находившихся в церкви предстала двенадцатилетняя дочь священника в одной ночной сорочке и с распущенными волосами. Шишка обеими ручищами рванул легкую полотняную сорочку, и юная поповна оказалась совершенно голой. Стройное ее беззащитно-нагое тело с маленькими – торчком – упругими грудями белело среди трепетных огоньков свечек. Поповна вся трепетала, как огоньки свечек, от страха, и не могла вымолвить ни слова.

– Аня! Дочка!

Священник ринулся было к дочери, но был сию же секунду задержан, руки оказались заломленными за спину.

– Не ори, поп. Отдашь, что нужно, не тронут твоё чадо, – спокойно начал вразумлять Скоба отца Леонида. – Нет – вот я ей жениха припас, – указал главарь на Крахмального Гроша. – Ну?

– А жена? Где жена? С ней что? – Священник лихорадочно переводил глаза с дрожащей обнаженной дочери на «жениха», на главаря шайки. Дрожь, колотившая дочь, он чувствовал, вот-вот передастся и ему. Он боялся задрожать на глазах у грабителей и молил Бога укрепить его дух. Слова молитвы, молниеносно пронесившиеся в голове, путались.

– Тоже цела пока. Решай, поп. Слышал, я на терпенье слаб. Как бы не поздно.

– Вели отпустить, – попросил отец Леонид. – Отдам.

По знаку главаря двое его подручных отступили от настоятеля храма. Священник подбежал к дочери, поднял одеядло, укутал в него дочь и подхватил на руки.

– Отнесу домой...

– Э-э, погодь. А скуржа, рыже...

– Какая скуржа? – оборвал со злостью отец Леонид, ощущая, что и в его руках дочь не перестает дрожать крупной дрожью. – Серебро, что ли, на людском языке? Так в доме, в подполе.

– Эка на подпол потянуло их прятать-то, – усмехнулся Шишка.

...Где-то через полчаса церковные драгоценности, умело запрятанные отцом Леонидом, перешли в руки Скобы и его

шайки. Главарь был доволен. Богато! Серебра около четырех пудов и золота полпуда с лишком.

Внимание привлекли часы с крышкой в никелированном корпусе и на цепочке. «Въ День Ангела п-ку Зайцеву», – прочитал Скоба выгравированное на оборотной стороне крышки. Было и продолжение, но буквы непонятные. Должно быть, на чужом языке.

Часы Скобе понравились.

– Чьи? – спросил у священника.

– Раненый офицер из Твери, поручик, здесь умирал, просил переслать родным.

– А-а... – По настенным маятниковым часам Скоба перевел стрелки, сделал завод, послушал, как тикают, и часы покойного поручика исчезли в кармане лохматой шубы.

– С нами поедешь, поп, – распорядился. – Не то, знаешь, где будем, приведешь ненароком кого не след.

И когда при этих словах сдержанные рыдания попадьи перешли в громкие, прерывистые, заверил ее:

– Вернется. На что он мне.

– Сани, упряжь в ограде есть. На двух бы повозках ехать, – сказал Шишка.

– Дело, – согласился главарь.

Через час грабители, а с ними и трое пленников, не будучи, как им казалось, никем замеченными в Пихтовой, не наделав шуму, были далеко от железнодорожного городка на пути к заимке у Орефьева озера и Хайской даче.

По мелколесью, между островерхих оснеженных елей лошади бежали бойко. Головачев сидел рядом с Шишкой в передке первой повозки, правил. С хозяином своим бывшим ни в храме после пыток, ни в дороге словом не обмолвился. Шагалов, может, считал его предателем, а, может, боль такая одолевала – не до разговоров. Что бы ни означало молчание, Головачев первым заговаривать не спешил. И он чувствовал себя неважно с тех пор, как «погрели» ноги. Да и говорить что, о чем?

До заимки добрались глубокой ночью и тут же кинулись выковыривать кирпичи в подполье.

Кедровая шкатулка, завернутая в тряпицу, лежала в сухой неглубокой нише. Скоба загреб пятерней содержимое, пропустил меж пальцев; от радости дыхание зашлось: ну вот, кажется, можно пожить на покое, без приключений, без риска. Кони до утра отдохнут – и подальше, подальше от этих мест самыми глухими проселками. Туда, где он никого не знает и его вовеки не видели.

С мыслями о дальней дороге и лег подремать. Не заметил, как погрузился в крепкий сон.

Разбудили выстрелы. Частая стрельба из винтовок и ружей шла совсем близко от избы.

– Крупа* . Чоновцы! – Шишка, вооруженный сразу двумя револьверами, тормохнул его.

Скоба сам уже сообразил: беда. Под выстрелы рядом – это Шишка пустил в ход свое оружие – вскочил уже с маузером на боевом взводе. Глянул в окно: со стороны Орефьева озера хорошо различимые в светлеющих утренних сумерках бежали к заимке десятка полтора человек, одетых кто в шинели, кто в полушубки.

Две пули, одна за одной, ударили в косяк. Скоба отпрянул. Зыркнул на сидевших в углу священника, купца Шагалова и его доверенного, кинулся в соседнюю комнату. Там Крахмальный Грош и еще один малый по кличке Вьюн, вели стрельбу из окон. И с этой стороны – видно было – к дому бегут с десятков человек.

Двое из шайки, Акимка и Ларь, сторожа лошадей, уже лежали неподвижно, ткнувшись в снег.

Оставалась еще комнатка с одним оконцем. Если и со стороны ее фигуры в шинелях и полушубках, – все, крышка.

– Вбежал – комнатка пуста. Глянул в окошко – и чудо! – с этой, единственной стороны, близкой к густому хвойнику, началу Хайской лесной дачи, – ни души.

Меньше всего интересовало, где еще трое подручных, которые не попадались пока на глаза. Церковное добро уже не унести. Шкатулка? Хлопнул себя ниже груди – с собой!

Нужно позвать Шишку, ноги уносить вдвоем. Рванулся было туда, где азартно и не без успеха отстреливался Шишка, и отпрянул: на пороге, с занесенной над головой лимонкой стоял какой-то шкет лет пятнадцати-шестнадцати, голубоглазый и носатый, в дубленой шубейке и шапке с красной полоской, пересекающей козырек. Вовремя отскочил назад за перегородку: взрывом качнуло избу.

Шишку, попа, истинного хозяина заимки с сопровождающим, наверно, накрыло. Всех.

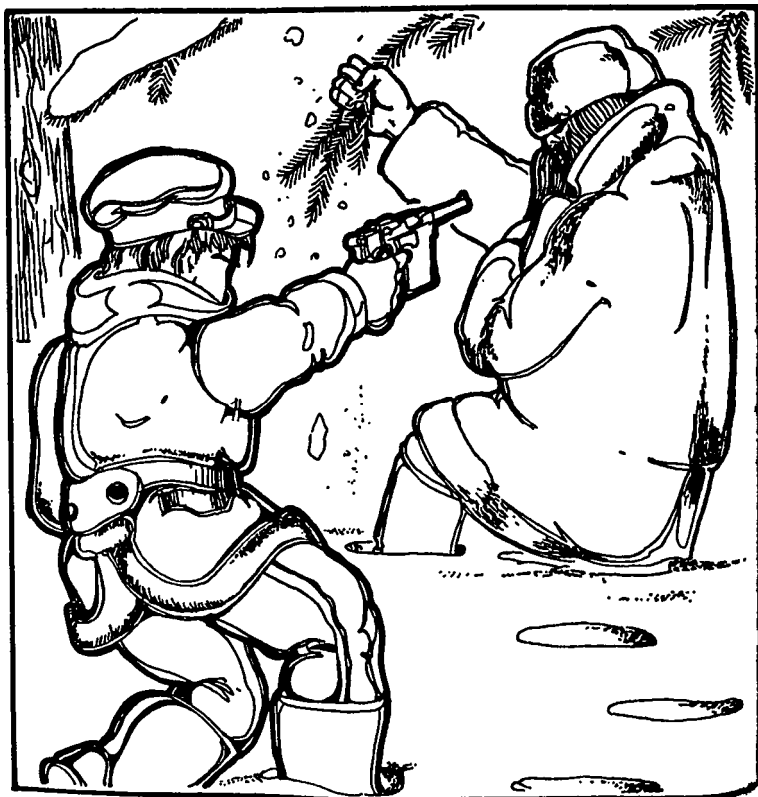
Некогда было об этом и подумать. Махом вышиб ногой двойные рамы, вывалился через оконный проем на снег, поднялся и побежал к лесу.

Оглянулся, нет ли погони, когда уже совсем рядышком с хвойными лапами очутился – рукой дотянуться можно. Носа-

---

* Крупа – солдаты.

тый голубоглазый шкет с красной тряпкой на шапке догонял. И у него такой же, как у Скобы, маузер.

Часть вторая

– Стой! – крикнул шкет.

Скоба чуть обернулся, почти не целился, знал: не промахнется. Направил дуло маузера в сторону шкета и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Осечка!

За пазухой еще был наган. Но шкет не даст вытащить. Скоба попытался все-таки спасти положение: повернулся, рванул на себе шубу, распахивая, чтобы не помешала шуба махом выхватить наган, и со звериным устрашающим рыком пошел на тщедушного пацана. Тот спокойно поднял свой исправный маузер и дважды выстрелил...

Часть вторая

Они ехали верхами на конях по черневой заболоченной тайге – столичный гость сибирского районного городка историк Андрей Зимин и местный житель, конюх Николай Засекин. Перед тем как им тронуться в дорогу Засекин предупредил спутника, чтобы ни на шаг не отклонялся в сторону, следовал строго за ним, и впредь молчал.

Зими́на это устраивало. Он все еще находился под впечатлением вчерашней встречи с дочерью священника Градо-Пихтовской церкви. Думал, почему Непенина лишь буквально месяцы назад наконец открыто выступила против Мусатова, десятилетия порочившего доброе имя ее отца. И понимал причину: страх. В двадцатые, тридцатые, сороковые годы, вплоть до начала пятидесятых – страх за себя, за личную свободу, потом – страх за сына и внука. Притуплённый, сглаженный, но все же страх. На сыне и внуке прошлое ее отца, каким оно официально было преподнесено, существенным образом уже не могло отразиться, если бы даже кто-то очень того пожелал. Ну, а вдруг? Всё у сына, внука складывалось благополучно. Она не хотела, чтобы из-за нее хоть чутошно благополучие это оказалось нарушенным... С другой стороны предательство по отношению к родителю, к его памяти мучило ее, не давало покоя...

Гул комаров и чавканье конских копыт в болотной жиже не отвлекали, скорее, наоборот. Ему неожиданно пришли на ум пересказанные Непениной события, предшествовавшие бою у Орефьевой заимки. Бывший доверенный купца Шагалова, уцелевший после взрыва гранаты в доме на заимке, и позднее навестивший вдову священника, рассказывал о существовании кедровой шкатулки с драгоценностями. Собственно, ради содержимого этой шкатулки уголовная банда Скобы и оказалась на заимке. Шкатулка находилась у главаря. Дом во время боя не сгорел. Каждого убитого бандита, пленников, причисленных к банде, чоновцы тщательно обыскивали. «Золотопогонник» Скоба рассчитывал уйти от ЧОНа и, надо думать, до последнего не выпускал дорожную шкатулку. Мусатов застрелил его, обшарил. Найти у убитого часы и не обнаружить шкатулку? Такое невозможно. Или почти невозможно. Но ни в устных, ни в напечатанных рассказах пихтовского ветерана о шкатулке ни слова. А должен он знать, обязательно должен...

– А ты правда из самой Москвы? – спросил, полуобернувшись, Засекин, нарушая ход мыслей.

– Родился там, – ответил Зимин.

– А Сергея откуда знаешь?

– Воевали вместе в Афганистане. Одиннадцать месяцев.

– Так и подумал... Я тоже воевал.

Зимин посмотрел на спутника недоверчиво: по возрасту, вроде, не подходит ни к одной войне. Засекин после долгой паузы сам прояснил:

– Только мы быстро закончили. Страна маленькая, и куда мадьярам против нас.

Ах вон что: В Венгрии в пятьдесят шестом двоюродный брат пасечника подавлял восстание.

Короткий разговор прервался, и опять Зимин углубился в свои размышления.

Заболоченная низина кончилась, копыта коней застучали по твердой земле. В худосочной траве потянулась узенькая, давным-давно не хоженная тропа. Не сильно петляя меж хвойных деревьев, она тянулась, пока не привела на пригорок, где возвышался бревенчатый домик с островерхой тесовой крышей, увенчаной крестом. Зимин в жизни не видел наяву, не сразу понял назначение этого строения.

– Неужели часовня? – сказал неуверенно.

– Она самая, – подтвердил Засекин, спешиваясь и закуривая. – В старину на этом месте каждое лето чествование святого Пантелеймона происходило. Был такой святой.

– Удивительно, как уцелела, – тоже слезая с лошади, сказал Зимин.

– Что да, то да, – согласился Засекин.

– А вообще, почему бы не сохраниться. Глухая тайга, – вслух для себя рассудил Зимин. Он расчехлил фотоаппарат, сфотографировал часовню.

– Это теперь глухая. Раньше здесь народу поболее чем в Пихтовой было, – возражая, сказал Засекин. – Лагеря кругом стояли. «Вольный», «Надежный», «Свободный». Мимо «Свободного» ехать будем.

– Далеко он?

– Да километра два.

– Тогда, может, там отдохнуть остановимся, – попросил Зимин.

– Ну поехали, без разницы, – легко согласился Засекин. Завязал расстегнутый было подсумок, вдел в пасть лошади удила.

На прощанье Зимин заглянул внутрь часовенки, и пожалел: очароваться можно было только от ее наружного вида...

Опять ехали, опять копыта коней глухо стучали по земле. Темно-зеленые пихты, после того как отдалились от часовни, уже не стояли так густо, мешались с березой и осиной.

Лес расступился, и на возникшем перед глазами огромном пространстве предстал глазам длинный и высокий глухой забор со смотровыми вышками по краям, с гирляндами из металлических черно-белых абажуров, предохранявших некогда лампочки электрического освещения от снега, пыли, камушков. Целые звенья зубчатого забора местами повалились, и через образовавшиеся пустоты виднелись прогонистые приземистые бараки – пепельно-серые, невзрачные, как и всё, на этой окруженной лесом территории. Зимин насчитал шесть таких бараков. Виднелись и еще строения, но не похожие на жилище заключенных.

– «Свободный», – сказал Засекин. – На три с лишним тысячи зеков лагерь.

– Все в шести бараках умещались?

– Семь было. Сгорел один, вместе с лазаретом и кухней. А так всё в сохранности. Баня, караульное помещение, клуб. Имени Берия назывался.

– Лес валили заключенные?

– Не, лес мало. Кирпич делали. Узкоколейка была от лагеря к заводу и глиняному карьере. – Засекин махнул рукой, указывая, куда тянулась узкоколейка.

– Клуб имени Берия, – задумчиво проговорил Зимин.

– Да. Вон он. Брусовой дом с ободранной крышей.

– Посмотрю. – Зимин было направил лошадь в сторону лагеря.

– Э-ээ, – живо отреагировал Засекин. – Пешком лучше. Я пока напою животину. Ручей вон, – ткнул пальцем туда, где около кромки леса поднималась высокая точная трава.

По дощатому полуразрушенному настилу Зимин через центральный вход, – там прибита была к рядом стоящим двум столбам доска с буквами «КПП», – вошел на территорию «Свободного». Ворота, открывавшиеся некогда для подвода и автомобилей, лежали на земле, вдавленные в нее. Ворота сплошь были опутаны колючей проволокой; оборванные ее

концы кудрявыми завитками тянулись вверх. Куски колючки мелькали там и сям на столбах ограждения, тянулись по земле. Шагах в пятнадцати от КПП валялась целая бухта проволоки с острыми стальными шипами. За долгие годы лежания невостребованная эта бухта вцепилась колючками, вросла в грунт. Зимин понял, почему провожатый его посоветовал пешком отправляться осматривать таежный концентрационный лагерь: при таком обилии проволоки лошадь неминуемо изодрала бы об нее в кровь ноги.

Зимин подошел к ближнему от входа в «Свободный» барак. Дверь в барак с крохотными зарешеченными окнами была приотворена. Носком сапога Зимин поддел ее, раскрывая шире, вошел в барак.

Он впервые был в гулаговском бараке. Длинный широкий проход в центре, по обе его стороны – двухъярусные нары. Ни соломы, ни тряпья, ни матрасов не было на нарах – словно кто-то велел тщательно прибрать барак перед тем, как покинуть, а может, и действительно, велел, – только слой пыли. Зимин встал в промежутке между нарами, указательным пальцем провел по ребру доски верхних нар. И сразу под стертой пылью обозначилась надпись, нацарапанная чем-то острым: «Утром всех отправляют по этапу. Говорят, на Д. Восток. Выдержу ли? А Семенов, узнав про этап, повесился. 25.1.-50 г.» Без толку было пытаться представить себе писавшего, не оставившего своего имени. Зимин мог лишь понять, проникнуть в то глубочайшее одиночество и страх, которые незнакомец испытывал январской сибирской ночью пятидесятого года, поверяя свои мысли доске в лагерном бараке, советуясь с самим собой, хватит ли сил одолеть этап; возможно, думая и гоня прочь мысли, не слишком ли велики мучения и не оборвать ли их разом, как сосед по бараку Семенов?..

«Да, это не в сто втором фонде на Большой Пироговке копаться», – подумал Зимин.

Он перешел в нишу между соседними парами нар, стер пыль на досках и там, теперь уже с помощью носового платка. Никаких надписей не было. И дальше, сколько он ни ходил от нар к нарам, сколько ни пытался обнаружить надписи, их не было. То есть, может, они и были, и даже, может, много, но для их обнаружения потребовалось бы облазить, отчистить от пыли весь барак. Он нашел еще одну отметку – вырезанную лезвием дату «24 сент. 1936 года», и прекратил свое занятие,

вышел из барака. В другой входить не стал, лишь заглянул с порога внутрь. Всё так же, только нары – трехъярусные.

Он открыл двери всех бараков «Свободного», все окинул взглядом. Оставался только клуб. Направился было к клубу. Но, не доходя, вдруг резко повернулся, зашагал обратно к давным-давно покинутым баракам, щедро фотографируя каждый в отдельности снаружи и внутри, жалея, что фотоаппарат заряжен слабочувствительной пленкой, и снимки, сделанные внутри бараков, могут получиться невзрачными, нечеткими.

Потом он стал искать точку, с которой можно бы сфотографировать весь обнесенный забором лагерь. Шагах в ста, за пределами «Свободного», стояла старая высохшая береза. По крепким ее сучьям Зимин вскарабкался выше середины. Панорама «Свободного» открывалась что надо.

– Давай быстрее, обедать будем, – громко позвал Засекин. Он, пока Зимин осматривал лагерь, успел расседлать лошадей, развести костерок возле ручья и, очевидно, что-то приготовить.

– Сейчас. Минуту, – устраиваясь поудобнее, наводя резкость, так же громко отозвался Зимин. – Сниму этот остров Свободы и...

Он нажал на кнопку, фотографируя, и едва от неожиданности не выронил из рук «Зенит»: одновременно со щелчком фотоаппарата грохнул выстрел. Пуля впиалась в березовый ствол сантиметрах в пятнадцати-двадцати выше головы. Мелкая труха из-под отслоившейся бересты просыпалась на волосы.

Не видно было – кто, но стреляли со стороны лагеря, и явно по нему. Он достаточно в свое время был научен, чтобы сразу не затевать разбираться что к чему, сперва поспешил перестать быть открытой мишенью, живо переметнулся на противоположную сторону, под защиту ствола. Тем временем раздался второй выстрел, из карабина, как успел уже определить Зимин, и пуля ударила почти в то же самое место, что и первая. Прижимаясь всем телом к березе, он ощутил, как гул прокатился внутри дерева, принявшего пули, и потерялся, затих где-то внизу, в широком с растресканной корой комле.

Еще он не осознал, почему выстрелы по нему, перед кем и в чем провинился, не решил, что же предпринять, а от ручья к березе уже бежал что есть мочи Засекин.

– Брось, Мироныч, дурить! Спятил, – кричал Засекин невидимому стрелку.

Возымели действие слова Засекина или по какой другой причине, но выстрелов пока больше не было.

– Вот сволота, – сказал Засекин, переводя дыхание, добежав до березы и упершись обеими руками в ствол. Набрал побольше воздуха в легкие, крикнул: – Еще раз стрелишь, карабин твой накроется. Понял?

Ответа не последовало.

От быстрого бега и громкого крика провожатый Зимина закашлялся, потом, задрав голову кверху, спросил:

– Ну как?

– Цел.

– Слазь. Щелкалкой ты его раздражил, вот он и пугает. Он метко стреляет. Глянь сам, пуля в пулю.

– Да уж, – с нервным смешком отозвался Зимин. Он посмотрел на объектив «Зенита», не разхряпал ли, прыгая на березе? Вроде, в порядке.

– Э-э, больше не щелкай, – по-своему расценил его движения, поспешно попросил Засекин.

– Не буду, научили. – Зимин быстро спустился вниз. – Кто этот Мироныч?

– Косолапов Михай Мироныч. Надзирателем был в «Свободном». До пятьдесят девятого года, до закрытия лагеря.

– Он что, и теперь надзирать продолжает?

– А хрен знает. Часто его тут можно найти. Дома недалеко стоят, где раньше лагерная обслуга жила. Там обретается.

– Один?

– Один.

– Удивительно. Один, надзирателем был – и всё живой, – нарочно громко, так чтобы в лагере было слышно, сказал Зимин.

– Тише ты, пойдем. – Спутник потянул Зимина за рукав брезентовой куртки. – Ну его. От греха... Перекусим, чаю попьем.

Уступая просьбе, Зимин пошел к ручью, к лошадям.

– Ты ешь, мне расхотелось, – сказал, останавливаясь у костерка.

– Мне тоже. – Засекин выплеснул из котелка заваренный пахучим смородиным листом кипяток, ногой сдвинул в ручей горящие угольки и, не мешкая, снарядил лошадей. Явно он спешил убраться от лагеря.

– У «Индианы» поедим, – сказал, трогаясь.

– Отшельница какая-нибудь, что ли? – спросил Зимин.

Засекин обернулся, лицо его посветлело в щедрой улыбке.

– Вот ты ученый, а не знаешь. Отшельница. Мотоцикл это! Колчаком еще брошенный. Английский, кажется.

– А-а, вон что, – глядя на уплывающие из виду строения «Свободного», сказал Зимин. Тоже улыбнулся, спросил: – А в лагере давно барак и кухня сгорели?

– Не помню. При зеках еще. Чуть ли... Нет, не помню. Брат все знает. Писал об этом лагере в газету. И Мироныч в ответ тоже написал. Зато, говорит, кирпичи прочные делали. Не как сейчас. Зря не сажали, издевательств и битья не было, голода тоже, никто не помирал, кроме как своей собственной смертью, а тех хоронили в гробах.

– М-да... Вот уж воистину: не плюйте в товарища Сталина, – вспомнив про выстрелы, сказал Зимин.

– Как это? – не понял Засекин.

– Так. Много еще считающих: зато кирпичи крепкие делали, – задумчиво произнес Зимин. – А на карабин у Косолапова есть разрешение?

– Конечно. Он же заказник бобровый охраняет. От «Свободного», правда, заказник далеко.

– Что, всю жизнь охраняет и надзирает?

– Ну. Склады химудобрений сторожил до заказника, – не сразу ответил Засекин. Он, видно, хорошо зная Косолапова, впервые мысленно по годам выстроил факты его биографии и удивился, что так и есть, как предполагает спутник: всю жизнь охранял и надзирал.

– Склады. Химудобрений, – повторил слова конюха Зимин.

– Ты другу расскажи, как Михей тебя приветил, – посоветовал Засекин. – Чтоб карабин отобрал.

– Расскажу...

Разговор надолго прекратился. Опять место пошло низинное, сыроватое. Не умолкавший комариный гул усилился, тугими тонкими струями из-под ног лошадей летела вода. Фонтанчики иной раз попадали в лицо. Поневоле приходилось держать поводья одной рукой, а то и отпускать вовсе, чтобы утереться от парной грязной воды, отмахнуться от гнуса. Так ехали, то попадая в сыр, то выбираясь на сухое место.

«Индиана» валялась среди густого, обсыпанного красной спелой ягодой, малинника. Собственно, от мотоцикла уцелел ржавый железный скелет. От почти векового лежания под открытым небом краска отслоилась, отлетела напрочь, невоз-

можно было определить, какого цвета был мотоцикл; резина с колес сползла, исчезло сиденье. Но все-таки это был мотоцикл – с колесами, рулем, бензобаком. Зимин, присев на корточки, долго разглядывал старинный мотоцикл, попробовал – безуспешно – крутнуть переднее колесо и, не забыв сфотографировать, отошел нехотя. Засекин торопил: пора обедать и ехать. Путь на нынешний день еще долгий...

На ночевку строились в долине мелководной спокойной речушки. Сквозь прозрачную чистую воду просматривалось галечное дно. Мелкой галькой был усеян и весь пологий берег.

После целого дня верховой езды по прогретому солнечными лучами душному лесу Зимин с удовольствием скинул одежды, окунулся в воду. Найдя место поглубже, нырял и плавал, долго не выбираясь на берег, разминал затекшие онемевшие мышцы. Засекин тем временем расседлал коней, спутал им ноги, пустил пастись и принялся собирать валежник для костра. «Купайся, купайся», – остановил конюх Зимина, когда тот собрался было помочь.

И то сказать, валежин на берегу было предостаточно, вдвоем их брать никакой нужды. Зимин продолжал плескаться и выбрался окончательно на берег, когда костер уже горел, и вода в подвешенном над ним котелке закипала.

Пужинали тушенкой, запивая ее отваром чаги. Зимин приготовился коротать ночь у костра прямо на приречном галечнике. Засекин со словами «Скоро приду» исчез. Вернулся с полотняным, туго набитым мешком. Вытряхнул из него содержимое – перины, подушки, одеяла. Всего – по два комплекта. Для себя и Зимина.

– Бери, – сказал Засекин. – Не гляди, что перина тонкая. На ней хоть на снегу спать, не замерзнешь.

– Ты случайно не миллионер, Николай Григорьевич, – Зимин заулыбался, разглядывая, поглаживая ладонью атласное синее одеяло, очень легкое и с красивой узорной прострочкой по всему полю. – Это всё больших денег сейчас стоит.

Засекин пробормотал что-то в том духе, что когда он покупал, стоило дешево.

– Все равно жалко. Искра от костра отлетит, прожжет.

– Не отлетит, – сказал Засекин. – Сейчас мы его на всякий случай. – Из речки он зачерпнул полный котелок и вылил воду в костер.

Сумерки уже сгустились настолько, что речка была не видна, напоминала о близком своем присутствии тихим шуршанием воды о песок и галечник. Некоторое время Зимин сидел, вслушивался в спокойное ровное дыхание таежной речки. Вспыхнул и быстро погас огонек спички: это провожатый, уже лежа, закурил папиросу. Зимин впотьмах тоже постелил себе, разделся и лег. Одежда и перина скоро окутали тело теплом и одновременно атлас приятно охлаждал кожу.

Положив руки под голову, Зимин глядел на редкие и высокие, немигающие звезды. Вспоминался уходящий нынешний день, в особенности, концентрационный лагерь «Свободный». Собственно, с тех пор как увидел «Свободный», как отъехали от него, а фактически бежали прочь, мысли о лагере не покидали ни на минуту.

– А в других лагерях давно бывал? – повернувшись лицом к спутнику, спросил Зимин.

– В каких? В «Вольном», «Надежном», что ль? – донесся из темноты голос задремывающего Засекина.

– Да.

– Ну, в прошлом году. В позапрошлом ли.

– Так же, как «Свободный», стоят?

– В каком смысле?

– Сохранность имею в виду.

– А-а, – понял Засекин. – Да как бы не лучше. И заборы целы, и проволока нигде не оборвана.

– Тоже, поди, добровольцы наподобие Косолапова охраняют?

– Да ну, сдались они кому. Жили б люди рядом, давно на сараи, стайки раздергали бы.

Засекин помолчал, прибавил:

– Спать, однако, пора.

После этих слов на удивление скоро, почти тотчас, легкое похрапывание донеслось до Зимина.

Он так быстро переходит от бодрствования ко сну не умел никогда. Опять его мысли были о брошенных лагерях. Нет, наверно, все-таки сдались кому-то, как бы возражая спящему конюху, думал Зимин. Где-то кто-то по сей день помнит о «вольных» – «свободных», числит эту гулаговскую недвижимость в своем резерве. И она, эта недвижимость, может быть востребована? Если бы хотели, было бы страстное желание раз навсегда окончательно отделаться, отмежеваться, откреститься от мрачного прошлого, в первую бы голову унич-

тожили, закрывая, лагеря. Так ведь нет... А может, он сгущает краски, и до опустевших сталинских времен лагерей, затерянных в почти непролазной сибирской тайге, действительно дела никому нет, давным-давно забыли об их существовании? Он понимал, что вопрос по главной сути не в том, стоят или нет концентрационные лагеря. Их можно снести до единого по стране, а при надобности отстроить новые – невелики затраты и архитектурная ценность. Тем не менее спокойнее, когда бы не было лагерей. Так думал Зимин, лежа на берегу крохотной таежной речки, глядя на предосеннее звездное небо, пока усталость не взяла свое, и он уснул под похрапывание провожатого, под дремотное всфыркивание находившихся поодаль от берега коней...

Покинули место ночевки с рассветными лучами, и путь до пристанища теперь продолжался сравнительно недолго: около полудня на взгорке среди раскидистых кедров мелькнул бревенчатый дом с темно-малиновой железной крышей и большими, на старинный манер квадратными трехстворчатыми окнами, с рамами, выкрашенными белой краской. Именно окна, светящиеся в сумеречно-хвойной зелени открывались перво-наперво глазу и уж после весь дом.

Вглядываясь с интересом вперед, Зимин никак не мог взять в толк, почему обиталище пасечника называется Подъельниковским кордоном. Ни намек на ельник окрест. Впрочем, и кедров негусто. Лишь в окружении дома. А дальше по пологому склону лиственное мелколесье, реденький кустарник, потом луг, на котором в траве разноцветными яркими кубиками во множестве неровными рядками рассыпаны улья. Зимин успел их насчитать за полсотни, пока приблизились к дому, но это то, что успел, и всего на одном склоне.

Владелец таежной пасеки Василий Терентьевич Засекин и провожатый Зимина были очень похожи, будто не двоюродные, а близнецы-братья. Невольно Зимин, сравнивая, поочередно поглядел на обоих.

– Что, одной масти? – щурясь от яркого солнца, первым заговорил обитатель Подъельниковского кордона.

– Да уж, – кивнул Зимин.

Они улыбнулись друг другу. Улыбка появилась и на губах Засекина-коноха.

– Сергея Ильича друг, – назвал он брату Зимина.

– А что сам Сергей Ильич не приехал? – любопытствовал пасечник.

Зимин объяснил в двух словах.

– Работка у него, – Засекин покачал головой. – Особенно в теперешнее время...

По представлению, по тому как еще раз посмотрел на него и как пожал ему руку пасечник, Зимин понял: имя Нетесова здесь в почете.

Он отказался перекусить с дороги, издалека повел речь о том, за чем, собственно, приехал в этот труднодоступный глухой уголок.

Рассказ о случае с револьвером, уроненным охранником Холмогоровым в старый колодец возле полуразрушенной церкви-склада, вызвал у пасечника смех. А вот упоминание вслед за этим о Мусатове веселости заметно поубавило. Когда же Зимин заговорил о раненом колчаковском офицере, которого, по слухам, лечил в Гражданскую войну отец Василия Терентьевича, – лицо совсем посерьезнело.

– Мусатов рассказывал? – спросил пасечник.

– Почему он? – возразил Зимин. – Об этом, я понял, многие в Пихтовом знают.

– Да-да, – согласился, помолчав, Засекин. – Теперь это уже какой секрет.

Взаимная неприязнь, причем давняя, застарелая, нетрудно было это почувствовать, существовала между прославленным Пихтовским ветераном и семьей Засекиных.

– Значит, был офицер, Василий Терентьевич? – уточнил Зимин.

– Ну, был.

– Говорят, колчаковцы при отступлении спрятали возле Пихтовой золото, и офицер имел к золоту отношение. Что-нибудь известно о нем? Хотя бы имя?

– Имя? Григорий Николаевич Взоров. Старший лейтенант.

– Как? Не поручик, не капитан?

Уточнение понравилось.

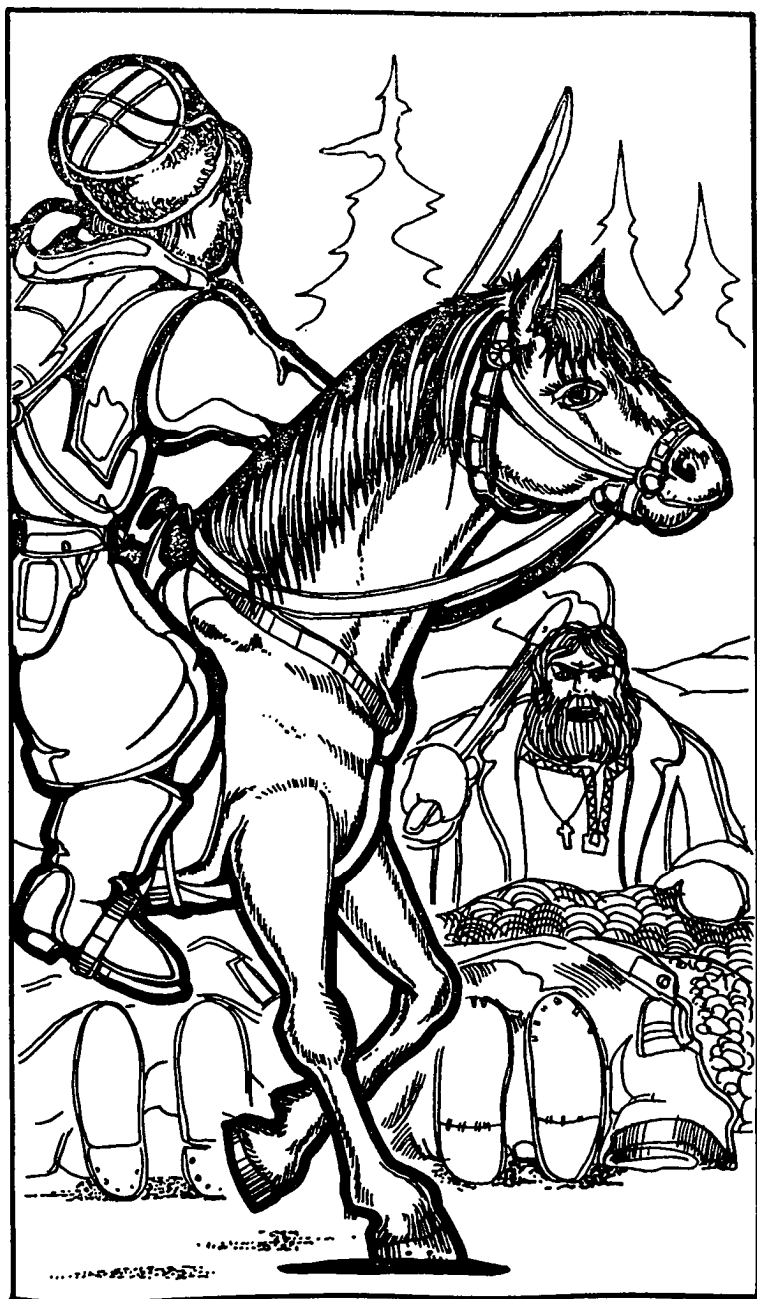
– Нет. Старший лейтенант. Он флотский. Очень близко стоял самому Верховному Правителю.

– К Колчаку?

– К нему. Был в его охране, или выполнял личные поручения. Точно не знаю.

– Это отец вам рассказывал?

– Отец об этом никогда и ни с кем не говорил. Ни слова. До самого пятьдесят шестого года.

– До Двадцатого съезда?

– До своей смерти.

– Извините... Но откуда вы тогда знаете?

– Откуда?.. – Пасечник примолк, посмотрел на двоюродного брата. Тот, пока велся разговор у крыльца, расседлал коней, привязал к столбику в тени кедров, бросил по охапке молодого сена, зачерпнул из колодца, поставил на солнцепек воду в ведрах и теперь возвращался к дому, дымя папиросой.

– Пойдемте-ка в избу. – Василий Терентьевич шагнул на крыльцо, раскрыл дверь.

Стены просторной комнаты, в которую вошли, не были оштукатурены. Бока бревен мастерски стесаны топором и проструганы фуганком. От времени бревна потемнели, отливали коричневой, некоторые потрескались. Под стать стенам были массивные стулья, стол, широкая длинная лавка.

Хозяин увлекался рисованием. С десятков пейзажных картин, написанных маслом и акварелью, висели по стенам. На одной из них Зимин сразу узнал дом на взгорке среди кедров.

– Значит, откуда известно о Взорове? – продолжил Засекин прерванный им самим разговор. – Из дневника отца. В семьдесят пятом году с Николаем, – кивнул на брата, – ремонтировал дом. Вот тогда и нашелся дневник.

– Дневник цел? – живо спросил Зимин.

– Обязательно. Как же, – ответил Засекин. – Сейчас мы его посмотрим, если интересно...

Он ушел в соседнюю комнату и возвратился вскоре, держа в руке тонкую тетрадку.

«Дневник Терентия Засекина» – красивым разборчивым почерком было написано на бледно-голубой обложке в верхней ее части, и, ниже, – «Октябрь 1919 года – Февраль 1920 года».

Василий Терентьевич полистал тетрадку, подал Зимину:

– Вот тут читайте...

Он подвинул стул, жестом приглашая садиться.

– Спасибо, – машинально поблагодарил Зимин. Глаза уже скользили по строчкам дневника, написанного почти три четверти века назад.

20 ноября 1919 года. Вчера событие чрезвычайное. По темну вышел проверять петли, и в полверсте от Старого Ларневского балагана наткнулся на тела колчаковых воинов. Заслуга Манчжура, он обнаружил. С заячьей тропы кинулся к елям, залаял. Подкатил: солдат в шинели и в сапогах лежит. Без шапки, волосы чуть снежком притрушены. Вокруг елей полозьями санными все перечеркано, сапогами затоптано. Следы неостывшие, пресвежие. Лапу хвойную приподнял: их

еще там пятеро, и офицер меж них. Глянул: и Бог свидетель, чую, не ведаю почему, живой офицер. Все неживые, а он – живой! И Манчжур то же самое чует: других, кроме него, не обнюхивает, не обхаживает. Лыжи скинул, под ель подлез, и руку ему под шинель засунул – дышит! На лыжи его положил – и домой, быстрее, бегом, благо снег покуда не шибкий напал, не помеха бежать. В избе раздел его. Рана штыком сквозная у него, однако не опасная, видать, метили в сердце, а угодили в плечо. И крови офицер потерял не много. Сразу растер всего его самосидкой и внутрь стакан влил, теперь шиповник с медом и рябиной даю. А рану кедровым бальзамом обработал. Когда бы на морозе не находился долго, в сознании был бы давно. А так – в жару мечется, не в себе, стонет, выкрикивает что-то, иногда не по-нашему. К вечеру должен прийти в себя... Кто так беднягу и за что – ума не приложу. Одно ясно: убивали в другом месте, далеко, а к Ларневскому балагану привезли, сбросили. Зачем? Придется ждать, пока офицерик в ум придет.

21 ноября 1919 года (Утро). Офицерик так пока и остается в беспомощности. Но навел другое питье: с лабазником, кипреем на сотовом меду и багульником, чтоб кашель тише и реже волновал рану, и беспокойства за простуду нет. Пот шибкий, и жар на убыль пошел. Рана штыком – тоже слава Богу. Поменял повязку, свежий бальзам положил. А вот пальцы на ноге правой почернели опасно. Как бы не антонов огонь. Мелкие, авось, удастся сберечь, а вот большой – крепко помозговать надо.

21 ноября (Полночь). Писал поутру, – как с собой совет держал и в одночасье лукавил: ведь и ножик уж на огне прокалил положил, и воду греть поставил, отнимать готовился палец. Бог простит за самоличное решение, а с кем было совет держать? Потеря, конечно, однако ж, не больно великая, коли одним этим пальцем и кончится. Даже прихрамывать не будет офицерик... А не из мелких он, поболее чина своего значит. Следом за операцией взялся за форму его, за исподнее, отмыть от крови спекшейся. Проглядел перед стиркой карманы, вдруг бумаги, вещи мелкие какие. Кроме Евангелия во внутреннем кармане шинели, к слову, посерединке штыком проколото, нет как нет ничего, ежели не брать в счет нагана, семи золотых червонцев да пяти тысяч «обойными». А мундир стирал, нащупал невзначай пальцами бумагу, в китель зашитую. Распорол подкладку, бумажку расправил; чернилами написанное расплзлось, но на личном бланке самого Верховного Правительства писано. Подпись не уцелела, тоже смыта, может быть, и подписал самолично Адмирал. Он, слышал, флотским

пуше остальных доверяет, а офицерик – морской. Прочитать, что на бумаге там, стараться не буду, сам после расскажет, коли захочет, а нет – и не надо... Волки воют. Много их разве-лось теперь. К балагану Староларневскому надобно б сходить, земле предать тех, что под елью. Под Благовещенье еще, помню, видал у стоянки Путейцев, как с кем-то убитым раздела-лись волки: от одежд – ключья, внутренности все выедены. Как бы и с этими серые не то же сотворили.

22 ноября 1919-го. День кончился – Слава Богу, а поворо-титься могло так, думать больше не хочется, и из головы не выгонишь. Утречком пораньше прихватил пешню и заступ и отправился к Староларневскому. Сажень в пяти от ели при-нялся копать могилу. Верхний мерзлый слой снял до солнеч-ного восхода, легче пошло. Втянулся, не заметил, как всадни-ки подъехали. Голову вскинул на лошадиный всхрап, их чис-лом человек двадцать. Красные. Старший меж них, лицом рябой, со шрамом сабельным во всю щеку, спрашивает: «Ты кто такой и чего тут роешь?». «Местный таежный житель, заимочник Терентий Засекин, отвечаю, а рою могилу». «Ты, говорит, из меня дурака не строй. Сажень на две копает – и могилу». «Я, опять отвечаю, из тебя никого не строю. Могила братская, под ель загляни, поймешь». Он сам не полен-ился, спешился, смотреть пошел. Вернулся. То голос строгий был, ледяной, а тут, как в ростепель, оттаял: «Неужто ты один всех шестерых»? Он уж и услышать приготовился подтвер-ждение и отвязался бы, поди-ка, сразу, только грех чужой на душу мне к чему? «Я не душегуб», – сказал. Рябой на слова такие взбеленился. «Тогда по чьему такому заданию ты белую контру хоронишь, какие они тебе братья и как здесь очути-лись?». Я в ответ: дескать, задания никакого не получал да и не от кого, а просто по христианскому обычаю всякое тело земле предать должно, и теперь они ни белые, ни красные – никакие, а братская могила – это так не мною выдуманно гово-рить, но коли не нравится, пускай общим местом погребения мертвых людей будет могила. Еще рассказал, как наткнулся на убитых. Бог надоумил, прибавил, что и красные, окажись под елью, тоже бы мной на поживу волкам и воронам остав-лены бы не были. Давно вижу, солдаты все у него в подчине-нии таком, как в плену: слова, пока мы говорили, никто не вставил. «Каково, – к ним обращаюсь, – будет знать, гибель с кем случись из вас, бросят, как нелюдя?...» Оспатый тут же прикрикнул: «Ты здесь агитацией брось заниматься. Вообще проверить надо, какой ты местный житель и почему не на службе». Вот тогда-то я понял, по какой такой причине перед этим дерьмом строжащимся робел, хоть от роду рядом с лю-

бым чином даже стеснения дыхания не испытывал: в избе моей раненый колчаков офицер лежит, шинель, мундир его на просушку у печки развешены как на грех, наган и личный бланк Сибирского Правителя на виду на столе. И соврать, другое место жительства назвать никакой возможности: до самого порога моего ясный след лыжный тянется. Нечего делать. «Проверяй, говорю, лыжню видишь, путь ею ко мне означен. Двадцать пять верст проедешь, у избы очутишься. А что до службы – ты еще в бесштанной роте маршировал, когда я на манчжурских сопках кровь дважды пролил и контузию в довесок получил.» С того ли, что путь до жилища своего на словах удлинил вдвое, или что про раны-контузию упомянул, а вернее всего, думаю, недосуг, торопился, но отвязался он тут же. «Ладно, хорони своих мертвецов», – прогундел. Коня своего развернул так, что комья земли мне в лицо полетели. Перекрестился, когда следом за ним другие поскакали, из виду скрылись. Тут я, хоть и подмывало все бросить до лучшего раза и кинуться домой, заступом как шальной заработал. Много прежде полудня управился, и в обратном пути отдыху себе не давал. Когда выносил из-под ели, укладывал покойников рядком, в лица всех разглядел. Из шестерых трое пихтовские. Двое – приказчики. Из Торгового дома Игнатия Пушилина, третий, Иван Востротин, вовсе Пушилиным родня. Неделя минула, видал за прилавками в работе пушилинских приказчиков. Ни в какую армию не собирались. А вот – в шинелях, в тайге убитые оказались. Еще как более странно, под шинелями все штатское у Востротина и приказчиков. Что к чему? Об одном этом и думал, пока до дому бежал.

Офицерик мой спит по сию пору, однако в отлучку мою он приходил в себя: записка, какую оставлял, заметно, читана. И конопляный отвар выпит, как наказывал. Делал перевязки ему и клал мази. Тьфу, тьфу, дай-то Бог, но, кажется, операции повторной на ноге не потребует. А за рану штыком вовсе опасение отстало. Скоро уж очнуться должен он. Обмундирование, оружие его схоронил в омшанике. Даже крестик нательный вместе с цепочкой снял и прибрал. Больно уж богатый крестик, чтоб не сказать ничего о владельце Оспатому со шрамом, коли объявится... А боюсь, объявится.

23 ноября 1919 года. Офицерик пришел в себя вчера около полуночи. Спросил, где находится, и далеко ли Пихтовая. Я ответил. Ждал, он объяснит, что стряслось, и что за солдаты с ним были, и почему все заколоты штыками, а главное, как с пихтовскими, с пушилинскими приказчиками и Востротиним, сошелся. Он, однако, обо всем об этом говорить не заспешил. Имя свое и звание сказал: Григорий Николаевич Взоров,

старший лейтенант – и все. Чин – это я и без него, по погонам узнал, а имя. Может быть и чужим назвался. Хотя, какой прок? Предупредил, что мундир его и все прочее спрятал и что лучше ему забыть, кто он есть на самом деле, а если вдруг кто нагрянет, назывался просто Григорием, родственником моим. Рассказал про утрешнюю встречу с Оспатым (умолчал, за каким занятием застал меня Оспатый). Что красные еще вчера утром прошли близко от пасеки на восток, всего сильнее на него подействовало. После этого он даже совсем безразлично выслушал про ампутированный палец на ноге и ничего не спросил. И о штыковой ране, что она теперь не опасна, заживать будет, тоже ни словечка. Будто и не о нем разговор, его не касается.

27 ноября 1919 года. Жил эти дни в ожидании – нагрянет Оспатый, либо кто по его указке. Кажется, Бог миловал. С позавчера снег повалил, и посейчас сыплет и сыплет. Уйма снегу. Так что к пасеке, кроме как на лыжах, не добраться. Григорий молчит. Попросил, как очнулся, не выпытывать, кто он и что стряслось с ним, и молчит. И Господь с ним, что человеку лезть в душу, пусть поправляется.

2 января 1920 года. Месяц не писал, и недосуг было. Поторопился определить, будто вовсе уж на поправку дело пошло у Григория. Он вдруг так расхворался – до половины декабря никак не чаял, что выживет, хоть силы все вкладывал. Однако ж поставил на ноги к Рождеству! Григорий хотел, чтоб в Пихтовую я наведалься. Мне и без хотения его давненько пора было к своим, проведать, вчера к ночи возвратился. Там – красные уже, и губернский центр у них. Железнодорожные колеи забиты вагонами, паровозы промерзли. Вагоны полны добра: обмундирование, одежда всякая, продукты, колчаковы деньги в мешках. Пачки денег. Снег метет на рассыпанные банкноты на путях, никто их не подбирает. А у вагонов с провизией, с оружием, с одеждой – охранники... Комиссары нашли вагон с бумагой и типографией и с дня захвата Пихтовой печатают, кругом клеют свою газетку «Луч красного солнца». Над «Лучом» этим вершковыми буквами, что ни газета, «Да здравствует советская власть!», «Да здравствует мировая революция», «Да здравствует III интернационал!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!»... Пускай бы эти здравицы, когда бы вослед не приказы новых властей под ними. Все имеющие четырехклассное образование обязаны зарегистрироваться, войти в комиссию по борьбе с безграмотностью. Иначе суд Рев. Трибунала... Без документов с печатями-подписями новоуправителей по железным дорогам ездить запрещается. Кто нарушит запрет, с поездов сни-

маться будут и напрямую в концентрационные лагеря передаваться. Вот тебе и луч красного солнца... А катится этот луч всюду. По слухам, большевики на полпути от Красноярска до Иркутска. Григорий не верит, и мне не хочется, а что тут поделаться; правда, выдать... Про приказчиков пушинских, про Ивана Востротина дознался. Как уехали в ноябре, в прошлый год уж теперь, не в шинелях, и по делам торговым уехали, – так и не объявились. А Пушилины, и Игнатий, и Степан, перед самым приходом красных куда-то пропали. Шибко не допытывался, даже у деда Авдея и тетки Натальи... Григорий про все это молчит старательно. Ходит уж молодцом, париться нынче будем. Пишу, в окно поглядываю, он в полушубке, в пимах носит воду, дрова в баньку...

6 января 1920 года. Григорий ушел. Вчера проводил его до Китата, ночью посадил на поезд на восток. Все свое, кроме оружия и червонцев, оставил. Предложил денег ему – отказался наотрез. Хотел было Евангелие с собой взять, подержал, поднес к глазам, сказал: «Дважды не уберезжет» и просьбу высказал: сохранить. До лучших дней... Ему важно до своих добраться. Должен бы. Авдеевские одежды в пору ему пришлись. В них, с котомкой, с бородой да исхудавший никак на его благородие не похож. Лишь бы по третьему кругу хворь не накатила. Глядел поезду вослед, загадал: свидимся еще с Григорием, – не удержатся большевики, а нет... Храни его Бог...»

После этой записи от 6 января 1920 года в тетрадке осталось еще несколько заполненных рукой Терентия Засекина страничек. Зимин внимательно просмотрел их, выискивая, может встретятся еще строки, посвященные старшему лейтенанту Взорову. Нет. Был рассказ о новом визите в конце января в Пихтовую, о находке по пути обратно в лесу заряженной винтовки на боевом взводе, прислоненной к стволу дерева, о пихтовских родственниках. А вот о Взорове впредь ни слова.

– Ну, и вернулся старший лейтенант? – спросил Зимин.

– В Пихтовое он точно вернулся. Но здесь, на пасеке, думаю, больше не бывал. Иначе бы забрал вещи.

– А оставались вещи?

– Совсем немного. Тоже они в отцовом тайнике были.

Опять Засекин исчез в соседней комнате и вышел из нее с самодельной соломенной коробочкой.

– Вот...

На стол легли серебряный Георгиевский крест с металлической лавровой ветвью на двухцветной ленте, маленькая фотографическая карточка женщины лет тридцати пяти – сорока с приятным открытым лицом, с гладко зачесанными светлыми

волосами, и, наконец, Евангелие с полустершимся золотым крестом на потускневшей обложке, попорченное, продырявленное посередине.

– Неужели то самое? – спросил Зимин, имея в виду упоминавшееся в дневнике Терентия Засекина. Он взял со стола Евангелие.

– Оно. Какому же еще быть, – ответил пасечник. – А фотографию, я так думаю, отец просмотрел. Между страницами лежала. Сам три года назад ее обнаружил. До этого сколько раз листал...

Зимин бережно положил Евангелие и дневник на стол, склонился, разглядывая портретную фотокарточку ясноглазой женщины в белой блузке с приколотой к ней брошью.

– Матери его фото, так считаю, – сказал хозяин избы.

Зимин посмотрел на оборот снимка. Надписи никакой.

– Да, Василий Терентьевич, интересно, – сказал он. – Но в дневнике ни слова о причастности Взорова к колчаковскому кладу.

– В дневнике нет, – согласился пасечник. – Об этом он отцу рассказывал перед самым прощанием. Отец в отдельной тетрадке это поместил.

– И ту тетрадку можно посмотреть?

– Можно. Только как вернусь в Пихтовую. После ноябрьских...

Видя, что такая перспектива не слишком-то обрадовала гостя, прибавил:

– Могу показать то, что сам написал. По отцовым записям.

– Василий Терентьевич пошуршал исписанными листами, соединенными скрепкой.

– Что значит, по отцовым записям? – не совсем понял Зимин.

– Ну, хотел про тот случай повесть, что ли, сочинить. Сорок страничек с лишним написал, а дальше что и как – не знаю... Не получается.

– Так это художественное?

– Не совсем да, и не совсем нет. Все там, как было в самом деле. Имена, места. Всё... Просто как бы от имени Взорова...

– О новом приезде старшего лейтенанта в Пихтовое тоже из отцовских записей известно?

– И из них. И сам я об этом стал дознаваться, когда отыскались дневники.

– И что в конце концов стало с колчаковским офицером?

– Погиб.

– В этих записках об этом тоже рассказано? – Зимин кивнул на листки в руках пасечника.

– Не в этих. Но есть. Тоже в Пихтовом хранятся.

– Значит, я их не увижу?

– Читай пока это вот, коль охота есть, а там поглядим...

Василий Терентьевич протянул Зимину листы, соединенные скрепкой...

ВЗОРОВ

Поезд начал притормаживать, вздрогнул, остановился. Состав качнуло. Слышно было, как пролязгали, сталкиваясь, буфера, и после долгого колесного перестука настала тишина.

Начальник команды специального назначения полковник Ковшаров приблизился к одному из окон довольно просторного рабочего купе вагона, отодвинул плотную, не пропускающую свет шторку, взгляделся в темень за промерзлым окном. Издревская. Последняя остановка перед крупной узловой станцией Пихтовой. До нее проследуют без остановок.

Полковник отодвинулся от окна, потянулся к карманным часам. Четверть одиннадцатого. Несколько минут – и эшелон тронется. Не произойдет непредвиденного – ровно в полночь прибудут в Пихтовую. Пора! Медлить нельзя ничуть!

Кроме полковника, в купе было еще трое офицеров: его личный адъютант поручик Хмелевский, старший лейтенант Взоров и капитан Васильев. Полковник исподволь, коротко посмотрел на Васильева, сделал шаг к нему, сказал:

– Господин капитан, участок до Пихтовой очень важный и ненадежный. Прошу вас быть в кабине паровоза. Поспешите.

Ковшаров опасался, как бы капитан не воспротивился: машинист и без него под надлежащей опекой. Очень просто мог не подчиниться. В этой необычной команде он, Ковшаров, хоть и начальник, но в полной его власти лишь адъютант. Что касаето Взорова и Васильева, – догадывался, чувствовал, – в любой момент оба и каждый и отделимости могли заявить о своих, неведомых полковнику, полномочиях, предъявить в подтверждение документы.

Опасения насчет капитана оказались напрасными. Со словами: «Слушаюсь, господин полковник», – он встал, быстро оделся. Минуты не прошло, был готов покинуть вагон.

– Будьте внимательны, – напутствовал полковник. – По прибытии в Пихтовую подойдете к начальнику станции.

– Есть. – Капитан исчез за дверью.

Ковшаров и адъютант взглядами проводили капитана.

Старший лейтенант Взоров вел себя так, словно рядом ничего не происходит. Даже не поднял головы, не вкинул глаз. В своем черном мундире, подчеркивающим принадлежность к флоту, сидел на полумягком, обтянутом панбархатом диване со скрещенными на груди руками. Евангелие в тисненом ко-

ленкоре и с золотым крестом лежало на столике перед ним. Утром, войдя в вагон, разделся, повесил шинель на крючок на стене, положил Евангелие на столик, но так и не раскрыл его. В продолжение всего пути вставал редко, был молчалив, подчеркнуто отчужден от спутников. Глядел в одну точку, на обложку книги, и думал о чем-то своем.

Замкнутость, отрешенность Взорова не устраивали полковника. Предстоял серьезный разговор наедине, и в этом разговоре Ковшаров во что бы то ни стало должен найти общий язык со старшим лейтенантом. Во что бы то ни стало! Капитан Васильев, конечно, тесно связан с контрразведкой, хоть и скрывает. Но он по сравнению со старшим лейтенантом мелок. Взоров – человек самого Адмирала, из личного его конвоя. Прийти к соглашению с таким – половина, нет, все три четверти успеха намеченного предприятия. Но нелегкая задача не то что договориться – просто разговаривать этого молодого морского волка, по меньшей мере год не выдавшего моря. А надо.

Полковник выразительно посмотрел на адъютанта. Он сидел на том же диване, что и Взоров, только в другом углу, чуть развалясь.

Поручик Хмелевский тыльной стороной ладони прикрыл рот, сладко зевнул.

– Хотите спать, Алеша? – спросил Ковшаров.

– Нет-нет, Дмитрий Андреевич. Просто... – Поручик быстро отнял руку ото рта, встрепенулся, выпрямился.

– Да будет вам. – Полковник усмехнулся. – Ступайте лучше отдыхать. Понадобитесь, разбуду.

Адъютант согласился легко, поднялся и отправился в спальное купе.

Как раз в это время паровоз дал два коротких гудка, состав дрогнул, трогаясь с места. Опять полковник встал к окну и отодвинул шторку. Деревянный с заснеженной крышей вокзальный домик плыл мимо. У домика было безлюдно. Огонь единственного зажженного фонаря над дверью тускл.

Пристанционное село было крупным. Полковник не однажды проезжал мимо него в светлое время суток. Однако сейчас подумалось: вся Издревская лишь и состоит из единственного этого слабо освещенного домика... Да Бог с ним, с этим селом. Мелькнуло и кануло. И хорошо, коли никогда в жизни больше не привидится. Разве, во сне. И то в другом сне. Вот сухопутный моряк – забота. Время, однако же, толковать с ним, подбирать ключик.

В рабочем купе было несколько стульев. Полковник переставил один из них, сел напротив Взорова. Лишь дубовый столик разделял их.

– Восемнадцатое ноября нынче, – сказал после непродолжительного молчания.

– Восемнадцатое, – утвердительно машинально отозвался старший лейтенант. По-прежнему он был погружен в своё.

– Именно ровно год назад свершилось. – Полковник глубоко вздохнул. – Вы были в Омске в этот день в прошлом году?

– Так точно, в Омске, – опять односложно откликнулся Взоров.

– И я. Благословенный, блистательный день. Кто бы мог подумать, что так все обернется.

Старший лейтенант не ответил. Ковшаров вынул из внутреннего кармана кителя сложенный вчетверо листок бумаги, развернул. Литографированный портрет Временного Верховного Правителя Колчака был помещен в верхней части квадратного листка, ниже – отпечатанный текст, еще ниже – факсимильная адмиральская подпись, тоже слитографированная.

– Представьте себе, посейчас храню воззвание Адмирала к населению России.

Взоров нехотя, но вернулся мыслями к действительности, поглядел на бумажку в руках полковника.

– Адмирала предали, – негромко спокойно сказал он.

– Кто, помилуйте, предал его высокопревосходительство? – пряча бумагу во внутренний карман кителя, спросил полковник.

– Хотя бы доморощенные богатеи. Никто – ни из уральских, ни из сибирских – не пожелал даже дать заема...

– Полноте, господин старший лейтенант. О чем вы? Вместе с властью Адмирал получил весь российский золотой запас. После этого кланить деньги у кого-то – грех. Ежели уж всерьез объявил крестовый поход против большевизма, нужно было во имя великой цели, коли требуется, потратить все до последнего слитка, до последней монеты. Скажите лучше, Адмирал оказался никудышным политиком. Да и военным – тоже.

– А вам не кажется, господин полковник... – Взоров приподнялся, готовый вспылить.

– Подождите, – Ковшаров сделал жест рукой, призывая выслушать. – Я не менее вашего симпатизирую Адмиралу. Но не смешиваю симпатии с истиной. А истина – что стоило Адмиралу признать независимость Финляндии? Одно его слово, и Юденич перед своим выступлением получил бы дополни-

тельно сто тысяч штыков. А зачем держал и продолжает держать рядом этого размазну Вологодского? Или, по-вашему, и это удачный выбор?

– Назначение Вологодского премьер-министром, конечно, ошибка, – согласился старший лейтенант.

– Да. Но главная ошибка: незачем было торчать в Сибири. После успеха генерала Пепеляева нужно было любой ценой прорываться к Вологде, к Архангельску. А мы здесь торчали, и одним уж этим восстановили против себя сибирского мужика. С чего ему выступать против совдепии, если у него всегда земли хватало, и большевики пообещали не отнимать.

Полковник совершенно не хотел оценивать ни Верховного, ни его премьера. Вырвалось непроизвольно. Подумав, что продолжение в том же ключе может, чего доброго, все испортить, он круто переменял разговор:

– Вы знаете Ратанова? Штабной офицер из армии генерала Войцеховского.

– Не имею чести.

– Велика честь, – усмешка тронула губы полковника. – Картежник и пьяница. Взял себе в наложницы вдову вятского миллионера. Бедная женщина после смерти мужа оказалась без средств. *Sous le soleil et les etoiles, imagincz vous quil a intoente:* она должна была ему при гостях голая играть на рояле. Голая молодая женщина, ее степенство, играла для пьяных сборищ. Только за еду и кров.

– К чему вы все это рассказываете мне? – мрачно спросил старший лейтенант.

– Вам? Нет. Больше – себе. Думаю, что придется мне, кадровому офицеру, делать за кусок хлеба, когда нас вышибут за границу.

– Мы выиграем, – тихо, с упрямством в голосе сказал Взоров. – Пусть отступим даже до Красноярска, но выиграем.

– Оставьте. Некому выигрывать. Сахаров сдал Омск. Назначат другого командующего, тоже будет сдавать. Пока есть что. Красные теперь лавина. А от лавины можно лишь увернуться. И то не всем. Кому повезет.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что мы дрались и разбиты. *Il est teninps de penser a soi meme* .

– *Comment done?* ***

– *Fuir* **** .

---

* Под солнцем и звездами. Так вот, вообразите, что придумал.

** Время подумать о себе.

*** Это как?

**** Уйти.

– Deserter? * – Взоров разомкнул руки, резко вскинул голову.

– Угодно считать нежелание под занавес сделаться фаршем в этой мясорубке – называйте так. *Ge parle – il faut partir* **.

– За границу, разумеется?

– Да. Но не с пустыми руками.

– А у вас капитал?

– Капитал в пятом и третьем вагонах, – не сразу, пристально глядя на собеседника, ответил Ковшаров.

– Что, что? – Старший лейтенант уперся ладонями в край столика. Отставленный, чуть дрожащий мизинец правой руки касался корешка Евангелия. – Да это же измена!

Взоров огляделся, ища, кто бы мог его поддержать и подтвердить правоту. Кажется, он тут лишь обнаружил, что в рабочем купе они вдвоем: понял, что отнюдь не спроста.

– Термины не имеют значения, – сказал Ковшаров. – Я говорю – уйти, и предлагаю вам присоединиться.

– Мне?!

– Вам.

– Да вы в рассудке? Немедленно прикажу вас арестовать.

Взоров порывисто встал, намереваясь идти к двери, ведущей в ту часть вагона, где размещалось около полувзвода солдат.

– Сядьте! – тихо, повелевающим тоном сказал полковник.

– Никому вы ничего не прикажете.

– Прикажу. И сделаю это немедленно.

– Сядьте, – повторил полковник. – Или я застрелю вас. – В руках у него появился наган. Сквозь доносившийся перестук колес явственно послышался щелчок курка.

– Вы... Вы не посмеете. – Голос у старшего лейтенанта при виде нацеленного на него оружия дрогнул. – Вас за это...

– Наградят, – перебивая, закончил фразу Ковшаров. – Да, да. Предложение могло исходить от вас, а ответ на него – выстрел. Все объяснения. Поверят, не сомневайтесь. Все-таки я – начальник спецкоманды.

– *Vous etes un homme terrible, votre noblesse,* *** – Взоров подчинился приказу, сел.

– *Il ne faut par faire un diable dema,* **** – Ковшаров не убрал револьвер, лишь опустил дулом вниз. – *Le suis si maleureux*

---

* Дезертировать?

** Я говорю – уйти (фр).

*** Вы страшный человек, ваше благородие (фр.).

**** Не надо делать из меня демона (фр.).

comme vous^{*}. В отличие от вас, разве в меньшей мере эгоист.

– То есть?

– У вас матушка с недавних пор в Марселе?

– Откуда вам известно?

– Знаю... Почти без денег, без привычных привилегий, полагающихся потомственной дворянке. Это в сорок шесть лет. Вы – единственная надежда. Есть разница для нее: явится ли сын после борьбы за великие идеалы свободы нищим или же со звонким наличием?

Старший лейтенант молчал. Ответа от него и не ждали.

– Поверьте, господин Взоров, – продолжал полковник, – я пять лет воюю. Такого сокрушительного поражения не было на моей памяти. Армия совершенно развалилась. Месяц от силы – и все будет кончено. Собственно, уже кончено. Нас несет, как снег за окном.

Возникла пауза. Первым нарушил молчание Взоров:

– Предположим, вы правы, все кончено. Где ручательство, что позднее, в более подходящем месте я не получу пулю в лоб?

– Торгуетесь или принимаете предложение?

– Принимаю.

– А где гарантии?

– Слово дворянина.

– Рад, что нашли общий язык. Но учтите, впредь никаких колебаний. А мое ручательство – мне без вас просто не обойтись. Мы еще, надеюсь, долго будем нужны друг другу. Как знать, может, и через десять лет.

– Что я должен делать?

– Через три четверти часа, – Ковшаров опять взглянул на часы, – будем в Пихтовой. Вы с поручиком Хмелевским подойдете к пятому вагону. Подкатят подводы. Перегрузите на них из вагона ящики. Солдаты, разумеется, перегрузят. Поручик знает, какие брать. Увезете в одно местечко. Потом вернетесь к эшелону. Все займет часа три.

– Да, но в Пихтовой стоянка по графику четверть часа.

Эшелон не сможет тронуться. В нескольких верстах от Пихтовой пути будут разобраны. Не меньше четырех часов уйдет на ремонт. Я отсутствовать не могу, слишком заметно. Есть вопросы?

– Васильев тоже ваш человек?

– Нет. Он ни в коем случае не должен ни о чем догадываться. Это моя забота.

– Кто подьедет?

---

* Такой же несчастный, как и вы (фр.).

– Надежные люди. Пихтовский лавочник, маслодел и арендатор земель Кабинета Его Величества с сыном. Сын в пятнадцатом-шестнадцатом служил у меня вестовым.

– А солдаты охраны?

Они будут убеждены, что сгружают патроны для нужд местного гарнизона.

– На виду у всех?

– Тайное надежнее делать явно. Впрочем, не так и на виду. Посмотрим. – Полковник, наконец, спрятал наган, неторопливо закурил сигарету.

– А что произойдет после возвращения к эшелону? – спросил Взоров.

– Если удастся все, как задумано...

Полковник не договорил. В дверях, соединяющих рабочее купе с солдатской половиной вагона, появился коренастый немолодой унтер-офицер в гимнастерке из английского сукна и в погонах с броской бело-сине-красной окантовкой.

– Виноват, господин полковник. Просили доложить. Через полчаса Пихтовая.

Ковшаров кивнул, сделал знак унтер-офицеру, дескать, свободен; встал.

– Пора будить поручика.

Сделав три-четыре шага в направлении спального купе, обернулся. Взоров глядел вслед. Он не изменил позы, в которой сидел секунду назад, но правая рука его тянулась к висевшей на стене шинели, шарила в ее складках. Замерла, быстро опустилась, когда взгляды встретились.

– В моем саквояже бутылка «Ласточки». Не грех выпить по рюмке за удачу. Достаньте, пожалуйста, Григорий Николаевич, – с невозмутимостью, делая вид, будто все в порядке, сказал полковник. Сказал первое, что пришло на ум. Выждал, пока старший лейтенант поднимется, чтобы выполнить просьбу...

В Пихтовую прибыли ровно в полночь.

На крупной узловой станции не в сравнение с предыдущей, где останавливались, было оживленно, светло, несмотря на поздний час и стужу. Новенький красавец-вокзал – строительство его началось в канун Второй Отечественной* и завершилось буквально месяцы назад – двухэтажный, с выложенными фигурной кладкой стенами, богатый лепкой, весь сиял в электрическом огне. Публика на перроне – в основном

---

* Первую мировую войну в 1914–17 гг. в России часто называли Второй Отечественной.

военные. Морозно поскрипывали офицерские ремни, хрустел под сапогами снег; слышался смех; речь русская мешалась с чешской, мадьярской, французской и еще Бог весть какой. Попахивало спиртным, дорогами сигаретами и махрой. Паровозы на соседних путях перекликались гудками. Некоторые были под парами, готовые двинуться. Жизнь на станции Пихтовой била ключом. Не зная, никак нельзя было сказать, что здесь находятся войска армии, терпящей поражение.

Покинув вагон, успели сделать несколько десятков шагов по людному перрону, как появился капитан Васильев вместе с начальником станции, одышливым толстяком с длинными обвислыми усами. Васильев доложил: неприятности, в пяти верстах от Пихтовой, по маршруту следования их литерного поезда, неизвестными злоумышленниками разобраны пути, рельсы скинуты под откос. Рельсы – пустяк, деревянные сваи моста длиной сажень в десять через речку Китат изрядно подрублены.

– Когда случилось? – нетерпеливо спросил полковник.

– Полчаса назад с востока, из Красноярска, прибыл эшелон, – ответил начальник станции. – Магистраль была в порядке.

– Срочно найдите паровоз и два-три вагона, – потребовал Ковшаров от начальника станции. – Эшелон поставьте пока на запасной путь... Вы, капитан, берите взвод солдат – и на пятую версту. Проверьте заодно состояние полотна далее пятой версты. Тщательно проверьте. И постарайтесь выяснить, кто эти неизвестные...

Распоряжения начальника спецкоманды были четки, толковы. Взоров после свежей давности разговора в купе вслушивался в каждое слово пристрастно. Однако не мог обнаружить и малейшей спорности предполагаемых действий, не мог не оценить: задуманная операция начинает разворачиваться недурно.

Четверть часа спустя литерный поезд находился уже на запасном пути, зарево залитого электрическим светом вокзала осталось в полуверсте, чуть даже более.

А еще через непродолжительное время в ночном полумраке послышалось фыркание лошадей, скрип санных полозьев по снегу.

Четыре повозки, на каждой из которых по седоку, остановились около вагона. Времени даром в ожидании их не теряли. По приказу поручика солдаты охраны вагона заранее выгрузили, поставили прямо на снег металлические патронные ящики. Две дюжины их рядками высились у железнодорожной насыпи.

Возница головной повозки, прыгнув с саней, безошибочно, несмотря на полумрак, приблизился к Хмелевскому.

«Наверное, этот и есть лавочник-маслодел», – всматриваясь в немолодое, побитое оспинами лицо возницы, подумал старший лейтенант.

О чем-то поручик с рябым поговорили коротко, и началась погрузка. Ящики скоро были уложены и увязаны веревками. Можно было трогаться. Хмелевский приказал солдатам охраны вагона тоже садиться в розвальни.

– С Богом. Поехали, – сказал он, и передняя повозка, а следом и другие двинулись с места.

Сам Хмелевский, увлекая за собой старшего лейтенанта, сел в сани, где возницей был рябой.

Отдалились от полотна. Взоров глянул на глубоко затемненный безмолвный эшелон, усмехнулся: «Столько было наставлений перед поездкой, столько слов о его личной значимости и власти, и чем обернулось на самом деле. Но главное, как просто дал себя уговорить».

Когда, обогнув эшелон, переезжали железнодорожные пути, ночной вокзал, освещенный снаружи и изнутри, восстал перед глазами на секунду из мрака ничем не заслоненный. Взорову вдруг нестерпимо захотелось туда. Сию минуту, немедленно! От понимания невозможности выполнить желание у него сердце сжалось, зашлось страдальческой болью, и он поднял глаза к небу, мутному, с ускользящими редкими звездами...

Куда ехали?

Санная дорога за рельсовыми путями и окраинными избушками Пихтовой нырнула в глубокий лог; по дну его и направились вправо, повторяя все его изгибы, потом круто взяли на подъем. Рябой попросил господ офицеров слезть с саней, пройти пешком; сам взял лошадь под уздцы, повел. Не зря увязывали тяжелую кладь. Не прикрепленные к саням, на этом подъеме ящики бы очень просто соскользнули в снег.

Выбрались из лога, и возница разрешил садиться в сани. Заснеженное ровное пространство угадывалось впереди. Но и оно не было долговечным. Запетляли среди каких-то высоких, со странными, грибовидными очертаниями, стожков. Ветер гулял меж этими стожками еще более чувствительный, чем в чистом поле.

– Холодно, – сказал рябой. – А у меня тулуп и шуба. Под ящики попал, не углядел.

– Далеко еще? – спросил поручик.

– Не-е, верст пяток – и заимка, – ответил возница. Продолжил о шубе: – Ничего. На возвратном пути сгодится. Барловая. Теплая. Даром, что снашивается скоро.

Въехали в хвойный лес, и ветер потерялся; дорога пошла прямая, чуть под уклон; кони перебирали ногами веселей, не нужно было их понукать.

– А вона и подъезжаем, – кнутовищем ткнул вперед в пустую темноту возница.

Взорову захотелось спросить у поручика, что за человек их возница – маслодел ли, другой ли кто-то, что еще за люди с ним? Собрался задать вопрос этот по-французски, но вовремя вспомнил запрет Ковшарова употреблять даже русские малопонятные слова, дабы не настораживать чалдонов. Соображают, какой груз везут, нервы взвинчены. Бог весть чего наделать с перепугу способны.

Бревенчатый дом – заимка – стоял у подошвы покато́й горы в полукольце островерхих заснеженных елей. Взяв разбег с горы, все четыре подводы проскочили мимо дома; вожжи попридержали, натянули в низинке, вблизи от темнеющих на снегу двух больших темных пятен. Хоть и предупредил полковник Взорова, что груз будет временно утоплен, не сразу старший лейтенант сообразил: они на скованном льдом озере, а темные пятна – проруби.

– Так что, батяня, начинать? – подошел, спросил у рябого детина, обряженный в солдатское. Очевидно, сын маслоделарендатора, бывший вестовой Ковшарова. К офицерам и головы не повернул, будто их и не было рядом.

Донесся всплеск. За ним – другой, третий, пятый.

– И мы начнем. – Рябой подогнал повозку ближе к проруби, в мгновение ока распутал веревки. На помощь ему тенью метнулся неведомый Взорову человек, весь путь от Пихтовой правивший лошадей впереди них.

Минуты три только и слышались всплески. Потом все стихло.

– А что солдаты охраны? – спросил поручик

– Не волнуйтесь, господин офицер, они уже теперь не выдадут, – ответствовал ему голос детины, который так недавно испрашивал разрешения у батяни приступить к делу.

– Что, что он сказал? – Взоров, конечно, понял зловещий смысл сказанного об участии трех солдат, но хотел слышать подтверждение от поручика.

– Вы же слышали.

– Нет, объяснитесь. Я вас не понимаю, господин поручик, – чувствуя, как все вскипает внутри, сказал как можно спокойно Взоров.

- Это мне нужно брать с вас объяснение.
- То есть? Вы дали слово дворянина и не сдержали.
- Я?
- Да. Что вы искали в шинели, когда полковник отвернулся? Наверно, носовой платок?

Последние слова прозвучали насмешливо-холодно. Они не оставляли сомнений, звучали, как приговор. Вон, оказывается, как может звучать смертный приговор. В виде вопроса о но-

совом платке.

Можно было что-то отвечать, можно – молчать. Исход все равно один. Взоров поднял глаза к небу. Все та же муть, пелена, те же редкие звезды.

Неожиданно вспомнил про Евангелие. Оставил в вагоне, или с собой? Последние месяцы не расставался с ним. Редко читал, но имел при себе. Пошарил рукой во внутреннем кармане шинели: с собой. И успокоился. Единственный интерес на земле оставался: кто будет его убийцей? Кто столкнет вслед за ящиками с золотом в прорубь?..

Часть третья

На Подбельниковском кордоне пробыли сутки.

Зимин вдоволь наговорился с Засекиным-пасечником, полистал-почитал дневники его отца Терентия Никифоровича, да и просто хорошо отдохнул среди запашистого дурманного разнотравья, роящихся гудящих пчел.

Братская могила у Староларневского балагана, упоминавшаяся в дневнике, не потерялась. По словам Василия Терентьевича, его отец до самой своей кончины ухаживал за этой могилой, крест до сих пор стоит там. Зимин не прочь был бы проехать к балагану, но высказал свое желание слишком поздно: перед обратной дорогой дополнительные двенадцать километров туда и столько же назад – нагрузка для коней ни к чему. Сошлись на том, что в другой раз побывают около Староларневского непременно. Хотя, как понимали все трое, другого раза, скорее всего, и не будет.

Василий Терентьевич на прощание снял со стены, написал и упаковал понравившуюся Зимину картину с видом бревенчатого дома на взгорке среди раскидистых кедров. «Какое-никакое, а к кладу имеет отношение. Не картина, конечно, дом». И меду, тоже в подарок, полную дюралевую фляжку налил.

Под наказы передавать привет Сергею Ильичу, приглашения бывать еще, и выехали.

Покинули пасеку в половине дня, а ближе к закату опять были на знакомом, усыпанном галькой берегу крохотной спокойной речки.

Все-таки они мало после первого едва ли не суточного верхового перехода побыли на пасеке. Зимин сумел почувствовать это. Чуть не всякий шаг коня на пути от пасеки до речки отзывался тупой болью в теле. С облегчением он выбрался

из седла, подойдя к воде, хотел нагнуться. Поясница затекла так, что не сумел. Он опустился на колени, окунул голову в воду и держал, пока хватало в легких воздухе. Потом долго и жаднопил.

– Умаялся? – Засекин вышел из кустов, волоча знакомый туго набитый полотняный мешок.

– Есть немного, – Зимин кивнул. – Хорошо, хоть к балагану не ходили.

– Отдыхай...

Синие с красивой прострочкой по всему полю одеяла упали на приречный галечник. Краешек одного чуть не достал кромки воды.

– А ты? – дотрагиваясь до атласной ткани влажной ладонью, спросил Зимин.

– Схожу. Тут недалеко. Буду скоро, – ответил Засекин, уже намереваясь отправиться прочь от речки.

– Я с тобой, – вызвался Зимин без особого желания идти и неожиданно для себя.

– Отдыхай... Что ноги бить, – сказал Засекин.

– С тобой, Николай Григорьевич. За компанию. – Зимин поднялся.

Засекин вдруг заметно растерялся. Нельзя было не почувствовать: ему непременно зачем-то нужно отлучиться. И он явно не ожидал, не был готов к тому, что Зимин станет напрашиваться в попутчики.

– Было б за чем вдвоем, – пробормотал.

– Так я помешаю? – спросил Зимин, с любопытством поглядев на своего провожатого, имеющего какую-то тайну, но простодушного, не умеющего хитрить.

– Нет... Просто... – Начал было оправдываться и умолк Засекин. Он закурил папиросу, что-то обдумывал, прикидывал.

– Так помешаю? – напомнил о себе Зимин.

– Ладно, – бросив окурочок, затоптав его каблуком сапога, сказал конюх. – Есть тут один дом. Только ты того. О том, что увидишь – никому.

– Не волнуйся, Николай Григорьевич, – успокоил Зимин. – Чужие секреты уважаю.

– И другу своему тоже не говори. Василий тебе первому вещи офицера того, Взорова, показал. Потому что ты Сергея Ильича друг. Но об этом вот, и с ним ни звука. Пообещай.

Зимин еще на пасеке, и вчера, и нынче поутру, все хотел спросить, с чего вдруг такое благорасположение к Сергею в

семействе Засекиных. Не удосужился. Теперь вопрос пока был вроде бы как не ко времени.

– Обещаю. Никому и ни слова, – заверил он.

Засекин и этим не ограничился:

– Нет, правда. Если Сергею Ильичу скажешь, он по должности обязан будет во все это вникать. А детишки и так Богом обижены, обездолены. Последнего лишатся...

Какие обездоленные детишки, чего последнего лишатся – о чем это конюх, Зимин так и не понял. Однако еще раз твердо заверил, что будет нем как рыба, ни с одной живой душой не поделится, никому не передаст, не расскажет об увиденном.

Любопытство разбирало. Прирожденный молчун Засекин о пустяшном не стал бы говорить так много. Зимин, когда направились прочь от речушки, забыл и про боль в ногах, и про ломоту в пояснице.

Прошли минут десять по густому пихтачу. Лес расступился, и не далее как в пятидесяти шагах предстал взгляду двухэтажный серый каменный дом в окружении черемух и рябин с зардевшими на стыке времен года кистями.

Дом был сравнительно небольшой: с переднего фасада в каждом этаже по шесть окон, по три окна – сбоку. Находись дом даже в таком городке как Пихтовый, он бы не сильно-то привлекал внимание, но здесь, стоящий в одиночестве в таежной глухомани, он казался громадным.

– Чей это? – удивленно спросил Зимин, догадываясь, что двухэтажное строение и есть та самая тайна, которую неохотно, под обет молчания, выдавал провожатый.

– Ничейный, – Засекин на ходу, приближаясь к дому, закурил, бросил в траву пачку из-под «Беломорканала».

– Так не бывает, – возразил Зимин.

– Может, и не бывает, – согласился Засекин. – Я его в позапрошлую весну приметил. Никого в нем. И после, сколько раз приезжал, – ни души.

Привычным движением, подойдя к дому, Засекин открыл дверь, и они перешагнули порог.

От неожиданности Зимин присвистнул. Они оказались в просторном, площадью метров в тридцать пять холле с паркетным полом, с камином, с хрустальной люстрой под потолком, со столиками на низких гнутых ножках, с мягкими креслами вдоль стен, со шторами на окнах. И пол, и мебель, и люстра были покрыты слоем пыли.

Из холла можно было пройти в другие помещения. Зимин наугад открыл одну из дверей. Биллиардная. На игровом столе, на зеленом его матерчатом поле застыли крупные светло-желтые шары. Шары покоились и в лузах. И здесь было несколько кресел, правда, поскромнее, чем в холле, – полумягких.

Зимин приблизился к столу, пальцем толкнул один из шаров, недолго смотрел, как он катится через все поле к соседнему борту, и вышел под костяной стук ударившихся друг об дружку шаров из биллиардной.

По лестнице, застеленной ковровой дорожкой, вместе с Засекиным поднялся на второй этаж. Там тоже был холл, из него – выход в коридор, и в нем, в этом коридоре, справа и слева – двери в комнаты. Зимин заглянул в одну, другую, третью... В каждой обстановка одинаковая: кровать, кресло, столик, телевизор, ковер на полу. Край покрывала на одной из кроватей был завернут. Зимин увидел синее атласное одеяло с узорной прострочкой. Точь-в-точь каким он накрывался, но-чуя на берегу речушки...

– Ты зайди, туалеты, ванны погляди, – посоветовал Засекин. – Там даже есть эти... Ну, специально только по маленькому ходить...

– Мг... – в задумчивости промычал Зимин. Однако глядеть на писсуары и прочую сантехнику не пошел.

После продолжительного молчания спросил:

– Чьи же все-таки хоромы?

– Василий этот дом обкомовской заимкой называет.

– Даже так. Почему?

– Да так. Видно ж... – Засекин закурил, прибавил: – Еще, держаться от этого дома подальше советует.

– А ты ездешь.

– Детишек жалко. У нас под Пихтовой интернат. От алкоголиков рожденные дети там. Раньше-то кому нужны были, а сейчас... Привожу им отсюда.

– Вещи?

– Не... Вещи – всего раз. Продаю, и лекарства, гостинцы покупаю.

– В первый раз украли вещи?

– Главврач сказала, в ремонт телевизор и магнитофон сдали...

– Да, Николай Григорьевич. – Зимин чувствовал, провожаемый ждет от него какой-то оценки своим действиям. Он не имел, не находил сразу, что же сказать.

За окнами после заката солнца было еще довольно светло, а в доме, пока бродили по нему, осматривали и разговаривали, уже поселилась, поплыла полумгла. Зимин невольно потянулся к выключателю, щелкнул им. Свет не загорелся.

– От движка работает, – сказал Засекин. – Сейчас заведу.

Он исчез, и некоторое время спустя вспыхнула лампочка. Зимин, без особой надежды, что работает включил телевизор. К удивлению, экран ожил, засиял многоцветием, звук наполнил комнату. Зимин сел в кресло перед телевизором в ожидании Засекина.

Он появился не скоро. Зато объявил, что уже собрал, подготовил поклажу, которую возьмут с собой, и теперь можно отдохнуть. Зимин пошел взглянуть, что же собрано-подготовлено.

В ярко освещенном холле нижнего этажа на полу валялся набитый под завязку мешок. Один-единственный.

– И это все? – спросил удивленно-разочарованно Зимин.

– Хватит, поди... До другого раза...

– Эх, Николай Григорьевич, другого раза может не быть. Хозяева всего этого, – Зимин повел рукой вокруг, – объявятся.

– Да ну...

– Что да ну. От испуга они теперь давно оправались, будь уверен. Просто некогда, другим заняты.

– Шары бильярдные, разве, еще взять? Василий говорит, из слоновой кости. Дорогие.

– Шары, – усмехнулся Зимин. – Пусть и шары. Но и ковры, аппаратуру, белье...

– Посуда в столовой хорошая, – подсказал Засекин.

– Ее тоже, – Зимин кивнул. – Спрятать есть где близко?

– Может, в избушке путейцев? – предложил Засекин.

– Это где?

– За речкой, в березовом колке. Магистраль поперву тут готовились вести...

– Годится, – одобрил Зимин. – Вытряхивай одеяла-перины. Телевизоры в них упакуем.

...До полуночи носили изо всех уголков не востребовавшего жилища, складывали в холле нижнего этажа то, что наметили переместить в домик путейцев.

В одной из комнат Зимин обнаружил за шкафом батарею валяющихся порожних бутылок, покрытых слоем пыли и затканых паутиной, и среди бутылок – книгу. Сдунул с обложки пыль, раскрыл. «Глубокоуважаемому Владимиру Митрофановичу Зюзюкину от автора с благодарностью и пожеланиями крепкого здоровья». Стояла подпись и дата пятилетней давности.

Зимин полистал книгу, прочитал в одном, в другом месте по полстранички. Судить по отрывкам – неплохо написано.

Не было сомнений, что Зюзюкин – один из наезжавших в не столь давние времена на отдых в эту тайную обитель.

«Сдалась ему твоя книга, не удосужился даже заглянуть, что ты там пишешь. И за что ты ему так пылко благодарен, глубокоуважаешь?» – мысленно вел разговор Зимин с неведомым ему провинциальным писателем.

Он решил взять книгу с собой. Ударил, чтобы получше сбить насевшую пыль, книгу об ладонь. Свернутый вчетверо лист мелованной бумаги выпал из книги на пол. На одной стороне листа, кроме оттиснутого типографским способом герба СССР и под ним в две строки «ВЦСПС. Областной совет профессиональных союзов», – больше ничего. На другой – было набросано скорописью и сокращениями от руки:

«Список на получение а/м

1. Е. А. – ГАЗ-31029 «Волга»
2. А.А. – – –» –
3. Тап. В. К. – Жиг. – «девятка»
4. Тап. П. В. – Жиг. – «9-ка»
5. Т.Н. С. – – –» –
6. Верет. Н. Т. – «Нива»...»

В «Списке» значилось двенадцать претендентов на легковые машины.

«Тоже исторический документ...», – Зимин чертыхнулся, сунул в карман бумажку.

По этой, подобной ли бумажке, возможно, вычислили братья Засекины хозяев тайного жилища. Хотя, не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы и без бумажки догадаться.

В ничейном пока доме много еще чего оставалось, той же мебели, однако всего не увезешь, и солидную часть обстановки дом все-таки терял.

Освещая себе путь фонариками, перевозили на двух лошадях поклажу в путейский домик.

Возвращаясь налегке после второй ходки, Зимин в траве наткнулся на вертолетные колеса, сломанный винт и лопасть. После этого перестало быть загадкой, как в этот заболоченный, бездорожный уголок завозили строительные материалы, рабочих, как попадали сюда хозяева...

Управились, легли задремнуть перед дорогой близко-близко к рассвету. Зимин и тут, хоть сильно устал, не мог сомкнуть глаз. Думал, почему так легко согласился открыть тайну, показал заимку Засекин. Конечно, наивно было думать, будто он застал конюха врасплох. Старый таежник мог найти тысячу способов избежать его компании, не посвящать в свои секреты. Дело здесь скорее в том, что простой русский человек деревенский конюх Засекин, привыкший жить с людьми по правде и совести, тяготился своим секретом, втайне мучился вопросом, правильно ли поступает, увозя с заимки хотя бы и для благих целей не принадлежащее ему добро? Брат-пасечник, посоветовав держаться подальше от бесхозного дома, отказался тем самым быть ему судьей, и ему нужно было чье-то авторитетное мнение. Таковым конюх и счел его, Зимина, мнение.

Другой причины причащения к тайне Зимин не находил...

Тихонько, как в прошлую ночевку, шуршала о галечник, утекая, вода глухоманной речушки, прорисовывались на фоне усыпанного звездами неба верхушки могучих елей.

Глядя на чуть покачивающиеся макушки, на высокие ясные звезды и невольно вспоминая вчерашний и нынешний дни, Зимин подумал, что здесь, на крохотном участке тайги между Пихтовой и засекинской пасекой в сущности спрессована, уместилась если не вся история государства российского за последние три четверти века, то такая ее часть, по которой можно вывести, определить целое, что в сущности при всей кажущейся нелепости, безрассудности затеи поставить в один ряд и залп Авроры, и концентрационный лагерь «Свободный» с полубезумным охранником-доброхотом, и разбитую Градо-Пихтовскую церковь, и тайную заимку, куда слеталось на отдых начальство, скорее всего, областное, и интернат для убогих детишек, которых обкрадывает медперсонал, – затея эта окажется не столь уж бесплодной и абсурдной. Другое дело, явления эти на порядок, на много порядков выше или ниже одно другого, смотря с какой стороны вести отчет, – но одного ряда явления, тесно между собой связанные.

С недоумением думал он, как человек, однажды проснувшись, решает вдруг, что он призван освободить ни больше, ни меньше – человечество? Как в голову отдельному человеку приходит, что он живет праведно и правильно, а страна – глупо, нуждается в его спасении? Да в ладу ли с рассудком такой человек?

Зимин вспомнил, как прошлой весной стоял на Тихвинском кладбище в Санкт-Петербурге у могилы Достоевского. Проходила осматривавшая некрополь немецкая группа. «Здесь покоится прах гения земли русской Федора Михайловича Достоевского. Всемирно известны его романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы». На могиле великого писателя всегда живые цветы»*, – проговорила быстро гид-переводчица, переходя к другой могиле.

«Бесы». Не прочитали роман внимательно, а если и прочитали, не поверили, что возможно в России то, о чем предупредил писатель...

Так думал Зимин: запутанно, пространно, не смыкая глаз. Под тишайший шум воды и миганье ясных ярких звезд...

Возвратившись в Пихтовое, Зимин застал в нетесовском доме одну Полину. Как выехал Сергей пять суток назад в ночь, так до сих пор о нем никаких вестей.

Полина не на шутку была встревожена столь долгим отсутствием мужа, хотя тщательно скрывала это. Ей в ее томительном напряженном ожидании не до ухаживаний за гостями. Пообедав, Зимин счел за лучшее поскорее собраться и уйти в город. Тем более, не нужно было придумывать себе Дело.

Мусатов. Не терпелось снова встретиться с ним. И побывать у Марии Черевинской, младшей дочери Василия Терентьевича Засекина, тоже не терпелось. Записка пасечника к дочери, в которой он разрешал и просил показать Зимину свои бумаги, была в кармане.

Зимин так и не решил, к кому первому отправиться. До дома знаменитого пихтовского ветерана идти ближе – это и определило выбор.

---

* Zlier rulit die sterbliche Uberreiste des genialen. Menschen des russischen Zandes Fjodor Michailowitsch Dostojewski. Seine Romane «Verbrechen und Strate», «Bruder Karamasoff», «Daemonen» sind weltberuhmt. Aut dem grab des groben schriftstellers liegen immer die lebenden Blumen – нем.

Старик не забыл о прошлом свидании. Даже имя Зимина помнил.

– А, ну входи, входи, – пригласил. – Думал, ты уже уехал.

– Нет, побуду пока... Я, бы, Егор Калистратович, еще взглянул на часы, на газетные вырезки. Если можно.

– Чего, поди-ка, нельзя. Гляди...

Знакомая потертая кожаная папка и следом массивные карманные часы на цепочке перекочевали из шифоньера на стол.

Зимин взял часы, нажал на кнопку – держатель крышки. Да, так и есть: никаких ни поручика, ни полковника. «П-ку Зайцеву». Дочь священника Соколова права.

С минуту Зимин смотрел на часы. Через сколько и какие же разные руки они прошли, начиная от первого владельца, и до нынешнего! Священник, разбойник Скоба, командир чоноковского отряда...

– Отличный хронометр, – сказал. – Исправны?

– Завести, так идет, — ответил Мусатов.

– Значит, часы принадлежали полковнику Зайцеву? – спросил Зимин, продолжая разглядывать гравировку на крышке.

– Ему. Кому ж еще. – Мусатов сел поближе к столу, так, чтобы видеть телеэкран.

– Я потому спрашиваю, что здесь вообще воинское звание не обозначено.

– Полковником был.

– Точно – полковником?

– Можешь не сомневаться.

– Да я бы не сомневался. Но вот Анна Леонидовна, дочь священника Соколова, утверждает, что принадлежали они поручику. Который умер в их доме. К моменту боя на заимке...

Мусатов метнул взгляд на гостя, на часы.

– Ну-к, дай сюда их, – потребовал, неожиданно проворно протянув руку к часам.

Можно было помедлить отдавать. Отодвинуться, зажать в кулаке. Однако на что бы это было похоже – поединок с человеком, которому шестьдесят было уже тогда, когда он, Зимин, только появился на свет.

Он положил часы на стол.

Мусатов немедленно накрыл их ладонью.

– Вот так, – сказал удовлетворенно. – А теперь ступай отсюда.

– Что так, Егор Калистратович?

– А так. Ступай. И не приходи больше.

– Ладно. Как хотите. Но один вопрос на прощанье.

– Никаких разговоров больше. Уходи.

– Я все-таки спрошу. На Орефьевом озере вы действительно застрелили главаря банды, обшарили и нашли вот эти часы. Но вы утаили то, что нашли вместе с часами: деревянную резную шкатулку.

Зимин не ожидал того эффекта, какой произвели его слова. Он приготовился к тому, что старый чоновец либо вовсе останется безучастным, либо начнет открещиваться, отнекиваться, негодовать, требовать доказательств, грозить жаловаться – что угодно из этого. Или все разом. Мусатов же глядел на него заворуженно изумленными глазами. Так, как будто Зимин был ни больше, ни меньше свидетелем, очевидцем того бесконечно далекого события.

– Не утаил, – отрывисто сказал Мусатов, глядя мимо Зимина.

В волнении встал из-за стола. Неловко убирая руку с часов, едва не смахнул их на пол.

– Не утаил, – повторил Мусатов. – Открыл шкатулку, толком не успел заглянуть в нее, подъехал на коне командир.

– Тютрюмов, – уточнил Зимин.

– Он. Забрал часы и шкатулку. Сунул за пазуху и велел молчать, забыть. Сказал, что военная тайна.

– Присвоил?

– Не знаю. Больше никогда не видел.

– А как же часы у вас?..

– Через день перед строем вручил их, – Мусатов кивнул на стол, – со своей дарственной надписью.

Зимин, не встречая возражений, опять взял в руки часы, открыл крышку.

– Мм. Так ниже, выходит, была тютрюмовская надпись?

– Его...

– Сами стерли?

– Сам.

– Что так?

– Нужно было, и стер.

– В тридцать седьмом?

– Раньше. Что тебе все докладывать... И хватит. Устал я, парень. Ты бы шел, – попросил Мусатов.

Вид у прославленного пихтовского ветерана впрямь был неважный. Лучше оставить его в покое. Зимин попрощался.

На двери дома Марии Черевинской, дочери пасечника, висел замок. Укатили по грибы всей семьей, раньше как затемно не объявятся, – объяснила приглядывавшая за домом беременная женщина-соседка, прежде выведав у Зиминого, кто он и по какой надобности к Черевинским. А надежней завтра раненько Марию застать, она за пятнадцать минут до семи на работу, в смену, из дому выходит.

– Понятно...

Церковь-склад виднелась среди высоких старых тополей в конце улицы, и Зимин неспешно побрел к ней.

Днем охрана не выставлялась. Беспрепятственно через пролом в заборе он ступил на территорию, прилегающую к церкви. Около старого колодца, куда пьяный стрелок Холмогоров уронил наган, высилась куча ссохшейся земли вперемешку с илом – явно продукт продолжившихся поисков клада после того как пожарный вытащил со дна вместе с наганом и чугунок, наполненный царскими романовскими деньгами. Теперь уже не три, а только два листовенничных венца торчали над землей: верхний пошел на то, чтобы кое-как прикрыть отверстие глубокого колодца. Щель между бревнами в одном месте была опасно-широкой, так что Зимин счел за лучшее снять с забора несколько висевших на честном слове досок, заложить ими эту щель.

Обойдя церковь-склад, остановился около придела.

«Где-то в нескольких шагах стояли черные мраморные надгробья и между ними крест, обозначающий могилу поручика Зайцева», – подумал он, припоминая запечатленный на старом фотоснимке Градо-Пихтовский храм, виденный им в квартире престарелой дочери священника.

Он глядел, и как-то не верилось, что вот на этом самом месте, захлавленном битым стеклом, мелкими кирпичными осколками, щебенкой, сплюснутой с боков ржавой бочкой из-под горючего некогда было церковное кладбище, к могилам кто-то приходил, и они были ухожены. Как-то не верилось, – он поднял глаза вверх, туда, где, выбиваясь из-под старого кровельного железа, тянулись к свету щеточки жиденьких

кустарников, – и в то, что некогда венчали церковь купола и кресты, и в часы служб, но праздничным и печальным дням здесь былолюдно, гудели, отдавая то скорбью, то радостью, колокола.

А ведь было, все было. И расцвет, и опустение, разорение храма. И раненый колчаковский офицер, поручик из Твери, был, и уголовник по кличке Шишка, скользивший зимней ночью меж заснеженных тополей от просторного поповского дома к церкви с завернутой в одеяло ношей – дочерью священника, – тоже был. И главарь шайки Скоба, пытавший под сводами церкви купца-миллионера Шагалова и его доверенного...

Захотелось взглянуть, что же, как там, внутри церкви, сейчас. Он припал к забранному кованой узорной решеткой окну с пыльными стеклами.

– Это чего ты там высматриваешь, а? – раздался за спиной женский строгий голос.

Зимин обернулся. В стоящей перед ним пожилой женщине узнал жилицу бывшего притчевого дома бабу Надежду. Ту самую, которая неделю назад при стечении народа стыдила охранника Холмогорова за беспросветное вранье.

– Да вот. Церковь здесь была, – пробормотал, оправдываясь.

– Была, – согласилась старуха. – А теперь склад материально-технических ценностей.

– Склад меня не интересует...

– А не интересует, чего ж заглядываешь тогда?

Зимин хотел было объяснить; спросить, давно ли здесь живет старуха, известно ли ей, когда церковь обезглавили и куда подевались колокола; может быть, у нее или у кого-то из ее знакомых случайно уцелели старые снимки?

Подумав, решил: не стоит затевать разговора, лучше уйти.

Сергея наконец-то застал дома. Он сидел во дворе под черемухой за столиком. Полина хлопотала около него. От Сергея пахло костром, потом, порохом. Вид у него был помятый, усталый и одновременно возбужденный.

Преступников не поймали, хотя они гуляли по району всю, с размахом, едва не в открытую, нимало не заботясь о том, что оставляют после себя следы, что по именам и в лицо их уже знают. После первых двух ограблений, о которых Зимин уже слышал, последовали кражи из магазинов в Среднем

Китате, Святославке, Таежно-Михайловке, из кооперативной лавки в Петропавловском. «Ниву» вишневого цвета бросили в лесу под Святославкой, сожгли. Без транспорта, однако, не остались: пересели сначала на пятитонку, – позднее на лесхозовский «уазик», выкинув оттуда водителей, а из «уазика» и главного инженера лесхоза. Хорошо, просто выкинули, не пустили в ход ножи и стволы...

Наворотили с лихвой. Однако же, с сегодняшнего дня всевольный их загул заканчивается. Сходило с рук, пока нынче поутру не завалились в избу охотника Лаврентия Нифонтова в его отсутствие и украли ружье. У Нифонтова, кроме двустволки, еще и карабин в доме хранится. Не на виду. Вернувшись с рыбалки, и обнаружив пропажу, Лаврентий нагнал грабителей, и когда по первому требованию ружье не вернули, прострелил кому-то из четверых ногу.

Так что теперь, имея в группе раненого, уползти постараются как можно дальше. Главное им – выбраться из района, области, затеряться на оживленной автостраде, а там – кто их будет искать в нынешней неразберихе, особенно если очутятся за пределами России...

– Вот, посмотри, – протянул Сергей мятую бумажку с машинописным текстом. – Ориентировка на одного из них.

«Возраст – 25—30 лет, рост 175 см, волосы черные, прямые, средней длины, глаза темные», – скользнул глазами по строчкам Зимин.

– Все не читай, неинтересно. На особые приметы обрати внимание, – сказал Сергей.

Зимин кивнул.

Он и без того уже, пропустив, во что одет преступник, вчитывался в тщательнейшее описание особых примет, а это были наколки.

«На левом плече – полуобнаженная женщина с кинжалом и стоящий перед ней на коленях мужчина, – говорилось в описании, – у левого локтя – четырехконечный крест с надписью «Рай», подчеркнутой чертой с точкой; на тыльной стороне левой кисти – цветок лилии; на левом предплечье – сердце, пронзенное стрелой, и буква «Z»; на правом – факел; у основания большого пальца – три точки; под коленками – кресты; на правой ступне – надпись «Душа болит о производстве», на левой – «А ноги просятся в санчасть.»

Еще не дочитав до конца, Зимин невольно весело, от души расхохотался.

– А ноги просят в санчасть, – повторил вслух последние слова. – Мудрено запомнить.

– Ясно, куда его ноги просят, – сказал Нетесов, делая нажим на слове «его».

Чего-то Сергей не договаривал. Скорее всего, не один охотник Лаврентий Нифонтов вступал в поединок с грабителями, недаром от пистолета, положенного в кобуре на край стола, тянуло запахом горелого пороха, и, скорее всего, не так и неизвестно местонахождение преступников, если он перед ночью на два-три часа заехал домой.

– Ну, а ты? Как на Подбельниковском кордоне? Как Василий Терентьевич? – переводя разговор, спросил Нетесов.

– В порядке, – кивнул Зимин. – Заметил, ты у Засекиных в большом почете.

– Ну уж... Показалось тебе.

– Серьезно, серьезно.

– Ну, может и так, – легко согласился Сергей.

– Внука Василия Терентьевича за наезд, которого он не совершал, чуть-чуть не осудили, – вмешалась в разговор Полина. – Сидел бы уж два года, если б не Сергей.

– Да, ошибка там вышла, – мотнул головой Нетесов.

– Я все-таки думаю, Сережа, не ошибка, – возразила Полина, – а потому что племянник директора коммерческого банка виновником был.

– Нет. Понимаю, о чем ты, случается такое. Но здесь не разобрались как следует, – тоном, не оставляющим сомнений, сказал Сергей.

Зимин не стал уточнять подробности истории с внуком пачечника. Хотел было рассказать о встречах с бывшим охранником лагеря «Свободный», с ветераном Гражданской, но передумал. Потом как-нибудь. Сергей был сосредоточен на своем, слушал рассеянно, отвечал односложно.

Уехал он спустя полтора часа, сказав, что теперь-то уж должен вернуться очень скоро, и они сразу отправятся на так долго откладывавшуюся рыбалку. А пока, чтоб не скучно было Андрею, он может покататься по Пихтовому, по окрестностям на его, Нетесова, мотоцикле.

– А права? – спросил Зимин.

– С моим номером не остановят, катайся, – махнул рукой Нетесов.

...Наведываться второй раз к Марии Черевинской не пришлось. Ближе к полночи дочь пасечника вместе с мужем сама подъехала на «Жигулях» к нетесовскому дому. Она была взволнована: соседка сказал ей, что начальник уголовного розыска вместе с поселившимся у него мужчиной были на кордоне, на пасеке у ее отца, и ее разыскивали. Черевинская думала: с отцом что-тостряслось.

– Слава Богу, – она перевела дух, перекрестилась, прочитав записку от отца, – только за этим и приходили?

– Только за этим.

– Сейчас сама привезу...

Через каких-нибудь полчаса Зимин держал в руках стопку тонких тетрадок в бледно-голубых обложках, точно таких, какие он уже видел, читал на таежной пасеке. Точнее, на пасеке он видел и читал всего-навсего одну тетрадку с надписью на обложке «Дневник Терентия Засекина, Октябрь 1919 года – Февраль 1920 года». В этих, принесенных, тетрадках Терентий Засекин делал записи с апреля 1920 по декабрь 1929 года.

В одной из тетрадок была открытка времен Гражданской, раскрашенная, на плохой бумаге изготовленная и с надписью «Что несет большевизм народу?». Зимин видел такую впервые: на ней – Смерть с пустыми глазницами, с проваленным носом, в черном балахоне и с косой, с лезвия которой капала кровь, ехала на коне. Впереди расстилалась деревня, толпились люди; позади окрест – в беспорядке валялись трупы, виднелись головешки сгоревших изб...

– Вот. Еще и отцовы записи, – подала Черевинская сколотые скрепкой листы. – Ни в коем случае не потеряйте, – предупредила на прощанье.

– Все верну в сохранности, – заверил Зимин, приготовясь первым делом прочитать написанное пасечником-сыном...

ТЮТРИУМОВ

– Товарищ Прожогин, подозрительного вот задержал. – Афанасий Маркушин, милиционер Пихтовской уездной милиции ввел в кабинет секретаря укома молодого мужчину. Секретарь коротко посмотрел на незнакомца, одетого в поношенный костюм и косоворотку, на Маркушина, стоящего позади с винтовкой и примкнутым штыком, сказал:

– Так и вел бы к себе.

– Я и хотел. Увидел, у вас свет горит, и...

– Ладно. Чем подозрительный? – прервал Прожогин.

– Возле станции терся, у жены стрелочника Возчикова спрашивал, как найти Пушилиных. Игнатия со Степаном, – ответил Маркушин.

– Ищешь, значит, Пушилиных? – спросил секретарь укома, изучающе внимательно глядя на неизвестного.

– Да.

– Зачем?

– Хотел встретиться по личному делу.

– По какому?

– Касается меня одного.

– Нет, это уж извини. Нас – тоже. Сынок с отцом – главари кулацкой банды, шастают по тайге, а у него к ним личное дело. Документы есть?

– Нет.

– Вот так. Без документов, темная для нас личность, ищешь бандитов. – Секретарь укома старательно скатал самокрутку, закурил. – Что скажешь?

– Говори, чего уж там, раз попался, – вставил в возникшую паузу милиционер Маркушин.

Незнакомец не удостоил взглядом своего конвоира. Молча внимательно разглядывал висевший за спиной у хозяина кабинета на стене кумачовый лозунг: «Царство рабочего класса длится только два года. Сделайте его вечным!», что-то решал для себя.

– Так что прикажешь думать? – еще раз спросил секретарь укома.

– Я бы хотел говорить вдвоем, – сказал незнакомец.

– Хорошо, – согласился Прожогин. Велел милиционеру: – Побудь в коридоре.

Маркушин вышел из кабинета; с длинной винтовкой управляться было неловко, он штыком царапнул дверной косяк.

– Слушаю, – сказал Прожогин.

Незнакомец подошел к столу, вынул из внутреннего кармана пиджака наган, положил его перед секретарем, назвал:

– Я – старший лейтенант Взоров. Из личного конвоя адмирала Колчака. В прошлом, разумеется... Хочу сделать заявление.

Первое признание приведенного под дулом трехлинейки, но вооруженного мужчины, привело секретаря укома в замешательство. Он подвинул к себе наган, сказал:

– Слушаю, гражданин Взоров.

– У вас есть прямая связь с руководством?

– Понятное дело, есть, – Прожогин покосился на телефон.

– У меня просьба связаться с вашим начальником в губернии.

– И что сказать?

– Передать мою просьбу. О встрече. О том, что хочу сделать заявление.

– Может, прикажешь доложить напрямик в Москву?

Человек, назвавшийся Взоровым, своей подчеркнутой независимостью, холодным спокойствием, с каким-то заявлением, которое желал бы сделать высокому начальству, начинал раздражать Прожогина.

– Было бы еще лучше. Заявление очень важное, – последовал ответ.

– А зачем ты в Пихтовой тогда очутился, если тебе подавай начальство не ниже губернского?

Приведенный под конвоем бывший офицер молчал.

– Так вот, – продолжал секретарь укома партии, – пока не скажешь, зачем у нас и ищешь Пушилиных, заявление свое пока не выложишь мне, – не выпущу. Слово большевика. И слово большевика, что доложу немедленно начальству твое заявление. – Прожогин усмехнулся, прибавил: – Если будет что докладывать.

– Согласен, – после короткого раздумья произнес Взоров. – Но это будет документ. Я изложу письменно.

– Как хочешь. – Секретарь укома положил лист бумаги на стол, подвинул чернильницу с ручкой. Указал на свободный стул: дескать, бери, садись к столу.

Отрекомендовавшийся старшим лейтенантом из конвоя Омского правителя начал писать. Быстро приспособился к корявому перу, строчки заскользили по не лучшего качества газетной бумаге.

«Я, Взоров Григорий Николаевич, старший лейтенант флота, 25 лет, место рождения Кронштадт, вероисповедания православного, из дворян, воспитание получил в Морском корпусе...»

– Про вероисповедание не надо. И про дворянство. Чины и сословия отменены, – сказал Прожогин, с трудом успевая прочитывать то, что выскальзывало из-под пера бывшего флотского офицера.

Взоров словно не слышал, продолжал свою беглопись: «...обращаюсь с настоящим рапортом в Совет народных ко-

миссаров». Здесь он слово «рапортом» зачеркнул; поставил «заявлением».

– Даже в Совнарком, – заметил секретарь укома.

– Да. И в министерство финансов.

– Министерств теперь нет – народные комиссариаты, – сказал Прожогин.

– Не знал. Благодарю. Я напишу, тотчас передам вам...

Вновь перо заскользило по бумаге.

Секретарь укома понял тонко высказанную просьбу не мешать. Конечно, сильно интересовало, какое заявление сидящий напротив молодой человек из «бывших» может сделать не ближе не дальше, а в Совнарком, где главный – сам вождь мирового пролетариата, сам Ленин, но секретарь укома партии реплик больше не подавал, на строки, выходящие из-под пера Взорова не смотрел. Сидел и ждал.

Взоров попросил еще бумаги, по возможности белой, опять писал. Наконец отложил ручку, передал два листка Прожогину, остальные – черновые – порвал на мелкие кусочки.

В нетерпении секретарь укома прочитал сначала заключительные строчки, где, казалось, должна быть самая соль:

«...В случае, если клад будет разыскан, не претендую ни на какое вознаграждение за сделанное сообщение.

Признавая Советскую власть как единственно законную, глубоко сожалея и раскаиваясь, что против нее боролся, прошу у новой власти разрешения жить на Родине, предоставления возможности служить делу развития Отечественного военного флота.

Ст. лейтенант Г. Н. Взоров».

Секретарь укома вернулся к начальным строкам, и, не отрываясь, внимательно читал их. В середине заявления, там, где речь шла о наиболее важном, буквально впился глазами в текст.

Волнения своего Прожогин скрыть не мог. Заерзал на стуле, положил заявление перед собой, посмотрел на заявителя, взялся за трубку. Быстро отнял руку.

– А место? – спросил. – Место не указано.

– Будет названо, когда вы доложите обо мне начальству.

– Ладно. Откуда известно, что пятьдесят пудов золота в ящиках?

– Около пятидесяти, – поправил Взоров. – Информация исключительно от полковника Ковшарова. Хмелевский подтверждал это в разговоре.

– С Пушилиными вы впервые встретились при разгрузке ящиков? – секретарь укома перешел на «вы».

– Да. Видел их тогда в первый и последний раз.

– Почему тогда уверены, что подъехали именно Пушилины? Знакомились?

– Нет. По именам никого не называли при мне. Ковшаров тоже, кстати, не упоминал тех, кто должен подъехать в Пихтовой. Лавочник и маслодел с сыном – так именовал. Не говорил, что будут с ними еще люди.

– Да. Пушилин был лавочником и маслоделом, – подтвердил секретарь укома.

– У старшего Пушилина следы от оспы на лице?

– Есть.

– Один из пихтовских обращался к нему, как к отцу.

– Мг... Вы оборвали рассказ на ранении. И ничего не сказали, как спаслись.

– Меня подобрал и четыре месяца лечил охотник. Имя свое попросил сохранить в тайне. Я был белым, а большевики, когда лечил, занимали эту территорию. Подобрал меня очень далеко от места, где захоронили золото. В тайге, в сугробе. Чуть живого.

– Охотник о золоте знает?

– Я ему не говорил.

– Но почему вы уверены, что ящики на прежнем месте? Их могли тайно вывезти. Те же Пушилины. Ваши друзья офицеры.

– Друзья офицеры не могли. После излечения я искал Ковшарова и Хмелевского. Полковника нашел в Чите, дрался с ним и убил из нагана, который теперь у вас. То же самое было с Хмелевским. Под Харбином мы встретились...

– Теперь очередь Пушилиных?

– Н-нет. Их убивать я не собирался. Хотел удостовериться, что золото на месте. Кажется, уже убедился.

– Как?

– Если бы они занимались золотом, не было бы банды. Я могу, впрочем, ошибаться.

«Неплохо варит голова у офицера», – отметил про себя секретарь укома, спросил:

– Вы пишете, что от эшелона ехали ночью, дороги не запомнили. Как же укажете место? Озер вокруг Пихтовой десятки. И почти у каждого – домик.

– Поручик Хмелевский был очень самоуверен, перед дуэлью назвал место, где меня ранили...

– И что за место?

– Мы договорились: вы доложите обо мне вашему руководству, – напомнил Взоров.

– Доложу. Сейчас же.

Прожогин снял трубку, покрутил ручку телефона, сказал:

– Товарищ Ольга, свяжи срочно с Сибревкомом... Нет-нет, Лично с Иваном Никитичем Смирновым. Жду. – Трубка легла на рычаги.

– Слышал имя? – спросил у Взорова. Секретарь укома постоянно сбивался с «вы» на «ты».

– Комиссар пятой армии. Его у вас называют победителем Колчака...

– Точно. Теперь Предсибревкома. Главнее его в Сибири... Зазвонил телефон.

– Маркушин! – хватаясь за трубку, громко позвал милиционера секретарь укома и, когда тот мигом возник на пороге, велел. – Побудьте вместе в коридоре, пока я говорю...

Прожогин приготовился слышать знакомый неторопливый голос председателя Сибревкома, бывшего своего политического командира, с кем рядом прошел боевой путь в составе Пятой армии от Свияжска, от Волги, почти до самого Нижнеудинска, голос человека, с которым знакомством гордился больше всего на свете, о котором бойцы слагали легенды и пели песни, а знаменитая писательница Лариса Рейснер говорила в своих красивых статьях как о коммунистической совети Красной Армии. Однако услышал опять телефонистку. Связь с Новониколаевском повреждена, известила она, провода оборваны.

– Как так? – переспросил он. Машинально, потому что знал: бандиты часто подпиливают столбы и обкусывают провода, вдобавок устраивают засады, приходится посылать целые отряды, чтобы восстановить линию.

– Что-нибудь еще нужно, Василий Кондратьевич? – напомнила о себе телефонистка. Ольга.

– Соедини с Тютрюмовым, – словно очнувшись, потребовал он. И когда зазвучал густой хрипловатый бас начальника местного чоновского отряда, попросил:

– Приходи, Степан. Позарез нужен.

На вопрос, что за спешка, ответил:

– Такого у нас еще не было никогда.

Не сдержался, против воли прибавил в трубку:

– Золото! На миллионы!

После этого сообщения Тютрюмов, располагавшийся со своими бойцами в бывшем купеческом особняке на той же улице в трех минутах ходьбы от укома, явился без Заминки.

– Что за тип торчит у тебя в коридоре с Маркушиным? Какое золото?

– Садись, читай, – секретарь укома уступил свое место Тютрюмову.

– Это что, написал тип, который за дверью? – спросил отвыкший за последнее время от чтения длинных бумаг командир местных чоновцев.

– Ты читай.

– Ох-х, белая косточка, моряк. Я на лицо глянул, сразу подумал... – комментировал Тютрюмов первые прочитанные строки заявления. Что подумал, начальник отряда пихтовских чоновцев не сказал, умолк, весь ушел в чтение.

– Вот это да. – Тютрюмов отодвинул исписанные красивым почерком листки, посмотрел на секретаря укома. – В двух ящиках даже платиновый песок. Ну и где все это? От какой печки плясать до озера?

– Не говорит пока. Настаивает, чтобы сначала поставили в известность губернское начальство.

– Ну, а ты?

– С Николаевском связь нарушена. Нужно попробовать по железнодорожному каналу снести, по телеграфу. Или, может, отвезти его в Новониколаевск, а? Как считаешь?

– Считаю, может, к лучшему, что нет связи.

– То есть?

– Без всяких то есть. Прежде чем начальству докладывать, нужно проверить. Мало ли чего написал. Место узнать нужно.

– Не скажет он.

– Скажет. Услышит то, что хочет, и скажет. Сейчас я сам с ним потолкую, не вмешивайся.

Тютрюмов открыл дверь и позвал старшего лейтенанта.

– Мы переговорили с Новониколаевском, – сказал, отрекомендовавшись. – Завтра в середине дня приедут из Сибревкома. Вашу просьбу служить во флоте рассмотрят. Спецы

нужны. Будете на флоте, если на службе у Колчака не усердствовали...

– Конвой не участвовал в боях, – сказал Взоров – То есть, в критические, самые последние недели, часть офицеров конвоя была на передовой. Мне не привелось.

– Тем лучше... А вот в Москву сообщать Сибревкому пока не о чем. Увезти могли золото. Да и место лишь по названию можно не найти. Здешние названия часто повторяются. На иной версте по два-три одинаковых. Промысловики даже путаются.

Взоров отрицательно повел головой.

– Рыбацкое становище Сопочная Карга.

– Что? – переспросил Тютрюмов.

– Место, где убивали меня...

Украдкой Тютрюмов подмигнул секретарю укома: вот, мол, как надо вести разговор.

– Есть такое, – подтвердил. – Напрямую верст десять отсюда. Но там около озера нет избы, как вы утверждаете, – начальник чоновского отряда кивнул на стол, где лежали исписанные рукой Взорова листки.

– Есть, – тихо твердо возразил Взоров.

– Противник мог перед дуэлью и соврать, – сказал секретарь укома. – Назвать другое озеро.

– Исключено. Абсолютно ему не было смысла лгать.

– Второй Сопочной Карги, вроде бы, нет у нас, – помолчав, проговорил секретарь укома.

– Нет, – уверенно кивнул Тютрюмов. – Бывал я на том озере весной. Помню, избы около него нет.

– Есть, – упрямо повторил Взоров.

– Чем гадать, лучше съездить туда. На месте видней, – предложил начальник чоновского отряда. – Как? – обратился к Взорову.

– Согласен, – ответил старший лейтенант.

– Хорошо бы обернуться до приезда губернского начальства. Утром рано выехать. Как? – Командир местных чоновцев посмотрел на Взорова.

– Согласен, – опять односложно ответил Взоров.

– Тогда на рассвете выедем.

– Лошади твои. – Секретарь укома отпер сейф, положил туда заявление Взорова и сданный им наган.

– Об этом не беспокойтесь. В полшестого будут у крыльца. – Тютрюмов посмотрел на часы. – Пойду соснуть.

Остановившись у порога, спросил?

– А что с милиционером? Долго ему сидеть в коридоре?

– Пусть к себе идет. Я скажу.

– Сам отправлю. – Тютрюмов скрылся за дверью.

Некоторое время, оставшись вдвоем, молчали. Потом Прожогин снял висевшую на сбитом в стену гвозде шинель, протянул Взорову, указал на жесткий диван.

– Ложись, отдыхай.

– А вы?

– Посижу еще. Описать все положено. Как появился ты, что рассказал тут...

Старший лейтенант скатал шинель, пристроил вместо подушки, стянул пыльные сапоги и лег на диване на спину, глядел в серый, давным-давно не беленный потолок.

В кабинете стало сумрачней. Это секретарь укома подкрутил фитилек керосиновой лампы, убавил освещение.

– Ты каждый день Колчака видел? – спросил.

– Почти каждый. Когда как, – откликнулся Взоров.

– Правду говорят, будто он кресла ножом кромсал, когда не в духе бывал?

– Не знаю. Я не видел.

– А что любовница у него была?

– Не любовница – жена. Тимирева Анна Васильевна.

– Ты о ней как-то прямо-таки уважительно.

– Анна Васильевна была сестрой милосердия.

– Хороша сестричка милосердия. Спала с палачом.

– Я не могу разделить такой оценки Адмирала. – Взоров вспыхнул, хотел было подняться.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Прожогин. – При мне разрешаю не разделять. А при других – совет: помалкивай. Понял?

– Понял.

– В Питере-то мать-отец?

– Никого. Мать умерла в Марселе. Нынче сорок дней.

– Да-а, – Прожогин вздохнул. – И у меня ни родной души на белом свете в тридцать пять... Спи. А то так ничего и не напишу.

Спустя минут двадцать, намаевшийся, намытарившийся за Гражданскую на одному ему ведомых сибирских и дальневосточных сухопутных дорогах бывший морской офицер, колчаковский телохранитель, спал.

Прожогин посмотрел на него, подумал, что надо бы его отправить поскорее в Новониколаевск, захотел узнать, ожидается ли днем поезд туда, снял трубку. Телефон молчал. Теперь уж и по городу не позвонить никому. Чертыхнулся про себя, зевнул и взялся опять за перо...

Как и заверял начальник Пихтовского чоновского отряда Тютрюмов, ровно в половине шестого, за час до рассвета, три добрых верховых жеребца были около здания укома.

Собирались недолго. Минуты – и подковы коней глухо стучали по немощенной проезжей части тихой, наполненной лишь легким шелестом тополиных листьев центральной улицы – бывшей Большой Московской, а с недавних пор Пролетарской.

В нехотя схлыывающих сумерках смутно прорисовывались одно- и двухэтажные дома, в большинстве бревенчатые и редко – каменные, оштукатуренные.

Свернули в переулок, и вскоре пересекли рельсовые пути. Где-то поблизости справа должен находиться железнодорожный вокзал. Старший лейтенант всматривался и не увидел его: предрассветный туман заслонял самое красивое здание уездного городка.

Взоров довольно хорошо помнил дорогу: в предыдущий раз, оказавшись за окраинными домами, по глубокому извилистому логу ехали, забирая вправо, потом – по равнине, потом – между высокими, похожими на гигантские грибы, стожками...

И сейчас командир чоновского отряда за околицей направил своего жеребца тем же путем; так же спешивались, выбираясь из лога. То, что с ноябрьской ночи врезалось в память старшего лейтенанта снежной равниной, открылось теперь в лучах предосеннего восходящего солнца таежным буйнотравным лугом.

Дальше ехали между крупными, достигавшими высоты аршина по три, а то и по четыре, кочками, поросшими жухлыми, грязно-желтыми пуками травы. Расширявшиеся кверху, кочки выглядели уродливыми столбиками. Взоров понял; их-то во время поездки в ночь на девятнадцатое ноября он и принял за стожки. Вид стожков придавал кочкам по зиме облепленный их снег... Почва вокруг кочек была болотистая, зыбкая. Гнилая вода под копытами коней чавкала.

Ехали молча: сказывалась проведенная почти без сна всеми троими ночь.

Тютрюмов изредка оборачивался, окидывал взглядом Взорова. Начальнику чоновского отряда, Взоров чувствовал, хотелось что-то спросить, но он сдерживался. Один-единственный раз за весь путь Тютрюмов заговорил. Когда въехали в хвойник и были уже близки к цели, он, поворотившись всем корпусом в седле, сказал:

– Озеро из старицы речки Чая образовалось. После заноса устья старицы песком и лесным ломом. Чалбышей привозили со становища... Много попадалось.

Непонятно, зачем сказал: секретарь укома наверняка знал, а Взорову в высшей степени безразлично – и про возникновение озера, и про каких-то чалбышей. Догадывался: рыба, а какая – зачем это ему?

Дорога все заметнее шла под уклон. Среди пикообразных елей вдруг мелькнула неподвижная водная гладь, высвеченная косыми утренними лучами.

Проехали еще два десятка шагов, и зеркало воды с высокого берега открылось полностью. Узкое, длиной с треть версты, не более, таежное озеро имело форму полумесяца. Хвойный лес близко подступал к озеру. В иных местах стволы теснились у самого среза воды. Лишь в западной части, щедро освещенной в это раннее время солнцем, сверкала песчаная просторная полоска. В воде, у края этой полоски, было мелко. Замытые в дно карчи выступали своими острыми верхушками высоко над водой.

– Сопочная Карга, – сказал Тютрюмов.

Взоров припал к конской гриве, глянул с высоты покато́й горы вниз. Дома он не увидел. Правы комиссары, и поручик Хмелевский перед дуэлью назвал неточно место? Или, может подъехали к озеру с другой стороны? Старший лейтенант дернул поводья, погнал жеребца вниз, не особо заботясь об осторожности. Спутники последовали за ним.

Был, был бревенчатый дом среди елей невдалеке от озера. Только в прошлом. Сейчас на том месте валялась груда обугленных бревен вперемешку с кирпичами от порушенной печи.

Взоров глядел на пепелище, повернулся лицом к чоновскому командиру.

– Хм, впрямь была изба, – сказал Тютрюмов. – Ну, а где ящики скидывали, помнишь?

Старший лейтенант не вдруг, но оторвал взгляд от обугленных бревен. Подъехал к самой воде, всматривался в ее зеркально-чистую темную гладь. Действительно, где той страшной стылой ночью зияли на снегу округлые пасти-проруби, около одной из которых он упал, ударенный штыком в спину? Живо он представил, как скатывался с горы; припоминал, где рябой возница натянул вожжи, останавливая повозку...

– Пожалуй, чуть ближе места, где коряги. И правее их, – сказал Взоров, слезая с коня.

Тютрюмов и Прожогин тоже спешили.

Начальник Пихтовского чоновского отряда нашел в траве под ногами камушек, размахнулся и с силой кинул его в сторону торчащих из воды карчей.

– Там? – спросил, едва успел камушек булькнуть.

– Возможно, – старший лейтенант пожал плечами.

Тютрюмов взял коня за уздечку, увлек за собой вдоль берега, туда, где сверкала песчаная полоска. Дойдя до нее, разделся догола, аккуратно стопкой сложил одежду, поверх небрежно кинул увесистый «смит-вессон»; переваливаясь с ноги на гону, неторопливо направился к воде. Вода была холодной, однако плотное, закаленное в постоянных походах, крепкое и с упругой чистой кожей тело Тютрюмова даже не покрылось пупырышками. Лишь в двух местах – на плече и на бедре, – где были застарелые следы от сабельных ударов, – кожа сделалась иссиня-багровой.

Войдя в воду по грудь Тютрюмов поплыл. Нырнул и быстро вынырнул. Сделал еще гребков десять, опять нырнул, и снова вскоре голова его замаячила над поверхностью воды, опять он поплыл.

Взоров с секретарем укома наблюдали.

– А не дальше коряг-то проруби были? – спросил Прожогин.

– Возможно, – отвечал старший лейтенант.

– Или ближе? – допытывался Прожогин.

– Тоже может быть...

Тютрюмов нырял раз, наверное, пятнадцать или больше, и от погружения к погружению на глубину задерживался там все дольше.

Неизвестно, в какой уже раз по счету вынырнув, Тютрюмов не появлялся чересчур много времени, так что секретарь укома заволновался: чего доброго утонет.

Опасения оказались напрасными, но стоило начальнику чоновского отряда вынырнуть, как Прожогин закричал:

– Кончай, Степан. Случись что, отвечай еще за тебя...

Тютрюмов неожиданно легко, как будто лишь и ждал распоряжения. Подчинился, подплыл к берегу. Выбрел из воды так же неторопливо, как и входил в нее, сел на песок около своей одежды. Воспользоваться ею после довольно-таки продолжительного купания в студеном озере не спешил, натянул одни кальсоны. Сидел и ладонями сгребал сухой песок перед собой в кучу.

– Ну, чего там? – громко спросил Прожогин.

– Подь сюда, чего перекрикиваться, – позвал Тютрюмов.

Секретарь укома, оставив коней на Взорова, охотно пошел.

– Ты это кончай, – говорил, приближаясь к начальнику чоновцев. – Тут, если и есть что, целый отряд ныряльщиков нужен.

– Обойдемся. – Щурясь от солнца, Тютрюмов посмотрел на секретаря укома. – Хорошая намять у твоего офицера.

– Как понимать? Нашел, что ли, что-то?

– Хм, нашел, – повторил неопределенно Тютрюмов.

– Да чего мнешься, объясни толком, нашел или не нашел?

– Нашел. Только ты тише. Он услышит, – Тютрюмов сделал движение головой в сторону старшего лейтенанта.

– Пусть слышит.

– Погоди, погоди. Я сам ему скажу. Вот только кое-что уточню, и скажу. Глянь.

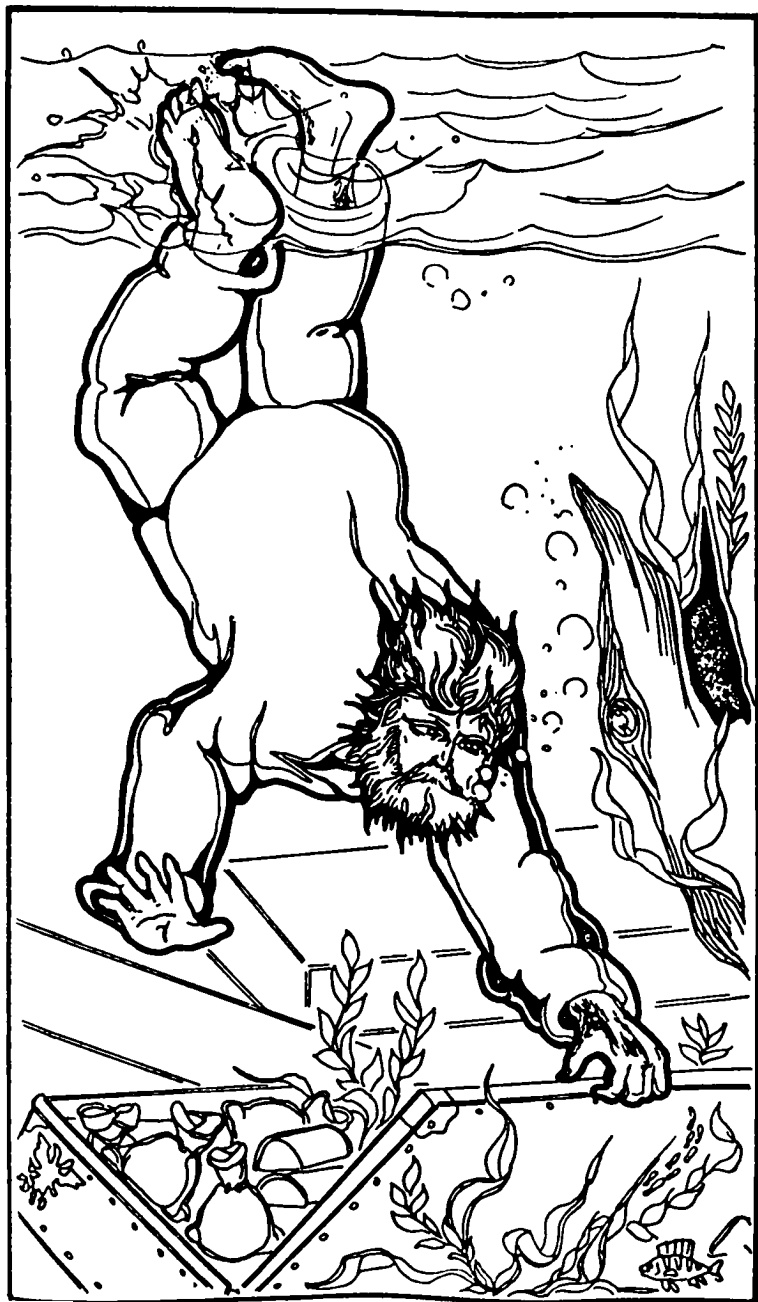
Тютрюмов разгреб песчаную горку, и глазам секретаря укома предстал небольших размеров мокрый мешочек, облепленный песком. Горловина мешочка, очевидно, только-только что была прошнурована, обмотана проволокой и опломбирована. Теперь же пломба вместе с оборванной проволокой валялась в песке.

Тютрюмов запустил в мешочек пальцы, вытащил несколько монет.

– Имперялы. Там таких мешочков между патронными коробками напихано... И в слитках золото. – Глаза Тютрюмова холодно, как в солнечном луче монеты, которые он держал в руках, блеснули.

– Сосчитал, двадцать четыре ящика там...

Секретарь укома нагнулся, взял монеты из рук Тютрюмова, подержал недолго на ладони и положил обратно в мешочек.

– И что ты еще уточнять собираешься? – спросил. – Все, как он написал.

– Два ящика раскрыты. Кто-то копался, – ответил Тютрюмов.

– А он причем?

– Кто его знает. Может, его рук дело.

– Брось ты тень на плетень наводить, – с досадой сказал Прожогин. Поведение приятеля все меньше нравилось ему. – Понимаешь же не хуже моего, он ни при чем. И если надо будет, в ЧК разберутся, в Сибревкоме.

– А я все же спрошу, – Тютрюмов, не дожидаясь, что еще скажет секретарь укома, кликнул старшего лейтенанта.

Тот подчинился, направился краем берега к песчаной полоске, ведя коней в поводу.

Тютрюмов, пока бывший флотский офицер приближался, засунул мешочек с монетами под одежду.

– Ты уверен, ваше благородие, – начал спрашивать когда Взоров оказался рядом, – что эти, как их... Ну полковник с поручиком?..

– Ковшаров и Хмелевский, – назвал фамилии старший лейтенант.

– Да. Ты уверен, что они – мертвецы?

– В заявлении я все указал. Абсолютную истину, – сухо ответил Взоров.

– И тому, кто подобрал тебя в тайге, лечил, ты не называл места?

– Я не мог назвать. Не знал. – В глазах у Взорова читались гнев и брезгливость, оттого что человек, задававший ему вопросы, считает вправе делать это сидя на песке, да вдобавок едва не в чем мать родила – в одних кальсонах.

– Значит, кроме тебя, про тайну этого озера знали одни Пушилины?

– Так точно, – сказал Взоров. – До вчерашнего дня.

– Понятно. А знаешь, почему становище зовется Сопочной Каргой?

– Нет.

– Во-он, за тобой, на самой вершине, высохшее дерево стоит. Видишь?

Старший лейтенант непроизвольно обернулся.

Тютрюмов моментально взял лежащий на виду, поверх одежды, нагретый на солнце «смит-вессон», взвел курок и выстрелил в спину Взорову. Раз, другой, третий...

Взоров под ударами крупнокалиберных пуль дернулся всем телом, упал лицом в песок. Он был мертв. Не вызывало ни малейшего сомнения. Тем не менее Тютрюмов не поленился подойти удостовериться. Кони, принадлежащие части особого назначения, привычные и не к такой пальбе, не особенно обеспокоились. Тютрюмов коротко погладил морду одного из жеребцов, резко повернулся к Прожогину.

Секретарь укома, никак не ожидавший, не предполагавший такого разворота событий, сразу после выстрелов оцепенел, онемел. Кажется, он даже неясно отдавал отчет, что стряслось, чему он очевидец. Взгляд Тютрюмова вывел его из этого состояния. Кровь прихлынула к вискам, он вскочил.

– Ты понимаешь, что наделал? – закричал.

– Не ори. – Тютрюмов на мгновение скосил глаза на труп. – Все равно бы твоего офицера в губчека пустили в расход. Как контру и колчаковца.

– Да причем губчека?! Товарищ Смирнов лично бы занялся им. Я бы добился.

– Ах, Смирнов, – усмехнулся командир чоновцев. – А у него часом руки не по локоть в крови?

– Ты товарища Смирнова не трожь! Он честнейший коммунист.

– Тебе виднее, ты с ним воевал. Только и я воевал за Советскую власть. Вот и вот отметины, – ткнул Тютрюмов себе в плечо и бедро, где были шрамы, стволом «смит-вессона». – А сейчас больше не хочу.

– Золото увидел, и Советская власть по х...?

– Не в одном в нем дело. Оно только подсказало, как быть. На, читай. – Тютрюмов шагнул к своей одежде, из кармана кожаной куртки вынул сложенный вдвое, изрядно потрепанный конверт, однако секретарю укома его не отдал, продолжал говорить: – Сестра из-под Шадринска пишет. Хороши новые порядки. Продармейцы выбивают хлеб из крестьян, порют, запирают в погреба. Околевай, а зерно отдай. И это – от имени Советской власти.

– Брехня. Контрреволюционная пропаганда, – сказал Прожогин.

– Дурак! Баба с тремя огольцами брата о помощи молит. Пропагандистку выискал... Да что за примером далеко ходить. Егорка Мусатов, бандита Скобу который убил, в Хромовке-Сергиевке отличился опять. Десять с лишним тысяч пудов хлеба, все, что крестьяне имели и в риге упрятали, разноухал.

Герой. Подчистую подотрядовцы выгресли. Ты, когда Егорке руку жал, за смекалку хвалил, подумал, какво хромовцам дале?

Тютрюмов говорил тихо, отрывисто, зло. Одновременно кидал короткие частые взгляды по сторонам. Недобрый, зловещий для себя смысл этих взглядов и эту несвойственного для Тютрюмова многословия вдруг отчетливо понял секретарь укома: Тютрюмов боится, как бы кто ненароком не оказался у озера. Одно дело – бывший белый офицер, другое –

секретарь укома. Поэтому и медлит, высматривает, не появились ли люди после выстрелов. Да. Иначе бы не вел никаких разговоров, не доставал бы письма. От понимания этого перехватило дыхание и холодок пробежал по спине. Мысли, обгоня одна другую, – что делать, как бы хоть потянуть время, – лихорадочно молоточками застучали в голове.

Решил было напомнить, что и он, командир чоновского отряда, тоже хвалил Егорку Мусатова. Передумал. Нужно что-то другое. Вспомнил, как вечером, подняв трубку, не услышал ни гудка, ни голоса телефонистки. Спросить Тютрюмова, не его ли работа, не он ли обрезал провода? Опять не то! Ах, вот же что нужно, пришла на ум дельная мысль: сказать, что на берегу кто-то появился. Да, именно так. Он раскрыл рот, но произнести не успел ни полслова. Тютрюмов живо направил на него дуло револьвера и нажал на спусковой крючок.

Четвертый за короткий промежуток времени выстрел прогремел над Сопочной Каргой...

Часть четвертая

Рыбацкое становище Сопочная Карга Зимин увидел совсем не таким, каким можно было представить по запискам Засекина-пасечника. Глубокая и длинная впадина заросла хвойником, тальником, осотом. Зеркало воды было крохотное, да и то по большей части не чистое, затянутое ряской. Не укладывалось в голове, что некогда, не так и давно, здесь вольготно плескалось таежное озеро, в которое сбрасывали ящики с золотом и такие роковые страсти разыгрывались вокруг этого золота буквально с той самой минуты, как утонули ящики.

Особенно поражала в связи с золотом судьба старшего лейтенанта Взорова. Поступка его Зимин не мог объяснить, чудом не погибнуть в этом глухом местечке с настораживающим, отпугивающим названием – и вернуться сюда же. В обществе чуждых, враждебных ему людей. Неужели думал, что стоит ему показать новой власти местонахождение сокровищ, и она, эта власть, примет его как своего, с распростертыми объятиями?.. Все сложно. Теперь уже никогда не узнать, чем руководствовался флотский офицер из колчаковского окружения в своих действиях. Скорее всего, и красных не принимал, и в своих, с кем сражался в одном стане, разочаровался. А после смерти матери на чужбине у него не осталось, кроме

Родины, никакого иного источника, откуда можно было черпать силы для жизни, во имя чего стоило продолжить жизнь...

Выбрав место поположе, Зимин спустился с кручи вниз, пошел по наторенной извилистой и ныряющей вверх-вниз тропке среди деревьев.

Длинная узкая песчаная полоска, истоптанная босыми ногами, мелькнула впереди. Разросшиеся тальники едва-едва не смыкались над этой полоской, и потому сверху ее было не разглядеть.

Ступив на сыпучий светло-желтый песок, он остановился, взглядом искал дерево, упоминавшееся пасечником в рассказе о конце Взорова. Ни на вершине, ни по склону ниже не было ни одного высохшего дерева. Поваленных буреломом сосен, пихт, елей – молодых, тонкоствольных, и старых, кряжистых, – много, а вот сухостойного – ни одного.

Он наклонился, зачерпнул пригоршню сухого песка, Глядел как песок медленно струится между пальцами под ноги. Как знать, может, он находится на том самом месте, где сидел Тютрюмов, поглядывая на свой «Смит-Вессон» и поджидая, когда приблизится Взоров? Или же Взоров упал на этом месте, застигнутый пулями Тютрюмова?.. А возможно, в двадцатом году песчаная эта полоска была дном, с которого командир ЧОНа, ныряя, доставал опломбированные тяжелые мешочки?..

Мальчишьи громкие голоса неподалеку за густыми кустами прервали его мысли. Он стряхнул прилипшие к ладоням песчинки, пошел напрямик, раздвигая кусты, на эти голоса.

Двое худых и загорелых, раздетых по поясу пацанов лет по двенадцати-тринадцати стояли по колена в затянутой ряской воде, ловили на спиннинги рыбу. В траве белели брюха некрупных щук, приметны были среди улова в траве и темные хребты двух-трех рыбин посолиднее.

Один из мальчишек, рыжий, с вихром на затылке, быстро-быстро крутил диск спиннинга, сам все дальше медленно уходя в зазелененную ряской воду, приговаривая: «Только б леса не лопнула».

Толстая леса была натянута над водой как струна. Приятель, не зная чем помочь, опустив свой спиннинг, тоже, как и Зимин, следил за ходом поединка.

Юный рыбак, блесну спиннинга которого заглотила крупная хищница, остановился, осторожно-осторожно попятился к берегу, не забывая при этом мотать к себе лесу.

– Палку найди. Появится из воды, огреешь ее, – скомандовал приятелю.

Тот живо бросил свой спиннинг вбок, на осоку, припустил к берегу исполнять приказание. Тут лишь заметив Зимина, скользнул по его лицу безразличным взглядом и заметался по берегу в поисках палки. Зимин огляделся, ничего подходящего, чем можно бы оглушить рыбину, не было поблизости. А крупнющая щука, уже вытащенная наполовину из мелководья, билась, трепыхалась всем телом в мутно-зеленой воде.

И взбурленная кипящая вокруг щуки вода, и крупная ее голова с раскрытой пастью, и резкие судорожные извивы все выглядело устрашающим. Вихрастого мальчишку, похоже, волновало одно: как бы не ушла добыча. Умело, несуетно он вел щуку к берегу.

С невольным азартом наблюдая, ожидая, чем же закончится поединок, Зимин позавидовал юным рыбакам. Не урони по пьянке в церковный колодец револьвера охранник Холмогоров и не задержи тем самым Нетесова в городе, не пришлось бы сейчас быть сторонним наблюдателем, сам бы ловил. Хотя и поисков золота в таком случае тоже не было бы...

Второй юный рыбак появился с увесистой палкой, когда особая необходимость в ней уже отпала: крупная матерая щука, вся грязная, в иле и в зелени, была вытащена на берег подальше от воды, и хотя еще крепко билась, уйти уже не могла. Могла лишь поломать спиннинг. Рыжий, с ног до головы грязно-зеленый, как и добыча, взял из рук друга палку, ударил рыбину по голове. Для верности – другой раз. Лишь после этого обратил внимание на постороннего мужчину рядом.

– Молодец! – сказал Зимин.

– Молодец, – серьезно согласился с похвалой в свой адрес рыжий.

– Хорошо ловится? – спросил Зимин.

Мальчишка в ответ только хмыкнул: дескать, не без глаз, видно же.

– А вы сюда посмотреть, где клад беляки прятали? – спросил в свою очередь.

– Почему так решил?

– А больше зачем здесь чужим, приедем, бывать? – резонно заметил рыжий.

– Ну... Мало ли, – неопределенно буркнул Зимин. Ему стыдно было признаться, что причина его нахождения здесь разгадана, что он действительно, как ребенок, наслушавший-

ся, начитавшийся о кладе, который ищут, найти не могут семь десятилетий, тоже, если не приобщился пока к его поискам, то уж любопытствует – точно.

– Да ладно дядя, что уж вы, – покровительственным тоном, как бы прощая ему эту его слабость, сказал юный удачливый рыбак: с кем, дескать, не бывает.

Сознаваться не хотелось, но глупо было и отнекиваться.

– Где-то на вершине дерево сухое стояло? – спросил Зимин.

– Шаман-дерево? Карга? – Рыжий посмотрел в сторону, противоположную той, откуда пришел Зимин. – Позапрошлым летом шаман-дерево упало. А вам про колчаковский клад, что он здесь был, кто рассказал?

– Пасечник. Засекин.

– Дядя Вася?

– Да.

– Он знает. И про то, что клад тут полгода, с зимы до лета лежал, знает. А вот дальше, куда его девали, не знает.

– А ты знаешь?

– Конечно. Беяки летом за кладом пришли впятером. Один из них себя за красного командира выдавал. Тут раньше, где мы стоим, озеро большущее было, а еще раньше – рукав речки Чай. Если про клад знаете, это тоже знаете.

– Знаю.

– Ну вот. Они золото достали со дна, на лошадях до Чаи довели, а там на лодки перегрузили. До Усть-Тойловкн доплыли, там часть закопали. Потом дальше по Чае поплыли. Около Светловодовки зарыли вторую часть, а потом еще возле займки Пустошной. Это уже не на берегу Чаи, а в протоке. Когда их вспугнули.

– Кто вспугнул?

– Ну, просто сено люди косили, окликнули их с берега, и они в протоку уплыли...

– А дальше?

– А дальше главарь всех, с кем золото перепрятывал, поубивал. А потом и его шлепнули самого. Наши его взяли, а он попытался бежать, ну, его и шлепнули.

Юный рыбак умолк.

– Тебя как зовут? – спросил Зимин.

– Виталик...

– А меня – Серегой, – назвался приятель, хотя Зимин и не спрашивал у него имя.

После этого Зимину неудобно было продолжать разговор, не сказав своего имени-отчества:

– Андрей Андреевич... Откуда же тогда известно, Виталик, где золото прятали? Клад-то до сих нор не найден.

– От деда. – Рыжий глянул на шуку, как она вяло трепыхнулась, добавил: – Вообще-то он мне прадед, но я его дедом зову.

– А дед твой – кто?

– Железнодорожник. Его в Пихтовом все знают. Еще на «овечках» машинистом ездил, потом на «фэдэшках» перед самой пенсией. Сейчас старый совсем.

– А дед откуда знает?

– А ему, то есть, тогда еще не ему, а отцу его, про золотой клад рассказывал человек, который сам этот клад перепрятывал и закапывал.

– Вот как даже.

– Да. Дедов отец мост охранял. Солдат, весь израненный, к нему приполз, все рассказал. Отсюда и известно.

– С дедом твоим можно увидеться, Виталик? – спросил Зимин.

– Чего ж нельзя. Можно.

– Тогда скажи имя его, как найти.

– На Втором кабинете, у старого аэродрома живем. Спросите Ивана Афанасьевича Веревкина.

– Может, вместе поедем? – предложил Зимин.

– А вы на машине?

– На мотоцикле. С коляской.

Мальчишки переглянулись: принять, что ли, предложение?

– Поедмте, – решительно сказал рыжий, правнук машиниста паровоза.

Скоро все трое выбирались уже из теснины пересыхающего озера наверх, туда, где Зимин оставил мотоцикл.

Веревкин был ненамного моложе знаменитого ветерана Гражданской, чоновских и продразверстовских отрядов, и тоже, как и Мусатов, сохранился куда с добром. Был бодр, энергичен, подвижен, свеж лицом.

Он какой-то особенной, детской радостью обрадовался Зимину, тому, что интересуются золотым кладом. Не спросив даже, зачем ему все это, кто он и откуда, ухватил Зиминого за рукав куртки, повел в избу.

– Вот я сколько говорил, писал про клад этот – никому дела нет. Прежние поковырялись чуть, не нашли ничего и бросили. Не то место им. Будто клад по первому стуку лопаты открыться должен. Молодые вообще считают, из ума старик выжил. А? – поглядел на Зимина.

– Ну что вы, Иван Афанасьевич, – очень серьезно, с укоризной в голосе, дескать, зачем же так, сказал Зимин.

– Вот, – старик встал на табурет, достал со шкафа скрученную в рулон плотную бумагу, – лоцманская карта с туэрного парохода «Труженик» Знаешь что такое «туэрный»?

– Грузовой? – попытался угадать Зимин.

– Буксирный. По Чае перед первой германской суда ходили. И «Труженик» по ней плывал. Карта по отрезкам реки в книжечку сшита была. Я, чтоб Чая сплошняком гляделась, расшил листы, склеил.

Старый машинист раскатал бумажный рулон по столу, положил на края карты книжки.

Чая на карте предстала взгляду Зимина голубой, плавно извивающейся линией в палец толщиной. Глаза в секунду выловили на карте знакомые названия «Сопочная Карга», «Светловодка», «Усть-Тойловка», «Заимка Пустотная»...

Лоцманская карта была отпечатана в губернской типографии в конце прошлого века. Ничего, кроме того, что могло пригодиться команде «Труженика» в плавании по Чае, на карту не было нанесено. Впадающие в Чаю мелкие речки, два острова – Ущерб и Смородина, – протоки (рукав, где находилось становище Сопочная Карга, тоже был обозначен как судоходный), береговые села-пристани, опасности в фарватере, – вот и все, что было оттиснуто в типографии двумя красками: голубой и черной. Остальное – никак не характеризующее судоходство на Чае, – находящиеся далеко от берега домики, остяцкие юрты, балаганы охотников, болота, косогоры, лесочки, тропки с поясняющими названиями что есть что, вроде «Спиридоновские болота», «Ураганная гарь», «Сожженный лесок» и даже «Временная летняя дача действительного статского советника Меженинова», «Могила иеромонаха Романа», – все аккуратно от руки, одной рукой, нанесено на карту в более позднее время.

От становища Сопочная Карга напрямую к берегу Чаи через обозначенные косогоры тянулась тропа. В конце этой тропы, у береговой линии – два вытянутых ромбика. Около Усть-Тойловки, Светловодки и у заимки Пустотной виднелись

обведенные кружочками крестики. После рассказа правнука старого машиниста паровоза для Зимина не представляло труда понять, что за пометки на карте. От Карги возили на лошадях к берегу, укладывали в лодки золото. Крестики, обведенные кружочками, – места, куда его доставили, где закопали.

– Вот тут, тут и тут клад частями зарыт, – бойко ткнул указательным пальцем в крестики правнук машиниста Веревкина.

– Виталий говорил мне про клад, – сказал Зимин. – Про то, что ваш отец охранял мост на железной дороге, и к нему в домик пришел раненый солдат. Было?

– Было.

– Расскажите.

– А что рассказывать-то. От Витальки поди уж все известно.

– Он говорил, – посмотрел на мальчика Зимин, – Что ящики, где золото, от Карги перевезли на берег Чаи, дальше поплыли на лодках и в трех местах закопали клад.

– Ну, так и есть. Что еще?

– Солдат тот, если действительно своими руками закапывал ящики, должен был помнить точное место.

– Он и помнил, а как же. Где, на какую глубину закапывали, сколько куда шагов нужно сделать, чтоб встать на месте клада. Все отцу рассказал.

– И все это зная, по горячим следам не сумели найти? – с сомнением спросил Зимин.

– По каким таким горячим, – махнул рукой старый железнодорожник. – В пятидесятых годах, в конце, только лишь и принялись искать.

– Что так поздно?

– А вот так. Времена-то какие были. Отец собрался было в чека докладывать, мать отговорила: не лезь. Не найдут вдруг, скажут, прикарманил. Найдут – еще хуже. Не поверят, что нет еще одного, утаенного местечка, что себе совсем ничего не оставил на черный день.

– А сам ваш отец не пытался хотя бы убедиться, что действительно владеет большой тайной, что клады есть?

– Ну как же это нет. Ему это всю жизнь было как заноза невытащенная. Ездил сколько раз на те места.

– Копал?

– Представь себе, ни единожды не ковырнул даже лопатой. В первый раз на Усть-Тойловку приехал, там прежде остяцкое

селение было. Остяки допреждь на все лето в тайги дальние кочевали, аж на Улу-Юл, а тут им велели оставаться. Приучали к оседлой жизни, значит... В Светловоловку приплыл в другой раз, брошенная еще до революции деревня, – там, рядом, на соседнем берегу спецпоселенцы, комендатура... И в Пустотной. Годами на заимке, после гибели хозяина, никто не объявлялся – и нате вам, артель старательская обосновалась. А ему на Чаю путь не ближний впоследствии стал, его работать в Боготол перевели... В «оттепель», при Хрущеве, значит, отец заявление сделал в органы. Ну, покопали, покопали, не нашли ничего и сказали отцу, что он лишку о кладах читал, вредно. Так ему и сказали.

– А позднее? Искали?

– Да уж не по одному разу в каждом месте.

– Может быть, рельеф местности изменился? Берег рушился, передвинулся? Или солдат не точно места назвал?

– Солдату какой прок врать было, – возразил старый железнодорожник. – А берег, ты верно говоришь, подвинулся. Однако другие ориентиры-знаки имеются.

– Но клада нет. Ни одного из трех, – сказал Зимин.

– Они на то и клады, чтобы не сразу даваться, – с вкрадчивостью в голос произнес Вережкин. – Верно, Виталька, Сережка? – Не дождавшись от мальчишек подтверждения своим словам, сам и ответил: – Верно.

– Значит, вы верите, что золото во всех этих трех местах, – Зимин положил ладонь на лоцманскую карту, – по-прежнему в целостности лежит?

– Лежит, – твердо, с убежденностью ответил старик Вережкин. – Как миленькое. Час не приспел открыться.

– А вот эти обозначения какое отношение имеют к золоту? – Зимин показал на карте отметки «Временная летняя дача» и «Могила иеромонаха».

– Это солдат, Расторгуев его фамилия, от заимки Пустотной до моста так шел, путь его... Ты, Виталька, рассказывал, что на заимке Пустотной произошло? – Старик посмотрел на правнука.

– Неа, – послышалось в ответ.

– Неа, все тебе неа, – передразнил правнука Вережкин. – Самое главное и произошло. Заложили они последний клад. Старший отряда велел всем садиться в одну лодку, поплывут обратно. Когда выполнили приказ, сели, он одну за одной с берега две гранаты на корму и в нос кинул. Расторгуева

взрывной волной из лодки выбросило, потому и спасся один из всех, дошел до моста.

– Прилично шел, – поглядел еще раз на карту Зимин.

– Долго...

– А потом, после встречи с вашим отцом, что с тем солдатом стало?

– Убили его.

– Убили?

– Наповал. Он вечером пришел, а утром его уже убили. Отец рассказывал, он весь от страха трясся, умолял спрятать его. Говорил, Тютрюмов знает, что он жив и будет искать сколько угодно, пока не сыщет и не добьет.

– Тютрюмов? – переспросил Зимин.

– Ну да, – подтвердил старый железнодорожник. – Был здесь после ухода Колчака командиром отряда чоновцев. Теперь о нем в Пихтовой, кроме меня, разве что Егорка Мусатов помнит... Слышал о Мусатове?

– Слышал...

– Так вот, солдат боялся, что Тютрюмов по пятам за ним идет, отец обещал его спрятать так – ни одна живая душа не найдет, хоть обыщись. Расторгуев успокоился, уснул. А утром все равно ушел. Тайком. Мертвым с новой раной отец его в черемушнике обнаружил. На полкилометра не успел от моста уйти...

– Тютрюмов его?

– Кто ж знает. Наверное, Тютрюмов... Вот так с золотом связываться, – подытожил старик.

– Дед, ты забыл про сменщика еще, – напомнил правнук.

– Верно, – закивал Вережкин-старший. – Утром отец сменился. Сменщик его чуть пораньше пришел. Только отец от моста отдалился, слышит: бабах! Бегом вернулся. Мертвый сменщик у будки лежит на рельсах и никого около. Тишина.

– В последний раз давно копали в Светловоловке, в Усть-Тойловке?..

– Четыре года назад. Я знаешь что еще про себя кумекаю, почему неудачи все: копать глубже нужно. Ящики и земле лет за десять сгнили, а золото вниз ушло. За семьдесят-то с лишним лет, может быть, метров и на пять. А то еще и вбок сместилось, кроме того, что вниз погрузилось.

– А Тютрюмов не мог кладу перепрятать?

– Не, что ты. Это летом было, в самом конце. А в сентябре Тютрюмова убили.

– Кто?

– Не знаю. Но с почестями его хоронили. Как героя. Значит, белые. Или пушилинская банда.

– М-да. Любопытно. Можно, я к вам еще загляну?

– Заглядывай.

Оперативная группа во главе с Нетесовым, скорее всего, вернется не раньше завтрашнего дня. Это Зимин узнал от сержанта Коломникова, заглянув в горотдел милиции. Зато он, Коломников, будет свободен через три часа, и они могут хоть на целые сутки отправиться, куда Андрей Андреевич пожелает.

– В Усть-Тойловку или Светловодку можно? – незамедлил воспользоваться предложением Зимин.

– Сложно туда. Надувная лодка нужна, двухместная... – Коломников по-мальчишьи поморщил лоб, очевидно, вспоминая, у кого такую можно взять, вдруг встрепенулся: – А вы случайно не у Веревкина были?

– Был.

– Я так и подумал.

– Почему?

Сержант вместо ответа предложил:

– Хотите повстречаться с одним человеком? Лестнегов Константин Алексеевич. Он тоже колчаковским золотом интересуется.

– Конечно.

– Прямо сейчас?

– А он дома?

– Он постоянно дома. В автомобильную катастрофу попал прошлым летом, ноги отнялись. Кирпичный домик наискосок от церкви. Не той, разрушенной, а действующей. Ильинской. Запомните?

Зимин кивнул.

– Тогда я дедежурю, подойду. Договорились?

– Коломников, со мной поедешь в Таловую. – В дверях возник незнакомый рослый капитан. Задержав на Зимине взгляд, капитан не спросил, почему в дежурной части посторонние, исчез.

– Вы, молодой человек, ломитесь в открытую дверь. Неужели вы думаете, до вашего появления никто и никогда не предпринимал попыток отыскать следы клада? Кому-кому, а

вам неизвинительно начинать вот так. Ни у кого толком ничего не спросив, не попытавшись даже разузнать, какая была проделана работа до вас...

Зимин сидел в просторной прохладной гостиной в доме Лестнегова за столом, слушал хозяина, седовласого мужчину лет шестидесяти пяти, полупарализованного, передвигающегося по гостиной в кресле-каталке.

Подъехав к столу, Лестнегов остановил каталку. Крепкие сухие пальцы обхватили колеса.

– Особенно с этим Веревкиным неизвинительно. Кто вас только свел с ним.

Зимин молчал. Покосился на телефон на полке книжного шкафа: кажется, сержант Коломников успел перед выездом в Таловую не просто предупредить хозяина, чтоб ждал гостя.

– Не перестаю удивляться этому Веревкину, как это ему в голову взбрели такие фантазии. И хоть бы людям головы не морочил. Зазывает, понараскажет так, что кто поазартнее, доверчивее, за лопаты хватаются. Лет пятнадцать назад вдруг ни с того ни с сего заявил, что знает, где клад, на том и стоит.

– Разве не отец его первым сделал заявление о том, что ему известно местонахождение золота? – спросил Зимин, проглотив слова насчет азартных и доверчивых. Хозяин еще смягчил: не касайся Зимина, прозвучало бы: Доверчивых простаков.

– Шутите, – прозвучало в ответ. – Я хорошо знал Афанасия Демьяновича. Тайн он не имел, заявлений о кладах не делал.

– И мост через реку Сочур не охранял?

– Охранял, – кивнул Лестнегов. – Но что с того? Никакие раненые к нему не приползали, никого там не убивали. Мы, краеведы здешние, всё перепроверяли, потом пытались вызвать Ивана Афанасьевича на откровенный разговор, зачем это ему надо, создавать легенды о кладах? Убеждали, что от Сопочной Карги до Чаи напрямую через косогоры на обычных лошадях не пройти, тем более с грузом, вьючные, монгольские нужны, что Тютрюмов четвертого или пятого сентября двадцатого года никак не мог метать гранаты на заимке Пустотной, потому, что был к этому времени убит...

– А Веревкин говорит, что на Пустошной события происходили в конце лета, – вставил Зимин.

– Это он сейчас говорит, когда его поправили. А прежде и начало августа называл, и конец июля.

– Так все-таки Тютрюмов убит? Не расстрелян?

Лестнегов жестом попросил не перебивать.

– Убеждали, наконец, что по Чае плыть и причаливать к берегу на стыке лета и осени двадцатого, что-то прятать было невозможно. Выполнялся приказ собрать все брошенное на полях, на берегах рек, в лесах оружие, похоронить всех погибших при отступлении колчаковцев, всех мертвых, словом, и на Чае было как никогда многолюдно. Массу других доводов приводили. Бесполезно.

– Копать, где по его словам золото, предлагали тоже, наверно?

– Предлагали. Когда он отказался, копали сами. Представьте себе, в Беловодовке наткнулись на золотой клад. Мелкие самородки, самый крупный тридцать два – тридцать три ли грамма, царские империялы и червонцы, золотой лом. Три килограмма в общей сложности. К колчаковскому это золото не имело отношения. Это в тридцатых годах приемщик Верхитатского торгсина инсценировал налет на торгсин, краденое на родине спрятал. Совершенно случайная, словом, находка.

– Веревкин, наверно, так не скачал, – заметил Зимин.

– Он не знает. Не сообщали ему. – Лестнегов немного помолчал. – Да, вы о Тютрюмове спрашивали. Его застрелили при попытке к бегству.

– Хм. – Зимин посмотрел на хозяина дома. – Веревкин говорит, его хоронили с почестями.

– Да, так оно и есть. Единственное, пожалуй, точное из всего, что он говорит. Я точно не знаю, почему так вышло. Но, думаю, не ошибаюсь: о последнем «подвиге» Тютрюмова знали единицы, слава командира частей особого назначения у него была громкая, и кто-то, видно, порешал, в губернии или повыше, и заключение вынес: чем объявлять лихого рубаку-мертвеца подлецом и изменником, лучше сделать его героем борьбы за установление Советской власти в Сибири. Улица его имени была. Правда, недолго. После глухая тишина вокруг его имени образовалась. Но напрочь имя никак нельзя было стереть, поскольку оно с найденным адмиральским кладом переплелось. Нам под расписку о неразглашении в начале шестидесятых, в шестьдесят втором году, разрешили в горькоме ознакомиться с некоторыми документами, касающи-

мися исчезнувшего в районе Пихтовой клада. Так сказать, оказали высокое доверие. В расчете на нашу помощь в поисках золота. Я некоторые страницы украдкой, грешен, выписал, сохранил. Сейчас покажу.

Лестнегов чуть подался в кресле набок, опустил руку вниз; портфель с медными сломанными застежками лег на стол.

– Вот здесь, – сказал, постучав пальцем по портфелю, – хранится все, относящееся к кладу. А вот – те самые выписки, – извлек и подал Зимину тоненькую картонную папку, на которой было написано:

«Допрос Степана Тютрюмова, бывшего командира частей особого назначения (Пихтовский уезд).

Допрос проведен в г. Пихтовом 2 сентября 1920 года».

– Читайте, – коляска неслышно плавно откатилась от стола.

– Подождите, Тютрюмова с почестями где похоронили? – прежде чем воспользоваться приглашением, приняться за чтение спросил Зимин.

– На той станции, где был застрелен.

– Все верно.

– Что верно?

– То, что герой-то герой, но рядом с Прожогиным ему места не было. Однако торжественные похороны Тютрюмова означали для людей, что красный прославленный командир не убивал все-таки секретаря укома. Но тогда, готов спорить, убийцей Прожогина был объявлен Взоров? – Зимин посмотрел вопросительно на хозяина дома.

– Вы больше, чем я думал, сумели разузнать, не ожидал, – похвалил Лестнегов. – Вообще-то назван был безымянный белый офицер. Но подразумевался, конечно, Взоров.

– Достойная честного человека слава, – грустно усмехнулся Зимин.

– Не позавидуешь, – согласился Лестнегов. Во второй раз предложил: – Читайте.

На листе под обложкой в правом верхнем углу стояло:

При допросе гр-на Тютрюмова присутствовали следующие товарищи:

Малышев В. К. (Представитель Сибревкома), Бердинских А. С. (Ст. следователь Новониколаевской Чрезв. Комиссии), Дорофеев С. И. (Начальник Пихтовской уездной Ч. К.)

Бердинских: В ночь с 22 на 23 августа вы исчезли из Пихтового. Объясните комиссии – куда, и что этому предшествовало?

Тютрюмов: Я не исчез. Отбыл с поездом в Новониколаевск с докладом.

Бердинских: А по пути, в поезде, на вас было совершено нападение...

Тютрюмов: Да.

Малышев: Это вы уже говорили. Не будем повторяться. Вечером 22-го вы велели подготовить трех лошадей для поездки. Куда и кем?

Тютрюмов: Я приготовил коней по просьбе товарища Прожогина, сам же выехал в Новониколаевск.

Малышев: Как он объяснил, зачем ему верховые лошади?

Тютрюмов: Он ничего не объяснил. Сказал, что ему нужно, что вернет коней до полудня. Больше разговора у нас на эту тему не было.

Малышев: Вы состояли в дружеских отношениях?

Тютрюмов: Нет. Просто в хороших.

Бердинских: Как часто вы виделись с Прожогиним?

Тютрюмов: Ежедневно. Разумеется, когда я или он не бывали в отлучке.

Бердинских: В какое время дня встречались 22-го?

Тютрюмов: Вечером. Поздно вечером.

Малышев: Он вызывал вас, или вы пришли по личной инициативе?

Тютрюмов: Какое это имеет значение.

Бердинских: Отвечайте на вопрос.

Тютрюмов: По личной.

Малышев: О чем шел разговор?

Тютрюмов: Он спрашивал о положении с бандитизмом в районе. Особенно интересовался бандой Пушилина-младшего.

Бердинских: Он был один?

Тютрюмов: Да, один.

Бердинских: Никто не заходил к Прожогину во время вашей разговора?

Тютрюмов: Никто.

Бердинских: Вам что-нибудь говорит фамилия Взоров?

Тютрюмов: Нет. Совсем ничего.

Бердинских: Подумайте еще.

Тютрюмов: Я подумал. Ничего.

Бердинских: Вы были на становище Сопочная Карга?

Тютрюмов: Несколько раз.

Бердинских: Меня интересует день 23-е августа.

Тютрюмов: Нет. Я объяснял уже, что выехал поездом...

Бердинских: При аресте у вас был отобран револьвер системы «смит-вессон». Пули, которыми были убиты Прожогин и Взоров, выстрелены из вашего револьвера. Так показала экспертиза.

Тютрюмов: Этого не может быть. Какая-то ошибка.

Бердинских: Ошибки нет.

Тютрюмов: Мне тогда нечего сказать.

Бердинских: 23-го же августа убиты милиционер Маркушин и телефонистка Ольга Камышова, взломан сейф и кабинете Прожогина. Вам не кажется, что между событиями в Пихтовой и на Карге есть связь?

Тютрюмов: Почему мне должно казаться?

Мальшев: Странно, что вы даже не поинтересовались, кто такой Взоров.

Тютрюмов: Что странного. Ждал, что мне объяснят.

Мальшев: А может, потому что известно лучше, чем членам следственной комиссии?

Тютрюмов: Чепуха.

Бердинских: Чепуха – все, что вы здесь несете. На Карге вы убили Прожогина и белогвардейского офицера Взорова, потом появились в Пихтовой. Заметать следы. Но уже когда было поздно.

Тютрюмов: Мне было незачем, как вы выражаетесь, замечать следы. Ничего такого не делал, чтобы следы нужно прятать.

Бердинских: Делали! И хватит играть в кошки-мышки. Вечером 22-го, перед своей гибелью, Прожогин позвал вас срочно прийти к нему для разговора о золоте. Речь шла о невероятно большом количестве золота.

Тютрюмов: Ну, это уж совсем бред.

Мальшев: Вот письменные показания мужа Ольги Камышовой. Она слышала разговор ваш с Прожогиним и пересказала мужу. А вот – протокол допроса старшего милиционера Шестерова. Афанасий Маркушин похвастался ему, что изловил и свел к самому секретарю укома важную птицу-белогвардейца. Читайте, читайте, Тютрюмов. Говорите, если можете, в свою защиту.

Бердинских: Но помните: это еще не главное против вас.

Малышев: Сказать, зачем вы рвались в сейф? За записями разговора между Прожоговым и Взоровым. Уверен, вы их там нашли. Просчитались в малом: важные бумаги чаще всего пишутся с черновиками.

Бердинских: Честно признаюсь: нам бы куда труднее было понять, во имя чего все наворочено, если бы не клочки бумаги в корзинке. Взгляните.

Тютрюмов: Не буду. Все это напраслина.

Бердинских: Напраслина?

Тютрюмов: Да!

Малышев: Но это же чистое безумие, Тютрюмов, – огульно все отрицать. Перехвачено ваше письмо к сестре, где вы ей обещаете скорую богатую жизнь. На Карге в песке найдены монеты, на трех из них отпечатки ваших пальцев. Вина очевидна. Требуется только, чтобы вы показали, где спрятали золото.

Тютрюмов: Могу повторить одно: ни о каком золоте не знаю.

Малышев: Ну, Тютрюмов, это уж, знаете, идиотизм.

Бердинских: Ладно, гражданин Тютрюмов, не думаю, что в одиночку за одиннадцать дней вы куда-то далеко перепрятали такой большой груз. Три лошади – тоже не иголка. Найдем без ваших признаний. Вот только после этого на пощаду не рассчитывайте.

Тютрюмов: А не надо пугать. Я пуганый. Золота им захотелось.

Бердинских: Что-что? Как понимать ваши последние слова?

Тютрюмов: А как душе угодно.

Бердинских: Ладно. Завтра вас доставят в Новониколаевск, продолжим там...

– Это самое основное из протокола допроса в Пихтовом бывшего командира частей особого назначения, – сказал Лестнегов, заметив, что Зимин закончил читать.

– А что было дальше? Известно, что дали допросы в Новониколаевске? – спросил Зимин.

– Допросов больше не было, – ответил Лестнегов. – По пути в Новониколаевск Тютрюмов был убит, я уже говорил, при попытке к бегству. Третьего сентября. Его охраняли так, что бежать практически было невозможно. Он пошел напролом.

Рассчитывал, скорее всего, что стрелять ни в коем случае не будут.

– То есть будут беречь, как хранителя тайны захоронения адмиральского золота, – сказал Зимин.

– Да, – согласно кивнул собеседник.

– Ну, и что было членам следственной комиссии? – спросил Зимин.

– Ничего ровным счетом. Все пошли на повышение. Малышева, а он стрелял в Тютрюмова, как я знаю, вскоре перевели в Москву. Дожил до пенсии.

– Это точно?

– Абсолютно, – кивнул Лестнегов. – Пенсионер союзного значения.

– Тогда я думаю, – после долгой паузы сказал Зимин, – давным-давно никакой тайны нет. И самого Пихтовского, тютрюмовского или адмиральского, как хотите назовем, клада нет.

– Странный вывод, – с удивлением сказал Лестнегов. – И почему вдруг так?

– А потому, что никто из членов следственной комиссии, допустивших смерть Тютрюмова, не пострадал. Хотя по логике они могли получить за это лишь весь набор крупных неприятностей. Для представителя Сибревкома Малышева стрельба на поражение в единственного хранителя тайны громадного золотого клада – достояние молодой Советской республики – это вообще смертный приговор самому себе. У него бы с кишками выдавливали, не в двадцатом, так в тридцать седьмом: где золото, зачем стрелял? Но ведь говорите, не пострадал?

– Нет.

– А из этого следует, что какие-то секреты, не занесенные в протокол, раскрыл все-таки следственной комиссии Степан Тютрюмов, и еще осенью двадцатого, ну, может, в двадцать первом, золото тайно выкопали, увезли, и все семьдесят лет клад под Пихтовой есть не более чем призрак. Золотой мираж. И поисковые работы все эти годы разворачивались вокруг призрака.

– Интересно. Я об этом вот так никогда не думал, – сказал Лестнегов. – Но вы ошибаетесь.

– Возможно.

– Ошибаетесь. Я думал, что со смертью Тютрюмова превратились все ведущие к кладу ними. И многие годы, десятиле-

тия лучше сказать, считалось так. Пока не произошли два случая.

Лестнегов спрятал листки протокола допроса сначала в папку, а потом в портфель.

– Произошли два случая, – продолжил. – Первый – в шестьдесят девятом году. Летом. Подвыпивший парень, приезжий, в нашем привокзальном ресторанчике вдруг начал угощать всех направо и налево. Официантка засомневалась, хватит ли у него денег расплатиться. Он бросил на стол толстую пачку сотенных, сказал, что хватит и еще останется, если даже поить всю ночь весь ресторан, а вечером завтра он сможет залить вином хоть целую эту дыру Пихтовое, и не за цветные бумажки, а за золото самого адмирала Колчака... Такое вот пьяное высказывание, которому официантка не придала никакого значения. А на другой день обнаружили его убитым. В двенадцати километрах от Пихтового. Без денег, без чемоданчика, который был у него... Того, кто зарезал, нашли быстро. При нем были сторублевые купюры, с номерами, что и в пачке, из которой накануне расплачивался убитый, и – самое главное – свежераспиленный золотой слиток дореволюционной маркировки. Убийцу нашла милиция; сообщили в госбезопасность. Те распорядились до своего приезда не допрашивать. Пока ждали, он попытался бежать. Прыгнул на проходивший поезд – и сорвался, угодил под колеса. Как раз напротив железнодорожной церкви. И все – тишина. Ни – кто, откуда родом убийца, позарился ли на деньги в ресторане или же шел по пятам издалека, где вторая половина бруска и зачем его распилили, где чемоданчик убитого – все осталось тайной, как ни бились над разгадкой. Но самым неожиданным для меня было – личность убитого. Племянник, или точнее сказать, внучатый племянник Виктора Константиновича Малышева.

– Того самого Малышева? Из двадцатого года? – спросил Зимин.

– Да, того самого. Члена следственной комиссии, представителя Сибревкома. Его к тому времени несколько лет уже не было в живых.

– Серьезная заявка, что клад в двадцатых годах не увезли, – сказал Зимин. – А второй случай?

– Второй? – Лестнегов несколько раз сжал-разжал пальцы, обхватывавшие колеса кресла-каталки. – Второй более свежий. И не такой кровавый, что ли. Четыре года назад в город-

скую прокуратуру обратился пожилой мужчина. С заявлением о том, что от отца, который воевал здесь, в Сибири, в Гражданскую, ему известно о кладе. Он даже знает, где этот клад находится, у него имеются примерные ориентиры, и если ему помочь хоть самую малость, он берется отыскать золотое захоронение. Самодельную карту местности приложил. В прокуратуре парни – всё молодежь. Наслышаны, что время от времени навещают в наши края кладоискатели с «железными» координатами, а карт за все эти годы нарисовано столько, что если переплести, многотомник получится. Это раньше бы серьезно отнеслись. В сталинские времена вообще мигом бы в госбезопасность переправили. А тут парни посмотрели на посетителя, спросили: «Тебе, дед, лопату выделить, чтобы копать, или как?». Словом, посмеялись над ним, и он ушел...

Мы узнали об этом визите в прокуратуру через полтора-два месяца. Взглянули на фамилию в гостиничной книге: Британс! Андрей Раймондович Британс. А Британс Раймонд – это же заместитель самого Тютрюмова! Стали искать, где Британс копал, и обнаружили в одном месте скелеты трех лошадей. Кстати, и убитый родственник Малышева устремлялся в том же примерно русле. У Тютрюмова было три лошади, на которых он мог увезти клад с Сопочной Карги. Немедленно написали ему письмо. Не стали ждать, пока дойдет, поехали к нему в Псков. Я сам поехал. Андрей Британс умер. За пять дней до моего прилета... Сын его рассказывал, дескать, отец последние годы заговариваться начал, о каком-то кладе весом в полтонны золота и платины твердил, рисовал планы лесистых местностей, трубы чугунные, в какие, якобы, в старину вставляли могильные кресты... Папки какие-то завел, сургучом их опечатывал, писал на них «Секретно», «Строго секретно». После поездки все папки сжег, жалел об этом, опять чертил и сжигал. Как я понял, сын считал отца больным человеком. Сына понять можно. Отец целую жизнь молчал, и вдруг ни с того ни с сего на старости заговорил...

Лестнегов умолк. Он расположен был говорить о колчаковском кладе времен Гражданской еще и еще, но не обо всем, что ему известно, а целенаправленно, в интересах собеседника.

– На Британсе, заместителе командира ЧОНа, как отразилась вся история с его командиром? – спросил Зимин.

– Никак. Он остался вне подозрений. Принял командование отрядом, служил в РККА, В тридцатых годах его репрессировали. Но не по этому делу пострадал. Из латышей вообще редко кто уцелел. Вы лучше моего знаете.

– Значит, как я понял, вы сделали вывод о том, что заместитель Тютрюмова знал о месторасположении клада лишь потому, что сын его откопал скелеты трех лошадей? – спросил Зимин.

– Этого мало? – быстро отреагировал Лестнегов.

– Не знаю, – уклончиво ответил Зимин. – Разве не могло быть случайности с конями? Целые конные армии проходили здесь тайгой. Гибли не только люди. И кони гибли, и их тоже закапывали.

– Это так, – согласно кивнул Лестнегов. – Но вот представьте. Впервые приезжает человек в совершенно незнакомое место, делает одну-единственную раскопку – на большее у него нет сил – и сразу результат. Прибавьте к этому, что он сын человека, ближе всех стоявшего к непосредственно запрятавшему золото, – к Тютрюмову.

– Здесь, конечно, трудно возражать. Но если Британс-старший был в сговоре с Тютрюмовым, знал, где зарыт клад, почему он сам в двадцатых, в тридцатых годах не приехал?

– Мало ли. Он был военным. Легко военному направиться, куда вздумается? Да и в конце двадцатых, в тридцатых здесь сплошь лагерь стояли.

– Да, я был в одном таком, – вспомнив поездку с конюхом Засекиным на пасеку, сказал Зимин: – «Свободным» называется.

– Видите, а удивляетесь, почему не приехал Британс.

Некоторое время длилось молчание. Мысли, занимавшие с утра Зимины, снова пришли на ум.

– А что, Константин Алексеевич, когда допрашивали Тютрюмова, Пушилины оба живы были? – спросил он.

– Сразу не соображу. Пушин-старший, Игнатий, был убит в Урочище каменных идолов. А когда точно, сейчас взглянем, если угодно.

Лестнегов порылся в портфеле, достал цветную фотографию, на которой видны были на лесной поляне три каменных столба примерно одинаковой, в полтора человеческих роста, высоты. Лестнегов, еще довольно молодой, был снят на фоне этих столбов. Отстоящие на метр-полтора друг от друга, они совершенно естественно, как грибы, тянулись из земли. Когда

Сергей упоминал о каменных идолах в том месте, куда они собирались на рыбалку, Зимин думал, что идолы рукотворные, высеченные из камня и вкопанные в землю. Оказывается, столбы, издали напоминающие фигуры людей, – природные образования.

– Двадцать девятого августа погиб старший Пушилилин. По слухам, у крайнего справа истукана зарыт, – сказал хозяин дома. – Банда была приличная, штыков в триста пятьдесят. Ее не чоновцы, регулярные войска разбили. После этого боя не больше тридцати человек оставалось вместе с младшим Пушилиным, Степаном.

– Степан – это тот, который на озере штыком ранил старшего лейтенанта Взорова? – спросил Зимин не столько для того, чтобы показать свою осведомленность, сколько для проверки точности сведений о Пушилилиных.

– Именно тот. Он организовывал отвозку золота от эшелона и ранил Взорова, – подтвердил Лестнегов.

– Старший лейтенант во второй раз появился в Пихтовой спустя почти год, – продолжал Зимин. – Пушилины все это время находились поблизости от сокровищ, всегда имели к ним свободный доступ. Не верится, что не воспользовались такой возможностью. А из протокола допроса явствует, что члены следственной комиссии были уверены, что Тютрюмов единолично завладел всем, что было утоплено на становище.

– Очень интересная мысль, – подхватил Лестнегов, – очень интересная. Вам кажется, что клад с зимы, с ноября месяца девятнадцатого по август двадцатого разделился на две доли – тютрюмовскую и пушилинскую. Так?

– Так. И у Пушилилиных – главная часть могла осесть.

– Я тоже об этом много думал. И знаете к какому выводу пришел уже давно? Пушилилины могли бы целиком завладеть кладом. Однако они были твердо убеждены, что белые возвратятся, и с них, как с хранителей сокровищ, тогда строго спросится. Вас это убеждает?

– Могло быть такое, конечно... – не очень-то охотно согласился Зимин.

– Так и было! – твердо сказал Лестнегов. – И все-таки Пушилилин-младший не удержался от соблазна. Через два месяца после того как сбросили под лед ящики с золотым запасом, приехал на Сопочную Каргу, около трех пудов золота взял. Второй раз наведалься после гибели отца и фактического пре-

кращения существования банды. И не нашел ничего. Тютрюмов успел похозяйничать.

– Говорите так, будто присутствовали при этом.

– Не присутствовала ни одна живая душа, но это, пожалуй, достоверно.

– Что получается: не видел, но свидетельствую? – заметил Зимин.

– Подождите. Сначала послушайте, а уж после... В пятьдесят девятом, кажется, году мы в очередной раз вели поиски колчаковского клада в тайге вокруг Пихтовой. Самая значительная находка была на речке Малый Кужербак. У истоков нашли труп человека. Ну, какой труп, можете представить себе, если не меньше двух десятков лет пролежал на открытом воздухе. Скелетированный труп. При нем – часы на браслете, планшетка и револьвер. Все, конечно, проржавело, полуистлело. На внутренней стороне планшетки сохранилась надпись чернилами – фамилия владельца – «А. Тёмушкин». Позднее по часам и револьверу подтвердили, что так и есть: Анатолий Тёмушкин, начальник районного НКВД МО района. Он исчез еще в тридцать шестом, за пять лет до войны... Определили, что он был убит выстрелом в голову, да это и по дырке в черепе видно было. Ну, и еще в дупле лиственницы, около которой лежал Тёмушкин, нашли револьверный патрончик и кокарду царского образца. Мы обо всем этом говорили в сельце Летний Острог, в лесхозе. И был там дряхлый старичок, счетовод. Мурашов Ростислав Андреевич. Никогда бы не подумал, что судьба способна так укатать человека.

Счетовод этот лесхозовский после ко мне одному подошел и сказал, что, кажется, знает, кто убил Тёмушкина, может назвать, если я поклянусь, что тайну эту, пока он жив (он еще после этого лет пять-шесть прожил), я никому не раскрою.

Хотелось ему, подмывало его рассказать – и боялся. Страшно боялся. Я поклялся, и он назвал. Кто бы вы думаете был? – посмотрел на Зимина Лестнегов: – Гадайте, не угадаете – Степан Пушилин!

– Все тот же самый Пушилин? – с удивлением спросил Зимин.

– Тот же самый. Судьба свела его и Мурашова в одной тюрьме, в одной камере на несколько дней.

– После Гражданской?

– Много после. В тридцать шестом. Ночь напролет Мурашов мне рассказывал, и потом я к нему еще не раз приезжал.

Вот почему, хоть не присутствовал при действиях Пушилина, а знаю и о его причастности к кладу, и многонько о нем...

ПУШИЛИН (СТЕПАН)

...К утру «молотобойцы», два молодых крепыша с крестьянскими лицами, заканчивали свою работу, натягивали на потные тела гимнастерки, вздрагивающими от возбуждения и усталости руками наливали из графина в граненые стаканы воду, жадно пили, выплескивая остатки на лежащую на полу жертву, Степана Пушилина, и тогда же в каменном мешке подвала появлялся начальник районного НКВД Тёмушкин.

Сухопарый, лобастый, с кубарями лейтенанта в петлицах, затянутый ремнями портупей, он, набычась, смотрел в избитое, в кровоподтеках лицо Пушилина, цедил тихо:

– Вставай, сука...

Обессилевший от ударов и пинков в голову, в спину, в живот, в пах, Степан Пушилин начинал шевелиться, пытаясь подняться. «Молотобойцы», желая угодить начальнику, перед которым трепетали и с которым избегали встречаться глазами, живо ставили жертву на ноги.

– Все одно, падаль, я тебя заставлю говорить.

Лейтенант закуривал беломорину, щелчком откидывал горелую спичку в сторону Степана Пушилина.

– Расколешься, – убежденно-утвердительно говорил лейтенант и покидал пыточную.

Пушилин глядел ему вслед с внутренним облегчением. С уходом лейтенанта пытки прекращались, и впереди было по меньшей мере полсуток передышки.

Конвойные, доведя его до камеры, бросали в распахнутую дверь так, что казалось, это не он падает, а бетонный пол летит ему навстречу. Единственный сосед по камере, лет пятидесяти трех мужчина с бородкой клинышком наблюдал, как на четвереньках добирается до нар Пушилин, протягивал ему руку, помогая забраться на нары. Сокамерник Пушилина до Октябрьского переворота был адвокатом в Москве, позднее за чуждое происхождение выслан в Сибирь и перед арестом работал пимокатом в какой-то артелишке. Пушилин не интересовался, сосед рассказал о себе скупно в первый день знакомства и впредь не докучал разговорами. Пушилину после свиданий с лейтенантом и подручными было не до бесед.

Особенно сильно после нынешнего допроса ныла спина чуть выше, поясницы, и Пушилин некоторое время целиком

был поглощен мыслью: уж не отбили ли почки? Кажется, пока нет. Боль постепенно уходила. Он с трудом повернул голову к адвокату, спросил:

– Что значит «коалиция»?

– Как точнее сказать, – отозвался адвокат. – Союз, объединение для совместных действий.

– Что-то такое и думал...

– Значит, вам инкриминируют, то есть вменяют в вину, участие в какой-то коалиции?

– Коалиция двинцев, – с усилием выдохнул Степан Пушилин. – Главарь...

– Да. Это уже хуже. – Экс-адвокат встал со своих нар, прошелся по камере, сел на нары, скрестил руки на животе. – И для меня скверно.

– А тебе-то что? Тебя даже не бьют.

– Меня они, наверно, совсем не тронут. У меня большое сердце.

– Не смейся. Сердце его они берегут. Пожалел волк кобылу...

– Не спешите с выводами. Выслушайте. Заметили, эта камера особая?

– Чем это?

– В других таких же по двадцать-тридцать человек, а здесь – двое. До вас был мужчина. Тоже его крепко били. И требовали, чтобы сознался, что руководитель организации «Паспортисты».

– А ты?

– Руководитель координационного шпионского центра «Тропа связи», – невесело усмехнулся адвокат.

– Подписал уже?

– Подписываю...

– Расстреляют.

– И что с того, – равнодушным голосом сказал сокамерник. – Все равно не выпустят. А так – меньше мучений.

– А я не подпишу. Не дождутся, – убежденно проговорил Пушилин.

– Воля ваша. Но еще два-три таких допроса, и вам всё едино – в коалиции ли вы, главарь ли, пешка ли. И крючок, подпись вашу, поставят за вас. Поверят. Убийство возведено большевиками в ранг государственной политики, кто будет проверять подлинность подписи?

– Говоришь, как Ковшаров.

– Не знаком.

– Полковник. На германской я был у него вестовым. Он говорил еще, что в этой стране, если проиграем большевикам, делать нечего. Эх, не послушал... – Слезы отчаянья брызнули из глаз Пушилина. – Ведь и золото было. Тьма золота, – говорил он сквозь всхлипыванья. – И сейчас, я подыхаю, а оно лежит.

– Серьезно?

– Три пуда.

Несмотря на сильную боль, Степан Пушилин резко повернулся к адвокату, заговорил зло, отрывисто:

– Только не думай, что если стукнешь про золото, расколют меня эти гады, где оно.

– Не нужно мне золота. Ничего не нужно уже. – Адвокат печально вздохнул. После долгого молчания сказал: – А вот вы могли бы купить на этом себе свободу.

– Ххэ, отдать. Пришьют меня – и делу конец.

– Отдавать не надо никому ничего.

– Это как? – Пушилин жадно, полными надежды глазами смотрел на адвоката.

– Как? – переспросил тот. – У вас есть на воле родственники, которые не отреклись от вас, на которых можно положиться?

– Сын. Жена...

– Сын взрослый?

– Семнадцать.

– Далеко живут?

– Сто километров отсюда, даже меньше. Слышали, может, Пихтовое. – Невольно Пушилин перешел на «вы».

– Хорошо, рядом. В следующий раз, когда вызовут на допрос, попросите свидания с женой. Поставьте это свидание непременным условием признания.

– Зачем?

– Слушайте, не перебивайте. У нас мало времени. В любую минуту могут меня увести на допрос.

– А если не согласится лейтенант?

– Согласится, – убежденно сказал сокамерник. – Подлинная подпись ему все-таки предпочтительней. В случае успеха всего этого дела со мной, с вами, с главарем «Паспортистов» он надеется на большое повышение по службе... После свидания жена и сын должны немедленно скрыться. Учтите, их будут очень тщательно искать. У вас есть надежное место?

– Нашлось бы... Что я должен сказать Анне?

– Это имя жены?

– Да.

– Только назначить место встречи и велеть там ждать.

– Ну, и что изменится?

– Все! Важен сам факт встречи с женой и последующее ее внезапное исчезновение. И, считайте, Тёмушкин в ваших руках. На первом же после свидания допросе потребуйте для себя свободу, в противном случае его начальству станет известно, что он утаивает от Советской власти золото. Жена позаботится. Больше на том допросе – ни звука. Он срочно кинется искать ваших близких. Не найдет, и тогда окончательно поверит, что угодил в ловушку, будет торговаться. Обещайте ему, что, отпустив вас, он сможет, как минимум, спокойно продолжать прежнюю жизнь. Поделитесь пообещайте...

Адвокат говорил торопливо, приглушенным полупшепотом, поминутно бросая взгляды на дверь. И чем дольше он говорил, тем Пушилин сильнее верил в невероятную, почти фантастическую возможность вырваться из этой камеры, из этой страшной тюрьмы, тем реальнее ему казалась возможность свободы. И он тоже глядел на дверь, молясь про себя, как бы она не отворилась, не заставила умолкнуть Богом посланного ему сокамерника.

– Окажетесь на воле, – продолжал между тем с прежней торопливостью адвокат, – добирайтесь до Читы. На железной дороге там разыщете инженера Акутина, это мой старинный друг. Передадите поклон от Ростислава Андреевича Мурашова, от меня то есть, объясните, при каких обстоятельствах познакомились. Он поможет перебраться в Китай...

Послышались шаги в коридоре. В глазок камеры заглянули, и адвокат умолк. Ждали, дверь отворится, но нет, глазок закрылся, сапоги надзирателя протопали дальше.

– Но ведь я могу поставить условие освободить и вас, – первым нарушил молчание Пушилин.

– Нет-нет, это уже перебор, после которого и сами не выйдете. Потом, в лучшее время, если возникнет желание как-то отблагодарить, вспомните, что в Ванкувере у меня сын. Игорь. Он не нищий, но много потерял, покинув Россию.

– Я помогу, если вырвусь. Богом клянусь. – Пушилин хотел было перекреститься, от острой боли рука со сложенными

в щепоть пальцами упала бессильно на грязное из грубого шинельного сукна одеяло. – Богом клянусь, – повторил он.

– Учтите, Тёмушкин так просто не сдастся, – предупредил адвокат.

– Уже учел, – последовал быстрый жесткий ответ Пушилина.

– Хорошо, – Мурашов кивнул. – Обговорим детали будущих ваших встреч с лейтенантом. Не он, а вы, запомните, должны будете владеть инициативой...

...Они шли по дремучей тайге пешком, приближаясь к истоку речушки Малый Кужербак, – начальник районного отдела НКВД лейтенант госбезопасности Анатолий Тёмушкин и Степан Пушилин, зек, к тридцать шестому году отсидевший в лагерях почти столько же, сколько отпраздновала годовщин и юбилеев окончательного своего утверждения на землях Сибири Советская власть, которую не любил и против которой воевал Пушилин в Гражданскую.

Недалеко от речушки когда-то проходила неширокая дорога. Если даже и заросла за полтора десятка лет, все равно можно было шагать по ней легко и быстро. Пушилин нарочно вел лейтенанта сквозь чащобник, чуть не всякий раз погружая ноги по щиколотку в болотную ржавую воду. Подстраховывался: в случае, если лейтенант кому-то открылся и пустят по следу собак, они окажутся бессильны... Чем глубже удалялись в тайгу, тем у Пушилина веселей было на душе. И хотя позади в пяти шагах следовал вооруженный гэбэшник, чувствовал себя Пушилин так, как только можно чувствовать, избавившись от безысходной неволи, неминуемой гибели.

Он не переставал вспоминать Ростислава Андреевича Мурашова – человека, без которого не могло бы состояться такое чудо.

Восемь суток назад, когда произошел их разговор в камере, Пушилин поверил, и поверил страстно в возможность освобождения. Но длилось это, пока столичный адвокат говорил, пока находились рядом. А расстались – вера почти улетучилась, уныние охватило. Тем не менее рассудил: хуже не будет, некуда уж хуже-то, решил строго и неукоснительно следовать советам юриста-москвича, держаться за них, как за последние, связующие с жизнью нити.

К удивлению, начальник НКВД легко согласился на свидание Пушилина с женой и сыном в обмен на признание, и

свидание это состоялось буквально через день после того, как было опрошено. И далее Пушилину оставалось лишь удивляться уму и прозорливости сокамерника. Они больше не виделись с той встречи, но временами у Пушилина создавалось впечатление, будто адвокат незримо присутствует, диктует свою волю в отношении Пушилина, и лейтенант бессилен ослушаться этой воли. Хотя, как понимал Пушилин, большого выбора у начальника районного НКВД не было.

Переведя Пушилина в одиночку, он позволял себе, появляясь время от времени на пороге камеры, лишь разговаривать злобным тоном, задавая вопросы, но руки в ход не пускал, когда Пушилин отмалчивался...

Лейтенант осунулся, еще больше похудел, глаза от недосыпания блестели; по всему видно, он отчаянно старался спасти положение, найти жену и сына Пушилина, однако у него не получалось.

И вот они вдвоем приближались к верховьям Малого Кужербака, находились в считанных верстах от истока. Уж скоро должна предстать глазу растущая точно посередине между проселком и берегом Кужербака высокая лиственница. Если не срубили, стихия не вывернула дерево с корнями.

Нет, на месте. Лиственница с уклонистой макушкой завиднелась впереди в окружении сосен.

У Пушилина сердце забилося чаще. В стволе лиственницы, на высоте метров трех от земли, – дупло. После того как поверил в объявленную новой властью амнистию, решил выйти из тайги, тщательно вычистил револьвер, заполнил дырочки барабана патронами, завернул к холстинку и сунул в дупло. Мешочек с запасными патронами вперемешку с монетами с профилем Государя Николая Александровича опустил туда же. Ни одна живая душа на свете не видела, не ведала. И еще в одно дупло-тайник оружие и десяток золотых червонцев опустил. То дупло уж у Большого Кужербака. Спросили бы шестнадцать лет назад: зачем? – не сумел бы вразумительно ответить. На всякий случай. Про запас... Долгонько ж добирался до своего запаса. Не по своей вине. У амнистировавшего большевистского режима слово обманное подлое да надежные запоры только и сыскались для Пушилина... Да что об этом. Важно, чтоб оружие на месте оказалось. И безотказно – в момент – сработало.

Пушилин остановился около лиственницы, взглядом пробежал по стволу.

– Видишь дырку вон? – спросил у вставшего за спиной у него лейтенанта.

– Ну.

– Слезить нужно. Там бумага. План.

– Лезь.

– Подсади. Или давай я подсажу.

Начальник НКВД колебался, раздумывал, что лучше: сделаться самому подставкой Пушилину, или же подняться на его плече. Явно ему не нравилось, не входило в его расчеты столь тесное сближение.

– По жерди заберись, – сказал он.

Не споря, Пушилин направился к кустарниковым густым зарослям.

– Постой, – окликнул Тёмушкин. Видно, ему пришло на ум, что отпускать далеко от себя вчерашнего подследственного не менее опасно, нежели становиться рядом. – Снимай сапоги, подсажу.

Лейтенант явно нервничал, голос звучал прерывисто. Пушилин напротив был в эти минуты совершенно спокоен. Чтобы его, сызмальства таежника, воина Германской и Гражданской, заматерелого лагерника, в поединке обыграл этот жердеобразный костолом-пацан? Не бывать такому.

Может, не стоит рисковать, думал он, стоя на плечах у лейтенанта, нашаривая в дупле револьвер, освобождая из тряпицы. – Вдруг да револьвер даст осечку, столько лет из него не стреляли. Не должен. В крайнем случае свалит Тёмушкина с ног, сцепятся в рукопашной.

Он посмотрел сверху вниз на недавнего своего мучителя, увидел черноволосую взлохмаченную голову. Обратил внимание на руки. Правая спрятана в кармане галифе.

– Что там? – нетерпеливо прозвучал голос лейтенанта.

– Сейчас...

Пушилин нашупал ребристую поверхность револьверного барабана, крутнул барабан. Он подался легко.

– Застряла тут, – нарочно громко проговорил Пушилин, так же наощупь взводя курок. – Приподнимись чуть.

И в тот момент, когда лейтенант попытался встать на цыпочки, вынул из листовничного дупла наган и, проворно опустив дулом вниз, нажал на спусковой крючок.

Оружие не подвело, выстрел грохнул.

Пуля угодила лейтенанту в темя, и он повалился на бок в высокую траву. Пушилин ускорил падение, с силой оттолкнул

нувшись ногами от плеч лейтенанта, прыгнул на землю. Не мешкая, подскочил к Тёмушкину. Он был мертв. Босой ногой перекинул пока еще податливое тело гэбэшника на спину, высвободил из кармана галифе руку. В ней был зажат револьвер.

Пушилина револьвер не интересовал. Сунув за пазуху свой, быстро обшарил Тёмушкина. Удостоверение, немного денег, трешек и пятирублевков, в нагрудном кармане и планшетка, пристегнутая к поясному ремню, – все, что имелось при убитом. Пушилин взял это. Часы, тикающие на руке, не тронул, только поглядел время: давно за полдень, начало третьего. Встав, недолго смотрел в неживое с открытыми остекленелыми глазами лицо.

– Дурак, – сказал негромко вслух, подумав еще раз, что Тёмушкин всерьез надеялся перехитрить его, выйти победителем в поединке с ним. Куда больше дурак, если впрямь рассчитывал получить от Пушилина долю золота, кануть, раствориться в необъятных землях России.

Подхватив свои сапоги, Пушилин пошел прочь от трупа, к шумливой речке. Ополоснул водой лицо, вымыл ноги, обулся. На прибрежный галечник вытряхнул содержимое тёмушкинской планшетки: пачка «Беломорканала» и коробок спичек, бланки ордеров на арест, в которые оставалось вписать лишь фамилии, свернутая газетка, листки исписанной бумаги.

Пушилин заметил листок, заполненный его почерком; рука невольно потянулась к этому листку. Прочитал не однажды повторенное ему адвокатом, затверженное наизусть:

«Начальнику краевого Управления НКВД

Заявление

Довожу до вашего сведения, что начальник М^{xxx} РО НКВД Тёмушкин А. В., носящий спецзвание лейтенант госбезопасности утаивает от Соввласти 3 (три) пуда золота в слитках и монетах царской чеканки.

Кроме того, А. В. Тёмушкин до недавнего времени не раз хвастался, что родной его дядя приходится родственником и был очень близким другом И. Н. Смирнова, комиссара 5-й Красной армии, пред. Сибревкома, оказавшегося позднее ярым троцкистом, шпионом и антисоветчиком.

20 авг. 1936 г.»

Пушилин читал, а в памяти невольно всплывала сценка, когда он написал и протянул эту бумагу-заявление лейтенанту. Тёмушкин, чадая папиросой, шурясь от дыма, лениво подвинул к себе эту бумагу. Со словами: «Что-то мало написал», уставился на нее. Лицо его вдруг перекошилось, побагровело, он швырнул бумагу на пол, вскочил, дерганым движением расстегнул кобуру.

– Ты что, контра! – заорал. – Застрелю как собаку.

– Стреляй, – спокойно ответил Пушилин. – И бумагу поври. Только новую напишут. Неделю подождут, и отошлют, куда следует.

Лейтенант, тяжело дыша, ошарашенно смотрел на Пушилина. Опять от громкого его голоса зазвенели стекла в окнах кабинета.

– Идиот! Кто тебя научил?.. Думаешь, поверят этому?!

– Поверят. Быстрее, чем в главаря «Коалиции». Особенно, если указать, где золото.

Начальник НКВД подошел к Пушилину, резко замахнулся. Удара, однако, не последовало. Он уперся руками в край стола, кликнул конвоиров, распорядился:

– В первую камеру!..

Как мучился, холодел от страха в одиночке Пушилин и нескончаемом ожидании! Боялся, дверь однажды распахнется, и лейтенант со злорадной ухмылкой объявит: отыскались твои жена и сын. Хоть место, где хорониться им, не высовываться ни под каким предлогом назвал надежное, корил себя: есть куда более укромные уголки...

Теперь сомнения и главные страхи позади. Тёмушкин мертвый лежит под лиственницей, вотчина его осталась в сорока километрах...

Он давно, едва не с самой Гражданской не держал в руках газет. Из любопытства, – что пишут в них теперь, взял вытряхнутую из темушкинской планшетки. Свежая, за 26 августа, краевая газета.

«Врагов и изменников – к расстрелу!» – крупными буквами было напечатано во всю первую полосу.

«Пять дней в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР слушалось дело главарей и эмиссаров троцкистско-зиновьевского террористического блока, – выхватывали отвыкшие от чтения глаза Пушилина. – Вечером 23 августа Военная Коллегия Верховного Суда вынесла приговор. Зиновьев, Каменев, Смирнов и

тринадцать других членов блока приговорены к расстрелу за террористическую деятельность и измену...».

Фамилия «Смирнов» была подчеркнута красным карандашом, и лишь на одной полосе подчеркиваний таких было не меньше двух десятков.

«В числе наиболее активных организаторов террористических ячеек, создававшихся в Советском Союзе, был Иван Смирнов...»

«В Берлине Смирнов установил связь с Седовым, сыном Троцкого. «Отныне, – сказал Седов Смирнову, – борьба против советского режима приобретает характер решительного наступления...».

«В 1933 году Иван Смирнов, главный организатор троцкистско-зиновьевского центра, был неожиданно арестован агентами советского правительства...»...

Вон, оказывается, почему адвокат настаивал, чтобы в пушкинском «заявлении» было написано о Смирнове. Это для Тёмушкина пострашнее якобы утаиваемого им золота. Откуда-то адвокат знал о процессе в Москве. Он не объяснил, и теперь не спросишь. Как не узнаешь и о его судьбе. Может, и в живых уж нет...

Пушкилин заглянул во внутренние полосы газеты, там, судя по заголовкам, печатались горячие одобрения коллективов, ликования по поводу приговора. Он смял газету и кинул в воду. Следом в пенистый поток Кужербака полетели бланки на аресты. Встрепенулся, нагнал и выгудил всю бумагу из воды: еще вынесет, куда не следует. Пусть в планшетке лежат.

На очереди были листки, исписанные мелким разборчивым почерком. Пушкилин читать не хотел. Внимание привлек заголовок: «Политическая характеристика М^{xxx} района. Составлена 15 августа 1936 года начальником райотдела НКВД лейтенантом госбезопасности А. В. Тёмушкиным». Захотелось узнать, какой характеристики удостоил Тёмушкин район.

«После восстановления Советской власти в районе кулачество начало использовать отсталую часть партизан, используя их собственнические интересы, доводя им доводы, что они завоевали Советскую власть, а их всех к руководству не допускают. В результате такой кулацкой агитации в районе начинают появляться банды под руководством кулацкого элемента. Бывший руководитель партизанского отряда Переверзев Михаил, поддавшись на кулацкую агитацию и уже находясь на руководящей работе в районе (зав. райзо), начал орга-

низовывать повстанческий отряд из кулацкого элемента села, выдавая кулакам партизанские билеты.

Для проработки деятельности Переверзева и его участников в 1932 г. М^{xxx} РО была завершена разработка «Тихие ящерицы», «Ночная стая», которые в этом же году были частично ликвидированы, хвосты же этих разработок оставались до 1934–35 года.

В 1929 г. на почве коллективизации и ликвидации кулачества как класса было контрреволюционное кулацкое выступление против Соввласти, выступлением была охвачена вся зажиточная часть села, то есть до 39 процентов населения. Организаторы этого восстания были арестованы и осуждены на 10 л. лишения свободы.

В 1932–33 годах в пределах района были вскрыты и ликвидированы две крупные контрреволюционные повстанческие организации: по агентурной разработке «Стрела», имевшая краевое значение, и «Подготовка». Эти организации действовали параллельно, направив свою подрывную деятельность на подрыв колхозного строя, развал колхозов.

В результате кулацко-троцкистской агитации многие жители пяти сел вышли из колхозов. Организаторы арестованы и осуждены на 10 л.

В 1935 г. вскрыта и ликвидирована националистическая к.-революционная разработка «Иностранцы», по которой активными фигурантами проходили эстонцы Тоомас Куузик, Мэрт Якобсон, Антс Кыльль, Эрни Калле, Оскар Дубро. В 1935 г. была вскрыта и ликвидирована к.-революционная сектантская группа в пос. Вдовино, по разработке «Грачи». По делу проходили: Галафистов М. Н., Янко А. П., Дымов А. Г., Малинин Ф. В. Перечисленные лица собирали колхозников, читали им евангелие и агитировали за выход из колхоза, обосновывая свою к.-революционную агитацию на божьем писании.

В марте-июле 1936 г. РО НКВД были ликвидированы разработки «Коалиция двинцев» – повстанческая, арестовано 19 фигурантов, «Паспортисты» – фабрикация документов – 5 человек арестованы и привлечены по ст. 58 п. 10, «Тропа связи» – шпионская, арестовано 4 фигуранта, «Разлагатели» – террористическая, арестовано 8 человек по ст. 58 п. 14.

В период 1932 – июль 1936 гг. по району было ликвидировано более 20 контрреволюционных и националистических групп с общим количеством привлеченных 820 человек, жены

и члены их семей до сих пор остаются проживать в пределах района...».

Углубившись в чтение, Пушилин не вдруг сообразил, что «Коалиция двинцев» – это касается лично его, он главарь этой группировки. И у него, переведенного неожиданно около месяца назад из лагеря в тюрьму, оказывается восемнадцать человек в подчинении. Еще один главарь организации – московский экс-адвокат известен ему лично. Знает ли Мурашов, что у него трое подручных? Дай-то Бог ему выжить, выйти на волю.

Оставалось еще три листочка **«Политической характеристики»**.

«Засоренность контрреволюционным и антисоветским элементом» – был выведен буквами покрупнее и подчеркнут подзаголовком.

«Значительная часть района, особенно притаенная часть его, это Ивлевский, Орловский, Сырский, Крутовский с/советы, в прошлом места оперирования банд, имеют большую засоренность скрывшимися от репрессий участниками банд и родственниками репрессированных бандитов. Всего по району состоит на списочном учете 480 человек, из них правотроцкистов – 5, меньшевиков и эсеров – 3, исключенных из ВКП(б) – 14 чел., подозреваемых в шпионаже – 26 человек, вредителей-диверсантов – 9 чел., кулаков и их бывших людей – 66 чел., бывших офицеров, полицейских, жандармов – 5 чел., повстанцев и бандитов-карателей – 32 чел., членов семей репрессированных врагов народа – 314 чел. и другого антисоветского элемента – 6 человек. Кроме этого, на территории района находятся совхозы трех ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей):

1. Бусловский, с общим количеством заключенных 3311 чел., из них за контрреволюционные преступления 3148 человек...

Пушилин скомкал, отбросил бумаги.

Бред! Какой чудовищный горячечный бред. Состряпанные какие-то «Тихие ящерицы», «Коалиции двинцев», «Стаи», «Тропы». Люди не живут на земле, а засоряют ее. Да и просто людей нет, скоро не останется, – сплошные эсеры, троцкисты, кулаки, повстанцы, шпионы. И этому бреду верят, поощряют за него. Не для себя же Тёмушкин, не по своей прихоти, старается. Отстарался. А сколько таких тёмушкиных по стране.

Бежать нужно подальше без оглядки от нового порядка. В Китай. В Канаду. Хотя в Индию. Хуже, чем здесь, нигде не будет. Хорошо хоть не придется бедствовать на чужбине. Бог надоумил в начале двадцатого, на Рождественские праздники, поехать к озеру, куда спустили ящики с золотом, опорожнить два ящика. После гибели отца и разгрома их отряда наведаясь еще раз на становище Сопочная Карга, все уж куда-то сгнуло, как водяной прибрал...

Отдохнул, запоздало возникшая в руках и коленях дрожь улеглась, нужно взять из дупла мешочек с монетами и патронами – и прочь отсюда. Бог даст, через полсутки будет у Каменного Брода, где ждут Анна и Андрей, во всей этой чужой холодной стране две близкие ему души, не считающие его ни белым отребьем, ни контрой, ни заговорщиком, а просто человеком – мужем и отцом.

Часть пятая

Прежде чем распрощаться, Лестнегов порекомендовал Зимину обязательно и лучше не откладывая, а то забудется, побывать на улице Красных Мадьяр. Это за пешеходным мостом через железнодорожные линии, там, где сносятся ветхие дома и строятся коттеджи из красного кирпича и хвойного бруса. Особенно Лестнегов просил обратить внимание на стенд с архитектурным планом застройки.

Зимин недоумевал: что за неожиданный поворот в конце разговора? Какая связь между улицей Красных Мадьяр, коттеджами и колчаковским золотом, о котором они вели речь несколько часов кряду?

Однако так многозначительно и так загадочно было сказано, что, расставшись с одним из лучших знатоков истории города Пихтового, Зимин вскоре был уже на улице Красных Мадьяр около стенда.

Он не сразу поверил себе, пробежав глазами написанное. Ниже шапки «Реконструкцию улицы Красных Мадьяр (бывшей Благовещенской) ведет совместная русско-канадская фирма «Альянс» значилось:

«Руководитель работ – директор частной строительной кампании господин Мишель Пушели (г. Квебек, Канада)».

Вот, кажется, какая связь, какое продолжение долгого разговора о золотом кладе, вот на что хотел обратить внимание Лестнегов. На фамилию. Мишель Пушели. Добавить букву «н», перенести ударение, и – Пушили. Михаил Пушили.

Потомок Игнатия и Степана Пушилиных? Мистика какая-то.

А почему, собственно, мистика? Если Степан Пушили благополучно пересек границу, то уж наверняка последовал совету сокамерника адвоката Мурашова пробираться в Канаду, в Ванкувер. Хотя бы уж потому, что следование первому совету спасло ему Жизнь и подарило Волю.

Может, все-таки коренной франкоязычный канадец, никогда и ни в каком поколении прежде связи с Россией, Сибирью, этим городком не имевший?

Почему Лестнегов, послав его на эту улицу, не обмолвился словом, что его здесь ожидает? Наверно, потому что не очень-то уверен, что Michel Poucheli и причастные к колчаковскому кладу жившие в начале века в Пихтовом Игнатий и Степан

Пушилины имеют корневую кровную связь. Конечно, Лестнегову, столько лет посвятившему разгадке тайны золотого захоронения это интересно знать. Не будь он прикован к креслу-каталке, сам постарался бы докопаться до истины. И наверняка ему хотелось и неудобно было просить случайно подвернувшегося человека проверить возникшую версию. Но Зимину и самому важно и интересно.

Метрах в пятидесяти от стенда с планом застройки улицы Красных Мадьяр стоял один из нескольких коттеджей с уже застекленными окнами и под кровлей. Там внутри кто-то был, приглушенный стук доносился оттуда, и Зимин пошел к коттеджу.

Раскрыв дверь, услышал в верхнем этаже голоса, по лестнице стал подниматься наверх, оглядываясь по сторонам, невольно сравнивая планировку и внутреннюю отделку коттеджа и тайного дома среди заболоченной тайги. На «заимке» все было куда топорней, тяжеловесней, угрюмей, нежели тут...

Трое рабочих-иностранцев находились в просторной, отделанной от пола до потолка деревом комнате.

Его не поняли, когда он спросил директора. Тогда он просто назвал: Мишель Пушели. Поправился: господин Мишель Пушели, указывая на себя пальцем, дескать, ему нужен господин Пушели. Один из рабочих закивал: *C'est clair*. Ясно, ясно. На очень плохом русском, через одно мешая с французскими словами, объяснил, что *Le chef est absent. Son bureau principal se trouve a Novossibirsk* (фр.) шефа нет, его главная контора и дело в Новосибирске, а сюда он только приезжает иногда, но будет здесь завтра, еще до ужина. Рабочий хотел сказать «до обеда», потому что для вящей ясности показал на циферблате своих часов: в одиннадцать тридцать.

Покинув недостроенный коттедж, он пожалел, что не спросил хотя бы о возрасте Мишеля Пушели, тогда бы можно судить, кто он Степану Пушилину – внук, правнук? Правда, может оказаться и племянником. Если вообще, разумеется, *rouchei* имеет русские, сибирские корни. Впрочем, он тут же подумал, что и правильно поступил. Не так и долго остается ждать до завтрашнего полдня. Да и потом, может быть, Полина что-нибудь известно о Пушели – руководителе частной строительной компании «Альянс».

Полина совершенно не интересовалась, кто ведет строительство коттеджей. Просто знала, что иностранцы. Их сейчас

много в Пихтовом: и немцы, и итальянцы, и канадцы. Еще два года назад событием был приезд китайцев, а нынче кого только нет. Но то, что Мишель Пушели может оказаться потомком купцов Пушилиных, Полина вполне допускает. Году в восемьдесят пятом, восемьдесят шестом ли, уже при Горбачеве, в Пихтовой от поезда «Москва-Пекин» отстал иностранец. Он транзитом ехал в международном вагоне, кажется, из Голландии в Японию. Иностранец говорил только по-французски. Срочно, чтоб с ним объяснить, разыскали преподавательницу французского, Полинину подругу. Полина от Ольги и знает эту историю. Тогда это было еще ЧП – иностранец из капиталистической страны в Пихтовом, – хотели поскорее от него избавиться. Ближайший поезд, с которым его можно было спровадить до Иркутска, ожидался через два часа с минутами. Ему об этом сказали, и он попросил, чтобы время прошло быстрее, показать ему город, хотя бы некоторые достопримечательности. Город для иностранцев был совершенно закрытый, разгуливать отставшему от поезда по нему нельзя, но чтоб совсем уж не выглядеть жалкими в его глазах, местные власти согласились. Достопримечательностей больше всего на улице Красных Мадьяр, в исторической части. Там – старый главный гастроном, Андрей должен был видеть: кирпичный дом старинной кладки с витринными окнами, с массивными входными дверьми, с шатром на крыше, – это бывший торговый дом Пушилиных; рядом – им же некогда принадлежавший двухэтажный особняк с деревянной резьбой; здания казначейства и первого в Пихтовом кинематографа... Иностранец прошелся по улице, остановился около бывшего пушилинского дома, долго на него смотрел и вдруг сказал что-то вроде: «Неизвестно, что для дедов лучше, приобретенное или потерянное», заторопился: пора, наверное, к поезду.

– Это все к тому, – заключила свой рассказ Полина, – что если это был кто-то из рода Пушилиных, помнят о родных местах, тянет.

– Фамилия отставшего тоже Пушели? – спросил Зимин.

– Не знаю, – сказала Полина.

– А возраст?

– Лет пятьдесят. Константин Алексеевич говорил, что это, скорее всего, внук Степана Пушилина, сын Андрея, был.

Зимин прикинул: сыну Степана Пушилина, Андрею, в тридцать шестом, когда исчезло семейство из Пихтового, было семнадцать лет. Где-то восемнадцатого-девятнадцатого

года рождения. Если еще жив, за семьдесят сейчас. Все сходится. Детям Андрея Пушилина должно быть лет сорок-пятьдесят. А Мишель Пушели? Тоже внук Степана Пушили-на, сын Андрея? Или уже правнук?

Про себя отметил, что Лестнегов в долгом их разговоре не упоминал об отставшем от поезда иностранце. Мог забыть. Или специально. Решил: если Нетесовым факт этот известен, то уж наверняка рассказали своему гостю, к чему лишний раз повторять. Или опять-таки не был уверен, что тот человек принадлежал к семейству Пушилиных?

А Зимин был уверен.

Он долго не мог уснуть. Думал о судьбе Пушилиных, какой страшный, трагический и вместе с тем причудливый путь проделан этой семьей. Как прежде не однажды он пытался и не мог представить жизнь целого, самого крупного на Земле государства, не будь оно толкнуто на путь революции и Гражданской войны с пути процветания выброшено почти на век на путь прозябания, так не мог представить и жизни в после-революционной стране пушилинского семейства. Наверное, именно потому и не мог представить, что Пушилины были не способной переродиться частицей, неотделимой плотью того, канувшего, уничтоженного государства. Но если судьбу государства, как бы оно могло и должно было развиваться по нормальным законам и в нормальных условиях и обстоятельствах, невозможно было проследить в силу того, что развитие шло по надуманным законам или, попросту, по законам отрицания всяких законов, что не могло не рождать всевозможные уродливые условия и обстоятельства, то судьба семьи проглядывалась. Перенесенная на чужую почву, она не просто не сгнула, но хорошо прижилась, нашла свое достойное место под солнцем. Правда, не без помощи увезенного золота. Но что с того: новое государство после революции получило, захватило такое количество богатства, столько золота, что распредели оно его всем поровну, продолжай нормально работать и развиваться, процветание, безбедная жизнь были бы обеспечены всем...

Невольно вслед за раздумьями о Пушилиных вспомнились братья Засекины, пихтовский почетный гражданин Егор Калистратович Мусатов. Вдруг промелькнула мысль, почему между Терентием Засекиным, а после его смерти между его сыновьями и Мусатовым всю жизнь существовала и продолжает существовать глухая вражда. Каким-то нюхом Мусатов

еще давным-давно, еще в двадцатых учуял, уловил, вычислил, как в свое время в Хромовке-Сергиевке место, где лежит крестьянский хлеб, спрятанный от продразверстовцев, кто мог быть тем человеком, который скрывал у себя в избе, лечил белого офицера Взорова и, не донося на Терентия Засекина, держал его десятилетия в напряжении. Ничего не имея от этого, кроме сознания тайной власти над пасечником. Догадка шла от отношения Мусатова к Анне Леонидовне, дочери священника Соколова, при которой, чувствуя себя хозяином положения, Мусатов позволял себе лгать. Возможно, в отношениях между Засекиными и знаменитым пихтовским ветераном ничего этого и в помине не было, Зимин, возможно, ошибался. Просто Мусатов был продуктом новой власти, а Засекины, начиная с Терентия, не особенно жаловали эту власть. Доискиваться до сути Зимин не собирался. Просто подумалось...

Он вспомнил про бумаги, переданные ему дочерью пасечника Марией Черевинской. Тетрадки-дневники он уже успел просмотреть. Оставалась нечитанной записная книжка в твердой серой обложке. Записи в ней сделаны в старой орфографии и не рукой Терентия Засекина.

«XII.18-го, Пермь», была пометка над текстом.

Не исключено, что записная книжка принадлежала старшему лейтенанту Взорову. Близкий к Адмиралу человек мог быть тогда в Перми.

Он не стал гадать. Подвинул ближе настольную лампу и углубился в чтение.

«...Перед эвакуацией красные забрали все и в учреждениях, и у населения. На станциях Пермь I и Пермь II пять тысяч вагонов. В них – мебель, экипажи, табак, сахар. Между прочим, целый вагон с царским бельем – бельем семейства Романовых. Тонкое, изящное, лучших материалов с гербами и коронами белье бывшего властителя России и его семьи.

Погрузили даже электрическую станцию, оборудование кинематографов, свыше тысячи штук пишущих машин. Сласти и шоколад. Не осталось ни одного учреждения, из которого бы не было вывезено все начисто, о магазинах и частных квартирах и говорить нечего. Попытка полного разграбления города кончилась неудачно. Только деньги в последний момент увезли и золото.

Когда население Перми не жило, а мучилось, постоянно находясь под страхом расстрела и голодной смерти, – совет-

ские блаженствовали. Вкусно ели, много пили. Законодательствовали, зверствовали и веселились.

Свежие следы их деятельности налицо. Многие прославились такой неукротимой жестокостью и кровожадностью, что даже отказываешься верить рассказам об этом. Но доказательства налицо.

Каждому пермяку известно здание духовной семинарии на Монастырской улице. Огромнейшее, казенного типа здание с громадным двором, выходящим обрывом к Каме. С этим зданием связаны наиболее тяжелые воспоминания пермяков. Здесь помещался военный комиссариат. Здесь жил и зверствовал военный комиссар Окулов. Настоящее порождение большевизма – бывший околоточный надзиратель, фельдфебель и в конце концов военный комиссар с громадными полномочиями. Рука об руку с ним работал ни в чем ему не уступавший помощник его бывший студент Лукоянов. Эти господа почти ежедневно, будто в этом все их обязанности, проводили расстрелы и зверские расправы с людьми – часто тут же, в стенах здания или во дворе. Входя в раж, собственноручно. Жертвы бросались в Каму или в углу обширного двора. Тела, уже занесенные снегом, и еще совсем свежие, лежали во дворе, когда мы вошли в город.

Подвиги Окулова и Лукоянова бледнеют перед подвигами комиссаров Малкова и Воронцова. Первый был председателем «чрезвычайки», второй – его ближайшим помощником. Оба по происхождению рабочие. Любимым занятием, или удовольствием, сказать не умею, комиссара Малкова было убивать собственноручно и в пьяном виде. А пьян он был ежедневно. Ежедневно гибли десятки людей в величайших мучениях. А у них были и десятки мелких соратников, которые делали то же, что и высшие. Отсюда ясно, как дешева была жизнь в Перми. Если убивали просто – это счастье. Но часто, прежде чем убить, мучили. Кровожадность высших создавала кровожадность и разнузданность среди низших. Каждый комиссар, каждый красноармеец мог в любую минуту не только дня, но и ночи быть вершителем судеб пермского обывателя и распоряжаться по своему усмотрению его жизнью, его достоянием.

Большевики устраивали праздники и процессии по самым незначительным поводам. Учитывали, что показательная часть действует на широкие массы. Чуть что – праздник, шествие.

При самой малейшей детали – демонстрация мощи и силы советской власти.

Всюду доказательство этого. Много в городе следов празднества годовщины октябрьской революции. На всех зданиях, национализированных домах до сих пор сохранились гирлянды из хвойных деревьев, вензеля из гирлянд, которыми они были задекорированы от крыши до земли.

Оборванные, завядшие и жалкие висят теперь, как память недавних дней празднеств былых властителей города. И не одни гирлянды, вензеля, плакаты и призывы украшали здания. Тысячи разноцветных огней горели чуть не до рассвета. Огнями реквизированных у населения лампочек, в то время как обыватель сидел в темноте.

Были воздвигнуты и соответствующие памятники. На углу Сибирской и Петропавловской на территории площади был воздвигнут целый мавзолей у могил трех красноармейцев, из которых один – небезызвестный Екатеринбургскому матрос Хохряков, убитый где-то на фронте.

Другой памятник на Разгуляе. Это статуя матроса. Захотели увековечить его как яркого поборника коммунистического строя. Огромная по величине, с прекрасно переданным типично-зверским лицом. Статуя производит впечатление.

Как мавзолей, так и статуя матроса созданы каким-то специально выписанным скульптором-художником.

На моих глазах эти памятники разрушали. Ломка продвигалась плохо, что доказывает, что строились не наспех, а очень прочно.

Из праздников, говорят, особой торжественностью и оригинальностью отличались поминальные концерты-митинги в память известных революционеров Каляева, Перовской, Желябова.

Работали кинематографы, театр, клубы для красноармейцев и коммунистов, помещавшиеся в лучших зданиях; приезжали артисты-знаменитости.

Так жили советские, когда население стонало и умирало под их игом.

Что удивительно: захватив руками рабочих власть и правя от их имени, большевики совершенно ничего не сделали, чтобы обеспечить рабочих продовольствием или избавить от произвола комиссародержцев. От рабочих требовался максимум работы и абсолютное непотворение власти. За рабочим не признавалось ни права критики, ни права словесного про-

теста. Подобного рода явления считались контрреволюционными со всеми вытекающими последствиями. Митинги допускались лишь в стенах заводов и под контролем коммунистов. Всякие собрания вне заводов были абсолютно запрещены. В рабочей массе был великолепно организован шпионаж. В довершение, рабочий голодал. Благодаря организованной советской властью системе распределения продукте, полной национализации торговли, запрещению подвоза продуктов из деревень, ожесточенному преследованию мешочничества, рабочий получал лишь восьмушку хлеба в день, да какую-нибудь селедку. И при том питании, едва достаточном для поддержания жизни, от него постоянно требовали одного – максимума работы.

Я уже говорил о попытке поголовного ограбления Перми. Она бледнеет перед другим ужасным делом, которое предполагали осуществить недавние пермские властители. Не верилось, когда узнали об этом. Уж слишком пахло ужасами давно отжившего средневековья. Однако факт этот подтверждается документами. Коммунистические властители готовили несчастному городу ни более ни менее, как Варфоломеевскую ночь.

В ночь на 25 декабря, в канун одного из величайших христианских праздников, готовилась кровавая месса.

Найденные документы подтверждают, что город был разбит на районы, в которых красноармейским отрядам предназначалось произвести чуть не поголовную резню пермского населения.

Конечно, доминирующую роль в числе обреченных играли представители несчастной русской интеллигенции: студенты, врачи, священники и т. п. Обнаружены списки с именами до 1 500 обреченных.

Слишком внезапное появление сибиряков и быстрое занятие ими города предупредило ужасное дело...»

Записи в книжке на этом не кончались. Но дальше они были короткими. Заметки на память. Деловые, и совсем уж частного содержания: «Быть у ген. А. Н. Пепеляева в 11.00», «Адмирал серьезно болен. Говорят, из Томска к нему срочно вызван проф. Курлов...», «Завтра поездка в Екатеринбургскую группу войск...», «Письмо от Нины из Харькова 29 янв. Послать ей ответ с Мухиным...», «На Атаманской около Никольского собора встретил п-ка Смирнова. Считал его погибшим с нач. 16-го. Так говорили»...

И так, отрывисто, с сокращениями, с обрывами на полуслове, – до последней странички... Не понять было, чья книжка. Впрямь, возможно, взоровская, и его рукой записи. Возможно, другого какого-то человека, как-то связанного с пасечником Терентием Засекиным. Несомненно было только одно: писал офицер, вращавшийся в высших военных кругах колчаковской армии...

Зимин уснул поздно, а разбудили его еще до света громкие мужские голоса, шум работающих моторов машин, хлопанье открываемых-закрываемых дверц. Это вернулся Сергей.

Когда Зимин поднялся и вышел, в освещенном дворе были только Сергей и Полина.

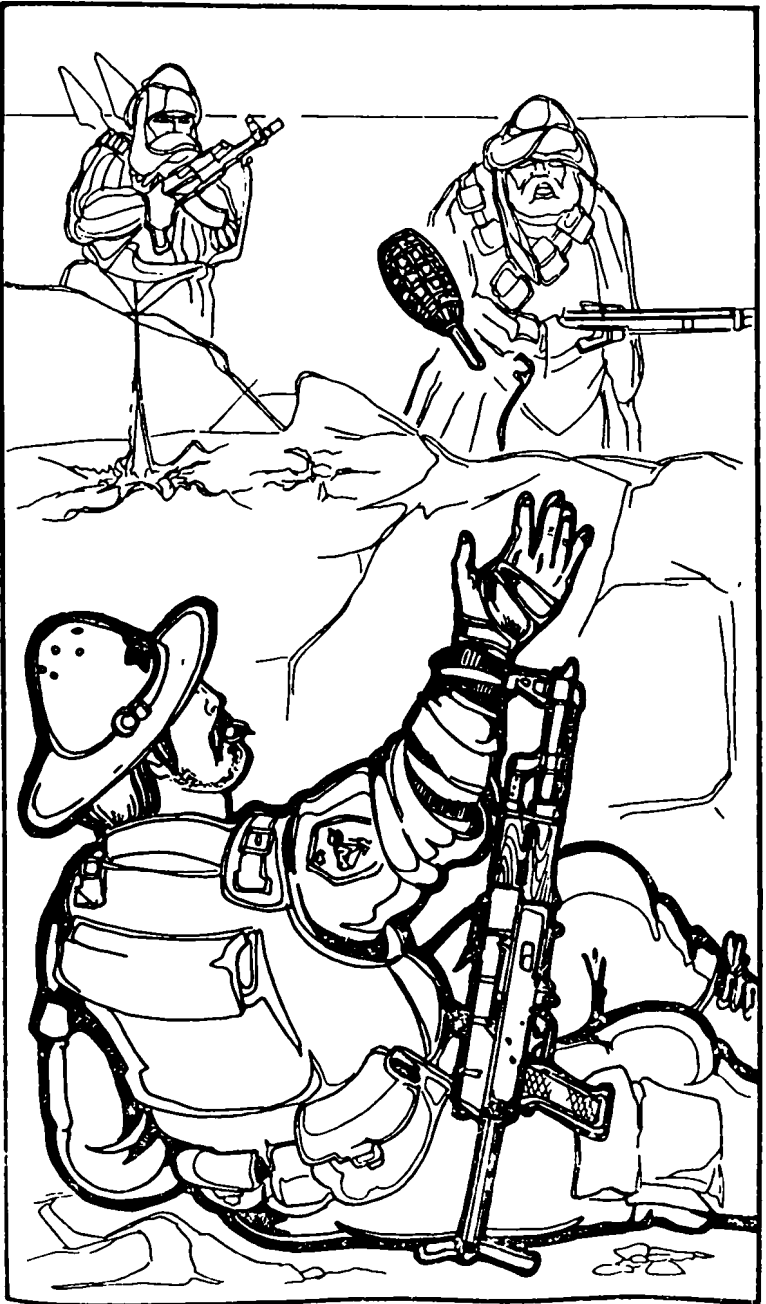
Сергей хоть и встал, шагнул навстречу ему с улыбкой на лице, со словами: «Привет. Заждался», был однако в самом мрачном расположении духа: Базавлука (впервые он назвал по фамилии главаря преступной группы) они упустили. Хоть верно все рассчитали до мелочей, перекрыли дороги точно там, где Базавлук с подельниками должен был обязательно вынырнуть и вынырнул, все равно упустили. Скрылись, в соседнюю область ушли.

Как? Не ожидали, не были готовы к такому ожесточенному сопротивлению. Не могли представить, что преступники окажутся вооружены лучше. Самый настоящий бой с применением гранат, с перестрелкой из «Калашниковых» и «узи» разгорелся в тайге, километрах в пятнадцати от западной границы района. Еще вчера. Ранним вечером. В четвертом часу. (Невольно Зимин подумал, что пока он с краеведом Лестнеговым неторопливо и обстоятельно вел ни к чему не обязывающую беседу о колчаковском золоте, Сергей находился под пулями...). Бой произошел у деревянного мостка через небольшую речушку. Бандиты закидали гранатами, разбили этот мосток, тем самым не дали возможности оперативникам следовать за собой по пятам, скрылись. Кстати, исчезая, избавились от раненого в ногу охотником Нифонтовым приятеля. В суматохе стычки сами пристрелили его в упор. Тот, весь в наколах, Зимин читал ориентировку на него, пристрелил.

– Лихо, – сказал Зимин.

– Лихо, – согласился Сергей. – Мамонтова осколком слегка зацепило.

– Это тот, который у церкви с овчаркой был? – вспоминая Мамонтова, спросил Зимин.

– Да, – Сергей кивнул. Шомполом он прочищал пистолетный ствол. – Не к добру все это, Андрей. Дома, в Сибири, как в Афгане себя почувствовал...

– Да ну уж...

– Нет-нет, серьезно. Оружие загуляло несчитано. Тебе, что ли, объяснять, что значит, загуляло оружие... Ладно, – вяло махнул он рукой.

– А откуда известно, что ушли в соседнюю область? – спросил Зимин.

– Отметились уже там, вот откуда, – сказал Сергей. – В деревне на автотрассе магазин взяли. Зеленый ЗИЛ бросили. Их почерк. По рации велели поиск свернуть...

Он выпил принесенную Полиной кружку квасу, убрал со стола пистолет.

– Все! Теперь другие ищут. А мы утром в тайгу, на рыбалку, – сказал, беря за руку Полину, усаживая ее рядом с собой.

– Давай после обеда, – предложил Зимин. – Мне тут надо с неким Пушели увидеться.

– Как хочешь, – согласился Сергей. – Мне лучше. Выплюсь.

Упоминание о Пушели на него никак не подействовало. То ли сознательно пропустил мимо ушей, то ли просто сильно устал, невнимательно слушал.

Мужчина лет около сорока, среднего роста, плотного телосложения, с рыжеватыми волнистыми волосами, с тонкими приятными чертами лица, одетый но спортивному, стоял среди группы рабочих в ярких спецовках около коттеджа на улице Красных Мадьяр, когда Зимин появился там ровно в полдень. В числе рабочих был и тот, который накануне вечером объяснял, в какое время завтра должен приехать из Новосибирска шеф.

Строительный рабочий, заметив Зимина, что-то сказал рыжеволосому мужчине, и тот внимательно, с интересом посмотрел на Зимина. Скорее всего, это и был директор канадской частной строительной компании «Альянс» Мишель Пушели.

Гадать долго не пришлось: что-то отрывисто бросив на чужом языке рабочим, рыжеволосый мужчина сделал несколько шагов навстречу приблизившемуся Зимину, поздоровался по-русски, назвался:

– Мишель Пушели.

– Андрей Зимин, – представился в свою очередь Зимин.

Рассматривая лицо канадца, он думал, что если перед ним в самом деле потомок сибирского рода купцов Пушилиных, то, наверное, старейшине этого рода – Игнатию Пушилину, – он доводится правнуком. Возможно, даже праправнуком.

– А отчество? – спросил Пушели. – У всех русских есть обязательно отчество. Не так ли?

– Андрей Андреевич, – назвал Зимин свое имя-отчество.

– Мне говорили, вы вчера искали меня, господин Зимин, – сказал Пушели. – Важное дело?

– Как вам покажется... Ваша компания ведь не только строит, но и реставрирует дома?

– Дома, которые имеют архитектурную ценность, – подтвердил канадец.

– Недавно я видел у одного человека картину, на которой изображена эта улица. Фрагмент улицы, начиная от кирпичного дома с куполом. Картину рисовали, когда дом еще имел ставни на окнах и обитые железом двупольные двери.

Зимин не импровизировал. Такая картина действительно была. В доме у Василия Терентьевича Засекина на Подъельниковском кордоне.

– Интересно, – сказал Пушели.

– Картина, правда, написана любителем, – продолжал Зимин. – Но это даже лучше. Выписан тщательно каждый кирпичик, каждый узор на ставнях.

– Можно и мне видеть эту картину? – спросил Пушели.

– Это трудно. Хозяин ее – пасечник. Сейчас далеко в тайге.

– Жаль. Я не могу посылать в тайгу своих людей.

– Но вы не сейчас, не немедленно займетесь реставрацией?

– Сейчас впереди – отделка четырех коттеджей.

– А к холодам, к снегу пасечник вернется в Пихтовое.

Разговаривая, они медленно шли по улице. Остановились, оказавшись около кирпичного дома с шатром на крыше.

– Скажите, господин Пушели, вы знаете, что было здесь, – Зимин кивнул на дом, – в начале века?

– Мне говорили, тоже магазин, – ответил директор «Альянса».

– Верно. Купеческий торговый дом. Владельцы его имели свой маслосырзавод, и были самыми богатыми в Пихтовом людьми.

– Так выгодно было торговать сыром и маслом?

– Не знаю. У них еще были магазины мануфактуры и скобяных изделий.

– Что значит «скобяных»? Я не совсем хорошо знаю русский.

– Очень даже хорошо, – возразил Зимин. – А скобяные – это металлические изделия. Пилы, топоры, замки, защелки... Много.

– Значит, они имели универсальную торговлю, – сказал директор «Альянса».

– Почти... Не знаю, где были их другие магазины, но вот в этом двухэтажном особняке, рядом с торговым домом, они жили, – сказал Зимин.

– Красивый особняк, – отозвался Пушели. – Но уже старый. Компания располагает чертежами этого дома и еще трех. Те три совсем плохие. Будут строиться снова.

– Вам не рассказывали о судьбе владельцев торгового дома? – спросил Зимин поспешно, опасаясь, как бы разговор не ушел окончательно на сугубо деловые темы, касающиеся возведения коттеджей и реставрации ветхих домов дореволюционной постройки.

– Конфискация, экспроприация – их судьба? Да? – с улыбкой сказал Пушели.

– В общем-то так. Но это судьба недвижимости, всего, что имели Пушилины, это фамилия владельцев торгового дома. Сами они с падением старой власти ушли в тайгу. Сколотили отряд в триста с лишним штыков и сабель и воевали восемь месяцев. Пока не прислали против них регулярную часть Красной армии. Отряд был разбит, глава торгового дома Игнатий Пушилин погиб в урочище Трех Истуканов. Сын его, Степан, еще очень недолго был в тайге, потом решил выйти. Объявили амнистию. Прощение. И вот под эту амнистию его на шестнадцать лет закатали в концлагеря. До тридцать шестого года.

Рассказывая, Зимин внимательно смотрел на собеседника, пытаясь понять, новость ли для него все то, о чем он говорит. По лицу Пушели невозможно было угадать.

– А в тридцать шестом, – продолжал Зимин, – из него, рядового зека, заключенного то есть, решили сделать крупную фигуру – руководителя движения, выступающего против новой власти. Он чудом вырвался, застрелил (Зимин хотел сказать «сотрудника НКВД», но передумал, сказал по-другому):

– застрелил своего тюремщика и вместе с семьей ушел в Читу, где ему помогли скрыться за границу.

Директор частной строительной компании уже давно не улыбался, смотрел серьезно и слушал очень внимательно.

Сын главы торгового дома ушел за границу не бедным. Имея около пятидесяти килограммов золота. Три пуда высокопробного золота. Оно ему досталось волею случая еще в Гражданскую войну. Кстати, не без помощи золота Степан Пушилин вырвался на свободу.

– Он подкупил своего тюремщика? – заговорил наконец, задал вопрос канадец.

– Не совсем так. Он пообещал, выбравшись на волю, поделиться золотом, а когда они оказались вдвоем в тайге, на берегу глухой речушки, убил тюремщика...

– Очень подробно рассказываете, Андрей Андреевич. Даже как в тюрьме был. Вы из КГБ? – Тон директора «Альянса» был по-прежнему спокойным, дружелюбным.

– Нет. Я историк, Из Москвы.

– О, московские историки теперь приезжают в Сибирь изучать жизнь мелких торговцев начала века?

Прозвучало на сей раз холодно и с легкой насмешкой. Чувствовалось, еще минута – и собеседник пожелает с ним распрощаться. Если еще не сделал этого, то лишь из желания понять, кто все-таки Зимин, чего хочет добиться своим рассказом?

Однако могла быть и вторая причина: директору канадской частной строительной компании очень интересно знать о пихтовских лавочниках-маслоделах Пушилиных из далекого прошлого. В таком случае...

– Я о Пушилиных случайно услышал, – сказал Зимин. – От здешних краеведов. А они о Пушилиных знают, потому что это имя связано с колчаковским кладом, который здесь где-то спрятан.

– Так вы приехали сюда искать клад? – холодок отчуждения, недоверия как возник, так не ослабевал.

– Приехал к другу, с которым вместе воевал.

– Воевали? – удивленно переспросил Пушели.

– Да. В Афганистане. Слышали об этой войне?

– О, да-да. Конечно. Значит, ваш друг живет здесь?

– Да. А то, что мне известно даже, как Пушилин в тюрьме сидел, об этом рассказывал человек, который в тридцать шес-

том году находился с ним в одной камере. Ростислав Андреевич Мурашов.

– Вы сказали – Мурашов?

– Ростислав Андреевич Мурашов.

– Когда он рассказывал? – спросил Пушели.

Все! Зимин готов был с этой минуты чем угодно поклясться: директор частной строительной компании Мишель Пушели – потомок сибирского, пихтовского рода Пушилиных. До этого вопроса можно было еще сомневаться, можно было объяснить интерес иностранца к судьбам русских купцов, фамилия которых была созвучна с его фамилией, простым человеческим любопытством. Но вот этот вопрос. Чересчур уж далеко простиралось любопытство заокеанского предпринимателя.

– Давно, – ответил Зимин. – И не мне. Лет тридцать назад Мурашов жил здесь после освобождения из лагерей.

– В Пихтовом?

– Нет. В Летнем Остроге. Там и умер.

– Умер в остроге?

– В Остроге, – ответил Зимин.

Тут же сообразил, что вопрос был задан совсем не о том, поправился:

– Умер в селе под названием Летний Острог. Старинное название.

– Понял, понял, – закивал Пушели, – и могила его там?

– Это можно узнать. Наверно.

Директор «Альянса» посмотрел на часы.

– Скажите, господин Зимин, где вас можно найти?

– У Сергея Нетесова. Сергея Ильича Нетесова.

– Это ваш друг по войне?

– Да. Он живет на Красноярской улице. Красноярская, двенадцать. Можете не записывать. Его в Пихтовом знают. Он начальник уголовного розыска.

– Начальник криминальной полиции?

– Отдела криминальной полиции, – уточнил Зимин.

– Вечером я вас найду?

Нет. Мы сегодня уезжаем в тайгу, в урочище Трех Истуканов. На неделю.

– А потом вы уедете в Москву?

– Не сразу, через день-два. Если больше не увидимся, я обязательно попрошу, чтобы картину вам показали.

– Спасибо, – поблагодарил Пушели. Еще раз взглянул на часы. – Мне нужно быть уже в местной мэрии...

Опять, как неделю с лишним назад, все было готово к отъезду. «Урал» с коляской, заполненной рюкзаками, стоял посреди двора, уже раскрыты были ворота, когда к нетесовскому дому подкатил на красном «джипе» Мишель Пушели.

Выбравшись из машины, вошел во двор. Поздоровался, остановился, глаза скользнули по снаряженному в дорогу мотоциклу.

– В тайгу? – спросил он.

– В тайгу, – ответил Нетесов, загонявший рассыпанные на столе охотничьи патроны в пустые гнезда патронташа. Он оторвался от своего занятия, пригласил не стесняться, подходить ближе.

Визита канадца Зимин не ожидал никак. Расставшись с ним два часа назад, был уверен, что встреча их была первой и последней. И вот...

Прозвучавшая вслед за вопросом просьба директора «Альянса» была еще более неожиданной, чем сам приезд.

– Можно мне с вами, Андрей Андреевич, Сергей Ильич? – сказал он.

– А вас нигде не потеряют? – посмотрев озадаченно на Зимина, спросил после короткой заминки Сергей.

Перед тем как подъехать иностранцу, был разговор и о нем, и о Пушилиных. В родственные корни Сергей не верил. Теперь он тоже был сильно удивлен, хотя и старался не подавать виду.

Нет, нет. И мне можно, разрешено в тайгу. Если вы согласны, возьмете. Мне одному нельзя.

– Пожалуйста, – согласился Нетесов. – Но мы прямо сейчас и едем.

– Да подождем немного, если надо, – Зимин посмотрел на друга.

– Зачем ждать. Я готов, – поспешил сказать Пушели.

– Хорошо. Тогда едем, – сказал Нетесов.

– Только, Андрей Андреевич, Сергей Ильич, я могу быть сутки и ночь, полтора суток в тайге, – сказал Пушели. – Дела в Новосибирске.

– Вывезем, как попросите, – заверил Сергей и велел нежданно-негаданно свалившемуся компаньону загонять «джип» во двор.

Из дома он принес для Пушели резиновые сапоги, шерстяной плотной вязки свитер, из которого уже никакая самая тщательная стирка не способна была удалить запах дыма от костров.

Рюкзаки перекочевали из коляски один за спину Зимину, другой – на колени иностранцу.

Полина была в школе, первый день занятий. Сергей написал ей записку. Можно было трогаться.

Пушели своим появлением не внес изменений, не спутал планы. Как намечали выехать в три, так и выехали.

По асфальтовой в выбоинах дороге, ведущей на северо-восток, в противоположную от железной дороги сторону, ехали недолго. Почти тотчас, как пропали из виду окраинные городские дома, свернули на заросший травой проселок, покатали по нему среди лиственного леса. Забытая дорога то плавно шла вниз, то некруто избегала на подъем; забирала влево, вправо. «Урал» по колее старого проселка мчал, редко где сбавляя или увеличивая скорость.

За двое последних суток листва как-то разом переменяла цвет. Осиновые листья вспыхнули багрянцем, покраснелась кистями рябина, густая желтизна потекла по березам. Хотя на многих деревьях не было еще ни единого мазка ранней осени, впечатление создавалось такое, будто лес уже сплошь красно-багряно-желтый.

Пушели, сидя в коляске, с жадным интересом глядел по сторонам. Рюкзак на его коленях мешал обзору. Он часто оборачивался, чтобы получше разглядеть местность, по которой ехали.

Зимин, поглядывая на канадца, не мог отделаться от вопросов, почему он все-таки напросился поехать в тайгу? Оттого ли, что в недавнем их разговоре на улице Красных Мадьяр он, Зимин, сказал, что отправляются в урочище Истуканов, а прежде упомянул о погибшем там в бою Игнатии Пушилине? Или, может, увязался из желания продолжить небезразличный для него разговор о купцах Пушилиных? Или же – и то, и другое?

Мелькнуло в стороне от дороги среди деревьев какое-то высокое и очень длинное, метров в пятнадцать длиной строение без единого окна в бревенчатых стенах, с тесовой двухскатной крышей, провалившейся на гребне посередине от старости.

– Амбар хлебный, – пояснил назначение странного строения Нетесов. – Хутор раньше стоял тут. Сгорел, когда бой с польскими легионерами был...

У кого, в какие времена был бой с польскими легионерами, можно было только догадываться и додумывать.

Через некоторое время возник прямо на колее проселка, так что пришлось обогнуть, зарывшийся в землю по ватерлинию катерок, самый настоящий, с белой трубой, опоясанной красной полоской, со спасательными кругами по бортам, с рубкой рулевого, в которой сквозь запыленные стекла виден был штурвал.

– В пионерлагерь, на Большой Кужербак везли, – не вдаваясь в подробности, объяснил Нетесов присутствие катерка в далеком от судоходных рек месте.

– А скоро урочище? – спросил Пушели.

– Каменных Идолов? – повернулся к нему Нетесов.

– Истуканов.

– Это все равно. Кто как хочет зовет. Истуканы, столбы... Часа через полтора, – сказал и надолго умолк Сергей.

Чем дальше в лес, тем медленнее ехали. Путь пошел по низменным кочковатым лощинам, заросшим елью, с примесью пихты, кедра, березы, осины, с подлеском из рябины и ивняка. Колеса мотоцикла с добрый час мудрили по этим лощинам, пока наконец не выбрались в чистый сосновый лес, хоть и изреженный прежними пожарами, зато с хорошим подростом.

Лес рассеялся, и среди шиповниковых зарослей, черемушника, обвитого хмелем с незрелыми шишками, Зимин наяву увидел метрах в сорока то, что уже видел в доме у краеведа Лестнегова на фотографии: три невысоких каменных столба, жмущихся друг к другу и издали напоминающих человеческие фигуры. Высвеченные лучами клонящегося к закату солнца, столбы отливали густой-густой, до лиловости, синевой.

Нетесов заглушил мотор, слез с сиденья и медленно, раздвигая низкие, по пояс ему, кусты шиповника, направился к столбам. Зимин и Пушели последовали за ним.

– Шиповник нынче совсем не уродился, – сказал Нетесов. – В прошлом году с Мамонтовым по мешку набрали. Только по краю брали...

Он умолк, чувствуя, что про шиповник интересно ему одному.

– Ты говорил, тут бой был, Игнатия Пушилина убили, – сказал Зимин.

– Точно. Было такое, – ответил Нетесов.

– И возле одного из столбов Игнатий похоронен?

– А вот этого не говорил, не знаю, – сказал Сергей.

– Это Лестнегов так говорит.

– Раз говорит, так и есть. Константин Алексеевич всем этим занимался.

– Кстати, он будет ходить?

– Нет, там безнадежно. Это однозначно.

– Жалко.

– Еще бы не жалко. Мужик всю жизнь на бешеной скорости крутился, и вдруг – в каталке, в четырех стенах.

Пушели, шедший к каменным столбам замыкающим, смотрел на столбы и по сторонам, слушал разговор и помалкивал.

Это издалека казалось, будто каменные Истуканы жмутся друг к другу. Подойдя, увидели, что каждый столб отстоит от соседа на метр-полтора. И не выстроившись в шеренгу, как создавалось впечатление при взгляде от проселка, стояли Истуканы: тот, что посередине, выдвигался вперед. На нем, на уровне глаз, была прикреплена потускневшая, позеленевшая небольшая медная пластинка с выгравированной надписью:

«Здесь 29 августа 1920 года в ожесточенном бою доблестный краснознаменный полк И. П. Калининна наголову разбил белую банду Пушилиных, проливавших кровь мирного населения.

Вечная память красногвардейцам-калинкинцам, павшим за свободу, за народную власть».

Канадец тоже прочитал выгравированное на табличке. Вряд ли ему было приятно, если прямой потомок Пушилиных. Но что мог сказать Зимин? Что в Гражданской войне победителей не бывает? Вообще, почему что-то должен обязательно сказать? Не хватало оправдываться. Написано и написано. Скорее всего, от души, с твердой убежденностью.

– Вот около этого, – Зимин провел ладонью по ребристой шершавой поверхности столба, стоящего справа от центрального, на котором была медная табличка с гравировкой, – похоронен Игнатий Пушилилин.

– Тоже от Лестнегова узнал? – спросил Сергей.

– От него... Сфотографируемся на память около столбов? – предложил Зимин Пушели.

– Да-да, – охотно согласился канадец, в задумчивости стоявший перед каменными истуканами.

У Зими́на фотоаппарат был уложен в рюкзаке вместе с другими вещами, и он направился было к мотоциклу.

– Подожди, – остановил его Нетесов. – Потом снимешь. Еще почти час до места ехать. До темноты устроиться, рыбы на уху наловить нужно успеть.

– Место – это где? – спросил Пушели.

– Большой Кужербак, у слияния с Омутной. Там, на соседнем берегу Никифоровы поля начинаются, – обстоятельно, будто иностранцу это о чем-то могло говорить, объяснил Нетесов. – А сфотографируемся завтра. Или на обратном пути. Пошли.

подавая пример, Нетесов энергично зашагал прочь от каменных истуканов...

Опять они ехали, и опять шум работающего мотора оглашал тайгу.

Но вот в этот шум вмешался еле различимый шум другого работающего мотора.

Сергей остановился, приглушил двигатель, вслушался: не показалось ли?

– Слышишь? – спросил у Зими́на, полуобернувшись.

Рюкзак, в котором находился фотоаппарат, был на коленях у Пушели, и Зими́н был целиком поглощен тем, что пытался вытащить из рюкзака «Зенит».

– Что? – спросил он.

– Мотор.

Зими́н вслушался. Кажется, и Пушели, вскинув голову, попытался уловить шум чужого мотора.

– Машина, – сказал Зими́н. – Ну и что?

– Да ничего. Просто... – ответил Сергей. Крутнул ручку скорости, дал газ.

Проехали еще немного. И опять Сергей сбросил газ, притормозил.

Урчание двигателя теперь доносилось все явственней.

– Грузовик, что ли, впереди? – снова повернулся к Зими́ну.

– Ну, может, и грузовик, – сказал Зими́н. – В чем дело?

– Не может – точно, – быстро проговорил Сергей. – Глянь!

Впереди, где-то в полукилометре, или чуть, может, больше, от места, где остановились начинался густой пихтовый массив. И оттуда, со стороны пихтача, темного, словно при-

хваченного сумерками, вырвавшись из его недр, навстречу им мчал зеленый ЗИЛ.

Пока еще он только вынырнул из хвойных лап, еще только отделился от них, однако быстро приближался.

– Андрей, это они!

– Кто? – непроизвольно вырвалось у Зимина, хотя и без того было ясно.

Совсем некстати на языке вертелся другой неуместный, никчемный сейчас вопрос: они давно в другой области, бросили грузовик. И он бы, наверно, спросил об этом, если бы внезапно вспыхнувшая новая мысль не обожгла мозг.

– Они тебя знают в лицо?

– Не должны... – процедил сквозь зубы Сергей. В голосе его не было уверенности.

Пушели, слушая их разговор, глядя попеременно то на их лица, то на летящий навстречу грузовик, не мог понять, в чем, собственно, дело, почему такой переполох при виде обыкновенной грузовой машины, однако у него хватало ума сообразить, что именно грузовик таит для них какую-то очень большую опасность. Тревога спутников передалась и ему. Ему очень хотелось спросить, что происходит, однако он молчал, понимая, что сейчас совершенно не до него.

– Что будем делать? – спросил Зимин.

– Что?..

Нетесов бросил быстрые взгляды на обочины проселка. Развернуться никакой возможности, даже нет смысла пытаться. Слева, за оплывшим земляным бруствером, – зыбкая почва, справа – старая трухлявая поваленная береза, усыпанная опятами. Можно было еще попробовать втроем поднять, развернуть «Урал» на сто восемьдесят градусов, но – поздно, в считанные секунды этого не успеть. Или, если даже успеть, все равно машина нагонит.

– Что? — еще раз вопросом на вопрос Зимина ответил Нетесов, лихорадочно соображая. Под мышкой слева у него был пистолет. Но потянуться за ним, убрать руки с руля, было бы чистым самоубийством. Наверняка из зеленого ЗИЛа следят за каждым его движением, и попробуй он достань пистолет,отреагируют однозначно, мгновенно.

Второй раз в жизни он оказывался в таком положении. Первый – в восьмидесятом году, в Афганистане, на горной дороге. БТР, который он вел, был подбит. Автоматы лежали под рукой, но нечего было думать взяться за них. они были на

мушке у «духов». Их могли застрелить немедленно, но по ним не стреляли, хотели взять живыми. И тогда они приняли решение – вышли и встали с поднятыми руками у БТРа... Пять стволов смотрели тогда на них двоих, но они сумели выйти победителями из поединка...

Не Андрей был с ним вторым тогда. Колонна, в которой он находился, подросла через несколько минут, но Андрей знал в деталях, каким образом все произошло. Если только он не забыл, можно бы сейчас с ним попытаться повторить...

– Помнишь, как мы с Брагиным под Гератом? – Он повернул голову к Зимин.

– Ну... – В голосе Зимина звучало нетерпение.

– Попробуем повторить?

– Давай...

Зеленый ЗИЛ неумолимо приближался, был уже метрах в двухстах. Сразу не попытался, теперь уж и подавно поздно пробовать скрываться от него. Нетесов выключил двигатель.

– Встали, – распорядился. – Встанешь за мной. В шаг. В метре. Не дальше, – велел он Пушели. – Ясно?

Пушели понял.

Из грузовика словно не замечали встречный мотоцикл, мчали, как ни в чем ни бывало. Видны были уже сквозь запыленное ветровое стекло лица двоих находившихся в кабине. Чем ближе, тем отчетливей. Разделяло где-то метров сто... пятьдесят... двадцать... Наконец, словно очнувшись от сна, сидевший за рулем в грузовике резко затормозил. Сквозь шум работающего мотора послышался нудный скрежет от этого торможения. Зеленый ЗИЛ замер шагах в пятнадцати от мотоцикла.

Дверцы кабины распахнулись. Из кабины вышли оба.

– Базавлук, – успел «представить» Нетесов находившегося в кабине пассажиром.

Шлепнули об землю подошвы сапог. Это третий, ютившийся до сих пор на корточках в кузове, спрыгнул вниз. Едва не потерял равновесие, но удержался на ногах, громко выругался. Далеко не пошел, приткнулся к бамперу машины. У всех троих в руках было по «Калашникову».

Тот, что сидел секунду назад за рулем, лохматый, с почти сросшимися на переносице бровями, забрался на капот ЗИЛа, передернул затвор автомата. Базавлук, – светловолосый, долговязый, худой, в распахнутой куртке с закатанными по локоть рукавами, – нарочито медленно направился к мотоциклу,

не сводя глаз со стоящих около него. Взгляд серых глаз скользнул по Зимину по Пушели, остановился на Сергее. Усмешка тронула тонкие губы.

Встав около Нетесова, он шумно потянул ноздрями воздух, поморщился.

– Чем так разит, Жало? Ну, мне просто дышать нечем, – сказал, обращаясь к выпрыгнувшему из кузова. – Это не легавыми, а?

– Легавыми, – с готовностью, подыгрывая главарю, подтвердил тот, кого Базавлук назвал Жалом.

– Верно, Жало, – продолжал Базавлук. – Да не простыми. Узнаешь? Главный пихтовский легавый перед тобой.

– И, похоже, не при исполнении.

Базавлук неожиданно шагнул к Пушели.

– Ты тоже легавый?

– Не знаю, что значит «легавый», – ответил Пушели.

– Он был бледен, но голос звучал твердо. – Я строитель, архитектор.

– А чего ты как нерусский говоришь? Латыш, что ли? – уловив акцент, строго спросил Базавлук. Ответа дожидаться не стал, разразился бранью: – Кормили их всех, блядей, на убой, они отделились, сволочи.

Зимин со страхом подумал: если сейчас Пушели назовет, кто он и откуда, произойдет самое худшее: бандиты могут даже отвязаться тут же и от него, и от Сергея, зато мгновенно мертвой хваткой вцепятся в Пушели, сделают его заложником, будут таскать за собой, пока выгодно. Мысли Сергея, видно, были о том же.

– Литовец он. Из Вильнюса, – ответил он за Пушели. – И кончай дурака валять, Базавлук. Говори, что нужно.

– О, заговорил. Признал. Я думал, он от страха язык сжевал, – Базавлук живо подступил к нему. – Что нужно?

– Да.

– А чтоб ты мне за Мамонта ответил.

– Сами от него избавились, а я отвечаю. Не пойдет.

– Слышь, Жало, как наглет, а? – повернулся Базавлук к приятелю.

Разговор принимал все более острый оборот.

Зимин стоял весь как пружина на взводе. Пора! Он бегло обвел взглядом всех: Базавлук стоял метрах в полутора от Сергея боком к нему с закинутым на плечо «калашниковым», Жало сидел, все так же прилепившись к бамперу, держа авто-

мат на коленях, вертел поминутно туда-сюда головой. Лишь лохматый, как забрался на капот, так и стоял там в одной позе, неподвижный, как статуя. Может, не самый подходящий момент – Пушели гораздо дальше, чем ему было велено, находился от Сергея, однако помедлить еще чуть – и другого, лучшего, не представится.

Он медленно поднял правую руку на уровень груди, осторожно потянул вниз замочек застежки «молнии» на куртке. Потом пальцы так же осторожно, плавно скользнули под куртку в образовавшуюся прорезь. Пальцы неожиданно замерли, ощутив, как гулко прямо под ними бьется сердце. Ужасно он следил за Жалом и за стоящим на капоте. Сейчас очень многое зависело от того, как прореагируют на движение его руки бандиты. Худо придется, если не клюнут на приманку.

– Э-э, куда лапу запустил, – послышался голос Жала. Оттолкнувшись от бампера, он устремился к Зимину.

– Что там? – незамедлительно отреагировал Базавлук.

– Работнички* у легаша по пушке затосковали, – ответил Жало, быстро приближаясь к Зимину.

– Проверь, – распорядился Базавлук.

Клюнули! Сейчас только бы главарь оставался на месте, только бы не вздумалось ему отодвинуться подальше от Сергея. Хотя бы десять, пять секунд.

– А ну, руки на затылок, – приказал Жало, подступив к Зимину почти вплотную. От Жала пахло спиртным: – Ну!

Повинуясь, поднимая руки, Зимин на мгновение повернул голову к Сергею. Взгляды их встретились. То ли показалось, то ли действительно прочел в его глазах одобрение, – это уже не имело значения, ничего нельзя было отменить. Ребром ладони он ударил бандита по шее, под основание черепа. С удовлетворением про себя отмечая, что раз приобретенный навык не теряется, у него по крайней мере не потерялся, развернул, притянул к себе обмякшее тело, загородившись им от стоящего на капоте ЗИЛа как щитом.

Он целиком был поглощен тем, что предназначалось делать ему, не смотрел на Сергея, как у него. А когда взглянул, увидел, что Сергей тоже не тратил зря времени. Он держал главаря тройки перед собой. Правда, Базавлук, в отличие от Жала, не потерял сознания, пытался вырваться... А Пушели

---

* Работнички – пальцы

лежал на земле, упираясь головой в колесо мотоцикла. Не сам он, конечно, упал, Сергей свалил его.

Когда успел, не время было думать. Главная опасность – стоящий с автоматом на капоте, – сохранилась.

Лохмач растерялся, так молниеносно изменилась на его глазах ситуация, наводил дуло «Калашникова» то на одну, то на другую пару, не зная, что предпринять, на что решиться. Но на что-то он вот-вот должен был решиться. Нельзя было допустить, пока опомнится.

Еще когда Жало выпрыгивал из кузова, Зимин приметил, как он прижал руку к боковому карману пиджака. И пока Жало шел к нему, он видел: карман оттопыривается, что-то там лежит. Граната? Удерживая одной рукой бандита перед собой, другую руку Зимин сунул в этот оттопыривавшийся карман, нащупал металлическую ребристую поверхность. Так и есть, граната.

– Крот, не стреляй! – услышал он голос Базавлука.

– Не могу!..

Вслед за отчаянным, взвизгивающим голосом с капота плеснула щедрая автоматная очередь. Стреляли пока не по Базавлуку, не по Сергею, пули сыпались в земляной оплывший бруствер на обочине.

– Не стреляй, гад, сука... – раздался и осекся при звуке новой очереди голос Базавлука.

Зимин зубами выдернул чеку из гранаты, кинул гранату под колеса машины.

От взрыва грузовик подлетел, столб огня взметнулся из-под кабины. Автоматная дробь осеклась. Лохмач ухнул на капота, выронив из рук оружие, упал на бок около переднего колеса ЗИЛа.

Для верности еще раз двинув Жало по шее, Зимин отшвырнул его к стволу трухлявой поваленной березы, кинулся к лохмачу. Тот не пострадал ни от взрыва, ни от падения, полз от машины, протягивал руку к «Калашникову».

– Куда тебя!.. – Зимин с размаху ударил ногой по локтю тянувшейся к оружию руки. Подобрал автомат, обшарил лохматого, не завалилась ли и в его карманах граната. Нет.

...Все! Они вышли победителями из этой отчаянной схватки. Жало пока не очухался от двух крепких ударов, лежал, обхватив рукой ствол трухлявой березы. Главарь банды тоже был на земле. Сергей находился около него с пистолетом в руке. Однако пистолет больше для страховки. Базавлук не

представлял никакой опасности. Второй очередью из автомата он был ранен в левое плечо. Неясно пока, насколько серьезно, но куртка и оголенная до локтя рука были в крови. И на одежде Сергея тоже была кровь. То ли базавлуковская, то ли тоже ранен. Если даже и ранен, то легко, не опасно. А вот что с Пушели? Одни его ноги торчали из-за мотоцикла.

– Мишель, – окликнул Зимин, устремляясь к мотоциклу.

– Цел он, цел, – успокоил Сергей, подбирая валявшиеся на дороге два автомата.

Пушели поднялся. Лицо его было грязно-серым, в глубоких царапинах. Во все глаза он глядел на бандитов, на горящий грузовик с выкрошившимися фарами и ветровым стеклом, на своих спутников.

– Отдых по-таежному, – с нервным смешком сказал Зимин. Во всем теле ощущалась мелкая противная дрожь. Напряжение пережитых опасных минут пока не спадало.

Сергей шагнул к нему, головой ткнулся в его голову, обнял. Отстранился, так же молча потерся щекой о щеку Пушели, притянув его к себе.

Очухавшийся Жало медленно приподнялся на локте. Увидев объятую пламенем машину, вдруг вскочил с легкостью, побежал по проселку прочь от машины, от мотоцикла. Сапог слетел у него с ноги, он не стал возвращаться. Далеко убежать, скрыться он не мог, тем более, полуобутый. Не это обеспокоило Нетесова. Он заметил: пока он наблюдал за одним, другой, лохматый, со сросшимися на переносице бровями, он знал его фамилию – Бесперстов, – шмыгнул с дороги под прикрытие трех рядом растущих кедров. Чего так испугались? Машина? наверное, горящая машина. Там есть еще гранаты, и они вот-вот начнут взрываться? В любую секунду? Видимо, так. Рано они обрадовались, еще неизвестно, кто будет праздновать победу, если сейчас не успеют укрыться.

– А ну, быстрее за кедры! – велел он Пушели и Зимину. Нервы не выдержали, и он перешел на крик, на мат.

Прежде чем самому кинуться следом, глянул на Базавлука. Повезет ему, так повезет. Было бы кого спасать, ради кого рисковать.

Уже оказавшись под защитой стволов рядом с Пушели. Андреем и одним из бандитов, снял с руки часы, смотрел на секундную стрелку. Она обежала чуть меньше полукруга, когда рвануло. Раз, другой, третий. Одиночные взрывы слились в один долгий. Потом наступила тишина.

Они вышли из укрытия. Зеленый ЗИЛ, то, что от него осталось, лежал поперек дороги колесами вверх, и все четыре ската были охвачены пламенем. Горели и откинутые взрывной волной в болотную жижу деревянные обломки кузова. У мотоцикла пострадала только коляска: она была вся изрешечена осколками. У главаря банды ран не прибавилось, однако он и без того был в тяжелом состоянии, без сознания. Сергей, склонившись, пощупал ему пульс, еле угадывался.

– Да, почти как на войне. Здорово смахивает картина, – оглядевшись, сказал Зимин.

Нетесов и Пушели промолчали. Впрочем, Зимин и не ждал ответа.

Сергей завел мотоцикл, покатил на нем задним ходом по проселку. Минут через десять вернулся с третьим бандитом. На одной ноге у Жала был обут сапог, другая нога – босая. Слетевший сапог валялся на дороге, можно было его поднять, однако Нетесов этого не сделал.

– Так лучше, не сбежит, – пояснил. – Сейчас так их скрутим... – Сергей полез в рюкзак, где были рыболовные снасти.

Внимание Зимины привлекла наколка на босой ноге Жала: «А ноги просятся в санчасть». Он взглянул на левую руку: на тыле ладони была вытатуирована лилия. Похоже, это на Жало ориентировку показывал ему неделю назад Сергей. Хотел позабавить описанием многочисленных наколок...

Спустя полчаса Базавлук был перебинтован. Двое его подельников накрепко связаны, для страховки Нетесов еще спутал их крупноячеистой сетью.

– Андрей, – подозвал к себе Зимины, – ехать нужно в Пихтовое срочно. Темнеет. И этого, если не везти, умрет, – кивнул на Базавлука.

– Ты же ранен.

– Пустык...

– Может, все-таки, я попробую?

– Исключено. Тайга. Нельзя шутить. Я быстро, часов за пять. На тебя с Пушели этих двоих оставляю.

– Крот – это Бесперстов. А Жало? – спросил Зимин.

– Нормальная у него фамилия. Максимов. Зачем тебе это? Лучше помоги Базавлука поднять.

Вдвоем они уложили стонущего в беспомощности от боли главаря преступной группы в коляску.

– Скоро вернусь, – заводя мотор, сказал Сергей, специально для Пушели.

Через минуту мотоцикл скрылся из виду, некоторое время еще доносился его затихающий гул, потом и он пропал.

В наставшей тишине слышны были только треск горячей, плюющей копотью резины да шорох листвы от пробегающего в кронах деревьев свежего ближе к ночи осеннего ветерка.

– Годится под сиденье. – Зимин кинул к ногам Пушели скатанную зачехленную палатку. Сам сел на рюкзак с рыболовными снастями и спальниками.

Пушели, опустившись на палатку, молчал. Даже не спросил о бандитах, откуда они объявились в этой глухомани, почему знакомы с Нетесовым? То ли в общих чертах понимал, то ли от того, что все не мог оправиться от переделки, в которую невольно угодил.

Зимину тоже было не до разговоров. В пылу схватки он ничего не почувствовал, выдирая зубами чеку из гранаты. Теперь пристала острая зубная боль. Он потрогал зубы пальцами. Два нижних качались. Кажется, придется удалять. На войне все сохранил в целости, а тут... Досада вспыхнула и погасла. Он усмехнулся про себя: что за цена за победу в таком неравном поединке – два шатающихся зуба у него, и легкое ранение у Сергея?.. Взглянув в очередной раз на Пушели, подумал, что он, приехав на землю предков, каких-нибудь час-полтора назад мог оказаться убитым на этой земле. В считанных километрах от места, где сложил голову его прадед...

Сумерки приближались. Огонь от горящих скатов очерчивался все резче, в окружных деревьях витала полумгла, а хвойный лес, откуда вынырнул зеленый ЗИЛ, виделся уже одной сплошной жирной черной линией.

Пора было приготовиться к ночи – принести дров для костра, зачерпнуть воды для питья.

Из второго рюкзака он вынул вместительный полуведерный котелок, который был заполнен продуктами, посудой, двумя плоскими фляжками. Из фляжки налил в пластмассовый стаканчик, протянул Пушели.

– Водка.

– А вы? – спросил Пушели.

– Нельзя. Потом, – Зимин махнул рукой в сторону сидящих в десятке метров от них двух связанных бандитов. – Выпейте.

Он выложил содержимое котелка на рюкзак, отправился за водой.

Тонкий ручеек пробежал около трех кедров, за которыми хоронились. Не самая, может, чистая вода, с привкусом болота, однако искать другой источник, оставлять без внимания бандитов, поостерегся. Хорошенько прокипятить – нормальная будет вода для питья.

С дровами для костра вообще никаких проблем не возникло: крутом полно валежника, оставалось только в кучу стаскать.

Пушели держал в руках его фотоаппарат, когда он, управившись, опять сел рядом.

– Посмотрите, Андрей Андреевич, – пальцем показал Пушели.

На «Зените», который Зимин пытался, отъехав от трех каменных истуканов, извлечь из рюкзака, да так и не успел, была глубокая вмятина, объектив разбит. Осколочек гранаты угодил и в фотоаппарат.

– Выкинуть надо, отснял свое, – сказал Зимин.

– Подарите его мне, – попросил Пушели. – На память.

– Пожалуйста...

Зимин присел на корточки перед кучей валежника. Чиркнул спичкой о коробок, зажигая костер. Костер быстро занялся, и они оба опять долго молча сидели, смотрели на огонь.

– Андрей Андреевич, вы говорили, Степан Пушилилин увез с собой за границу много золота, – первым нарушил молчание Пушели.

– Говорил. Три пуда.

– Вы ошибаетесь, Андрей Андреевич.

Поймав немой вопросительный взгляд Зимина, кивнул:

– Ошибаетесь. У него было вместе с деньгами жены сто пятьдесят два советских рубля и восемь золотых монет, когда он бежал из этих мест. А после перехода границы осталась всего одна монета. Один золотой червонец на троих.

– Трое – это Степан, Анна, Андрей?

Пушели кивнул.

– А клад? Забыл его местонахождение или невозможно было подступиться взять?

– Помнил и мог. Но для этого нужно было еще очень долго, день или два, оставаться около Пихтового. А он боялся, не хотел задерживаться лишней минуты. Это, может быть, трудно понять: находиться рядом с золотом перед тем как навсегда покинуть страну, и не набить пустой карман. Для этого нужно, наверно, как он, лучшие годы провести в лагерях.

– Новость так новость, – только и сказал Зимин.

– Это еще не все, Андрей Андреевич. Не главная новость. Пушилины имели не три пуда золота, а гораздо больше. Восемь с половиной.

– Адвокату Мурашову в тюремной камере Степан Пушилин говорил о трех пудах...

– Он не утаивал. Об остальном он узнал много позднее. Уже не в России.

– Как так?

– Золото было выгружено в Пихтовой в девятнадцатом году двадцатого ноября.

– В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое, – поправил Зимин.

– Да-да, так: девятнадцатого в девятнадцатом, – Пушели кивнул. – А через несколько дней Игнатий тайно от сына переез в другое место пять с половиной пудов – золота. Он боялся, как бы сын не бросил воевать за Россию, не начал с помощью этого золота устраивать свою жизнь. За месяц до того как погибнуть, по секрету рассказал о перепрятанном золоте Анне, а она потом, сразу после гибели свекра, не успела рассказать мужу. Рассказала, когда они уже давно покинули Россию и, как это у вас говорится, встали на ноги.

– Степан Пушилин нашел за границей родственников адвоката Мурашова? – спросил Зимин.

– Внучка адвоката Мурашова и сын Степана Пушилина – муж и жена, – ответил Пушели.

– Вот как даже...

Разговор на некоторое время прервался: бандиты потребовали воды, и Зимин поил их. Потом стоял около угробленной машины. Скаты сгорали медленно. Огонь оставался довольно энергичным, а ветер усилился. Под его порывами языки пламени шарахались туда-сюда, порой опасно близко клонились к земле, и Зимины тревожило, как бы огонь не перекинулся на сухостойные ветки, на валежник. Вроде, пока причин для большого беспокойства не было. Авось, до приезда Сергея ничего не случится. Обойдя остов грузовика, он откинул подалее несколько валежин и вернулся к костру.

Оставался самый главный вопрос: если Мишелю Пушели известно, что сначала Игнатий Пушилин увез со становища Сопочная Карга пять с половиной пудов золота, а позднее три пуда его сын Степан, тогда, наверное, известно нынешнее местонахождение клада.

Вопрос вертелся на языке. Зимин все медлил, никак не мог решиться задать его.

– Но если Пушилины собственноручно спрятали золото в России, в Пихтовом, тогда нет секрета, где оно лежит? – спросил наконец.

– В принципе – да, – ответил Пушели.

– В принципе – это примерно?

– Не совсем примерно. То, что существует золотой клад, было тайной, о которой знали все взрослые в семье Пушилиных и двадцать, и тридцать лет назад, и больше. Но было такой тайной, из которой нельзя, запрещено было пытаться извлечь выгоду. Разрешалось просто знать. Вы понимаете меня?

– Понимаю. Клад в другой, далекой стране, за океаном, все равно к нему невозможно подобраться...

– Не так, – Пушели отрицательно потряс головой. – Степан Пушилин причину всех своих личных несчастий усматривал в том, что позволил втянуть себя в историю с золотом. Суеверно думал, что Бог послал ему лагеря за это.

– За какие же грехи тогда еще пол-России попали в лагеря? – Зимин усмехнулся.

– Мне трудно судить. Я жил жизнью другой страны, – не пожелал обсуждать это Пушели. – Мы говорим о золоте. Степан Пушилин сумел всем в семье внушить, что если кто попытается прикоснуться к русскому кладу, неминуемо разделит его участь.

– Почему обязательно так?

Пушели промолчал.

Зимин давно отметил, что о своих родственниках, прямых, судя по осведомленности, Пушели из каких-то соображений говорил отстраненно, не обозначая степень родства, и не переступал границ, принимал правила игры.

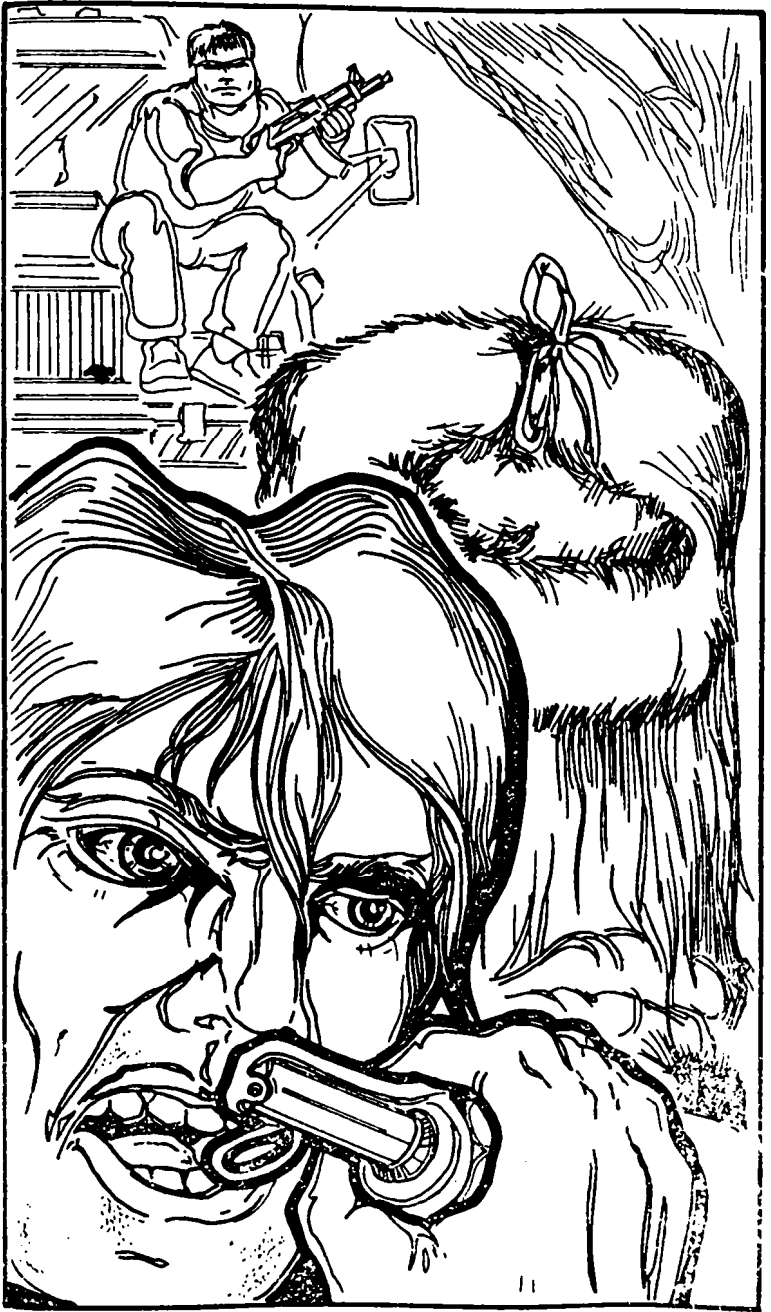
– Хорошо, – продолжал он. – Допускаю, что Степан Пушилин в чем-то был прав. Но он говорил это, наверно, давно, не мог знать, что в России все так переменится. Сейчас-то какой риск?

– Вы считаете, нет? – Пушели поднял глаза на собеседника.

– По-моему, никакого. Стоит сделать заявку, приложить точный план – и...

– И что?

– И остается получить вознаграждение. Двадцать процентов.

– А остальные? – Пушли переломил сухую палку, бросил в костер.

– Так определено законом, – ответил Зимин.

– Скажите честно, Андрей Андреевич, вы верите, что клад будет передан на благое дело? – Пушли пытливо посмотрел в глаза Зимину, перевел взгляд на связанных двоих бандитов. – При том, что творится сейчас у вас на самых глухих дорогах, верите?

Выдержав долгую паузу, сказал:

– И я не верю.

– Вы хотите сказать... – начал Зимин и нарочно умолк, давая возможность собеседнику выговориться до конца.

– Пусть пока тайна останется тайной. – Еще одна сухая ветка хрустнула в руках у Пушли и полетела в костер. – Это не навсегда. Но сегодня так лучше, Андрей Андреевич.

Воцарилось молчание.

Зимин встал, сделал несколько шагов от костра в сторону машины.

Таежный проселок все глубже зарывался в темень сентябрьского вечера. Уже и на полсотни шагов окрест невозможно было рассмотреть очертанья деревьев. Резина на колесах все продолжала гореть, однако прежнего, шарахающегося из стороны в сторону и вызывающего тревогу огня, не было; больше копоти. Запах горелой резины мешался с запахом грибов и прелой листвы. Зимин посмотрел на часы. Если все хорошо, Сергей сейчас где-то на подъезде к Пихтовому. Однако до половины ночи самое малое придется еще проторчать на проселке в ожидании. Нужно как-то скоротать время. Прежде всего поесть.

Светлеет ствол поваленной березы на обочине. Вспомнив, что ствол весь усыпан опятами, Зимин шагнул к березе.

– Хотите, сварим грибов, Мишель? – спросил громко.

– Хочу, – послышалось в ответ. – С удовольствием, Андрей Андреевич...

Евгений Жохов

ЛЕЧЕНИЕ СМЕРТЬЮ

*Посвящается:
Захарченко Максиму
и всем... сумасшедшим*

Пролог

В обитой мягким пластиком палате психиатрической лечебницы метался обезумевший старик. Он рвал на себе волосы, бился головой о стены. Его тело корчилося в судорогах, временами на худых костлявых руках неестественно выпирали бугорки вен. Его бросало из стороны в сторону. Он падал и опять поднимался, чтобы упасть еще раз. Обессиленная, теряя последнюю ниточку контроля над собой, он падал на колени и с пеной у рта начинал биться в агонии. Временами он затихал и тогда становилось видно его бледное, обескровленное лицо, искаженное гримасой злобы и мертвые, ничего не видящие глаза, от которых исходила ничем не прикрытая ненависть.

Его вопли не были слышны за пределами палаты, они заполняли все внутри нее, а на улице, гармонично сочетаясь с больничным безумием, раздавался тревожащий душу вой собаки.

Глава первая

– Ну все, мы поехали. – Леди Стюарт сбежала по ступенькам коттеджа и помахав рукой дочерям, добавила:

– Не задерживайтесь долго, – крикнула Маргарет садившейся в машину матери и закрыла входную дверь. Подойдя к зеркалу, она очень внимательно посмотрела на себя, а затем взяв маникюрный набор, достала оттуда пилочку для ногтей. Повертев ее в руках, она привела в порядок свои ногти и уже собралась положить ее на место, но в это время тишину коттеджа нарушил веселый детский смех. Вздвогнув, Маргарет бросила пилку на тумбочку и поднялась на второй этаж в свою спальню.

Бесси, так звали младшую сестру Маргарет, смотрела телевизор и буквально каталась от смеха по кровати.

Прислонившись плечом к косяку двери, Маргарет посмотрела на сестру и невольно подумала: «Как все-таки она умеет смеяться! И делает это так, как будто последний раз в своей жизни».

– Если не ошибаюсь, доктор Маршалл? – Произнес с улыбкой высокий, но уже не молодой мужчина, останавливая проходящего мимо доктора.

– А-а! Привет, старина! – улыбнулся в ответ доктор и пожал протянутую руку. – Кстати, Джон, почему ты приехал на день раньше? Все ждали тебя завтра.

– О, все в порядке, просто я раньше освободился. – Он улыбнулся и взяв под руку доктора, шагнул к лестнице. – Я думаю мои милые ребята соскучились по своему старому приятелю, доктору Джону Макрейну. – И помолчав, он добавил:

– Кстати, как они поживают?

– Джон, черт тебя подери, как ты все время можешь думать только о работе?! – Он состроил недовольную мину. – Я жду не дождусь, когда же меня направят в командировку, чтобы свалить из этого Богом позабытого места, а ты еще не успев переступить порог лечебницы, уже думаешь о лекарствах и подопытных кроликах!

– Не сердись, старина, я хотел лишь удостовериться, что все в порядке.

– Ну конечно все в порядке! – С обидой в голосе отозвался доктор. – Здесь тише чем у Христа за пазухой.

– О, Алан, я вижу ты не изменяешь своим привычкам. – сказал Макрейн, указывая на огромный охотничий нож, оттопыривающий полы халата.

– Ты же знаешь, как чертовски трудно расставаться со своими привычками. Там, в клинике Грисвелла, было полно всякого дерьма, готового пришить тебя в любую секунду... – Он вдруг спохватился. – Извини, что я тебя заговорил, ты наверное хотел бы отдохнуть с дороги?!

– Я бы предпочел сначала осмотреть пациентов. – Макрейн виновато развел руками. – Вот такой я неисправимый.

– Если не возражаешь, я составлю тебе компанию. – И хлопав Макрейна по плечу, доктор Маршалл улыбнулся – он был рад приезду старого друга.

Час спустя, заканчивая обход, они подошли к палате 13-А. Открыв дверь, доктора увидели сидящего в дальнем углу старика. Длинные седые волосы спадали на обхваченные руками колени. Больничная пижама, изодранная в клочья, лохмотьями свисала с его худого тела.

– А здесь находится наш старый знакомый, – сказал доктор Маршалл, указывая на старика. – Представь, еще несколько дней назад он преспокойно сидел на кровати в нормальной палате и пускал пузыри, двигая ручками танчики и машинки. Ну как обычно, впадал в детство. А буквально на днях он как будто взбесился! Разбил шкаф, сломал кровать. Стал бросаться на санитарок. Шепчет какие-то молитвы, заклинания... В общем, – заключил он, – у старика появилось новое увлечение – Демоны и все такое прочее. Вот мне и пришлось поместить его сюда, чтобы он не разбил свою дурную голову о бетонные стены больницы.

Доктор Макрейн сделал шаг вперед:

– Привет, малыш! – Обратился он к старику. – Как у тебя дела?

Услышав, что к нему обращаются, старик резко обернулся. Глаза сверкнув безумным блеском, подернулись тенью безразличия. Из сомкнутых уст не вырвалось ни звука, лишь хриплое звериное дыхание стало слышно отчетливее.

Задав еще пару вопросов и так же не получив на них ответа, доктор Макрейн расстроился.

– Да, малыш, – проговорил он, – похоже ты не в настроении говорить. Ну ничего, в следующий раз.

Почувствовав себя очень уставшим, доктор Макрейн решил на этом закончить обход и пожелав всего хорошего доктору Маршаллу, спустился к себе в кабинет.

Раздавшийся в комнате телефонный звонок прозвучал неожиданно. Маргарет спрыгнула с кровати, подбежала к телефону и сняла трубку.

– Алло, – раздался в трубке голос Тома.

– Привет, Том! – Маргарет была рада его звонку. – У меня есть для тебя отличная новость.

– Я думаю эта новость не помешает нам увидеться сегодня?

– Напротив! – Она выдержала паузу. – Родители уехали на весь день и будут только к ужину. Надеюсь, тебе не надо объяснять, что это значит?!

– Конечно! Маргарет, ты просто прелесть! Как тебе удалось спровадить этих домоседов?

– О, пустяки! – С гордостью ответила она. – Приезжай, я буду ждать тебя.

– Не пройдет и мига, как я буду держать тебя в своих объятиях...

Напевая только что услышанную по телевизору мелодию, Маргарет кружилась по комнате. Услышав скрип открываемой входной двери, она подбежала к лестнице и увидела уходящую прислугу.

– Это как нельзя кстати, – подумала Маргарет. – Сегодня просто чудесный день!

Ей захотелось полной грудью вдохнуть теплый летний воздух. Пройдя через комнату, она выглянула в окно. Непонятная тревога охватила ее. С каким-то нехорошим предчувствием смотрела она на приближающуюся грозовую тучу.

– Надо закрыть все окна, – подумала Маргарет и вышла из спальни.

Глава вторая

Доктор Макрейн внезапно проснулся. Он резко сел на кровати и обхватил руками голову. Что заставило его проснуться? Страх? Мольба о помощи?

Он вдруг почувствовал исходящую откуда-то угрозу.

Внезапно сверкнула молния и грозовой раскат молотом ударил в голову.

Доктор встал, выглянул в окно. В блеске молний, за сплошной стеной дождя ему показалось, что от здания больницы отделился и бросился прочь чей-то силуэт. Доктор

встряхнул головой, прогоняя видение и накинул на себя рубашку.

Одевшись, он решил зайти на вахту, поболтать с доктором Маршаллом.

В длинном темном коридоре гулко отдавались его шаги. Раскаты грома, проникающие и сюда, создавали зловещий фон.

Дойдя до вахты, доктор увидел свет и постучав, открыл дверь. В комнате никого не было. На столе стоял недопитый стаканчик кофе и бутерброд.

– Должно быть пошел на обход, – подумал доктор Макрейн, но в этот момент наверху раздался чей-то истерический вопль, перешедший в крик о помощи. Не сомневаясь ни секунды, доктор бросился вверх по лестнице. Вбежав на второй этаж, он увидел рыдающую сиделку. Она бросилась ему навстречу, размазывая по щекам слезы, градом льющиеся из глаз.

– Я доктор Макрейн, в чем дело? – спросил Джон.

– Скорее, доктор, помогите – там доктор Маршалл, – перебивая рыдания проговорила она. – Он еще жив. Скорее!

Джон вошел в комнату и увидел доктора, лежащего в луже крови. Его лицо, застывшее от ужаса, было в ссадинах и синяках. Из перерезанных вен на запястьях рук все еще шла кровь.

– Быстрее вызовите реанимацию! – прокричал доктор сиделке. – Торопитесь, мы должны его спасти.

Окинув взглядом палату, он остолбенел. По всей комнате валялись клочья одежды, стены были в крови. Склонившись над доктором, Джон почувствовал, что чего-то не хватает в его одежде. Присмотревшись повнимательней, он ужаснулся. Отсутствовал огромный охотничий нож.

Кругом стояла адская темень. Дождь лил как из ведра, заливая глаза, мешая идти. Вой ветра, сочетаясь с раскатами грома, безумным гулом разносился по окрестностям. Огромные черные деревья в дикой пляске сталкивались и рушились, погребая под собой все живое.

Хриплое дыхание загнанного зверя звучало в унисон с разгулявшейся стихией...

Блеск молний вырывал из черноты одиноко стоящий дом. Все было погружено во мрак, лишь в маленьком окошке на втором этаже горел свет...

– Маргарет, мне страшно, – дрожащим голосом сказала Бесси. – Такой ужасной грозы еще не было.

– Не бойся малышка, это всего лишь гроза. Пройдут тучи и вновь будет светить солнце... – но это прозвучало как-то неуверительно. Она и сама не верила, что эта гроза когда-нибудь кончится. Ей вдруг показалось, что она будет длиться вечно...

Отгнав дурные мысли, Маргарет решила сменить тему.

– Послушай, Бесси... – она не договорила. Резкий стук в дверь заставил вздрогнуть.

– Маргарет, не открывай, мне страшно, – сказала Бесси со слезами на глазах.

– Ну что ты, не бойся, это Том. – Маргарет встала с кровати и поправив прическу, направилась к двери. – Подожди; я пойду открою.

Маргарет не спеша спустилась в прихожую, зажгла свет и открыла дверь.

На пороге стоял человек. Вспышка молнии осветила его мертвенно бледное лицо и жажду крови в остекленевших глазах. Порыв ветра, ворвавшийся в открытую дверь, растрепал его длинные седые волосы.

Маргарет в ужасе отпрянула.

– Кто Вы? Что Вам нужно?

– Помогите мне! – Простонал человек, протягивая руки к Маргарет, застывшей от ужаса и могильного холода, исходившего от него.

Вырвавшись из оцепенения, она попятилась назад, не в силах издать ни единого звука.

Вдруг она услышала шаги позади себя и почувствовала на себе чей-то взгляд. Резко обернувшись, Маргарет вздрогнула, замерла на месте и... вздохнула с облегчением. На нее смотрели испуганные глаза Бесси.

– Маргарет, кто это был? – Раздался испуганный голос девочки.

Словно туго натянутая струна, что-то оборвалось внутри Маргарет. Она резко обернулась и... увидела лишь закрытую входную дверь. Человек исчез.

– Я не знаю, – прошептала в конец запутавшаяся Маргарет. Увиденное потрясло, обескуражило ее. – Никого не было, нам показалось.

И заперев входную дверь, рассеянно глядя по сторонам, она двинулась в спальню.

Солнце светило прямо в глаза. Теплый летний ветер, приятно обдувая, создавал ощущение комфорта. Солнечные зайчики, игриво сверкая, плясали по мостовой.

– Доченька, помоги мне, пожалуйста, перейти через улицу, – услышала Маргарет голос слева от себя. Повернувшись, она увидела старушку и протянула ей свою руку. Та довольно грубо и бесцеремонно ухватилась за нее своими сухими, костлявыми пальцами. Удивившись, Маргарет захотелось рассмотреть ее получше, уж больно не такой уж беспомощной, как казалось на первый взгляд, она была.

...Черты лица были не четкими и какими-то расплывчатыми, словно это был не живой человек, а неудачно сделанный фотоснимок.

Маргарет удивилась, но ничего не сказала. В этой старушке было что-то неуловимо знакомое. Более того, знакомое с детства. И Маргарет сразу все вспомнила. Это была ЕЕ бабушка! Маргарет почувствовала, что снова становится маленькой, беспомощной. И как частенько бывало в детстве, ей захотелось прижаться к бабушке, обнять ее... Но какой-то страх шевельнувшийся в ее груди, заставил тут же отпрянуть. Маргарет вдруг с ужасом вспомнила, что ее бабушка умерла уже несколько лет назад!

..А костлявые пальцы старухи все сильнее и сильнее сжимали руку Маргарет и тащили куда-то...

– Бабушка! – В ужасе вскрикнула Маргарет, – куда ты меня тащишь?! Уходи, ты же умерла!

– Пойдем со мной, Маргарет – я желаю тебе только добра! Не бойся, доверься мне. Пойдем! – Говорила старуха, но Маргарет ее не слушала. Ужас сковал ее волю. Лихорадочно работал мозг. Она упиралась как могла, но все было тщетно.

И вдруг она вспомнила, что они находятся на улице, на проезжей части, что кругом мчатся машины. В тот же миг по ушам резанул многоголосый рев сирен и клаксонов. От страха Маргарет на миг застыла на месте, и в ту же секунду увидела огромный трейлер, медленно приближающийся к ним. Маргарет как зачарованная смотрела на эту огромную машину, которая с каждым мгновением становилась все больше и больше... В ушах все сильнее и сильнее звенел нудный звон. Она стояла как вкопанная и ни одна сила не способна была сдвинуть ее с места.

Вдруг что-то больно ударило ее в бок. Она обернулась и увидела беснующуюся старуху, пытающуюся сдвинуть ее с

места. Маргарет видела ее лицо, искаженное гримасой ненависти и глаза, полные злобы. В бок давили все сильнее и сильнее ее костлявые пальцы. В ушах все настойчивее звенел звонок. Медленно, неумолимо приближался трейлер.

Маргарет подняла глаза и застыла от ужаса. На месте водителя сидел человек, приходивший во время грозы. В его глазах светилось торжество, радость близкой победы и звериная беспощадность.

Маргарет рванулась с места. Бесплезно! Она была намертво пригвождена к мостовой. Машина все приближалась, нависая над Маргарет беспощадной лавиной смерти. Все настойчивее был звон в ушах, все сильнее пальцы старухи давили в бок.

Маргарет подняла глаза и встретила со взглядом водителя машины, со взглядом, в котором не было ни капли жалости, ни капли сострадания ни... капли человечности. И в то же время ее притягивали, тянули к себе его глаза. Она не могла оторвать от них своего взгляда. Они становились все больше и больше, закрывая собой вес...

Внезапно послышался скрип тормозов и глухой удар... Маргарет вскрикнула и... проснулась. На тумбочке надрываясь звонил телефон. В бок, подобно пальцам старухи, упирался ключ от входной двери.

Маргарет села на кровати. «Да, снотворное действует безотказно, – подумала она. – Я даже не заметила как уснула».

Достав из кармана ключ, она повертела его в руках и бросила на тумбочку, а потом, спохватившись, протянула руку к телефону и сняла трубку.

– Алло, – раздался обеспокоенный голос Тома. – Маргарет, у вас все в порядке? Почему ты так долго не поднимала трубку?!

– Все в порядке, Том, я просто уснула...

– Я уже начал волноваться. Такая ужасная гроза. Дороги завалены. Я застрял в паре миль от твоего дома.

– Значит, ты не приедешь? – Спросила Маргарет и расстроилась.

– Терпение, малышка! Если не удастся подъехать на машине, я приду пешком!

– Будь осторожен, Том, и помни: я жду тебя!

Маргарет повесила трубку. Посмотрев на часы, она заключила, что проспала как минимум часов пять. На улице уже

стемнело. И она вдруг обнаружила, что страшно хочет есть. Укутав спящую Бесси, Маргарет спустилась на кухню.

Приготовив яичницу и накрыв на стол, она позвала сестру. Голос гулким эхом прокатился по дому и затих, растворившись в тишине. Ей никто не ответил. «Вероятно она еще спит», – подумала Маргарет и решила поужинать в одиночестве.

В считанные минуты покончив с едой, она решила отнести сестре поесть. Поставив на поднос все необходимое, Маргарет пошла в комнату. Поднявшись на второй этаж, она ногой толкнула дверь и вдруг застыла на месте: кровать, где спала Бесси была пуста.

В душе шевельнулся страх.

– Бесси! Где ты?! – Крикнула Маргарет, выходя на лестницу. – Бесси! Бес...си, – слова застряли в горле. Выпавший из рук поднос покатился по лестнице, режа слух пронзительным металлическим звоном. Маргарет заметила на полу у кладовки темные пятна. Подойдя поближе, она увидела, что это кровь.

Глава третья

В комнате повисла жуткая тишина. Скрип половиц подчеркивал робкие, неуверенные шаги. Сердце, бешено колотившееся в груди, в любую секунду было готово выскочить наружу. Вздрагивая от малейшего шороха, Маргарет, готовая в любую минуту броситься наутек, медленно подошла к двери. В памяти гулким эхом проносились отголоски кошмарного сна. Остановившись в нерешительности, Маргарет на мгновение задумалась. «Нужно найти Бесси, – подсказало ей сердце. – А потом уматывать ко всем чертям из этого дома», – подсказал разум. Мысленно перекрестившись, Маргарет шагнула вперед. Потянув на себя дверь кладовки, она краем уха уловила детский плач. Резко распахнув дверь, она в ужасе вскрикнула. Черная тень, мелькнув на миг, бросилась к ней и накрыла с головой. Теряя самообладание, Маргарет в истерике била руками и ногами воздух. Пока не скинула с себя... старое пальто отца, слетевшее с вешалки. Выругавшись, она почувствовала себя получше, и пихнув ногой пальто, включила свет и осмотрела кладовку. Кроме всякого старья и ненужного хлама, в ней не было ничего. Ничто не указывало на присутствие Бесси.

«Но ведь был же детский плач!» – словно током ударило Маргарет, и резко развернувшись, она перевела взгляд на дверь ванной комнаты. Только сейчас она заметила, что там горит свет.

На негнущихся ногах Маргарет подошла и потянула за ручку. Дверь была заперта изнутри.

– Бесси, – позвала Маргарет и удивилась тому, что голос перестал ее слушаться. – Бесси, ты здесь?

– Помоги мне, – донесся из-за двери испуганный детский голос. – Он приходил и хотел забрать меня!

Не думая ни секунды, Маргарет разбежалась и ударила в дверь. Затрещали доски, скрипнули петли, но дверь выдержала. Не замечая боли, Маргарет еще раз ударила в дверь. Она резко распахнулась, и Маргарет оказалась лицом к лицу с жутким стариком, державшим как куклу истерзанное мертвое тело девочки. Маргарет вскрикнув, замерла на месте.

– Но я не смогла убежать от него! – Закончил старик детским голосом, держа лицо мертвой девочки на уровне своего лица. И рассмеявшись жутким, хриплым смехом, бросил Маргарет тело.

– Как большая и ужасно тяжелая ватная кукла, тело Бесси упало Маргарет на грудь. Прижав его к себе, Маргарет, не понимая что делает, стала качать его как когда-то в детстве качала куклу. Кровавые слезы катились из пустых глазниц девочки, и Маргарет казалось, что она плачет...

Постепенно смысл происходящего начал доходить до нее. Она в ужасе оттолкнула от себя тело сестры, которое разбрызгивая кровь по всей комнате, полетело под ноги безумного старика. Маргарет посмотрела на свои окровавленные руки и на платье, с ног до головы залитое кровью, и ей вдруг показалось, что это она убила свою сестру! Сжав со всей силы виски, она закричала...

Сквозь слезы, заливающие глаза, Маргарет заметила надвигающуюся на нее тень. Подняв глаза, она отшатнулась. С огромным ножом, прямо на нее шел старик. На его плотно сжатых узких губах играла зловещая ухмылка, в глазах светилась ненасытная жажда крови. Свет лампы, попадая на лезвие, сверкал беспощадным огнем.

С трудом поднявшись с окровавленного пола, Маргарет на подгибающихся ногах, бросилась к входной двери. Добежав до нее, она ухватилась за ручку и потянула на себя. Дверь была заперта. Слыша за собой приближающиеся шаги, она в ис-

ступлении принялась барабанить кулаками в дверь и кричать, зовя на помощь. Но ее крики тонули в мертвой тишине дома.

Внезапно Маргарет вспомнила, что ключ от входной двери остался наверху. В ее комнате. Резко развернувшись, она побежала к лестнице, но появившийся внезапно старик, застыл на ее пути каменным изваянием. Он шагнул к ней и протянул свою костлявую, немощную руку. В памяти неожиданно всплыло:

– ...доченька, помоги мне, пожалуйста, перейти через улицу... – И Маргарет увидела улыбающееся лицо своей бабушки. Шагнув ей навстречу, Маргарет протянула руку. Внезапно цепкие костлявые пальцы сжали ей руку, и не выдержав, Маргарет в испуге закричала:

– Проклятая старуха, отпусти меня!..

До нее донесся дикий хохот старика. Затуманенными глазами она увидела сверкающее лезвие, неотвратимо приближающееся к ее горлу. В следующее мгновение старик схватил ее за волосы и с силой рванул назад. Маргарет в ужасе забилась в его руках...

– Прощай, сестренка, – пропел невинным детским голосом старик, но в этот момент Маргарет, увернувшись, ударила его со всей силы в бок. Старик, неестественно охнув, осел на пол.

Маргарет, со слезами радости на глазах, бросилась вверх по лестнице. Ступеньки, сливаясь перед глазами, образовывали пестрое месиво, которое вдруг бросилось на Маргарет, больно ударив по всему телу. Она ощутила цепкие костлявые пальцы старика, схватившие ее за лодыжку, и тянущие вниз. Не замечая боли, Маргарет судорожно пыталась уцепиться за что-нибудь. Внезапно ей под руку попала упавшая с подноса вилка. Зажав ее в руке, она резко обернулась и размахнувшись, изо всей силы ударила старика. Старик завопил, схватившись руками за торчащую из плеча вилку.

Этого мгновения хватило Маргарет, чтобы вырваться из нависших над ней объятий смерти. Отпихнув старика, она бросилась вверх, и вбежав в комнату, закрыла за собой дверь.

Собрав остаток сил, Маргарет бросилась к тумбочке, и придвинула ее к двери. Прислонившись к косяку, она облегченно вздохнула, но в тот же миг ее обостренный слух уловил на лестнице приближающиеся шаги. Вскрикнув, она бросилась к кровати и с трудом сдвинув ее с места, придвинула к тумбочке. В этот момент дверь сотряс сильный удар.

В панике Маргарет принялась заваливать дверь всем, что попадалось под руку и через пару минут все, что было в комнате, оказалось у двери.

Тяжелые удары равномерно сотрясали дверь, но несмотря на это, впервые за кошмарный вечер, она почувствовала себя в относительной безопасности. Стараясь не думать о том, что же будет, когда старик сломает дверь (а в том, что он когда-нибудь ее сломает, она не сомневалась), Маргарет, пройдясь по комнате, подошла к зеркалу. Ей в глаза смотрело испуганное, бледное существо, которое, как казалось, чудом уцелело в кровавой бойне. В комнате витал сладковатый запах крови. Ком, подкативший к горлу, рвался наружу. Маргарет начала задыхаться. Внезапно ей показалось, что воздуха в комнате не хватит и на один вздох... Подбежав к окну, она распахнула его настежь и подставила лицо порыву ветра, ворвавшемуся в образовавшееся пространство. Внезапно на улице раздался скрип тормозов и сигнал клаксона. Маргарет посмотрела вниз и увидела подъехавшую машину родителей. В тот же миг стук в дверь прекратился.

Маргарет остановилась в нерешительности. «А что если это всего лишь сон?» – подумала она. – Сейчас я проснусь и пойду будить Бесси. Бесси...» – что-то оборвалось внутри нее и сжав руки в кулаки, Маргарет бросилась к двери.

Огромная груда наваленных в беспорядке вещей, загоразживала проход. «Какая же я все-таки сильная», – подумала она, разбирая баррикаду. – Одной соорудить такую гору...»

С улицы раздалась голоса и шум закрываемой дверцы машины.

Наконец, отодвинув в сторону тумбочку, Маргарет оказалась у двери. Зажав в руке ключ от входной двери, она шагнула вперед. Хрипло скрипнув, дверь распахнулась и Маргарет шагнула на лестницу. Поскрипывающие ступени выделяли каждый шаг, и словно подчеркивали: «...обратного пути нет...»

Два оборота ключа режущим звуком пронзили тишину дома.

Выйдя на крыльцо, Маргарет поразились произошедшей перемене: вокруг машины в беспорядке были разбросаны всевозможные коробки и свертки. Некоторые из них были порваны и их содержимое вывалено в грязь. Родителей нигде не было видно.

Вдруг что-то капнуло ей на лицо. Маргарет смахнула со лба большую каплю, взглянула вверх и в ужасе закричала: под крышей террасы были привязаны окровавленные тела ее родителей.

Резко развернувшись, Маргарет бросилась назад в дом, но в тот же момент лицом к лицу столкнулась с безумным стариком, который раскрыв свои объятия и дружески улыбаясь, шел ей навстречу.

– Добро пожаловать домой, детка. – Пропел он и резко схватив Маргарет за плечо, часто задышал ей в лицо. – Ты, тварь, я ненавижу тебя! Ты хотела убить меня и сейчас получишь свое! Я раздавлю тебя. Твоя кровь будет ручьями течь из твоих невидящих глаз, но ты будешь видеть свой конец багровым закатом смерти... – Его глаза буквально сверлили Маргарет. Торчащие в разные стороны волосы, обрамляли мертвое, обескровленное лицо, искаженное гримасой ненависти.

Маргарет инстинктивно попятилась назад и неожиданно наткнулась на тумбочку. Судорожно шаря по ней руками, она пыталась найти что-нибудь, что отвратило бы нависший над ней лик Смерти.

– Я коснусь тебя, – охваченный порывом вдохновения, продолжал старик, – и отвечая на мою ласку, твое тело восстанет, выйдет из-под контроля разрушающегося разума. Сведенные судорогой руки, корчась в экстазе, будут ласкать невидимую плоть. Твое непослушное тело будет биться в конвульсиях, яростно пытаясь противостоять попыткам твоей души вырваться на свободу в вечные просторы бескрайних скитаний...

В этот момент дрожащие пальцы Маргарет наткнулись на пилку для ногтей, случайно или по воле Рока не убранную на место утром. Судорожно сжав ее в руке, Маргарет приготовилась бороться за свою жизнь...

В этот миг старик застыл, впереv взгляд в потолок, потом резко сверкнув глазами, продолжал:

– Ты получишь наслаждение, которое никогда еще не испытывала в жизни! Я подарю тебе Смерть!

Его пальцы стали медленно, неумолимо сжиматься на тонкой, хрупкой шее Маргарет, но в тот момент, когда ее жизнь вот-вот должна была оборваться, Маргарет, собрав последние силы, резко ударила его в глаз.

Взвыв от нечеловеческой боли, старик схватился за голову. Сквозь его скрюченные пальцы сочилась кровь.

Маргарет бросилась прочь, оставляя за собой беснующегося и дико орущего старика. Выбежав на крыльцо, она заметила машину и не разбирая дороги, бросилась к ней.

Недружелюбно скрипнув, дверца машины распахнулась и Маргарет плюхнулась на переднее сидение. В это мгновение от дома отделилась тень и покачиваясь из стороны в сторону, двинулась к машине. Маргарет вскрикнула и повернула ключ зажигания. Двигатель запыхтел, заурчал, пару раз чихнул и заглох совсем. Оказавшись в полной тишине, Маргарет в истерике стала бить руль машины, но в этот миг в лобовое стекло ударил окровавленный кулак. Маргарет откинулась на сидении. Она уже различала ползущее по капоту тело старика, она видела налитый кровью глаз, застывший в нечеловеческом безумии.

«Это конец» – промелькнуло у нее в голове, но в ту же секунду спасительный луч пронзил память. Внезапно она вспомнила, что у отца в машине должен быть пистолет.

...Окровавленные руки старика, не переставая, колотили лобовое стекло. Скрюченные пальца судорожно царапали стекло, оставляя на нем кровавые полосы...

Под непрекращающийся град ударов, Маргарет дотянулась до бардачка.

Словно вытолкнутый чьей-то силой, оттуда выпал пистолет. Схватив его, Маргарет дрожащими руками навела его на старика, зажмурилась, и нажала на курок. Тихий щелчок нарушил возникшую на миг тишину. Маргарет нажал на курок еще и еще раз. Пистолет НЕ СТРЕЛЯЛ!

В этот миг стекло треснуло. Трещины подобно ручейкам стали разбегаться в разные стороны.

Внезапно Маргарет словно ударило током. Предохранитель! Она забыла снять пистолет с предохранителя!

В этот момент старик пробил стекло и его окровавленная рука потянулась к горлу Маргарет. До нее донесся торжествующий вопль старика.

Дрожащей рукой Маргарет нажала на спусковой крючок. Тишину ночи разорвал выстрел. Оглохнув на миг, Маргарет нажала еще и еще раз...

Восемь выстрелов раздались в ночи, а потом, когда кончились патроны, тишину ночи нарушали лишь повторяющиеся с завидной периодичностью щелчки, как будто на курок нажи-

мал не человек, а робот, с вложенной в него программой, и раздающийся невдалеке бой колокола, извещающий всех о том, что из психиатрической лечебницы совершил побег тяжело больной человек.

Глава четвертая

Маргарет открыла глаза и увидела над собой белый потолок. Приподнявшись на локтях, она в изнеможении откинулась на подушку. Появившись на мгновение перед глазами разноцветные круги растаяли и Маргарет увидела склонившегося над ней человека в белом халате. Сомнений не было. Она находилась в больнице.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил доктор, помогая ей приподняться.

– Скажите, как я оказалась здесь? – Вопросом на вопрос ответила Маргарет.

– Бедная малышка, ты наверное ничего не помнишь, – заключил доктор, и покачав головой, присел на стоящий рядом стул. – Может не время сейчас об этом говорить... Мне очень жаль... – начал он нерешительно, но посмотрев в глаза Маргарет, увидел в них решимость и готовность услышать любую новость, какой бы страшной она не оказалась.

– Тебя привез сюда парень по имени Том, – он посмотрел в свою записную книжку. – Том Холлард. Ты была в очень плохом состоянии. Все время бредила. Был большой пожар, наверное молния ударила в ваш дом. Он сгорел, – доктор опустил глаза. – Твои родители и сестра находились там. Им не удалось спастись. Они сгорели. А тебя нашли метрах в ста... Скажи, ты действительно ничего не помнишь?

Маргарет была в шоке. Похоже все здесь походили с ума. Какой пожар?! О чем он говорит?! Не было никакого пожара! Она-то знала это точно.

– Я помню все! – Почти прокричала Маргарет. – Все до мельчайших подробностей. Не было никакого пожара!!! Был ОН! Это ОН убил всю мою семью... – при мысли о том, что она никогда уже не увидит самых близких ее сердцу людей, ей стало ужасно горько, и уткнувшись в подушку, она разрыдалась.

Доктор встал и с сочувствием потрепал Маргарет по голове:

– Я все понимаю, – тихо проговорил он. – Всегда тяжело терять близких тебе людей, особенно при таких обстоятельствах...

– Это ОН, ОН убил их, – кричала Маргарет сквозь рыдания, но доктор не очень-то обращал внимание на ее слова. Сочувственно качая головой, он на цыпочках выскользнул из палаты и тихо прикрыл за собой дверь. Идя по коридору, он продолжал слышать непрекращающиеся рыдания, которые постепенно затихая, вскоре стихли совсем, уступив место привычной, больничной тишине.

– Привет, подружка, – услышала Маргарет голос и, окинув взглядом палату, обернулась на звук. Кроме нее в комнате находилось два человека. Бинты, покрывающие тела больных, наводили на мысль, что их обладатели стали жертвами автокатастрофы.

– Привет, – повторил мужчина, лежащий ближе к ней и приветливо улыбнулся.

– Привет, – робко отозвалась Маргарет и тоже попыталась улыбнуться, но мышцы лица, казалось, перестали слушаться ее. Чувствуя, что что-то не так, она попыталась улыбнуться еще раз, но ей вдруг показалось, что после пережитого ужаса она уже никогда больше не сможет улыбаться... Внезапно страх сковал ее тело.

Мужчина, чувствуя это, встал с кровати, и сев рядом с Маргарет, ласково потрепал ее по плечу:

– Я знаю о чем ты думаешь, – тихо проговорил он. – Как можно улыбаться после того, как пережил такое. Но поверь мне, можно и даже нужно улыбаться! Ты должна пережить весь этот кошмар, через который прошла, и поверь, только Вера, Надежда и Любовь помогут тебе это сделать... – сделав паузу, он продолжал:

– Я слышал ваш разговор с доктором. Расскажи, что же было на самом деле?

И Маргарет, чувствуя понимание и желание помочь, облепить душевные муки, сбиваясь и с трудом сдерживая рыдания, рассказала все, чему была свидетелем и невольным участником в тот проклятый вечер.

– Но мне никто не верит, – справившись с подкатившим к горлу комом, проговорила она. – Все считают, что все это плод моего больного воображения. Но это было! Все, о чем я рассказала – правда! Скажите, Вы-то мне верите?!

– Да! – без колебаний ответил мужчина. – И не только потому, что моя профессия, обязывает к этому, – и чувствуя вопрос в глазах Маргарет, он продолжил:

– Дело в том, что я врач. Меня зовут Алан. Алан Маршалл. Я работаю в этой клинике.

– Но как Вы оказались здесь? – спросила Маргарет.

– Это не менее странная история, чем твоя... – ответил доктор и задумчиво посмотрел в окно. – Я шел на обход и вдруг услышал шум в одной из палат. Подойдя к двери, я заглянул в глазок, но никого не увидел. Шум внезапно прекратился и подгоняемый скорее любопытством, чем профессиональным долгом, я открыл дверь, заглянул вовнутрь и... провалился в темноту... Очнулся я уже здесь, лежа на этой койке, – он похлопал рукой по стоящей рядом кровати. – Врачи говорят, что у меня произошло кровоизлияние в мозг. Я упал на бетонный пол, разбил лицо и потерял много крови. Но я не верю им! Возможно, что при падении я разбил лицо, но почему у меня забинтованы запястья рук?! И неужели я, разбив нос, мог потерять столько крови, что не могу полностью оправиться вот уже второй день! Здесь что-то не так и я разберусь с этим... Послушай, я не утомил тебя своим рассказом?

– Здесь и правда творятся странные вещи, – прошептала Маргарет. – Мне страшно. Я боюсь, что ОН придет сюда и убьет меня!

– Не бойся, малышка! Хотя я еще и слаб, но я уверен, что смогу защитить тебя от этого ублюдка.

У Маргарет на душе стало сразу легче и благодарно улынувшись, она закрыла глаза и стала медленно погружаться в сон, который, как говорят, является лучшим лекарством от всех видов душевных расстройств.

Клубы седого тумана, окутав на мгновение Маргарет, рассеялись, и она обнаружила, что находится в старой лодке, скользящей по ровной глади небольшого озера. Лес, окружающий этот неведомый откуда взявшийся водоем, подходил прямо к берегам и отдельные ивы касались своими ветвями поверхности воды. Временами раздающаяся трель соловья, радовала слух своей простой и в то же время сложной гаммой звуков. Беспokoйно снующие водомерки, ловко огибали кувшинки, чьи яркие желтые цветы благоухали свежестью раннего морозного утра. На их лепестках, в лучах восходящего солнца, сверкали бусинки росы.

Вдыхая полной грудью пьянящий душу аромат, Маргарет усилием воли направила лодку к этим цветам. По мере приближения к ним, запах становился все сильнее. Все более околдовывая, он, сковывая волю, внушал: «сорви меня, укрась мною свой прелестный букет...»

Поддавшись колдовским чарам, Маргарет, присев на корточки и держась одной рукой за борт лодки, потянулась к цветку.

Ее дрожащие от нетерпения пальцы тянулись к цветку, но он, словно угадывая ее намерения, ловко выскользнул из приближающихся рук. Все сильнее наклоняясь вперед, Маргарет продолжала ловить «непослушный» цветок, но каждый раз, как только ее пальцы касались нежного стебля цветка, он оживал и ловко вывернувшись, отплывал на несколько сантиментов. Эта «погоня» могла длиться до бесконечности и Маргарет, потеряв терпение, сделала выпад вперед и схватила стебель цветка обеими руками. В этот момент лодка, зачерпнув воды, перевернулась и Маргарет, потеряв равновесие, упала в холодную, маслянистую воду озера.

Бросив цветок, она, пытаясь удержаться на поверхности, протянула руку к лодке, которая отплывала все дальше и дальше... Отчаяние охватило Маргарет и она что было силы поплыла, пытаясь догнать неумолимо удаляющуюся лодку. Вдруг Маргарет обнаружила, что с каждым разом ей становится труднее работать руками и что вокруг нее вода стала превращаться в маслянистую жидкость, которая стала засасывать Маргарет в свои недра. Яростно сопротивляясь, Маргарет в иступлении принялась молотить руками по поверхности жидкости. Брызги попадали ей в горло и закрывая дыхательные пути, перекрывали доступ воздуха. Вдохнув в последний раз, Маргарет набрала полные легкие воздуха и уступив, стала проваливаться в черноту.

– Вот и все. Я утонула, – пронеслось у нее в голове, когда была израсходована последняя капля воздуха. – Так вот как себя чувствуют утопающие...

Маргарет пробовала закричать, но у нее ничего не вышло, а вместо этого ее голову наполнили сменяющиеся с быстротой молнии зрительные образы и сопровождающая их какофония звуков. В этой бешеной пляске кадров перед глазами проносилась вся ее жизнь. Некоторые эпизоды промелькали незамеченными, некоторые же ей удавалось рассмотреть...

Глава пятая

– Маргарет! Маргарет!!! – Крик вывел ее из небытия и оглядевшись, она обнаружила, что идет по длинному коридору. Тусклый свет ламп, не в силах осветить весь коридор, наполнял его холодным полумраком. Таившиеся по углам тени в любую секунду были готовы материализоваться и вырвавшись из Ада, вцепиться ей в горло.

– Маргарет! – Продолжал надрываться голос в самом центре ее мозга. От этого душераздирающего вопля нервы Маргарет напряглись как туго натянутые струны, готовые лопнуть в любую минуту.

– Маргарет! – Этот вопль сотрясал каждый уголок ее души, вселяя неведомый, сводящий с ума страх.

– Беги, Маргарет! – Прокричал голос и Маргарет побежала. Не совсем понимая что делает, она бежала, пытаясь скрыться, убежать от того неведомого, что поджидало ее в закоулках подсознания.

Внезапно страх все более начал овладевать Маргарет, перерастая во что-то материальное, реально осязаемое, и Маргарет скорее почувствовала, чем увидела, как от дальней двери в конце коридора отделился неясный силуэт и бросился за ней.

С бешеным, душераздирающим криком, Маргарет бросилась по коридору. Она боялась обернуться, зная, что встретится взглядом со своей смертью. Но бежать от неведомого было еще невыносимее. Ей надо было знать ЧТО преследовало ее, что вырвалось из подземелий ужаса и пытается убить ее. Замеров на мгновение, она обернулась.

Прямо на нее, оскалив пасть, несся громадный черный кот. Два маленьких глаза, выпученные от возбуждения, горели бешеным огнем. Огромные челюсти с лязгом открывались и закрывались. Мышцы буграми выступали на широкой, мощной груди. Приглушенное утробное рычание с гулом вырывалось из его глотки. Острые когти, царапающие линолеум, оставляли на нем глубокие полосы.

Маргарет вскрикнув, побежала. Она узнала кота. Это был Блэки, кот ее тети. Тети Полли.

– Это одна из древнейших пород, – с гордостью повторяла тетя, попивая чай из своей любимой чашки. – Во всем мире их осталось едва ли больше сотни. – И с аппетитом отхлебнув глоточек чая, продолжала:

– И если Вам, как мне, удастся найти в нем друга, то уж будьте уверены, что он останется им до самой смерти. И горе Вам, если Вы пробудите в нем ЗВЕРЯ...

Подобная оценка кота тетей вовсе не обрадовала Маргарет и продолжая бежать она стала шептать молитвы. И БОГ, так часто далекий от чужих проблем, на этот раз не остался в стороне. Прямо перед собой Маргарет увидела дверь, над которой зелеными буквами светилась надпись «ВЫХОД».

Дыхание кота становилось все ближе и ближе...

Подбежав к двери, Маргарет дернула за ручку. Дверь была заперта. Чуть не задохнувшись от охватившего ее отчаяния, Маргарет не заметила, как кот прыгнул. Внезапно по щеке словно полоснули бритвой. Резкая боль обожгла лицо. Когти кота, просвистев в воздухе, вонзились в плоть. От ужасной боли, пронзившей все ее тело, Маргарет закричала и со всей силы дернула дверь. Замок, явно не рассчитанный на применение грубой физической силы, поддался и Маргарет, распахнув дверь, выскочила на лестничную площадку.

«ВЫХОД» – увидела она надпись на стене и стрелку указывающую вниз.

На секунду забыв о коте, Маргарет, спохватившись, схватила за ручку и резко потянула на себя. Замок щелкнув, вошел на место. За дверью послышалось ожесточенное царапание и бешеный визг кота. С облегчением вздохнув, Маргарет побежала по лестнице. Преодолев несколько пролетов, она выскочила в холл.

Внезапно, как по команде, все находившиеся внизу, обратили к ней свое внимание. Приветливо улыбаясь, две санитарки и пожилой доктор двинулись ей навстречу.

– Молоденьким девушкам нельзя убежать из дома, – раздался в голове Маргарет голос врача. – Малышка может упасть и сломать себе шею...

Опешив, Маргарет в растерянности остановилась. Прямо на нее, выставив перед собой руки, шел врач. Санитарки заходили по бокам. На их лицах играла отсутствующая улыбка, а глаза, мертвые глаза, горели безразличием.

– Ну, попробуй убежать, – продолжал голос в голове Маргарет, – и ты увидишь, что из этого получится. Ты только добавишь работы старушкам-уборщицам, которым придется оттирать твои молоденькие, глупые мозги от этих стен...

Маргарет, стараясь не слушать страшный голос, побежала. Улыбка на лице доктора сменилась злобной гримасой. Мерт-

вые глаза ожили и обожгли Маргарет всепоглощающей ненавистью.

Отбиваясь от цепких рук, старающихся схватить ее, Маргарет рванулась к выходу. Внезапно у нее в голове раздался не терпящий возражений приказ «Стой!». Замерев на мгновение, Маргарет, опомнившись, побежала дальше, видя перед собой только заветные двери выхода.

Вдруг чьи-то цепкие пальцы схватили Маргарет за плечо и страшно закричав, она рванулась что было силы. Не выдержав страшных усилий, пижама затрещала по швам. Ключья матери, вырванные с корнем, болтались на одних нитках.

Но она вырвалась!

Она поняла это только тогда, когда порыв ветра ударил ей в лицо. Задохнувшись на миг, Маргарет перевела дыхание и бросилась в лес, стараясь убежать как можно дальше от этого страшного места.

...Она продолжала бежать, но тени пережитого кошмара продолжали преследовать ее. В каждом дереве ей мерещился человек, тянущий к ней свои руки-ветви и пытающийся схватить ее. Слезы текли из глаз, разъедая свежие раны и принося неимоверную боль. Ветви хлестали её по лицу, но она не замечала этого... А когда последние силы были израсходованы, она в изнеможении упала на влажную, как после дождя, землю и разрыдалась. Внезапно наступившая тишина заполнила сознание Маргарет, полностью овладев ею. Сдерживая рыдания, готовые взорваться с новой силой, она полной грудью вдохнула мягкий хвойный аромат и подняла голову. Тени огромных деревьев уже не пугали ее. В воздухе не чувствовалось напряжение. Но в этом спокойствии было что-то пугающее: какой-то звук, отчетливо прозвучавший в ночной тишине, заставил ее всю обратиться в слух. Звук повторился. Хрустнула ветка. Маргарет напряглась. Хруст повторился снова, потом еще и еще раз...

Внезапно с потрясающей ясностью она почувствовала приближение ЗЛА. Едва сдерживая крик, Маргарет вскочив, побежала. Поросшие мхом корни деревьев сплетали ей ноги. Ветви путались в волосах. С каждым мгновением она чувствовала, как ОНО приближается... Ей стало казаться, что она уже различает чье-то дыхание, звучавшее в унисон с завыванием внезапно поднявшегося ветра, и обжигающее ей спину... Маргарет резко остановилась.

...обжигающее...

Она развернулась. В лицо пахнуло дымом. Вдруг до нее донесся чей-то крик, молящий о пощаде. Что-то неумолимо знакомое промелькнуло в этом искаженном до неузнаваемости голосе, и собрав остаток сил, Маргарет побежала. Деревья расступились и она увидела, что горит дом. Ее дом. Пламя, охватившее нижний этаж, уже подбиралось к крыше. Языки огня с воем вырывались из распахнутых настежь окон. Едкий черный дым, клубами валивший из комнат, разрывал горло.

Внезапно какие-то движения на поляне перед домом привлекли ее внимание, и переведя взгляд, Маргарет застыла от ужаса. Холодные, липкие пальцы страха сдавили ее сердце. На поляне стоял сгорбленный человек в черном плаще и размахивал огромным ножом, чье лезвие отбрасывало ослепительные блики, отражающие языки пламени, поедающие дом. Каждый его жест отдавал безумием. Но страшно было не это! Перед ним на коленях стояли Ее родители. На их окровавленных, покрытых ссадинами лицах, застыли мольба о пощаде и страх, животный страх перед неизбежностью.

Вдруг до Маргарет донеслись голоса и она вздрогнула, услышав обрывки фраз:

– ...пощади нас... – узнала она голос отца.

– ...возьми Маргарет, – кричала мать. – Ведь тебе нужна она, а не мы...

Внезапно человек взмахнул ножом и погрузил его в тело отца Маргарет. Дикий вопль огласил окрестности. Фонтан крови брызнувший из раны, окатил безумца, дико хохочущего и приплясывающего вокруг своих жертв. Вытащив нож, он ударил им еще раз. Беззвучный стон, сорвавшийся с губ отца, наполнил душу Маргарет болью. Все поплыло у нее перед глазами и чтобы не закричать, она до боли прикусила губу.

Тем временем, покончив с отцом Маргарет, Человек-В-Черном-Плаще повернулся к матери. Маргарет почувствовала, как на его лице появилась плотоядная ухмылка. Он сделал шаг и взмахнул ножом. Пропев тревожную песню смерти, нож опустился, и выпуская на свободу кровь, рассек шею. Безвольно покачиваясь, голова, лишённая мышечной опоры, откинулась назад, и кровь ключом забила из уже ненужного ей тела. Безумец наклонился к перерезанному горлу и до слуха Маргарет донеслись отвратительные чавкающе-сосущие звуки. Чувствуя, что ее сейчас вырвет, Маргарет закричала.

Сквозь наворачивающиеся на глаза слезы, она увидела, как он внутренне напрягся и стал медленно поворачиваться. Мар-

гарет не сводила взгляда с огромного ножа, который как живой сверкал в сумасшедшем пламени пожара, казалось просил еще крови.

А тем временем, человек уже шел к ней и что-то смертоносное было в его уверенном, непоколебимом шаге. Маргарет с трудом оторвала взгляд от ножа, взглянула в его лицо и в ужасе содрогнулась. Она не видела его лица. На нем словно была одета маска. Лишь глаза, как два луча сконцентрированной злобы, прорывались через завесу неузнаваемости.

Вдруг откуда-то слева появилась ее младшая сестра Бесси, и с протянутыми руками пошла к Человеку-Без-Лица. Маргарет в ужасе закричала. Она попыталась привлечь внимание Бесси, остановить ее. Но чувствуя, что это бесполезно, она закричала:

– Бесси! Остановись!!! Он – сумасшедший. Он убьет тебя!

А Бесси, улыбаясь детской, доверчивой улыбкой, шла к нему. Маргарет сходила с ума от бессилия. Она кричала, махала руками, но ничего не могла сделать.

Внезапно до нее донесся хриплый голос убийцы:

– Нет, Маргарет, сумасшедший не я! Это ТЫ – сумасшедшая!!! Посмотри на себя...

И Маргарет вдруг увидела себя словно со стороны. Она стояла вся в крови, в изодранной в клочья пижаме, и в дикой истерике махала руками...

Маргарет стало ОЧЕНЬ страшно. Ей показалось, что она сейчас умрет, что страх взорвет ее изнутри...

Тем временем, Бесси подошла к Беловеку-Без-Лица и вдруг резко повернулась к Маргарет, и взглянула в глаза. Никогда еще Маргарет не видела в глазах сестры такой ненависти и злобы. В голове раздался искаженный от гнева и ярости голос Бесси:

– Маргарет! Будь ты проклята! Это ТЫ во всем виновата! БУДЬ ПРОКЛЯТА!!!

А тем временем, Человек-Без-Лица поднял девочку левой рукой к своей голове, и приставив к ее горлу свой огромный нож, ухмыльнулся. И только тогда в глазах Бесси появился страх и мольба о помощи. Она казалась такой маленькой, такой беззащитной в руках этого монстра.

Маргарет бросилась к сестре. В голове раздался дикий хохот маньяка. Она бежала быстро, как ветер, но все время до Бесси оставалось такое же расстояние, как будто она даже не сдвинулась с места.

Убийца ухмыльнулся. Нож коснулся шеи девочки. Тонкая струйка крови потекла из раны, постепенно становясь все больше и больше, заливая платье, и стекая на землю безумным водопадом.

Маргарет бежала изо всех сил, но напрасно. Человек-Без-Лица вместе с ее сестрой неумолимо удалялись в огонь.

Не в силах больше сдерживаться, Маргарет закричала. В этот крик она вложила всю свою душу, но он был не в силах перекрыть дикий хохот безумца, который держал на руках уже мертвое тело девочки и детским голосом повторял:

– Будь ты проклята...

...Это ТЫ – сумасшедшая, Маргарет...

...Будь ПРОКЛЯТА!

Это сводило ее с ума. Как безумная, Маргарет закричала и... проснулась.

Глава шестая

Легкий полумрак, царивший в палате, вселял спокойствие. Проведя рукой по лицу, Маргарет откинула назад волосы и приподнялась на локте. Не в силах совладать со своим разыгравшимся воображением, она соскочила с кровати и пошатываясь, пошла к умывальнику. Каждое движение рождало в голове эхо ночного кошмара. В ее голове продолжали, надрываясь, кричать голоса.

– БУДЬ ПРОКЛЯТА!!! – Эхом отдавалось при каждом шаге.

Подойдя к раковине, Маргарет взглянула в зеркало. Бледное, покрытое бусинками пота, лицо с отсутствующим взглядом, напугало ее. Включив на полную воду, она сунула под кран голову и... в ужасе закричала. Вместо живительной влаги, ее обжег кипяток.

Шарахнувшись от крана, Маргарет поскользнулась, и дико вскрикнув, упала на пол.

– Эй, Маргарет, что случилось? – Сквозь рыдания услышала она голос Алана.

– Вода... – сквозь слезы прокричала Маргарет, – ...она обожгла меня!

– Ничего, все в порядке, – успокаивающе говорил доктор Маршалл. – Приляг, ты должна успокоиться. Сон прибавит тебе сил.

– НЕТ! Я БОЮСЬ спать! – Голос у Маргарет дрожал, руки тряслись, глаза горели безумием. – Я не хочу переживать все это еще раз! Я этого просто не вынесу!

Рыдания сотрясали ее тело и сквозь слезы она продолжала кричать:

– ОН опять приходил ко мне во сне... Я не видела его лица, но это был ОН! Он хотел убить меня, как вы все это не поймете!..

Внезапно какое-то резкое движение привлекло их внимание. Обернувшись, они увидели, что лежащий вместе с ними в палате больной, вдруг заворочался и с трудом приподнялся на локтях. Его скрюченные пальцы потянулись к тумбочке, на которой стояли пузырьки с лекарством. Бинты слетели с его головы, и клок длинных седых волос выбился из-под повязки. Единственный глаз на его изможденном лице вспыхнул и обжег всех ненавистью.

Маргарет в ужасе отшатнулась.

– Это ОН! – Ее вопль застрял в горле. Ужас сковал горло, парализовал волю.

..А трясущиеся, скрюченные пальцы старика все тянулись и тянулись к лекарствам. Его блуждающий взгляд вдруг остановился, вцепился во что-то, не желая его выпустить.

Внезапно шагнувший вперед доктор Маршалл выхватил из общей массы лекарств небольшой, неприметный пузырек, и отвел руку с ним от старика.

Старик взвыл от охватившего его отчаяния.

– Скоты! – Вырвалось из его пасти. – Не дайте мне умереть!

На его сведенных судорогой губах выступила пена.

– Убейте мою боль! Дайте хоть каплю вечности!

В это время, внимание Алана отвлек шум за дверью. Он оглянулся и увидел убегающую фигуру в белом халате.

В этот момент старик, вытащив из-под кровати свой огромный нож, прыгнул. Бинты, диадемой укрывающие ему голову, зацепились за тумбочку и покачнувшись, она упала. Звон десятков разбивающихся пузырьков и пробирок наполнил комнату.

Алан, услышав звон, резко обернулся и увидел старика, размахивающего ножом и летящего прямо на него. Принять стойку не было времени, и увернувшись от просвистевшего в дюйме от его головы ножа, он прыгнул и ударил старика по руке. Нож выпал из его цепких рук и отлетев, упал к ногам

Маргарет. Потеряв равновесие, доктор Маршалл пошатнулся, и увлекаемый стариком, упал на пол. Внезапно, стремительная черная тень подскочила к нему и сквозь разноцветные круги, появившиеся перед глазами, он увидел старика, тянущего к его горлу руки. Собрав волю в кулак, доктор Маршалл размахнулся и ударил старика. В ответ, его цепкие пальцы тисками сжали горло. Чувствуя, что сознание покидает его, доктор принялся в беспорядке наносить удары по телу старика...

Нож лежал перед Маргарет. Его красивая, выполненная в форме копыта рукоятка, была повернута к ней. Лезвие, сверкающее в преломленном свете ламп, казалось кричало Маргарет: «Возьми меня. Убей его, причинившего тебе столько боли...»

Маргарет, не колеблясь ни секунды, подхватила нож и бросилась к старику. Подбежав, она размахнулась, и страшно закричав, со всей силы ударила его в спину. Раздался чавкающий звук и треск ломающейся кости. Старик неестественно выгнулся и затих. Струйка крови, стекая из уголка его губ, потекла по подбородку. Вытащив нож, Маргарет ударила им еще раз и отскочила в сторону. Кровь, хлынувшая из раны, залила ей руки. А в это время доктор Маршалл, очнувшись, ударом обеих рук скинул с себя тело. Старик отлетел и упал на пол, покрытый осколками огромного количества пузырьков и пробирок. Ни слова не вырвалось из его мертвых уст, лишь глаза обвели каждого беспощадным взглядом, и глубоко вздохнув в последний раз, мертвое тело старика опустилось на страшное погребальное ложе.

– Послушай, Маргарет, – оборвал повисшую в палате тишину доктор Маршалл. – Пойдем скорее, мы не должны его упустить!

– Кого ЕГО? – Не поняла Маргарет, но страх вновь начал овладевать ею.

– Этого мерзавца! – Голос доктора дрогнул. – Это лекарство доктора Макрейна.

И сжав руки в кулаки, он продолжил:

– И я помогал ему! – В мужественном голосе доктора прозвучало раскаяние. – Я давал лекарство этому старику, ничего не зная о его подлинных свойствах. Он использовал меня, а сам все время был в стороне! Мерзавец! Он пренебрег нашей дружбой! Он ответит за все передо мной!

Они выскользнули из палаты и бросились по коридору.

Дверь в кабинет доктора Макрейна была приоткрыта. Он уже знал, что его игра раскрыта. Этот Алан не дурак! Надо было быстрее смыться отсюда... Метаясь по комнате, он не заметил, как дверь распахнулась и вошли доктор Маршалл и девушка.

– Куда это ты собрался, Джон?! – В голосе доктора Маршалла звучали железные нотки.

– Ну понимаешь, Маршалл... жена... Она плохо себя чувствует... – сбивчиво начал Джон, но увидев твердый взгляд доктора Маршалла, замолчал.

– Почему, Джон? Почему ты это сделал?! – спросил Алан тихим голосом.

– Что это? – Доктор Макрейн сделал вид, что не понял.

– Мы были с тобой друзьями, Джон! Как ты мог так поступить со мной?!

И Джон понял, что отступить некуда.

– Да! Я сделал это! – Прокричал он в лицо доктору Маршаллу. – Но сделал во имя науки! Послушай, Алан, – в его голосе звучала алчность. – Ты знаешь, что это такое? Это – ВЛАСТЬ! Власть над всем живым...

И видя безразличие на лице доктора Маршалла, Джон отвернулся к окну и продолжил:

– Когда я впервые ввел этот препарат крысе, я сначала испугался той ненависти и злобе, с которой она убивала своих детенышей. Но потом я словно прозрел! Алан, мне нужен был ЧЕЛОВЕК!!! И я нашел этого старика. Посуди сам, кому какое дело, умрет он сейчас или днем позже. И я решился! Результат превзошел все ожидания! У него были сила и ум. И я понял, что это шанс! Мечты становятся явью. Я создал эту власть, и мы с тобой сможем воспользоваться ею. Алан, мы будем БОГАМИ!!! – Джон рассмеялся.

– Допустим, я соглашусь, – тихо проговорил Алан. – Что будет с ней? – Он кивнул в сторону Маргарет.

Глаза Джона вспыхнули. Он полез в карман. Достал шприц и точно такой же пузырек. Вскрыв крышку, он наполнил шприц и медленно пошел к Маргарет, которая в ужасе стала пятиться назад.

– Нет проблем, – ответил Джон. – Мы начнем завоевание мира прямо сейчас! – И он дико рассмеялся.

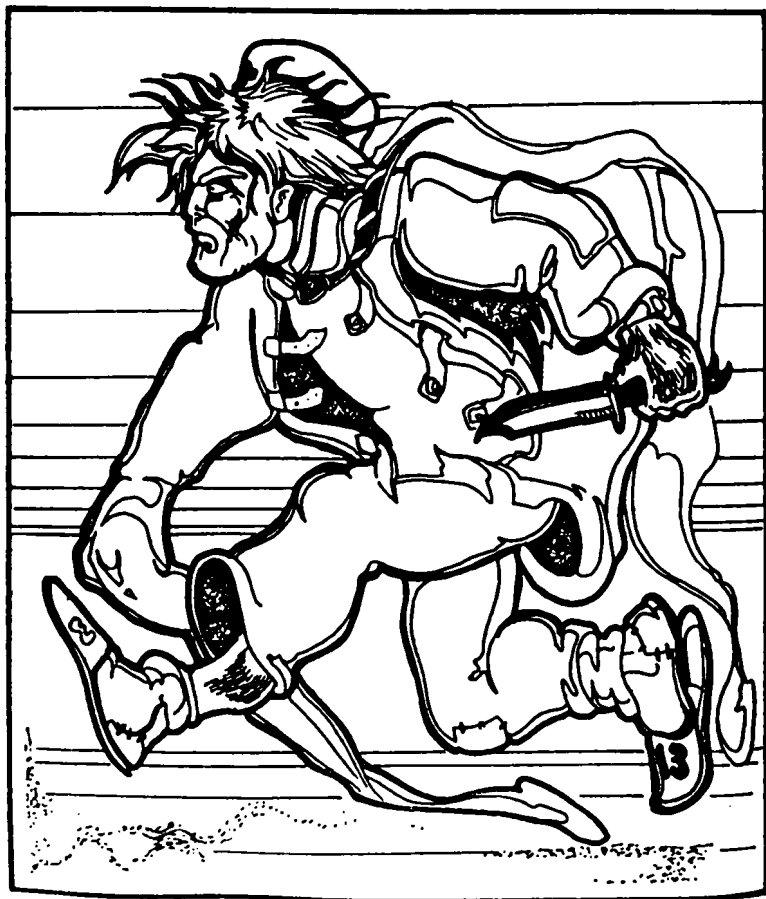
Маргарет закричала. Внезапно доктор Маршалл шагнул вперед и выхватил у Джона шприц.

– В чем дело, Алан?! – В ярости завизжал Джон.

– Ты решил начать завоевание Мира, – прошептал доктор Маршалл. – Я знаю, кто будет первой и последней жертвой этого безумия – ТЫ!!!

И размахнувшись, доктор Маршалл всадил иглу шприца в шею Джона, и нажал на поршень.

Страшные судороги охватили все тело доктора Макрейна. Казалось, его выворачивает наизнанку. Мышцы непроизвольно сокращались и выступали на всем теле. Глаза вылезли из орбит и готовы были вот-вот выскочить из глазниц. Из откры-

того в беззвучном крике рта, вывалился язык...

Внезапно все прекратилось, и ватное тело доктора Макрейна безвольно распласталось по полу. В полуоткрытых голубых глазах застыл страх.

Закрыв покойнику глаза, доктор Маршалл подхватил готовую рухнуть в обморок Маргарет и вышел из комнаты.

* * *

Как только закрылась дверь, доктор Макрейн открыл глаза. Пустым, отсутствующим взглядом он обвел комнату, резко встал и бросился к двери. Прислонившись к дверному косяку, он обернулся. В его взгляде были только ненависть и злоба...

Объединенная редакция журналов
"Приключения, фантастика", "Галактика", "Метагалактика",
газеты "Голос Вселенной"
и издательство "Метагалактика" объявляют конкурс

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

I раздел

Конкурс не лучшие цветные и черно-белые иллюстрации к произведениям писателя Юрия Петухом "Звездная месть", "Бойня", "Сатанинское", "зелье Западня", "Измена", "Дорогами богов" и др., включая публицистику.

Конкурс проводится на трем группам участников:

1. Профессиональные художники, графики.
2. Художники-любители.
3. Дети до 15 лет (здесь потребуются помощь родителей, учителей, воспитателей, работников библиотек, кружков . студий и школ художественного творчества).

II раздел

Конкурс литературно-критических рецензий на произведения писателя (или одно выборочное произведение).

Количество работ, их формат, техника исполнения не регламентируются и не ограничиваются.

По результатам конкурса для каждой группы установлены призы и денежные премии. Конкурсные работы будут публиковаться в наших изданиях и альбомах.

Конкурс рассчитан на 5 лет. Подведение итогов, определение победителей и выдача премий – каждые полгода: на 1 января и 1 июля каждого текущего года.

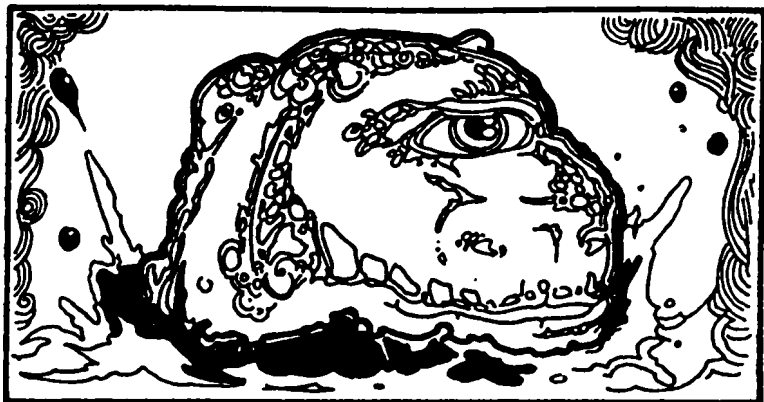
Внимание! И школы, детские дома, интернаты, колонии, гарнизоны, студии необходимые для конкурсных работ книги и журналы высылаются бесплатно по заявкам .

**Адрес для высылки конкурсных работ:
111123. Москва, а/я 40. "конкурс"**

Москвичи могут сами сдать свои работы по адресам:
– Долгоруковская, 39 (киоск журнала ПФ у троллейбусной остановки напротив метро Новослободская);
– Рязанский пр.. 82/5 (м. Выхино, одна остановка на автобусе, 417 отд.связи, со двора).

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

А. Писанко

ШАНС

Фантастическая повесть

– Пока все идет хорошо, – оптимистически заметил пьяный маляр, падая с самого верха телевизионной вышки.

(из малоизвестного анекдота недавнего времени)

На кухне было холодно. Сергей передернул плечами и притронулся к батареям – чуть тепленькие. Он вернулся в комнату, быстро скинул с себя рубашу и надел свитер, который, как правило, никогда не снимал на ночь. Зима выдалась необычайно холодная, и вечером, перед сном, его всегда знобило. А тут еще это чертово отопление барахлит!

Он снова прошел на кухню, поставил чайник на плитку и неожиданно вспомнил свои семейные ужины – совсем недавние, будто это было только вчера. Тяжело вздохнул и сел на стул. И что за супруга ему досталась? Чуть что – сразу из дому, к родителям! Ни выпить, ни друзей привести – наказание да и только! А на этот раз совсем сдурела – уже третий месяц, как ушла. Ни слуху ни духу! Прямо беда.

Он зло сплюнул. Плевок получился воздушный, ненастоящий. Чертыхнулся, не зная на кого, – то ли на неудавшийся плевок, то ли на неудавшуюся женитьбу, – достал из тумбочки бумажный сверток, вытряхнул из него три засохших

пряника, подумал, поджав губы, и один вернул обратно. Затем налил стакан чаю, старательно размочил в нем свой нехитрый ужин и неторопясь проглотил. После вынул пачку «Астры», достал сигарету, опять подумал, теперь выпятив губы, и извлек оттуда «бычок», а сигарету положил обратно. Закурил, посидел немного в задумчивости, потом встал, стряхнул со стола крошки, бросил грязный стакан в раковину и, позевывая, направился в спальню.

...Удар пришелся точно в лоб. Сергей вскинул руки и рухнул в вязкую вонючую жижу. Трясина неохотно окутала беспомощное, судорожно трепыхающееся тело – и он стал медленно погружаться в цепкое отвратительное месиво.

Задыхаясь и захлебываясь, Сергей почему-то не в силах был даже вскрикнуть, отчаянно заголосить, позвать на помощь – рот открывался, но звука не было. А может, он просто не слышал его – оглох от страха, жуткого, всеохватывающего, в один миг превратившего его в жалкое, никчемное, совершенно беспомощное существо.

Помощь пришла неожиданно-негаданно, и ужас, который вот-вот должен был охватить все его еще цепляющееся за жизнь сознание, вдруг сделался, как бы, сторонним, несущественным и казался ничтожно малым по сравнению с другим, более реальным, более ощутимым, а точнее – огромной трехпалой чешуйчатой ручищей, неожиданно ниспавшей откуда-то сверху, грубо схватившей его за шиворот и резко, со смачным чмоканьем извлекшей его мокрое трепыхающееся тело из болота, затем слегка помотавшей им из стороны в сторону, словно стряхивая с него старую, давно опостылевшую ей грязь, и после чего небрежно швырнувшей его... на койку.

Сергей вздрогнул, по мокрому от холодного пота телу пробежала судорога, и – он окончательно проснулся.

Страшно болела голова. «Опять налился до чертиков, – слыло простонало где-то глубоко, казалось, на самых задворках его еще не совсем освободившегося от пьяного угара сознания. – Никак, третий день поливаю... С чего бы это, а?»

Последние слова он, кажется, произнес вслух, ибо вздрогнул от неприятного, режущего слух звука – простуженный хрип его гортани окончательно вернул ему ощущение реальности: горьковатый привкус во рту, тошнотворный комок в горле, усталое разбитое тело и – никакой перспективы все это исправить, а проще говоря – опохмелиться.

А может все же что-то осталось? Он с кряхтением и натугой оторвал непослушное тело от кровати, свесил на пол ноги, выставив вперед корявые, потрескавшиеся темными бороздами ногти, нагло торчащие сквозь огромные дырки в грязных вонючих Носках, и хмуρο огляделся.

Комната мало походила на жилье семейного человека. Все было вверх тормашками. Словно тут только что пронеслось стадо разъяренных буйволов.

Значит, искать не стоит – еще вчера все перерыл, в надежде найти тот недостающий глоток, которого, как правило, всегда не хватало.

Скользнул взглядом по столу, стульям, полу – везде валялись пустые бутылки, флаконы из-под одеколona, консервные банки, обгрызки селедки, хлеба. Все было раскидано, разбросано, растоптанно – выходит, Маринка опять ушла. Куда?..

Е-ех, ядрена!.. – отчаянно мотнул головой Сергей и замер, уставившись в одну точку. И словно только теперь осознал происшедшее до конца, до испепеляющей жути в груди; он удивленно вскинул слезящиеся глаза в сторону засиженного мухами окошка и повторил, но уже со стоном и безысходностью: – ...ядрена твою мать! Опять к старикам ушла, что ли?

Поморщился, поскалился, затем поднялся и, пошатываясь, поплелся в ванную. Пил воду долго, жадно, вздохнул. А когда чуть-чуть притушил огонь в желудке, глянул в зеркало. И – не узнал себя. Оттуда тарасилась незнакомая одутловатая физиономия. Ее сероватые, с припухшими ободками глаза округлились и удивленно воткнулись в Сергея. Но когда он уловил огромную темно-бордовую рваную борозду, идущую через ее широкий морщинистый лоб, взор подозрительного типа в зеркале вдруг недоуменно вспыхнул матово-желтыми белками глаз и, прерываясь нервной дрожью красноватых век, неожиданно испустил яркую искру испуга и отвращения.

Сергей машинально дотронулся до раны – и сморщился от боли.

– Где это я так?.. – обескураженно простонало изображение в зеркале. Сергей дернул головой, прикрыл глаза ладонью, затем осторожно отвел ее в сторону и снова устремил свой взор вперед. Там по-прежнему красовалась незнакомая физиономия. – Господи, да что же это?!

Он отпрянул от зеркала, зажмурился до боли в глазах, не решаясь открыть их снова. «С ума схожу что ли? – лихорадочно засвербило у него в голове. – Нет! Нет. Спокойно, спо-

койно... Это все от пьянки. Этой чертовой пьянки! Будь она неладна... Но почему я запил? Почему?!..»

Он медленно разомкнул веки, поднял голову и посмотрел прямо перед собой. Из зеркала нее также тарасилась чужая морда.

Сергей потянулся лицом к зеркалу, оскалился зловещей улыбкой, выпучил свои налившиеся кровью глаза, и – неожиданно голова чужака резко дернулась ему навстречу. Раздался хруст ломающегося стекла – и рожа в зеркале расслоилась четкими белыми змейками. Мозг окутала тошнотворная мутная рябь, однако перед тем, как рухнуть на пол, Сергей все же успел злорадно ухмыльнуться.

...Чешуйчатая лапа аккуратно спустила его на землю, поправила воротник, за который держала, осторожно, даже ласково, словно что-то любимое, дорогое, пошлепала его по заду, отодвигая подальше от вонючей трясины, и исчезла в пугающе низких ядовито-черных облаках.

Сергей резко тряхнул головой надеясь снова узреть перед собой знакомые очертания родного жилища, но вместо этого еще сильнее разбудоражил похмельные рези в висках и еще отчетливее почувствовал приторно-гниловатый запах трясины.

– Кажись допился до ручки! – обессиленно выдохнул он и осторожно приподнялся на колени. Вокруг витали иссинегрязноватые блики тугого тумана. Разрываясь и дробясь, словно рваные хлопья сырой заплесневелой ваты, они тягуче стелились меж неестественно высоких столбов жжено-коричневых кочек окутывая следом уродливые и разветвленные, будто сплетенные стебли гигантского моха, жгуче-красные коренья каких-то экзотических болотных растений. Вдалеке виднелись синевато-белые шапки зубчатых гор.

Вдруг сзади раздался подозрительный скрежет чего-то шевелящегося. Сергей вскочил на ноги и резко оглянулся – на него надвигалась грязно-липкая гора бородавчатого мяса. Неожиданно она разверзлась острой расщелиной и в один миг превратилась в огромную клыкастую пасть с пурпурно-красным дышлом-пропастью.

Сергей испуганно отпрянул к моху-кустарнику и на мгновение замер, ошарашено выпучив глаза на чудовище. И если бы еще секунду он пометил, то огромная лента-язык тотчас прилепнула бы его своей клейкой вонючей слизью и еще

тепленького быстренько перенесла бы в свою бездонную пасть-жаровню.

Но он вовремя увернулся, и извивающийся шлейф языка извергнулся мимо, прямо в острые шипы кустарника. Зверь взревел, – то ли от боли, то ли от злости, – и вдруг вынес свое змеевидное тело из болота.

К удивлению Сергея, оно оказалось намного меньше головы. Извиваясь судорожными волнами, чудовище вознесло голову метров на двадцать, чуть ли ни к самым облакам, распахнуло мощное бронированное веко, показывая свой единственный квадратный глаз на лбу, и, казалось, удивленно уставилось на чужака разноцветным сетчатым зрачком. Затем снова приоткрыло пасть, дыхнуло на Сергея жарким сероватым облаком и неожиданно... расхохоталось.

Сначала это был безобидный снисходительный хохоток, но постепенно он перерос в вибрирующий стук отбойного молотка, потом стал напоминать прогазовку допотопного трактора, а через минуту уже мог соперничать с ревом реактивного двигателя. Клокот-хохот все нарастал, и Сергею невольно пришлось зажать уши ладонями. Но это не помогло. И когда уже, наверное, вот-вот должны были лопнуть его перепонки, это чудовищное ржанье прекратилось. Но вместо его появилось еще более ошеломляющее продолжение – все вокруг загромыхало, задрожало, а через секунду земля разошлась в стороны и на месте болота враз выросла огромная, полого восходящая гора. И Сергей не сразу сообразил, что чудовище наконец показало свое настоящее тело, – а то была лишь шея, – и только когда зверь встал на все свои четыре трехпалые перепончатые лапы-колонны, взметнув покрытое серебристой чешуей тело с двумя небольшими веероподобными крыльями по бокам еще метров на двадцать вверх, – теперь уже действительно вплотную к тяжелым черным облакам, – он это окончательно понял. Да, пред ним предстало живое существо невиданных размеров! Сергея это так потрясло, что он даже на какое-то время забыл об опасности и о том, где находится. Его заворожила, загипнотизировала эта огромная гора мускулов. Зверь был неотразим в этой несокрушимой, величественной позе, его могучее тело сияло своей, особенной, неповторимой красотой, и Сергей невольно залюбовался им, и даже слегка улыбнулся от восхищения.

Но онемелое любование исполинским красавцем продолжалось не долго. Лапа-платформа приподнялась, повисла над

головой Сергея и – резко пошла вниз. Сергей зажмурился и, обезумев от страха, что есть силы заорал. А когда открыл глаза – увидел, что он... опять дома, распластанный на полу.

С минуту полежал не двигаясь, потом повертел головой по сторонам, приподнялся, потрогал кровоточащую рану на лбу, вытер рассеченную о стекло щеку и уже более внимательно огляделся. Вокруг валялись осколки разбитого зеркала. Снова зажмурился, тряхнул головой и, наконец, встал.

– Господи, да что же это со мной?! – даже голос был как будто не его – какой-то надорванный, с хрипотцой, словно простуженный.

Он вновь тряхнул головой, тяжело повздыхал и, скривившись – то ли от головной боли, то ли от тяжелых дум, – поплелся на кухню, намереваясь через силу что-нибудь проглотить.

На кухне был такой же кавардак, как и во всей квартире. Пошарил по кастрюлям, нашел остатки вчерашнего, а может быть и позавчерашнего борща, отпил наваристую жидкость прямо через край, крикнул, словно после рюмки водки, и опустил на стул. Взгляд тупо уставился в пространство, тело и душу окутала вялость, безразличие. Ничего не хотелось делать или куда-то стремиться. Хотелось только одного – спокойствия. Чтобы вот так, – безучастно, отрешенно, – сидеть и бессмысленно созерцать перед собой затуманенным взором потемневший от пыли, но некогда крахмально-белый угол кухни.

И когда голова его уже основательно отяжелела от надвигающейся похмельной дремоты и стала постепенно клониться набок, раздался мелодичный писк зуммера.

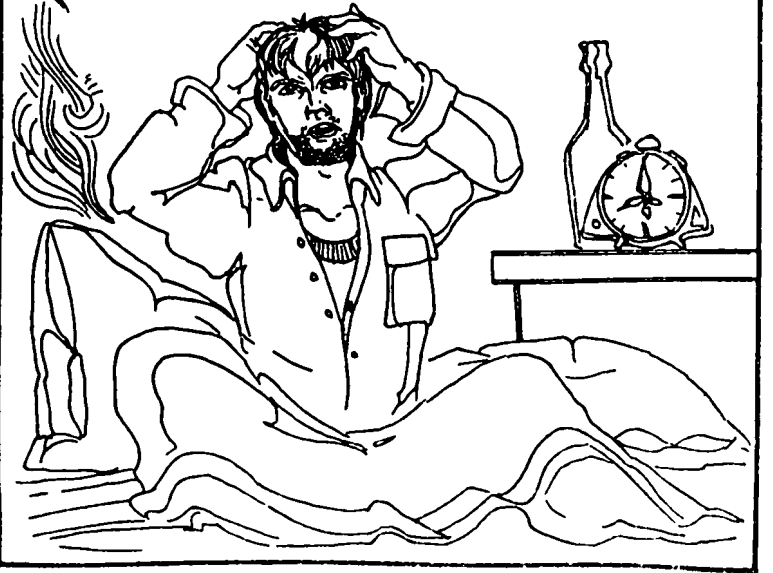
Звонили в дверь.

Сергей вздрогнул, поднял голову, поморщился: если жена – значит, опять истерика. Вздохнул и поковылял открывать дверь.

Однако на пороге стоял незнакомый мужчина средних лет в легкой белой шляпе с короткими полями, простенький полотняный костюм серого цвета мешковато свисал с его небольших угловатых плеч.

Мужчина вежливо приподнял шляпу, сверкнул живыми черными глазами и певуче изрек:

– Серж Зеин?

– Он самый, – тихо промямлил хозяин квартиры и, удивленно оглядев незнакомца, недовольно поправил: – Только не Серж, а Сергей...

– Это одно и то же, – бесстрастно констатировал тот. – Разрешите войти? А то одет я по-легкому, живу рядом... Так можно?

– Валяйте, если охота. – Сергей криво свел щеку и отошел в сторону.

– Извините, я не представился, – пропел незнакомец, когда вошел в прихожую и снял шляпу, – Герман Стив, журналист.

– Чем же это я заинтересовал иностранную прессу? – не без сарказма полюбопытствовал Сергей, однако в глазах его появился живой огонек.

– Что вы, что вы! – возопил незнакомец, решительно замахав руками. – Какой я иностранец!.. – И растянув сочные розовые губы, продолжил: – Просто мальчишеская привычка подражать всему закордонному. Это мой псевдоним. Настоящая моя фамилия Стивакин, а зовут Геннадий. Я корреспондент независимой газеты...

– Ну и что из этого! – со злостью вставил Сергей. Его вдруг затошнило, и он снова сморщился. – Чего вы передо мной расписываетесь? Какого черта вам нужно от меня? Мне некогда!..

– Может, пройдем в комнату и присядем? – неожиданно предложил корреспондент. Его нахальный взгляд колко устался в опухшую физиономию хозяина квартиры.

Сергей вновь перекошил лицо, но теперь уже не от тошноты, а от вдруг снизошедшего на его несчастную голову чего-то неприятного, скверного, непонятного, – и теперь уже в этой, реальной жизни, – однако не взорвался, не заорал что есть силы, чтобы тот немедленно убирался восвояси, а нервно дернул головой и неожиданно тихо обронил:

– Ладно, проходите.

Стив проворно и с какой-то необычайной легкостью, словно паря в воздухе и почти не касаясь пола своими мощными импортными ботинками, проскользнул в комнату, сел на стул и, сморщив лоб, огляделся.

– Уф, какой у вас тут беспорядок! – И уставил на Сергея ухмыляющуюся физиономию.

– Так мне нравится, – бросил тот с вызовом, скрестил на груди руки и добавил строго: – Так какое у вас дело?

– Видите ли, – гость пожевал губами, – я один из тех, кто вас защищает.

– Чево-чево? – не понял Сергей.

– Я один из тех, кто вас защищает, оберегает от всевозможных нежелательных и опасных для вашей жизни обстоятельств.

Сергей какое-то время смотрел на него не моргая, затем неожиданно прыснул и расхохотался.

– Ты!.. Ты меня!.. Защищаешь?! Господи, умру со смеху! – Он всплеснул руками и снова уставился на странного гостя.
– Извольте узнать: от кого?

– Зря смеетесь, – выдохнул Стив. – Лучше сядьте и спокойно все выслушайте.

– Ну хорошо, хорошо. – Сергей уселся на диван напротив гостя, вытер рукавом выступившие от хохота слезы и вытаращился на того все еще улыбающимися глазами. – Спасибо, вы согнали с меня скуку, да и башка, вроде бы, не так стала раскалываться.

– Не торопитесь благодарить – может ругать сейчас будете. – Кожа на щеках гостя вдруг задубела, натянулась как на барабане, а острые, словно ножи, скулы всплеснулись желваками.

– Ничего, валяйте. – Однако блеск в глазах Сергея миг изменился, и они уже настороженно уткнулись в Стива.

– В общем, так. – Гость звонко шлепнул ладонями по своим коленям. – Я представитель секции связи одной могущественной иноцивилизации!

– Чево-чево? – вновь не понял хозяин квартиры и приподнялся.

– Перед вами инопланетянин, – сообщил работник независимой прессы с укором, а точнее, с обидой: до чего же непонятливый народ – эти аборигены! – И именно я один из тех, кто всячески оберегает вас от враждебной вам группировки космических биопиратов!

Сергей замер в полусогнутом виде, затем резко опустился на диван, пристально посмотрел на сидящего перед ним человека, скривил поцарапанную щеку, – то ли в улыбке, то ли в нервном тике, – и наконец вымолвил:

– Ты бы шел отсюда, мужик, а?

– Все правильно, – разочарованно, выдохнул небожитель и развел руками, – так и должно быть. Поверить в это, разуме-

ется, трудно. Но, – он многозначительно поднял указательный палец, – вы поверите нам.

– Это еще почему?

Стив помолчал, опустил глаза, затем резко вскинул их на Сергея и высокопарно изрек:

– Мне известен ваш сегодняшний сон! И я знаю что именно поразило вас в нем!

Сергей вздрогнул и еле слышно обронил:

– И что же именно?

– Чудовище. Правильно? – Его глаза прищуро ощупали Сергея.

– Д..да, – через силу выдавил тот и, вмиг насторожившись, сразу же почувствовал, как по его спине пробежала неприятная волна мурашек.

– Так вот, – продолжал гость, словно выливая ушат холодной воды на разгоряченную голову хозяина квартиры, – это не совсем сон. Это его подобие, точнее, своеобразная иллюзия сна. Вы же действительно были в том мире. И вас спас наш агент, принявший биоформу этого чудовища, вернее, внешний вид аборигена этой планеты. Разумного аборигена. По своему цивилизованного. И отвечающего всем стандартным меркам Высшего Сообщества Вселенной. Но тип мышления этого разума, его мораль, психология – враждебна вам, вашей цивилизации!

– Вы хотите сказать, что приснившаяся мне тварь была на самом деле?! – Он ошарашенно выпучил глаза.

– Да, – кивнул корреспондент и снисходительно скривился.

Сергей замер на секунду-другую, затем улыбнулся, махнул рукой и хрипло кинул:

– Да бросьте вы!.. Это были самые настоящие кошмарики. От пьянки. И не трудно было предугадать...

– Перестаньте! – жестко перебил его Стив и резко выкинул руку к его коленке. – А это что такое, позвольте вас спросить?

Сергей глянул на свою ногу и – обомлел. От колена, вверх по лодыжке вился мокрый липкий стебелек какого-то странного растения. Его крохотные лепестки-присоски цепко вонзились в материю трико. А так как трико и стебелек были почти одного цвета, Сергей просто не заметил его раньше. Да и не до этого ему было.

– Так откуда же у вас, уважаемый сударь, этот липкий стебелек? – повторил Стив и усмехнулся. – Не знаете? А я скажу:

оттуда. А точнее – с того чертова болота, которое находится на той вонючей планете! – И дернув головой, бросил: – Ясно?

Сергей сдержанно кивнул и растерянно просипел:

– Спятил я, что ли, господи?..

– Вы абсолютно здоровы, – заверил его гость; голос у него смягчился, сделался бархатным. – И вам нечего бояться, вы под надежной защитой.

– А зачем?.. – вдруг встрепенулся Сергей. – Зачем я им нужен?

– Ну-у, братец, – протянул пришелец, скалясь улыбочкой, и повел головой. – Ты всем нужен. – И уставил на Сергея холодные, словно лед, глаза.

– Всем? Кому – всем?

– Иноцивилизациям.

– Но зачем? Зачем?! Кто я такой, чтобы мною интересовались эти?! – Он на секунду запнулся, подыскивая нужное слово и яростно мотая головой. – Эти!.. Эти нелюди!

Стив сморщился, словно от запаха тысячи тухлых яиц, после вновь снисходительно расплылся в улыбке и певучим умиротворенным голоском поведал:

– Вы – не кто такой, вы – положительный биоинвертарий, а сокращенно – п-биоинверт, а еще проще – плюс-био.

– А что это такое?

– Что такое, говоришь? – Гость выпятил губу, сморщил лоб. – Это... – Но ему не дали договорить. Неожиданно раздались три коротких требовательных звонка в прихожей, а следом – несколько нетерпеливых сильных ударов в дверь.

– Неужто жена вернулась! – обрадовано встрепенулся Сергей и кинулся в прихожую.

Но Стив опередил его – расставив руки, он загородил дверь.

– Стой! – Глаза у гостя вылезли из орбит и ошалело уперлись в Сергея. – Не смей открывать! Это не жена! Я чувствую!..

– Ты чево?.. – испуганно пропыхтел хозяин квартиры и настороженно поглядел из-за плеча гостя на дверь.

– Это наши враги, – прошептал пришелец и, обернувшись, тоже покосился на дверь. Затем срывающимся голосом пояснил: – Это корректировщик внедрения, агент сверхцивилизации АНТИ-6, представитель той чертовой планеты, на которой ты недавно побывал, вернее, твое проматериальное сознание... Отойди в сторону! – Он подкрался к дверям, прислу-

шался, потом неожиданно улыбнулся, ободряюще кивнул Сергею, который продолжал стоять с открытым ртом в двух метрах от него, после вытащил из кармана какую-то блестящую трубку и наставил на дверь. Из трубки бесшумно извернулись две серебристо-блестящие струйки – и за дверью что-то тяжелое грохнулось на пол.

– Готов! – торжествующе осклабился Стив и подмигнул ничего не понимающему Сергею. – Нам повезло, он был один. – И щелкнув замком, осторожно приоткрыл дверь.

На лестничной площадке, прямо перед дверью, лежал человек в сером твидовом костюме. Глаза его были широко открыты, а неестественно запрокинутая в сторону голова создавала впечатление, что он что-то упорно пытается рассмотреть в глубине прихожей.

Сергей боязливо приблизился к распластанному на полу человеку, посмотрел на довольную рожу Стива и еле слышно прохрипел:

– Ты что же наделал, ирод? Ведь ты же убил его! Убил!! Что же теперь будет с на... – И запнулся на полуслове.

Тело убитого вдруг дернулось, судорожно выгнулось и тотчас, прямо вместе с одеждой, стало трансформироваться в какую-то странную полужидкую массу. Неожиданно с краю этого отвратительного студня, – оттуда, где еще недавно была человеческая рука, – извилось тоненькое трехпальце с точно такой же, как и у злосчастного гостя трубкой-бластером, и не успел последний опомниться, как острый серебристый лучик полоснул того по груди.

Стив вскинул руки, ноги у него подкосились, и он медленно опустился на колени. Однако тотчас попытался встать, но – не получилось! и несколько раз дернувшись, рухнул рядом со своим недавним смертельным врагом. На лице пришельца с неведомых звезд застыло выражение детского недоумения.

А масса-холодец еще с минуту побулькала, поизвивалась и, преобразившись в лягушинообразное существо, утихло. И, кажется, навсегда.

Это произошло так быстро, что Сергей, казалось, не успел даже глазом моргнуть. Он остолбенело оглядел два трупа: один человеческий, другой – неизвестного существа, схватился за голову, – ему вдруг сделалось дурно, – и, заскулив, как затравленный пес, бросился в квартиру. Но вскоре вернулся и спешно принялся затаскивать трупы в прихожую.

С неудачливым гостем у него получилось быстро. Но вот с мощами инопланетной лягушки возникло затруднение. Они все время выскальзывали из рук, вытягивались словно пружина, цеплялись за пол, липли к рукам. Однако вскоре, когда уже вконец измучившись и изрядно измаравшись в зловонно-вонючую слизь, ему все же удалось перевалить их через порог.

– Господи, что же это творится?! – чуть слышно прошлепали потрескавшиеся в кровь губы Сергея. Он через силу закрыл за собой дверь и, привалившись к ней спиной, изнеможенно съехал задом на пол. Немного отдышавшись, приподнял руку и что есть силы ущипнул себя за ухо. Однако острая боль не разбудила его – нет, он не спал! Все, что здесь произошло, было не сном, не бредом. Все это было на самом деле. Все это было реальностью.

Сергей поднял голову, посмотрел вверх и впервые за свои тридцать с небольшим лет пожалел, что не знает какой-нибудь молитвы, а знаком всего лишь с одним словом – особенным словом, но – затертым, замызганным, а потому и потерявшим смысл. И именно оно вновь сошло с его пересохших и дрожащих губ:

– Господи!.. – И неумело, по-мужски, заплакал.

Сколько времени он так сидел — не помнил. Привела его в чувство мелодичная трель зуммера. Опять звонили в дверь!

Сергей, казалось, безразличным взглядом скользнул по вытянувшимся вдоль прихожей трупам, спокойно, даже с каким-то неестественным равнодушием подумал, что теперь, наверное, и его пришел черед, однако помедлил открывать, — но не потому, что испугался, а от неожиданно промелькнувшей в голове мысли: может оставить какую-нибудь записку, как это обычно делают перед смертью? Но в дверь снова позвонили – настойчиво, требовательно. Тогда он Резко вскочил на ноги и, не раздумывая больше, сбросил щеколду.

На этот раз на пороге стоял человек в милицейской форме.

– Сержант милиции Троегуб, – сдержанно козырнул страж закона. – Здесь проживает гражданин Зеин?

– З...здесь, – заикнулся Сергей и непроизвольно, будто подчиняясь какой-то неведомой, враждебной ему силе, отступил назад. Хотя отлично помнил, что за товар лежит у него за спиной. Однако вовремя спохватился, и напряженно, тяжело, словно сбрасывая с себя чьи-то невидимые, враз окутавшие тело и сознание путы, шагнул на прежнее место и снова заго-

родил проход. Но молодые зоркие глаза сержанта все же успели усмотреть что-то подозрительное на полу.

– А это что за лежбище тут у вас? – Он отстранил рукой Сергея и перешагнул порог. – Насюсюкались опять до беспаматства, что ли?..

– Да-да! – торопливо закивал головой Сергей, хватаясь за неожиданно брошенную сержантом спасительную соломинку. – Они полежат немного, отдохнут... – И замолк, вовремя спохватившись, что один из них нечеловек.

Но страж был начеку:

– А кто это – они? Тут, по-моему, один... Где остальные? – Он прошел вперед и, мельком взглянув на расплывшийся студень, скороговоркой заметил: – Скотобойню, что ли, в доме устроили? Безобразия!..

– Ага, – тут же согласился с ним хозяин квартиры и, поидиотски дергая пораненной щекой, заискивающе добавил: – А потом обмыли, жена в курсе... – И растерянно захлопал глазами.

– Кстати, о жене. – Сержант оглянулся на Сергея, свел гармошкой лоб и потер пальцем переносицу. – Она вчера звонила в отделение и просила, чтобы разогнали тут вашу пьяную компанию. Но вчера мне некогда было, а сегодня... – Он неожиданно запнулся, удивленно приоткрыл рот и прошагал к трупку Стива. – А это что – кровь? – Быстро нагнулся, мазнул пальцем по губам прищельца – и резко одернул руку, почувствовав неприятный холодок мертвого тела.

Сергей, сломя голову, кинулся к дверям, но милиционер не растерялся и выкинул ногу вперед – беглец зацепился и грохнулся на пол. Сержант тотчас оседлал его верхом.

– Вот, значит, до чего докатился, алкаш несчастный, – проговорил он хрипло, тяжело дыша и старательно, не спеша, связывая ему за спиной руки. Затем подхватил его под мышки, поставил на ноги и повернул к себе лицом. – До убийства, значит, допился... – Осуждающе покачал головой и с горечью прибавил: – А ведь еще полгода назад и подумать о чем-либо подобном нельзя было, во всех отношениях примерным гражданином слыл. – В глазах у него застыла неподдельная печаль и даже, казалось, сопереживание.

– Да... да не убивал я никого! – наконец стряхнул с себя оцепенение Сергей. – Это он!.. Все он!.. Этот тип!.. Это он его прикончил! – И кивнул трясущейся головой в сторону уже покрывшейся багрово-зеленой тиной студня-лягушки.

Сержант резко оглянулся, прищуро позырнул по углам, машинально хватаясь за кобуру на бедре, но никого за спиной не увидел. Однако не повернулся обратно, а задержал взгляд на бесформенной кроваво-зеленой массе.

Секунду-другую постоял, как бы, в нерешительности, затем подошел ближе, удивленно округлил глаза, дотронулся носком ботинка до студня, попинал его, брезгливо морщась, затем обернулся к Сергею и обронил, вздыхая: – Так ты еще и браконьер, Зеин... Что за животину вы загубили, а?

– Да никакая эта не животина! – взвизгнул тот. Но неожиданно потух, помялся, словно в нерешительности, смущенно опустил глаза и, кисло растянув губы, буркнул: – Инопланетянин это...

– Что?! – Сержант вмиг подскочил к арестованному. – Под дурака молотишь? Не выйдет, Зеин!

– Не вру я... – выдохнул парень. – Сначала Стив убил его, потом он убил Стива... – И увидев ухмылку сержанта, вдруг снова взорвался: – Да правда же это!

– Ну-ну, – страж оставался спокойным, – молоти, молоти. – И неожиданно рявкнул: – Где ружье?

– Какое ружье? – недоуменно глянул Сергей.

– С которым людей и редких животных на бифштекс переводишь! Отвечай!

Сергей вздохнул горестно, понурил голову и пробурчал:

– Не верите и не надо. Как хотите...

Камера для подследственных была темной, сырой. Грязно-серая штукатурка под шубу тяжелым мрачным интерьером висела на стенах, усиливая и без того скверное настроение ее обитателей. Одиноким круглым глазком посередине толстых стальных дверей печально глядел своим тусклым запыленным стеклом на четверых неопрятных мужчин, беззаботно растянувшихся на низких замусоленно-грязных деревянных нарах.

Неожиданно умиротворенную тишину тюремного каземата нарушил гулкий цокот подкованных сапог. Шаги приблизились к камере, остановились, и через секунду послышалась звонкая трель связки ключей, а следом – оглушительный лязг дверных запоров.

На пороге появилась мощная фигура молодого охранника.

– Зеин, на выход!

– С вещами? – Сергей приподнял голову и часто заморгал заспанными глазами.

– Нет, пока к следователю, – прогудел густой бас.

– Ни пуха, – донеслось с нар.

– К черту, – хрипло отозвался Сергей и принялся быстро обуваться.

– Слышь, браток, – подал голос мужик с огромной черной шевелюрой и свернутым набок носом, – про курицу не забудь.

– И про пирожки с мясом, – хохотнув, прибавил его сосед – толстый, румяный мужичок с лоснящимся от жира лицом и широким профессорским лбом, казалось, слившимся из-за больших блестящих залысин с самой макушкой.

– Тебе бы только жрать, – ворчливо бросил третий, шупленький, сторбленный тип с большими впалыми глазами на худом скуластом лице.

– Насчет курицы – попытаюсь, – пообещал Сергей и, закинув руки за спину, вышел в коридор.

– Так вы продолжаете утверждать, что никого не убивали, а то дохлое разложившееся существо и убитый – инопланетяне? – уже в который раз повторил следователь – немолодой грузный мужчина с густыми прядями жестких, аккуратно зачесанных назад волос на крупной квадратной голове. Он пожевал толстыми, вывернутыми наружу губами и помял пальцами виски с обширной и довольно симпатичной проседью у основания. По его довольно-таки добродушному лицу пробежала еле заметная усмешка. Но глаза оставались колкими, холодными.

– Да, Вадим Иванович, – вздыхая, кивнул Сергей. – Ну почему вы мне не верите? Я не утверждаю, что они действительно с другой планеты. Но Стив так представился! О себе рассказал, о нем!..

– Послушайте, – выдохнул следователь, – предположим, что я вам поверил. Но ведь у вас концы с концами не сходятся.

– Почему?

– А вы подумайте.

Сергей опустил голову, посидел минуту в задумчивости, затем вновь выпрямился, посмотрел на следователя с невинностью ребенка и пожал плечами.

Вадим Иванович снова усмехнулся и продолжил:

– Хорошо, я помогу вам найти прокол в вашей версии.

– Вы утверждаете, что Стив убил то животное через дверь каким-то неизвестным вам оружием?

– До этого оно было человеком, – быстро вставил Сергей.

– Ну, ладно, ладно, – морщась, согласился с парнем Вадим Иванович, – пусть будет так... Значит, он убил его. Но тогда как тот, мертвый, потом мог убить Стива, а? Да и куда девалось то мифическое оружие? Если же это те две обгорелых алюминиевых трубки, которые мы нашли у вас, то, извините, такого оружия я вам могу предоставить целую машину, стоит только мне съездить за отходами на завод металлоконструкций. – И уперся в него своим режущим взглядом.

У Сергея отвисла челюсть, он растерянно посмотрел на следователя, потом – на его чистые холеные руки и, вновь пожимая плечами, тихо проговорил:

– Не знаю я... Но эти трубки стреляли. Может они одноразовые? – Он какое-то время смотрел на следователя не моргая.

Тот скривился и бросил:

– Ну, разумеется, одноразовые. Как шприцы. – И, вздыхая, покачал головой. Затем провел ладонью по лицу, словно сбрасывая с него невидимую паутину, осуждающе глянул на арестованного и сказал: – Ну хорошо, пока оставим в покое это чудо-оружие... Однако вы не ответили мне на другой вопрос: как он, будучи уже мертвым, умудрился укокошить своего собрата по галактике, а?

Сергей повел плечами, вскинул глаза, дотронулся до своего пораненного лба, дернул в печальной усмешке рассеченной щекой и проговорил:

– Это, конечно, все бред, чепуха какая-то, и я говорил уже об этом... Но... но когда Стив убил его, то труп инопланетянина через некоторое время почему-то превратился в это отвратительное чудище. А уже затем оно вдруг ожило и... и выстрелило. – И снова зачастил ресницами.

– Превратилось, выстрелило, – передразнивая, проворчал следователь, потом резко мотнул головой и откинулся на спинку стула. – Я бы мог поверить в этот, извини меня, бред, если бы ты убедительно, а точнее, архиубедительно доказал мне, что все, о чем ты утверждаешь – правда. Однако я не могу поверить тебе! – Он выпятил губы и развел в стороны руки. – Но я также не могу до конца убедиться и в другом, а именно – что ты убил этого загадочного Стива! Почему? – Глаза его расширились, показывая желтые, с кровавыми прожилками белки. – Да потому, что слишком уж примитивное у тебя объяснение этому... – он помедлил, подыскивая нужное и более мягкое слово, но не нашел, и недовольно буркнул: – ...этому

преступлению. Придумай ты что-нибудь оригинальное, захватывающее, но, разумеется, не фантастическое, не мистическое, я бы сразу понял, что передо мной сидит убийца. А так – сомневаюсь. Парадокс?

– Наверное, – вздыхая, согласился Сергей и понуро опустил голову.

– Психиатры нашли тебя вполне здоровым, – казалось, вслух размышлял Вадим Иванович, – на работе о тебе отзываются, в общем-то, как о хорошем и даже неординарно мыслящем инженере, до последнего времени не слишком злоупотреблявшем алкоголем. А тут – такой примитив! – Он шумно выдохнул и снова облокотился на свой широкий следовательский стол. – Может все же расскажешь правду, а?

– Да какую правду, господи?! – отчаянно вскричал Сергей, вскакивая.

– Сядьте! – жестко обронил следователь. Морщинки возле его только что мягких и даже, казалось, доброжелательных глаз неожиданно замерли, заострились, а взгляд снова сделался настороженным, злым.

Арестованный тут же потух, опустился кулем на стул и, умоляюще посмотрев на сидящего перед ним человека, выдохнул:

– Да поверьте же!.. – И уронил голову.

– Ладно, – буркнул следователь, – подумайте до завтра, может что-нибудь и вспомните. – И многозначительно глянул на Сергея.

Но тот, казалось, не слышал этих слов – взгляд его по-прежнему был устремлен под ноги, а точнее, на простенькую потрепанную ковровую дорожку, аккуратно растянутую от стола до двери. Эта старенькая дорожка сильно напоминала Сергею его половичок, – и не только по цвету и рисунку, но и по своей изношенности, а также – количеству грязи на ней. И эта, в общем-то, ничего не значащая деталь неожиданно успокоила, придала ему сил, уверенности.

Он поднял голову, посмотрел на следователя – прямо, открыто, словно перед ним сидел не ревностный слуга закона, а его старый, хорошо знакомый товарищ – и спокойно проговорил:

– Ничего нового я больше не вспомню.

Вадим Иванович повел бровью, вдруг уловив пока не понятную ему перемену в голосе и на лице обвиняемого, всплес-

нул желваками на своих широких, до синевы выбритых скулах и раздраженно обронил:

– До завтра. – И резко выкинув руку к торцу стола, с силой надавил там на кнопку вызова охранника.

Запах камеры – спертый, тяжелый – давил постоянно, неотступно, и не только своей отвратительной вонью, но и еще чем-то невидимым, безликим, но постоянно присутствующим здесь, постоянно сожигательствующим с обитателями этого помещения. Он неотступно следовал по пятам этих мрачных, обиженных судьбою людей, продолжая день и ночь извращенно издеваться над их телами и душами.

Удушливый ярко-мозаичный сон наконец окутал мечущееся и беспрерывно раздираемое мучительными думами сознание Сергея. Он повернулся набок, но жесткий деревянный «матрас» тюремных нар не разбудил его – он по-прежнему уходил все дальше и дальше по извилистой дорожке забытья. И медленный, сбивчивый шаг на первых секундах этого, пока еще неустойчивого забвенья стал постепенно переходить на бег – сначала тихий, степенный, потом все убыстряющийся, уверенный, и, в конце концов, перешедший рывком – четким, сильным, красивым – на стремительный полет.

Набирая скорость, ирреальное тело арестанта безумно мчалось среди разноцветного хаоса многочисленных огненных жерлов, которые упорно чередовались с мрачно-темными бликами каких-то бездонных завихряющихся провалов, мгновенно разрастающихся до бескрайности и тут же уходящих в еще более беспредельную пропасть, но уже – чего-то враждебного, агрессивного... И там, на том пугающе далеком дне, вдруг начинали ритмично извергаться откуда-то из небытия тяжелые вздохи дымчатых искр. Возможно, тут и были врата самого ада...

...Сергей снова был возле болота. По метровым жжено-коричневым кочкам стелился ядовитый туман, и отвратительный запах от него безжалостно раздирает рот. Однако эта едкая вонь в чем-то была сродни тюремной, и поэтому ошеломленный внезапной переменой своего местопребывания землянин почти не обратил на нее внимания. Все его существо, все его ошарашенное сознание было устремлено на другое – на обширный темно-серый холм чуть в стороне от трясины, где возвышались два огромных чешуйчатых монстра. Их гигантские шеи, извивающиеся словно упругие толстые шланги, и

до этого игриво тершиися друг о дружку, вдруг замерли, потом взметнулись к облакам, головы-глыбы на их концах обеспокоенно задергались, закрутились, а увидев чужака – невольного свидетеля их любовных игрищ – на секунду замерли, а затем, оскалив пасть, враз устремились в его сторону. Лапа-платформа одного из чудовищ приподнялась, не спеша перенеслась метров на пятьдесят вперед, следом пригвоздилась вторая – совсем рядом с кромкой болота, почти у самых ног обезумевшего от страха Сергея.

Клыкастая, с изогнутыми рогами бронированная рожа ниспала сверху и, ослабившись, изрыгнула бульдозерным ревом:

– А это что за букашка тут прыгает? – И квадратный водоем зеленоватого сетчатого глаза заинтригованно блеснул овальным полуметровым зрачком посередине.

Сергей был так поражен этим словесным грохотом циклопа; что на мгновение опешил, позабыв и о парализовавшем его тело и душу страхе, и о смертельной опасности, вдруг нависшей над ним. Да и как тут было не забыть? Ведь эта гигантская тварь говорила! Говорила – на его родном языке!

И землянин растерянно выкрикнул:

– Я не букашка, я человек!..

– Чего орешь, как ошалелый! – просипела пасть. – Не видишь, моя подруга нервничает! – И еще ближе приблизилась, выпустив вперед, почти к самому носу землянина, маленькое перепончатое крыло-руку.

Сергей испуганно дернулся, отпрянул в сторону, зацепился за кочку и шлепнулся задом в какое-то зеленое месиво. Страх вновь прошелся колкой волной мурашек по его спине.

Чудовище несколько раз томно моргнуло, и вдруг, – точно так же, как и в прошлый раз, – захохотало.

Громоподобный смех эхом прошелся по долине – до гор и обратно – и тотчас усилился вдвое. Сергей повернул голову и увидел: ржала и вторая рожа, только намного тоньше и визгливее.

Неожиданно в глаза Сергею бросилась еле заметная коричневатая точка в небе. На фоне далеких синевато-белых гор она быстро увеличивалась и через какое-то время вдруг превратилась в огромного, в раза три превышающего своего наземного собрата-ящера, летающего хищника. Его огромные перепончатые крылья, казалось, закрыли пол-неба, а острый крюк клюва и метровые когти на четырех бронированных

толстыми пористыми пластинами ногам были устремлены на подружку чудовища.

– Смотри!.. Что это? – Сергей разинул рот и невольно выкинул руку вверх, и скорее, не для того, чтобы предупредить своего необычного собеседника о надвигающейся опасности на его ничего не подозревающую половину, а просто неосознанно, машинально, как бы, защищаясь, а точнее – отмахиваясь от чего-то нереального, потустороннего, вдруг материализовавшееся через его больное воображение.

Землянин через силу сомкнул челюсти и, стараясь из-за всех сил подавить внутри себя надвигающуюся волну ужаса, судорожно сглотнул и очумело уставился на пикирующую гору костей и мяса. Затем, как бы спохватившись, зажмурился и с силой вжал голову в плечи.

– Дракон дернулся – и голова его тотчас развернулась в противоположную сторону. А через секунду, уже откуда-то из-за облаков, прогрохотало:

– Спасибо, букашка! За мной должок!.. – И приподняв лапу-платформу, говорящий монстр прикрыл ею все еще хохочущую и по-прежнему ничего не подозревающую подругу от прицельного удара летающего хищника.

Сергей вновь вздрогнул, попытался встать, но не смог оторвать свой отяжелевший зад от липкой вонючей грязи. Тогда он отчаянно саданул кулаками по болотной жиже и... проснулся. Холодный пот струился по его лбу, стекал на щеки, шею.

Он приподнялся и обтерся рукавом.

– Господи, что за чертовщина!.. – обессиленно прошептали пересохшие губы парня.

– Ты чево? – полюбопытствовал сосед со свернутым носом. – Нервишки шалят? Кошмарики снятся? – Вздохнул, закинул руки за голову и сочувственно добавил: – Бывает. Особенно, когда в первый раз... – И неожиданно подмигнул своим маленьким настороженным глазом.

– Чего – в первый раз? – не понял Сергей и, хмурясь, повернулся к тому лицом.

– Неужто уже во второй? – удивился Свернутый Нос. – Что-то непохоже.

– А-а, – наконец догадался Сергей, – ты вот о чем... Нет, здесь я впервые.

– Вот-вот, – довольно захмыкал тот. – Я и говорю: когда в первый раз сюда загремишь – всегда тебя кошмарики навещают. Ей-богу! У меня тоже так было...

– И сколько же годков назад это было? – донесся хохот толстяка.

– Много, – тяжело выдохнул Свернутый Нос, как бы не замечая сарказма в словах сокамерника. – Уж и не припомню на котором из них они прекратились...

– Значит, давно уже не теребят тебя кошмарики по ночам, – вступил в разговор шупленький мужичок.

– Да. А жаль...

– Это почему же? – удивился Сергей.

– Да с ними как-то веселее, встряхивают душу что ли, особенно когда в тюряге слишком долго отсиживаешься. В зоне-то наоборот, плохо...

– Не иначе, наркотиком баловался, – уже серьезно заключил толстяк.

– Угадал, было. Но – прошло.

– Само? – приподнялся шупленький.

– Нет. Пахан отрубил, делу вредило. – И хлопнув Сергея по плечу, громко подытожил: – Так что не горюй, салажок, разок-другой – и как рукой снимет! – И заржал вместе со своими неунывающими приятелями по несчастью.

Сергей болезненно скривился – этот хохот напомнил ему Что-то неприятно знакомое, мерзкое, липкое. Он сморщил лоб, пытаясь вспомнить, где уже подобное слышал, – но не мог.

– Ты, браток, не обижайся, – увидев гримасу на лице Сергея, проговорил Нос и тряхнул перед его поникшей головой своей огромной черной шевелюрой. – Плюй на все! Веселее моргалами хлопай! Мы же шутим, давим стерву-скуку! – И вновь расплывшись в улыбке, ткнул своего еще зеленого сокамерника плечом.

Сергей сдержанно кивнул в ответ, кисло растянул губы, а увидев открытые, доброжелательные лица окружающих его людей, вдруг прыснул и тоже расхохотался.

В это время запоры на дверях загромыхали, и на пороге появился охранник.

– Веселитесь, значит? – прогудел охрипший голос. – Сейчас еще веселее будет. – Пробежал взглядом по лицам арестантов, остановился на двух из них и скомандовал: – Ты и ты на выход – мыть коридор!

Сергей молча поднялся, подошел к дверям. Свернутый же Нос помедлил, надув губы, затем спустил с нар ноги и проворчал:

– Опять я, что ли? Я же мыл уже!..

– В карцер захотел? – ехидно осклабился охранник и, шагнув вперед, рывкнул: – А ну встать! Ты что, собачье отродье, забыл, что сегодня очередь вашей камеры убирать помещение?! – Приблизился еще на шаг и, выпятив запястье левой руки, резко ткнул толстым, как сарделька, пальцем в крохотное квадратное стекло своих часов. – Даю минуту на раздумье!..

– Ладно, – примирительно буркнул арестант и, покосившись на охранника пренебрежительно-снихождительным взглядом, проворчал: – Разомнись хоть немного...

– Вот-вот, разомнись, – снова осклабился тот, словно и не замечая недружелюбного взгляда своего подопечного. – И заодно проинструктируешь своего еще, по-видимому, неопытного товарища – Зыркнул на двух оставшихся и прибавил: – А вы, голубчики, чтобы вылизали свою обитель до блеска!

Через десять минут Сергей уже бойко орудовал тяжелой лохматой шваброй по гладкому, как лед, кафельному полу тюрьмы. Свернутый же Нос не спеша, с видимой старательностью, убирал большой мокрой тряпкой, насаженной на тонкую длинную палку, паутину и пыль со стен и потолка коридора.

Продвигаясь куриными шажками вдоль ровного ряда дверей с круглыми глазками вверху, они вскоре уткнулись в торец коридора с узким зарешеченным окошком у самого потолка. Немного перекурили и повернули направо, где располагалось служебное помещение. Коридор в этом месте был слегка затемнен, и когда арестанты углубились внутрь его, то стали почти невидимы для внутренней охраны.

Неожиданно по коридору кто-то пробежал, а следом – еще один. Затем послышался быстрый цокот уже нескольких пар ботинок. И вдруг – пронзительные крики и... выстрел.

Сергей ринулся было на свет, назад по коридору, но Свернутый Нос моментально остановил его, схватил за рукав, резко дернул на себя и прижал к стене.

– Дура! – прохрипел он сквозь зубы. – Куда прешь! – И не отпуская его рубаху, потянул за собой, вдоль затемненной стороны помещения.

Суматоха нарастала, топот усиливался и постепенно отодвигался к дальним камерам. Вновь раздался выстрел.

Арестанты замерли, но затем стали снова потихоньку продвигаться в том же направлении.

Сергей шел за своим спутником почти машинально, еще не осознавая до конца – зачем он это делает. Наверное, и Свернутый Нос в первые секунды действовал тоже импульсивно, подчиняясь, скорее, не разуму, а всего лишь своему инстинкту – естественному, нормальному, то есть, при первой же возможности убежать, вырваться во что бы то ни стало из этой опостылевшей до тошноты неволи!

Однако теперь, уже оценив обстановку, – а Нос, как-никак, был в этом деле тертым калачом и, наверняка, с немалым опытом, ибо не первый и даже не второй раз пребывал в стенах этого специфического заведения, – следовал вполне осознанно, хладнокровно и уж конечно целеустремленно. Такой неожиданно свалившийся на его голову шанс он не имел права упустить! Скорее сядет на парашу, на фаршлак – но не упустит!

Впереди показалось открытое, хорошо освещенное пространство, а рядом – дверь. Вокруг по-прежнему никого не было. По-видимому, все охранники или, но крайней мере, большинство из них, были срочно задействованы и каком-то неординарном, не вписывающимся в режим тюрьмы происшествии. И беглецы вскоре узнали, что это за происшествие.

Дверь вдруг отворилась, и на пороге появились двое контролеров внутренней охраны. Беглецы были совсем рядом, и их спасло лишь только то, что косяк на дверях имел внушительный выступ. Они тотчас шмыгнули за него и, затаив дыхание, замерли, вжавшись в холодную гладкую стену чуть ли не до основания.

– Как же они сумели? – послышался удивленный голос одного из охранников.

– Разобрали стену в прачечной, – ответил другой, чуть помедлил и уже со злостью добавил: – Сволочи! Теперь снова будет нагоняй отделению – второй побег за месяц!.. Ты пока побудь один на посту, а я быстро смотаюсь туда, узнаю что да как там. – И послышался удаляющийся цокот ботинок.

Сергей собрался было высунуться из-за укрытия, но Нос строго зыркнул на него, заскрипев зубами. И вовремя. Вдруг снова раздался голос первого охранника:

– Постой! Дай сигарету, у меня кончились...

Свернутый Нос чуть помедлил, и теперь уже сам решил выглянуть из-за выступа. Что он осторожно и проделал. Один из контролеров стоял спиной к беглецам, второй – вполоборота к ним прикуривал.

Нос кивнул Сергею и показал глазами на дверь, затем, крадучись и все так же прижимаясь к стене, стал потихоньку продвигаться к выходу. Сергей тут же проследовал за ним.

Когда охранники развернулись, – один к дверям, другой – в противоположную сторону, – беглецы уже проскочили пост.

Впереди маячила еще одна дверь, но, к счастью арестантов, возле нее никого не было. Они осторожно приблизились к ней, чуть-чуть приоткрыли створку – и увидели совсем рядом бортовую машину, кузов которой был доверху завален какими-то пустыми картонными ящиками. Не долго раздумывая, беглецы прошмыгнули в дверь.

Помещение, куда попали арестанты, предназначалось, по всей вероятности, для стоянки особых, глухо крытых автомобилей, специализирующихся в основном на перевозке заключенных из одного места в другое, и кузовная машина была тут, наверняка, случайной.

И эту догадку беглецов тут же подтвердил чей-то недовольный возглас, раздавшийся совсем рядом, будто из-под земли:

– Ну ты еще долго тут будешь торчать? Скоро очередную партию со «столыпина» привезут!

– Да сейчас, сейчас, – последовал ворчливый ответ – Последнюю гайку закручиваю.

Свернутый Нос мягко опустил свою жилистую лапу на плечо Сергею и осторожно надавил – тот пригнулся. Затем сам присел на корточки, покрутил головой по сторонам и легонько толкнул взмокшего от холодного пота товарища в спину.

Сергей нервно дернулся, бешено глянул на Носа, но все же пересилил предательскую дрожь в ногах и стал потихоньку передвигаться вперед. И хотя освещение вокруг было как на сцене во время спектакля, они сумели пробраться незамеченными к заднему борту грузовика и даже прихватить по пути две валявшиеся на полу фуфайки. А спрятаться в кузове, среди ящиков, не составляло большого труда. Особенно для Носа – это для него, как он тут же сообщил возбужденным шепотом своему трясущемуся напарнику, было делом плевым.

Минуты через две раздвинулись железные ворота, и машина неспеша выкатила наружу, во двор тюрьмы. Но чуть погода притормозила, по-видимому, на проходной. И тут же послышался густой бас, вероятно, постового:

– Чего везешь?

– Ящики на свалку

– Откуда?

– Со склада ШИЗО. Можно ехать?

– Минутку, посмотрю, что у тебя там. – И цокот ботинок стал приближаться.

– Да чего тут смотреть – и так опаздываю! – вскричал возмущенный водитель.

– Поговори у меня, – невозмутимо пробурчал голос, борт скрипнул – и у беглецов, особенно у Сергея, все оборвалось внутри. А следом – недовольный рык: – Почему навалом? Порядок не знаешь? Я за тебя должен складывать эти чертовы ящики, а?

– Да брось ты, сержант, первый раз что ли! Мне нужно до обеда успеть вернуться, хозяин просил что-то домой отвезти.

– Пусть едет, – неожиданно раздалось где-то в стороне. – Только что звонили – поймали всех...

– Поймали? – обрадовано дрогнул голос. – Слава Богу! Хоть ночь спокойно проведем!.. – Прыжок на землю и сразу же начальственный бас: – Езжай!

Когда машина выехала из ворот и помчалась по шоссе, в сторону от города, Свернутый Нос повел бровью, покосил глазом из крохотной дырочки, в ящике, увидел удаляющуюся от них тюрьму и усмехнулся про себя злорадно: «Разувай поддувало пошире, мусор засранный! Не придется тебе сегодня дрыхнуть, набегаясь по канавам вволю, высунешь свой поганый язык до самой земли!..»

Минут десять они еще сидели тихо, не шевелясь и не разговаривая. Но когда грузовик свернул с трассы и сбавил ход, Свернутый Нос осторожно раздвинул ящики, внимательно огляделся и, ослабившись одной щекой, пробурчал вполголоса:

– Вонь-то какая, как из параша... – И, поживаясь от холода, кисло сморщился.

Подвывая на ухабинах, машина неспеша катила по присыпанной снегом гравийной дороге, по бокам которой топорщились реденькие кусты дикой малины. Вдалеке виднелись беловато-пепельные кучи городской свалки.

Свернутый Нос пробрался к заднему борту и тихо позвал Сергея:

– Эй, необтесанный, вылезай, сматываться будем!

Сначала показались руки Сергея, потом они аккуратно сняли сверху ящик и обнажили голову, парень высунулся по грудь, погрел руки у рта, прищурился и хрипловато поинтересовался:

– Где мы?

– У тещи на даче, – скалясь, обронил предводитель и полез через борт. Сергей не долго раздумывал – прыгнул следом.

Подбежав к трассе, они огляделись и, немного поразмыслив, быстро перебежали дорогу, а затем направились в сторону города по узкой, почти незаметной тропинке, виляющим как змея между припорошенных снегом густых зарослей молодого орешника и редких корявых сосенок.

Сергей попытался было остановить своего предводителя и предложить ему проголосовать на дороге, чтобы поймать попутку, на что тот зло сплюнул, повертел возле своего виска пальцем и обозвал его недоноском.

Примерно через полчаса они вышли к пригороду.

– У тебя есть более-менее надежное место? – спросил Свернутый Нос, оборачиваясь к еле плетущемуся сзади Сергею.

– Есть, – изнеможенно выдохнул тот.

– Где это? – встрепенулся недавний зек, сбавляя шаг.

– Кварталов пять отсюда.

– Что за хаза? Надежная?

Сергей приостановился и недоуменно приподнял брови.

– Ну, место, говорю, надежное? – повторил зек, кривясь.

– Надежное, я один живу... – И обессилено опустил на корточки.

Свернутый Нос снова смачно харканул, подошел к Сергею, наклонился, взял его за грудки, приподнял и, скривив рожу, процедил сквозь зубы:

– Ты чо – идиот или прикидываешься?! Да там же тебя уже ждут! – Он приблизил свое обросшее рыжей щетиной лицо вплотную к Сергею, дыхнул на него вонью нечищенных зубов – отчего у того вновь пронеслись в голове умопомрачительные кадрики чего-то смутно знакомого, тревожного – и хрипло добавил: – Хочешь опять гнить в академии, да?

– В к... какой академии? – заикнулся Сергей и захлопал ресницами.

– Дура и есть дура, – неожиданно упавшим голосом констатировал бывший зек и, ругнувшись отборным матом, оттолкнул парня от себя – но не сильно, без злобы. Однако Сергей не удержался и шлепнулся задом прямо в засыпанную снегом и угольной золой яму.

Свернутый Нос растянул губы, покачал головой и уронил вздыхая:

– Связала же меня нечистая с тобой... – Помолчал и прибавил: – Хотя с другой стороны – это, может, и к лучшему... – Зыркнул колко и продолжил: – ладно, вставай, знаю я тут одно место. Но помни: если когда-нибудь снова загремишь в академию, ну, то бишь, в тюрьму, и закладешь эту хазу, знай – будет это. – И выразительным жестом провел ладонью по своему горлу. – Ясно? – Затем подал тому руку.

– Я... я понял, – решительно мотнул головой Сергей, вынимая из ямы свой вмиг отяжелевший от снега зад. – Никому не скажу!.. Точно! – Отряхнул грязь с брюк, вытер, морщась, руки подобранной здесь же тряпкой, поднял голову и, вдруг вспомнив одно где-то прочитанное выражение, обронил его сдавленным голосом: – Буду молчать, как могила!

Свернутый Нос дернул в улыбке щекой, а затем прогнусавил снисходительно:

– Ну-ну, посмотрим. – И помедлив, неожиданно подбодрил своего вдруг поникшего собрата: – Да ты не бойся! Все обойдется! Сейчас на хазе отдохнем, оттаем, пропустим по стаканчику – и все будет о кей! – Он хлопнул Сергея по плечу и делано приподнятым голосом скомандовал: – Вперед! – И уже тише и совсем другим тоном добавил: – Главное сейчас – ни на кого по дороге не напороться. А в городе... в городе мы быстро затеряемся.

И только когда они продолжили путь, Сергей неожиданно для себя понял, – как будто только что очнулся от какого-то тяжелого, дурного забытья, словно с глаз его вмиг слетело чье-то колдовское наваждение, – понял, казалось бы, простую, совсем немудреную вещь, которую он должен был – обязан был! – уразуметь еще там, в тюрьме, вернее, когда мыл эти трижды проклятые полы! Уразуметь – и не поддаться на этот соблазн!

Но – нет, этого не произошло. Теперь он преступник. Преступник!

Это неожиданно сделанное открытие заставило его вздрогнуть и ужаснуться. Он даже чуть приостановился. Те-

перь он изгой. Господи! Он изгой и преступник! И зачем только поддался на уговоры этого мерзкою типа?! Этого бандюги?! Зачем?!

И ненавистно глянув на маячившую впереди толстую жилистую шею сокамерника, заскрежетал зубами.

Шли они но пригороду долго, все время следуя вдоль его окрестностей, не углубляясь к центру. Сначала виляли по каким-то узким захламленным проулкам, потом перелазили бесчисленное количество раз через неимоверно высокие бетонные ограждения, затем пролазили в узкие, ошетилившиеся острыми деревянными пиками дырки бесчисленных заборов из ветхих потрескавшихся досок и, наконец, уткнулись в небольшой скособоченный, казалось заброшенный всеми, рубленый домик со вмятой и пробитой в нескольких местах крышей из почерневшего от старости шифера.

Свернутый Нос оглянулся на Сергея, приподнял руку – мол, остановись – а сам осторожно приблизился к полуоткрытой фанерной двери крохотной веранды.

По-прежнему вокруг было тихо. Нос снова оглянулся, затравленно глянул на своего спутника. Затем, чуть подумав, отступил на шаг, повертел по сторонам головой и... направился к собачьей будке. Она была пуста.

Он удивленно дернул плечами, снова покрутил головой, выпятив нижнюю губу, и вновь направился к веранде. Немного поразмышлял у входа, потом пнул ногой дверь и скрылся внутри.

Сергей присел на корточки и понуро уронил голову. Вдруг со стороны дома послышалась какая-то подозрительная возня. А следом – резкий звон падающей на пол посуды.

Сергей настороженно выпрямился, и в этот момент из дверей веранды выскочил незнакомый мужчина. Он нервно повертелся по сторонам, а заметив неподалеку Сергея, – с разинутым ртом и готового вот-вот дать стрекоча, – растерянно улыбнулся ему и тихим, астматическим голосом проговорил:

– Иди сюда, парень, иди, не бойся... – Незнакомец приподнял руку и поманил его ладонью к себе.

Однако Сергей не спешил подходить. В холодных, совсем не привлекательных и нисколько не вписывающихся в улыбающуюся физиономию глазах этого человека проскальзывало что-то фальшивое, враждебное. И Сергей попятился назад, а затем – и, скорее, неожиданной для себя, чем для скалящегося чужака, – кинулся прочь от дома.

Но убежать ему далеко не удалось, вернее – всего лишь на несколько метров. Дорогу неожиданно перегородили два рослых парня, вдруг выросших перед ним будто из-под земли.

– Ну зачем так спешить, дорогой? – пропитым басом спросил один из них, высокий, худой, кавказского типа детина, и кисло растянул тонкие бледноватые губы.

– Хорошо бы сначала познакомиться, – мягко окая, добавил другой, полная противоположность первому. – Уж не побрезгуйте нами, простыми зычарами. Пожалуйста, Бога ради, на нашу скромную виллу. – Он осторожненько взял беглеца за плечи своими короткими толстыми пальцами, медленно, не спеша, развернул его лицом в противоположную сторону и – резко пихнул коленом под зад.

Спотыкаясь и проклиная все вокруг, Сергей поплелся назад, опять к лому, возле которого по-прежнему стоял все тот же мужик с улыбающимся оскалом на лице, и на котором, казалось, еще зловешнее засверкали льдинки его настороженных глаз.

Сзади послышались снисходительные смешки парней. Однако следом они не пошли, наоборот – отступили назад и скрылись за забором.

Когда Сергей открыл дверь и, подталкиваемый сзади нетерпеливой рукой незнакомца, перешагнул порог, то в глаза ему сразу же бросилась неестественная, ошеломляющая роскошь вокруг. Дом изнутри был похож на миниатюрный дворец индийского раджи, и совсем не соответствовал своей наружной убогости. На стенах, полу и даже на потолке красовались блестящие золотом и серебром ковры с замысловатыми рисунками в ярких, диковинных расцветках. По углам стояла дорогая импортная мебель, в нескольких местах виднелись большие плоские телевизоры, на миниатюрных расписных подставках-столиках громоздились изящные кубики всевозможной видеоаппаратуры и каких-то экстравагантных безделушек. Все кричало достатком, богатством и... безвкусицей.

Сергей, разинув рот, огляделся и на секунду замер, ошеломленный от такого сногшибательного контраста внутреннего убранства этого странного жилища с его внешним видом.

Сбоку, на ярко-желтой тахте, что-то зашевелилось – и беглец машинально скользнул взглядом в ту сторону. Там лежал со связанными за спиной руками и кляпом во рту Свернутый Нос. Глаза его отчаянно пытались покинуть свои орбиты и на пределе бешено вращались. А обзрев онемевшую от удивле-

ния рожу своего напарника по стрекочу, замерли на нем, еще сильнее округлившись, и замельтешили ресницами, как крылья испуганного комара.

– Ну здравствуй, Зеин, – послышался неизвестно откуда подозрительно знакомый голос.

Сергей испуганно завертел головой, однако, кроме неприятной физиономии сзади и распластанного на тахте товарища по несчастью, никого не увидел.

Неожиданно прямо перед его глазами что-то заблестело, заискрилось, помигивая разноцветными россыпями огней, затем обрело очертание горящего слабоватым красно-желтым огнем облака и... миг превратилось в немолодого, солидного, слегка седовласого человека.

Перед изумленным Сергеем предстал его следователь с двумя бокалами янтарной жидкости в руках.

– Почему вы не здороваются со мной, Зеин? – спросил он, казалось, вполне искренне и протянул тому один из бокалов.

Продолжая онемело пялиться на следователя, Сергей машинально взял бокал и через силу выдавил:

– Здравствуйте, э-э...

– Вадим Иванович, – напомнил тот и укоризненно свел брови. – Как же так, молодой человек, уже и имя мое забыли... Нехорошо!

– Нет... я... вас... – начал сбивчиво мямлить Сергей и, окончательно растерявшись, умолк.

– А вот ваш приятель оказался не таким уж забывчивым, хотя воспитан, кажется, не в пример вам. Пришлось связать, уж не обессудьте.

– Да нет, что вы! – нервно дернулся недавний подследственный, наконец обретая дар речи и тут же заискивающе прося: – Может, развяжете его, а?

– Развязать? – Вадим Иванович вытянул трубочкой свои толстые губы, посмотрел сожалеючи на тахту и дернул плечами. – Можно и развязать. Но уж больно он матерится! Стерпите? – И, скривившись, посмотрел на Сергея.

– Стерплю, – мотнул головой тот и невольно улыбнулся.

– Ну вот и хорошо, – довольно промурлыкал старый сыщик, уже переводя взгляд на охранника и еле заметно кивая ему. Затем снова устремил взор на своего подневольного гостя, а узрев благоприятные изменения на его лице, заметил: – Это прекрасно, что вы так быстро оправились э-э... от шока. А он ведь был, не правда ли? – Следователь протянул руку с

бокалом в сторону Сергея, предлагая тому чокнуться, и высокопарно изрек: – Выпьем за встречу! – А видя, что тот никак не решится на это заманчивое предложение, улыбнулся и добавил: – Пейте, пейте, не бойтесь – это хорошее вино. Не наше. Вернее – не ваше! – И многозначительно приподнял брови.

– А чье? – Сергей чуть пригубил бокал.

Вадим Иванович вновь развел губы в улыбке, – но теперь уже с оттенком загадочности, – и ничего не ответив, показал глазами на потолок.

Сергей задрал голову, прошелся взглядом по экзотическому ковру, затем опустил глаза на уровень лица собеседника и удивленно вперился в его ухмыляющуюся физиономию.

– Да-да, – закивал сыщик, – это то, о чем вы только что подумали. Оно – со звезд.

– А про меня забыли? – прохрипело где-то в стороне. Недавний арестант и следователь враз повернули головы на голос. На тахте сидел скривившийся Свернутый Нос, – к тому времени уже освобожденный от пут, – и печально глядел на бокалы.

– Мне лично хоть со звезд, хоть с параша, пить хочу – умираю!

– Ну вот, пожалуйста, – то ли разочарованно, то ли удовлетворенно заметил Вадим Иванович и, чуть помедлив, уточнил: – Хотя, по-моему, уже сам вид этого вина благоприятно действует даже на таких... – Замолк на секунду, поджав губы, затем сверкнул смеющимися глазами и закончил, кивая на Носа: – ...даже на таких буйнопомешанных. – И изящным движением руки извлек откуда-то сбоку, будто из самого воздуха, еще один бокал янтарно-пенящейся жидкости.

Но Свернутый Нос, казалось, и не обратил внимания на этот необычный трюк. Больше всего его задело другое – последние слова служителя Фемиды.

– Вы не имеете права меня оскорблять! – заявил зек со злостью. Однако бокал все же взял, опрокинул его одним залпом, крикнул и продолжил в том же духе: – Если загребли – сажайте! А паскудничать, унижать – не смейте! – И, заскрежетав зубами, с ненавистью глянул на своего обидчика.

Но сыщик почти не отреагировал на эти возмущенные излияния Носа. Он сделал несколько крохотных глотков, поставил бокал на маленький, посыпанный золотыми блестками столик, неспеша вынул из бокового кармана своего модного

пиджака пачку дорогих сигарет, взял губами одну, предложил беглецам. Свернутый Нос тотчас, без тени смущения, извлек сразу две. Сергей же отказался, мотнув головой. После, все с такой же медлительностью, достал из того же кармана миниатюрную золотую зажигалку, дал прикурить Носу, прикурил сам и спокойно обронил:

– Вас не поймали. Или, как выражается наш уважаемый Нос, не загребли.

– Как так? – округлил глаза Сергей и метнул взгляд на товарища.

Тот свел брови и налитыми кровью глазами впился в следователя.

– Вас не поймали и не загребли, – повышая голос, повторил Вадим Иванович. – Вас – экстраполировали.

– Что?! – снова взревел Нос, вскакивая. – Опять паскудничаешь!..

Однако страж у дверей был наготове; он тут же привел эмоционального арестанта в порядок, легонько шлепнув того но затылку. Нос сник и смиренно опустился на тахту.

Между тем слуга правосудия как ни в чем не бывало продолжил:

– Да, вас экстраполировали, то есть, перенесли на десятую долю секунды вперед по мировому вектору времени. Непонятно? – И вскинул глаза сначала на одного, потом на другого. – Объясняю. Проще говоря, вас перебросили в будущее, отдаленное от вашего, родного времени на десятую долю секунды. Теперь понятно? – И посмотрел на Сергея – тот кивнул. – А ваша воровская хаза, – он перевел взгляд на Носу, – в том, вашем мире, по-прежнему живет и здравствует. Ну как – дошло?

Кадык у Свернутого Носа судорожно передвинулся, голова мотнулась из стороны в сторону, и из горла торопливо пробурлькала:

– Значит, это не заклад?.. И нас в академию не сдадут?.. – Потухшие было глаза обрadowано заблестели, оживились.

– Разумеется, нет. – Следователь поднес к губам сигарету, глубоко затянулся, вновь взял бокал, пригубил и снова продолжил: – Мы вас переправим в другое место. – Глянул на Сергея пристально и заметил: – Хотя по правде говоря, нам нужен только ты.

Свернутый Нос тотчас встрепенулся:

– Тогда может я прямо сейчас и драпану? – И снова вскочил.

– Увы, – повел взглядом по его сияющей физиономии Вадим Иванович. – Тебе тоже предстоит дорога. – Выдохнул тонкую длинную струю ароматного дыма, лукаво прищурился и проронил: – А заодно наверное, прихватим и ваших сокамерников. – Снова глубоко затянулся и добавил, с ехидцей резюмируя: – Так сказать, для компании. Чтобы веселее было...

Свернутый Нос скрипнул зубами, грубо выругался, бешено завращал налитыми кровью глазами и, снова усаживаясь, неожиданно смачным плевком отправил окурок прямо на пол.

– А вот этого делать не надо было... – тихо проговорил, вернее, прошипел сыщик и осуждающе покачал головой. – Тут, как-никак, помещение, жилое, да и ковры под ногами стерильные, кстати, довольно-таки дорогие. Нехорошо... – И выразительным кивком головы что-то приказал своему верному стражу, по-прежнему безмолвно стоящему у дверей все с той же дежурной улыбочкой на устах.

Бывший зек не успел и рта раскрыть, как уже корчился на тахте в судорожных конвульсиях. Удар спецagenta могущественной сверхцивилизации АНТИ-6 был молниеносным и безупречным, и по силе своего воздействия точно соответствовал степени наказания провинившегося, ибо этот тип андроидов-телохранителей с первого дня своего рождения, а точнее, с момента биотрансформации в роботцентре империи был полностью и до конца своих дней подчинен только одному – мысленному посылу своих весильных хозяев.

Свет шел откуда-то сверху, и острыми кровоточащими пиками огней вонзался прямо в мозг.

Сергей сощурился от колкой рези в глазах и вскрикнул. Сознание медленно, с мучительной неопределенностью возвращалось к нему. Оно с невероятным напряжением отделяло от себя что-то чуждое, враждебное, которое тягуче исходило откуда-то из холодной черной бездны. Непослушное, скованное невидимыми нитями тело все тяжелело и тяжелело, постепенно выходя из невесомости и, кажется, обретая, наконец, подлинную реальность. Однако мозг пока не давал и крохотной зацепки, чтобы найти точку опоры и за что-нибудь ухватиться, на что-то опереться и, наконец, почувствовать себя живым и мыслящим, а не простым, бесчувственным сгустком хрупкой, еле пульсирующей протоплазмы.

По телу прошла судорожная волна игольчатых мурашек. Где-то внизу, будто на краю самой Вселенной, что-то тягуче заняло – и он вдруг почувствовал свои ноги, мгновенно занывшие и враз сделавшиеся свинцовыми. Из горла вырвалось что-то нечленораздельное – то ли стон, то ли удивленный вскрик.

Сергей немного помедлил и с натугой, через силу, перевернулся набок. Тело еще сильнее заняло – теперь уже нестерпимой болью. А следом – еще одна волна мурашек. И вдруг он ощутил свои руки.

Сергей тотчас оперся на локти и приподнялся. Глаза снова пронзила острая боль, но они не сощурились, не закрылись, а наоборот – округлились от увиденного.

Он лежал не на нарах в тюрьме, не на кровати у себя дома, а на дне какого-то глубокого ущелья, на холодных, покрытых ржавой моховидной слизью камнях.

Высоко вверх уходили две отвесные каменные стены, сужаясь у самых облаков в узкую змеевидную расщелину, окантованную кое-где острыми зубьями разорванных скал. А еще выше виднелось небольшое зеленоватое блюдце, испускающее вниз, на него, травянистые линии режущих глаза лучей.

Сергей сел прямо, поднял руку и прикрылся ладонью от расплывчатого диска чужого солнца. Затем встал на колени и огляделся уже повнимательнее.

Он находился на своеобразной каменной террасе, выступающей двухметровой извилистой ступенькой из гладкой, словно отшлифованной кем-то стены. А дальше, вниз, ущелье уже уходило почти отвесным пологом, без единого выступа, постепенно сужаясь куда-то вглубь, в недра скал.

Сергей наконец выпрямился во весь рост, и тотчас увидел совсем рядом торчащие из-за большого обломка скалы чьи-то ноги. Он нерешительно шагнул к тому месту – и обнаружил за камнем распластанного на животе человека. Сергей нагнулся, осторожно дотронулся до его спины. Однако тот даже не пошевелился. Тогда он легонько толкнул его в бок. Но неизвестный по-прежнему не подавал признаков жизни. Сергей осмелел, и уже сильнее потряс незнакомца.

Человек дернулся, что-то промычал, затем оперся на руки и приподнялся. И только сейчас в нем можно было узнать Свернутого Носа. И сразу же, следом, какая-то теплая, приятная волна обдала голову Сергею, опустившись мягким, успокаивающим дыхом прямо на его сердце. И он мгновенно пой-

мал себя на мысли, – хотя еще какую-то долю секунды назад она показалась бы ему абсурдной, – что он рад, очень рад этой встрече!

А Свернутый Нос покрутил по сторонам своей кудлатой головой, неторопливо, пошатываясь, поднялся на ноги, отряхнулся, а увидев разорванную на рукаве рубашу – поморщился и матюгнулся, затем скосил оплывшие синеватыми мешками глазки на Сергея и прохрипел:

– Куда это нас угораздило, а? Нажрались мы что ли вчера? – И по его обросшему лицу пробежала тень удивления.

Сергей дернул плечом, нервно потер переносицу и выдохнул:

– Вряд ли... Наверное, этот старый хрыч из прокуратуры нас чем-то опоил и запихнул сюда... к черту на кулички.

– Мда-а, – неопределенно протянул многоопытный зек, выпячивая нижнюю губу и покачивая головой. И вдруг дернувшись, прогундосил: – Слушай, Серый, ущипни меня, а...

– Ущипнуть? – удивился Сергей. – Зачем?

– Да сплю я, наверно, едрена мать, сплю! – простонал тот, скривившись, и, казалось, готовый вот-вот расплакаться. – Ведь зима же была!..

И это было так неестественно для такого человека, как Нос, что Сергей невольно рассмеялся.

– Чего ржешь, сопля! – уже затвердевшим голосом прогудел зек, враз обретая свое естественное, пренебрежительно-снисходительное состояние. – Связался я с мелюзгой, провалилось оно все в преисподнюю!.. – Сплюнул со злостью, перекосив физиономию, затем задрал голову на упирающуюся чуть ли не в облака расщелину пропасти и просипел, вздыхая: – Что делать-то будем, салажок?

Но Сергей медлил с ответом. Лицо его вдруг омрачилось – он почему-то вспомнил свои недавние ночные кошмары. Но кошмары ли это были? А что если все, что с ним приключилось – было на самом деле? Но только в какой-то другой, еще никем не осмысленной реальности?!. И вот сейчас опять какое-то наваждение. Но – нет, сейчас-то мне уж точно не грезится. Как пить дать – не грезится! Но тогда что это? Что?! И где они находятся? Где?!

И вдруг, – как молния, как озарение, как вспышка чего-то сверхъяркого, ослепляющего! – у него пронеслось в голове: они не на Земле. Они на чужой планете. Возможно – в другой галактике!

Однако, повернувшись к своему озабоченному товарищу, он проговорил совсем другое, вернее – отозвался на его вопрос:

– Что делать – не знаю. Но, думаю, нужно попробовать пробраться туда. – И кивнул в сторону уходящего вверх ущелья.

– А может быть наоборот, вниз? Ведь легче ж...

– Нет, – мотнул головой Сергей, – там туник, туда ущелье сужается.

– Черт с тобой, – проворчал Нос. – На этот раз послушаю тебя. – И круто развернувшись, решительно шагнул первым в сторону восходящей к небу извилистом, почти наполовину заваленной большими острыми камнями и мелким щебнем линии террасы.

Шли они долго, вернее, не шли – карабкались. И чем выше уходили навалы глыб и камней, тем круче становился подъем. Однако путников выручало то, что с каждым метром все больше увеличивалась возможность маневра – ущелье расширялось и вместе с ним становился шире выступ террасы. А значит большие завалы на пути можно было уже не перелезть, а обходить, не опасаясь каждый раз сорваться в пропасть. И только когда зеленая плешина солнца со своими обжигающими лучами-стрелами скрылась за дальней цепью гор, они наконец выбрались из ущелья.

Страшно хотелось пить, однако вокруг не было и намека на воду. Путники стояли на вершине одной из самых высоких гор. В стороны от нее разбегались извилистой грядой остроконечные пики изумрудных скал. Переливаясь на солнце травянисто-желтыми бликами, они уже через каких-то полкилометра растворялись в грязноватой дымке далеко уходящей за горизонт долины.

Вокруг было тихо и покойно. Словно в первый день творенья. Когда еще не успела расцвести только что порожденная на планете жизнь, когда еще не успела она распознаться по суше и по морю вширь и внутрь, чтобы начать плодиться, воевать друг с другом и, в конечном счете, через какой-нибудь мизерный для Вселенной промежуток времени начать изрыгать на свои изнеженные, благоухающие плоды все изначально чуждое и враждебное ей, а именно – ложь, жестокость, измену...

Откуда-то со стороны повеяло легким ветерком. Сергей прикрыл глаза и глубоко втянул в себя... приятно пахнувший хвоей и молодым сеном прохладный свежий воздух.

– Хорошо!

– Не найдем воды – еще лучше будет, – скривившись, подковырнул его Нос, затем повел ноздрями и вдруг оживился: – Слышь, а где-то и впрямь что-то растет!.. Может, и воду там отыщем, а? – И резво развернулся к своему спутнику, продолжавшему блаженно наслаждаться невесть откуда взявшимся здесь ароматом девственного леса.

Сергей недовольно глянул на Носа, словно тот только что прервал у него какой-то сугубо личный, даже больше – священный ритуал, затем сморщился, вздохнул и неожиданно горестно изрек:

– Может, и найдем... И все же: куда нас занесла нечистая?

– Вот-вот, – быстро подхватил бывший зек. – Именно – нечистая! Хотя до недавнего времени я ни в каких чертей и прочие бредни не верил. Думал, что человек и есть главный дьявол! А вот поди ж... – И качнул головой. – Ну, а теперь в какую сторону потопаем, салажок? – полюбопытствовал он секунду спустя, скалясь на Сергея желтоватыми зубами.

– У меня имя есть, – буркнул тот и неприязненно сверкнул глазами.

– Ну, ладно, ладно, не обижайся, – примирительно прохрипел Нос. – Привык я к кличкам. Сам понимаешь – столько лет по местам курортным! – И заржал вполголоса.

– Я вижу, ты уже акклиматизировался здесь, – иронически подметил Сергей.

– Чево-чево?

– Ну, то есть, привык к этой местности, – пояснил, кривясь, парень.

– А-а, – довольно протянул Нос, – ну да, мне не привыкать, был и не в таких переделках... А я гляжу, мужик ты вроде ничего, клевый! Давай я тебя буду дразнить Серый, а ты меня – Нос, заметано?

– Согласен, – кивнул Сергей и чуть погодя спросил: – А как ты думаешь, в какую сторону нам лучше всего теперь направиться?

Нос повертел своей кудластой башкой и показал рукой на самый пологий склон горы.

– Опять вниз?

– Ну а куда же?! – неожиданно вскипел его многоопытный спутник – Там хоть воду, может, отшукаем!

– А я думаю, нам нужно в другую сторону... – Взгляд парня засветился обеспокоенным огоньком.

– Это почему же? – Нос скривился в недоброй ухмылке.

– Там болота, – тихо проговорил Сергей и, чуть подумав, добавил: – И твари с десятиэтажный дом.

– Чево-чево? Твари? – ухмылочка с лица Носа вмиг слетела. – Какие твари? Откуда ты знаешь?

– Знаю, – выдохнул Сергей. – Кажется, приходилось уже тут бывать...

– Это когда же? – настороженно любопытствовал Нос и шагнул ему навстречу.

– Во сне.

– Во сне?! – Нос выпучил глаза и вдруг расхохотался. – Да я вижу, браток, ты и впрямь немного того! – И повертел пальцем возле своего виска.

– Что хочешь, то и думай, – зло буркнул Сергей. – Но – знай, там, – он круто развернулся лицом к долине и, выкинув вперед руку, резко бросил: – там обитают огромные говорящие ящеры! – Плюнул, повертелся по сторонам и поплелся к дальнему, более крутому спуску, через который можно было легко перебраться на соседнюю вершину горы, в свою очередь, плотно примыкавшей к ровной цепи уходящих за горизонт сопок.

– Куда ты?.. – кинулся за ним Нос. – Чо обижаешься? – Он легонько толкнул его плечом. – Я же просто так, шутя... – И видя, что тот немного смягчился, заметил незлобно: – Тоже мне – красная девица...

Через полчаса они уже стояли на вершине соседней горы. Здесь было, примерно, то же, что и на предыдущей сопке: раздробленные в щебень камни, большие заостренные обломки скал, испещренные змеевидными трещинами, и, разумеется, – ни единого деревца, ни одной травинки. Хотя по-прежнему откуда-то одурманивающе пер запах цветущего девственного леса.

– Что за черт! – снова повел своим кривым носом бывший зек. – Откуда это так тащит, Серый?..

– Смотри! – неожиданно воскликнул тот в ответ и выкинул вперед руку. – Что это?..

Нос глянул по направлению его руки и ошалело выпучил глаза. Совсем рядом, в ложбине, меж их сопкой и следующей,

прямо у подножья, поблескивал серебристо-красной дымкой идеально правильной формы круг. Диаметр он был, примерно, метра два, однако дымчатая пелена все время меняла его размеры и создавала иллюзию пульсирующего огнем дышла.

– Преисподняя! – прохрипел Нос. – Я пас, дальше ни шагу!.. – И опустился задом на камни.

– Чего сел? – оглядываясь на него, сипло обронил Сергей. – Пошли...

– Не, Серый, я – пас! – повторил он шепотом.

– Да ты что?! – нервно дернулся Сергей. – Действительно поверил в чертей, в этот бред?! – И через силу улыбнулся.

– Поверил, Серый, ей-богу, поверил! – Взор его по-прежнему был устремлен на зияющую серебристо-красным огнем дыру, а глаза, казалось, вот-вот должны были покинуть свои уже и так до предела раздавленные орбиты. – Хоть я и атеист прожженный, но буду падлой – они, наверное, все же есть!..

– Тоже мне, атеист сраный! – резко подытожил уже затвердевшим голосом Сергей.

Как ни странно, но это, вроде бы, незамысловатое замечание сразу же отрезвляюще подействовало на бывшего зека. Он на секунду замер, медленно перевел свой ошарашенный взгляд на Сергея, затем живо вскочил на ноги и, сжав кулаки, в два прыжка достиг своего спутника.

– А ну повтори, салажок поганый, кто я?.. – Глаза у Носа свирепо засверкали – и он готов был вот-вот кинуться на Сергея. – Или забыл, с кем имеешь дело, а? – продолжал сквозь зубы он, уставя на того перекошенную злобой физиономию.

Однако Сергей неожиданно для себя не испугался. Он спокойно выдержал испепеляющий взгляд своего бывшего сокамерника – а теперь, разумеется, товарища по несчастью – улыбнулся ему и ровным голосом обронил:

– Нет, не забыл. Ты бывший зек, атеист, а теперь – засранный трусишка. – Получилось это у него удивительно спокойно, с расстановкой, да еще почти что в слог, отчего данное обстоятельство, как ни странно, окончательно обескуражило Носа и, конечно, дало возможность обидчику вернуться от его, наверняка сокрушающего удара. Повторить же задуманное бывший зек не успел.

Раздался оглушительный грохот, земля под ногами путников задрожала, завибрировала и в один миг рассыпалась в мелкий вязкий щебень. Они стали медленно скатываться вниз,

к шипящей и проглатывающей все вокруг окружности, которая неожиданно разверзлась в овальную десятиметровую пасть и из которой по-прежнему низвергались загадочные таежные запахи – только теперь более резкие, более ощутимые, и уже не такие приятные и желанные, а, скорее, наоборот – гнилостно-вязкие, тошнотворные, словно исходили они теперь от какой-то застоявшейся болотной плесени.

Но в данный момент не только это отталкивало неудачливых путников от огнедышащего жерла. Еще раньше, на какую-то долю секунды, из его недра вдруг высунулась огромная зубастая морда и, оскалено улыбнувшись, будто приглашая к себе в гости, скрылась внутри. Однако что-либо изменить уже было поздно. Вместе с шуршавшей лавой песка и гравия их неумолимо несло к тому неведомому, ледящему душу месту.

Еще миг – и они скрылись в сверкающих недрах каменной пасти.

Сознание возвращалось медленно, но уже не так мучительно, как в прошлый раз. Сергей приподнял веки – прямо перед его глазами, по огромному дугообразному яркозеленому стволу передвигалось отвратительное ядовито-черное чудовище. Спину гигантского монстра обрамлял черный блестящий панцирь, расчлененный на ровные выпуклые квадраты. По бокам свисали многочисленные лапы с острыми подвижными клешнями.

Парень испуганно дернулся и – чертыхнулся. Перед самым его носом свисала тонкая зеленая травинка, а по ней неспеша полз обыкновенный земляной жук.

Сергей привстал на локоть, тряхнул головой, окончательно приходя в себя, и неторопясь огляделся.

Он лежал в тени, на краю ровной поляны, окруженной с трех сторон небольшими стройными деревьями с густыми игольчатыми листьями, сильно напоминавшими ветви молоденьких елочек. Вокруг расползлся обворожительный запах свежего сена и утреннего, только что проснувшегося леса. Пушистая изумрудная трава стелилась по земле мягким волнистым ковром, который уходил с открытой стороны поляны в бордово-жженую степь, заканчивающуюся вдалеке грядой размазанных по горизонту, теперь уже иссиня-желтоватых гор. Высоко в зените поблескивала небольшая зеленоватосиняя лепешка солнца.

Сергей зажмурился от неестественно жгучих лучей этого крохотного светила, затем подтянул под себя колени, оперся на них и встал. Голова слегка кружилась, он пошатнулся, но не упал – удержался на своих вдруг одеревеневших ногах. Минуту постоял, разглядывая по сторонам местность, а когда заметил неподалеку от себя темную плешину на траве, шагнул к ней.

Плешина неожиданно превратилась в почерневшую от грязи тряпку. Сергей нагнулся и приподнял ее. Это была рубашка Свернутого Носа. Повертел ее перед глазами, оторопело плясая на эту нехитрую одежку своего бывшего сокамерника, и вновь внимательно оглядел местность вокруг. Но ничего нового не заметил. Постоял минуту в задумчивости, затем швырнул рубашку на землю и поплелся в сторону уходящего к горизонту поля.

Степь встретила его легким дуновением горячего ветерка. Сергей остановился, раздумывая в какую бы сторону податься, потом оглянулся на поляну, вздохнул и, раздвигая руками высокие жесткие стебли грязновато-желтой травы, зашагал прямо, к маячившим вдалеке горам.

Наверное, около часа он пробирался сквозь густые заросли полуметровой травы, исхлестав ими в кровь лицо и руки. Однако горы не приближались. Вновь стала одолевать неумная жажда, а следом – предательская усталость. И Сергей запоздало спохватился: нужно было пошарить в лесу – может, и отыскал бы воду.

Кружок жгучего солнца уже сполз с зенита и принял форму ядовито-болотного глаза, внимательно наблюдавшего сверху за странным чужаком, упорно передвигающимся вперед вместо того, чтобы растянуться на земле и переждать под тенью травы разгулявшийся по степи зной.

И когда казалось, сил уже не осталось, – ноги перешагивали машинально, совсем не чувствуя ступней, а но рту, вместо слюней, полыхал режущей горечью огонь, – земля вдруг снова задрожала, небо вмиг потемнело и – Сергей вновь приготовился лететь в какую-нибудь разверзшуюся под ногами пропасть.

Но этого не случилось, почва завибрировала не от надвигающегося катаклизма, и все живое вокруг замерло не от предчувствия всеуничтожающей грозы, нет. Просто путь измотанному вконец путнику преградил один из хозяев этой затерявшейся в бескрайних просторах Вселенной планеты, ее

подлинный абориген, представитель могущественной сверхцивилизации антигуманоидов под номером 6.

Гигантский серебристо-белый ящер со сверкающими на солнце тонкими изящными перепончатыми крыльями-руками был перепоясан по огромному, вздутому словно шар животу толстым двухметровым в ширину ремнем с мощной портупейей на боку. Он растопырил свои колонны-ноги, выпустил из-за облаков рогато-клыкастую циклопью рожу и прогрохотал с оттенком удовлетворения:

– Фу-у, наконец-то я тебя, блоху, нашел!

Обезумевший от страха землянин сразу же вспомнил свой недавний сон в той, как теперь казалось, далекой и, на верное, навсегда потерянной жизни. А как не хотелось этого осознавать! Как сопротивлялось все нутро этому! Как отчаянно рвалась душа обратно – домой!

Сергей резко, с силой, отчего даже помутнело в глазах, дернул головой. Нет, наваждение не исчезло, он не спал – это реальность. Реальность!

Парень вскинул к небу глаза, еще надеясь на чудо, а точнее – увидеть ясное пространство своего родного, земного неба. Но – нет. Увы. Перед ним все так же маячила эта отвратительная физиономия инопланетного чудовища.

Огромный квадратный глаз на бронированном толстыми чешуйчатыми отростками лбу несколько раз томно моргнул и уставил на онемевшего землянина испепеляющий взгляд пренебрежения и барской снисходительности.

– Чево, червяк, зеньками хлопаешь, не узнал, что ли? – Пасть дыхла на него облаком застоянных человеческих отходов – и Сергея чуть не вывернуло от этого смрадного запаха.

Превозмогая сковавший волю животный страх, парень испуганно выкрикнул:

– Ты кто?..

– Опять орешь! – прорычало чудовище. – Я чо тебе – глухой?

– Извини... – буркнул землянин, через силу отводя взгляд от его гипнотически манящего взора.

– Вот так-то лучше. – Посуровевший было глаз потеплел – и вдруг растаял доброжелательностью. – А то распищался, как микроб... – И снова хохотнул вонючим облаком. – А вообще-то ты ничего, хоть и примитивный. Предупредил об опасно-

сти, спас мою подружку от когтей наших самых ненавистных врагов на этой планете. Поэтому-то я и помог тебе...

– Помог? – удивился Сергей и невольно усмехнулся.

– Чево хмылишься? Если бы не я, ты давно бы уже был в распределителе. – Покачал своей рогатой головой и добавил: – И неизвестно еще, куда бы попал.

– Как это – неизвестно? – машинально вырвалось у Сергея.

– А так: в пастухи – это еще терпимо, а если бы в само стадо – хана тебе, хуже ада там.

– Хуже ада? Это как же?..

– Какой любопытный, – расплылось в улыбке чудовище. – Хотя, если говорить по правде, хуже, чем здесь, для вашего брата уже не бывает. Кстати, твоему другу повезло – он в пастухах, уже много лет.

– Это кто же такой? – удивился землянин.

– Забыл, что ли – Свернутый Нос.

– Но ты же сказал, уже много лет...

– А-а, – снова ухмыльнулось чудовище и дыхнуло смрадом, – ты же не в курсе... Видишь ли, в том отсеке, где он находится, время летит намного быстрее. Так сказать, для увеличения производительности труда. – Ящер неожиданно тонко хихикнул.

– А как же я?

– А тебя я выбросил из переходного туннеля на поверхность планеты. Вернее, не я, а моя подруга – она в это время дежурила на пульте управления и неожиданно узнала тебя. Хотела и дружка твоего вытащить – да не получилось. Так что считай – ты счастливчик! Хотя тут есть небольшой нюанс, непонятный мне нюанс. Но, возможно, наши что-то там напутали. Это иногда случается. Дело в том, что ты следовал по у-туннелю, который, как правило, предназначается для особо важных персон. Поэтому-то она и сумела тебя разглядеть. Кстати, он открывается очень редко, а переход в нем материальных тел – это вообще исключение. В основном же, по нему идут лишь биооболочки особо отличившихся на Земле типов. А остальная, так сказать, серая масса, точнее, биомасса перекачивается по обычным, общим каналам. Да и вообще, материальные тела сюда поступают очень редко, а если и идут – то по отдельной х-линии. как и твои сокамерники...

– Ты говоришь – сокамерники?

– Да, толстый и худой тоже здесь, решили и их переправить зачем-то. Но им не так повезло. Они во вспомогательном

блоке, служат там санитароуборщиками по обслуге низшего стада... – Ящер приблизил морду к Сергею и, прищутив свой единственный глаз, прогавкал: – Так, значит, ты не знаешь, почему шел по секретному туннелю?

– Секретному? Это какому?..

– Ну, у-туннелю? – Нервная дрожь пробежала по бронированной коже чудовища.

– А-а, н-нет, – заикнулся землянин. – Хотя... – и замолк, потирая затылок.

– Чево – хотя? – дернулась голова.

Сергей почесал макушку, затем глянул на своего необычного собеседника и проговорил:

– На Земле за мной, вроде бы, гонялись два инопланетянина...

– Кто такие? – Глаз чуть расширился, а редкие метровые волосы на его единственной брови заинтригованно взметнулись.

– Ну, – землянин снова дотронулся до своего затылка, – вроде бы представители двух враждующих между собой цивилизаций. Но я не верю...

– Замолчи! – рявкнула рожа и опасно повела головой по сторонам. Затем негромко прошипела: – А как называются они, не знаешь?

– Одну знаю. Анти-6.

– Что?! Так ты был под негласным надзором нашего спецагента?! – По шее чудовища вновь пробежала судорога, голова его вмиг взметнулась к облакам, быстро повертелась там по сторонам, опасно изучая местность, затем так же стремительно опустилась до прежнего уровня и, покачавшись в раздумье, вновь прошипела: – Так вот почему твоя биооболочка появилась тогда на поверхности нашей планеты. А я-то, дурень, думал – это обыкновенные флуктуации антиполей...

– Чего-чего? – встрепенулся Сергей.

– Ты же уже был здесь, да? – спросила голова, не обращая внимания на недоуменный возглас парня.

– Где? – зачистил ресницами землянин.

– Ну, здесь, – раздраженно рявкнул ящер, – на этой планете! – И лицо Сергея вмиг сделалось мокрым от его слюней. Он поперхнулся от отвращения и выдавил:

– Д-да, кажется был, во сне...

– Это был не сон, – шумно выдыхая, поведало чудовище, снова о чем-то напряженно раздумывая. – Для того, чтобы

скорректировать твое тело на переброску по у-туннелю твою верхнюю биооболочку уже переносили сюда. А мы, идиоты, тебя выдернули из него! Что же теперь будет, а?.. – И глянуло на землянина откровенно затравленным глазом.

Тот дернул плечами и, потупившись, отвел глаза в сторону.

Ящер переставил лапы с места на место, тем самым невольно вызвал миниземлетрясение, затем глубоко, с тяжелым всхлипом втянул в себя воздух и с силой выдохнул его из ноздрей – одна из струй попала в Сергея и свалила его с ног. Глаз гигантского аборигена снова томно моргнул, клыкастая пасть приоткрылась и печально прохрипела:

– Извини, букашка, расстроился я... – Потом голова снова приблизилась к свалившемуся на землю парню, ослабилась в широкой улыбке и неожиданно явно заискивающим тоном полюбопытствовала:

– А может, все же знаешь, зачем они охотились за тобой?

Сергей поджал губы, встал, повел плечами, посмотрел на голову и ответил:

– Они говорили, то есть тот, с Анти-6, что я какой-то... как же это? – Он нахмурил брови и опустил голову. – А, вспомнил! Этот инопланетянин – звали его Стив – говорил, что я какой-то п-биоинверт... – И обрадовано глянул на рожу чудовища.

Квадратный глаз ящера мгновенно преобразился в столбик прямоугольника, многопудовая челюсть с полуметровыми зубами отвисла, зеленоватая пенистая слюна соскользнула струйкой вниз, послышался судорожный всхлип и следом – тихий шипящий выдох:

– Что ты сказал? Повтори...

– П-биоинверт.

– О, звезды! – вдруг взревело чудовище, взметая к небу голову и свои почти миниатюрные руки-крылья. – Что мы наделали?!

Ящер опустил на свой широкий зад, затем неожиданно резко выхватил из кобуры какой-то блестящий продолговатый предмет и, оскалив рожу, наставил его на Сергея.

– Извини, браток, но я должен тебя распылить.

Сергей побледнел и, отступив на шаг, еле слышно выдал:

– А что это такое?

– Убить значит, букашка, убить... – печально выдохнул ящер.

– Но зачем?! – оторопело возмутился землянин.

– Иначе эта участь грозит мне и моей подружке, – снова горестно выдохнуло чудовище, однако теперь еще прибавив облако смрада.

– Но почему?! – вновь вырвалось у Сергея, и, чуть не плача, он нервно захлопал ресницами.

Инопланетный монстр свирепо вспыхнул своим циклопым глазом и бросил, прорывав:

– Да потому, слизняк, что мне не простит Центральный Трон всего этого!..

– Чего – этого? – вновь не понял землянин; он, казалось, не обращал внимания на все возрастающую нервозность своего собеседника.

– Ты что – идиот! – наконец взорвался ящер. – Ты же – п-биоинверт! Понимаешь, дурья твоя башка?! Ты один из тех, без кого невозможно наше существование! А она, дура, тебя выдернула из секретного туннеля! Ее может еще и простят, а меня, что молчал!.. – Глаза у монстра полыхнули яростью, из бешено перекошенной пасти брызнула булькающая пена – и он вот-вот был готов пустить в ход свой излучатель.

– Постой! – отчаянно выкрикнул Сергей. – Но откуда твои начальники могут об этом узнать?..

Чудище чуть отпрянуло, на секунду-другую задумалось, затем поднялось на задние лапы и уже не так свирепо выдохнуло почти из-за облаков:

– А вдруг узнают?

– Узнают они или нет – это еще на воде вилами написано, а вот если со мной что-нибудь случится, думаю, твоя подружка уж наверняка будет в курсе! Ведь, как-никак, а я ее спас! А ты меня?.. – И замолк, вопрошающе уставившись на монстра.

И ящер опешил, снова присев на траву. Его левая трехпалая рука с зажатым в ней излучателем обессилено скатилась по телу, рога на макушке обмякли, а перепончатое крыло на второй руке сморщилось в мокрую тряпку и, казалось, намертво прилипло к неожиданно обвисшему кулем брюху. По скривившейся физиономии пробежала гримаса отчаяния, голова судорожно дернулась и понуро упала набок.

– Что же мне делать? – сипло прогудело над ухом Сергея.

– Спрячь меня где-нибудь! – торопливо подсказал дракону землянин, видя, что тот пока не решается его убивать.

– А где? – Он поднял морду и обескуражено глянул на чужака. – На поверхности планеты нельзя – тебя сразу обнаружат... – чуть помедлил и совсем растерянно добавил: – как только я сменюсь с патруля.

– Ну где-нибудь под землей!

Ящер замер, пристально разглядывая человека, кожа на его пластинчатой физиономии зашевелилась, приняла подобие улыбки, и через минуту он обрадовано прохрипел:

– А это идея! Я тебя переправлю к пастухам!

– К моему земляку? – осторожно намекнул ему вопросом Сергей.

– А что – верно! – встрепенулся дракон. – Я его заставлю незаметно внедрить тебя в свой отряд! Никто и не заметит! Решено!

– Слушай, – робко подал голос Сергей, – а что такое п-биоинверт?..

Но чудище уже не слышало его. Оно резво вскочило на задние лапы, отчего почва вдруг гулко содрогнулась, застонала. А через секунду, следом за грохотом его шагов, по степи прокатился и его торжествующий громopodobный рык.

Воздух наполнялся вязкими, тягучими бликами. Эти расплывчатые, но и одновременно цельные, словно выдраенные из резины нити окутывали парящее в пустоте тело, связывали его по рукам и ногам, сделав в одночасье послушной игрушкой в чьих-то могущественных всевластных руках.

Наконец подошвы разбухших от сырости ботинок Сергея коснулись чего-то твердого, прочного, будто из окружающей блекло-пружинистой пустоты вдруг материализовался каким-то чудом верх и низ, а следом – земля и небо, и еще чуть погодя – прошлое и настоящее. И голова вмиг прояснилась; он удивленно огляделся.

Землянин находился на середине небольшой зеркально-ровной квадратной площадки. Но отражения своего на полу не увидел. Однако создавалось впечатление, что поверхность под ногами скользкая, как лед; и как только он это осознал, коленки у него ослабли, прогнулись, по мышцам пробежала дрожь.

Он попытался скользнуть ботинком вперед, но ничего не получилось. Подошва прочно держалась за идеально ровную поверхность. И от этого Сергей сразу же почувствовал силу и

уверенность в ногах. Снова огляделся, и теперь уже повнимательнее, без эмоций.

С одной стороны площадка упиралась в пологое, светившееся изнутри возвышение, с двух других – в замысловатые нагромождения всевозможных приборов и щитков, с последней – в отвесную ярко-желтую стену, по краям которой находились какие-то непонятные цилиндрические сооружения сероватого цвета. Неожиданно одно из них распахнулось полутораметровой округлой дверью.

Не долго думая, Сергей направился к ней.

Открывшийся проем в цилиндре поблескивал слабым розоватым светом. Секунду поколебавшись, Сергей шагнул внутрь. Дверь сразу же бесшумно захлопнулась, и пол под ногами медленно пошел в сторону, а затем – резко вниз.

Через минуту перед путником предстала небольшая ярко освещенная комната с рядами разноцветно-мигающих точек на потолке и полу. Передняя стена неожиданно треснула темной трехметровой молнией, ее угловатая линия чуть-чуть расширилась и засветилась красноватым огнем. Затем две извилистые половинки медленно раздвинулись в стороны.

Сергей очутился нос к носу с человеком в ярко-красной униформе. Его небольшие, чуть раскосые глаза, казалось, равнодушно скользнули по землянину и колюче замерли на уровне его головы.

– Новенький? – прозвучал густой простуженный голос.

Сергей сдержанно кивнул.

– Ты что, немой? – его глаза еще сильнее сузились.

– Н-нет, – поспешил ответить вновь прибывший.

– Откуда?

– С Земли.

Губы у незнакомца скривились, он провел ладонью по своей абсолютно лысой голове и ворчливо процедил:

– Чертова планета! – Пострелял своими щелками и буркнул: – Ну да ладно, им виднее... Идем! – И круто развернувшись, направился вглубь уходящего в темноту помещения.

Шли они долго. Наконец коридор расширился, и они уткнулись в небольшую овальную дверь из какого-то серебристого металла. Узкоглазый пробежал пальцами по вертикальному ряду кнопок на висящем сбоку щитке. Люкообразная дверь нехотя провалилась внутрь, и они, пригнувшись, вошли в проем.

Помещение, куда попал Сергей, походило на что-то болезненно знакомое. Он зажмурился – нет, наваждение не исчезло! Он действительно находился в прихожей своей квартиры. Он попал домой. Он – на Земле!

Сергей резко оглянулся. Сзади никого не было. А вместо округлой корабельной двери – была его: обыкновенная, квадратная, точнее, прямоугольная, с потертым черным кожзамениателем.

Он медленно, через силу, поднял руку и осторожно, словно боясь обжечься дотронулся пальцем до висящего сбоку на вешалке плаща. Грубый сероватый материал был мокрым, и космический скиталец сразу же вспомнил, что такой одежды в его гардеробе не значилось.

Сергей несмело прошагал вперед и открыл дверь в комнату. За его недавно купленным по дешевке столом, покрытым также по случаю приобретенной старенькой цветастой скатертью сидели трое незнакомых мужчин и что-то аппетитно уплетали из его же тарелок.

Они подняли головы, безразлично, словно на пустое место, глянули на вошедшего, затем двое из них снова уткнулись в тарелки, а третий неожиданно улыбнулся, встал и, шагнув навстречу Сергею, протянул руку.

– А мы тебя ждали, Серый. – Голос у него был странно знакомым, но внешность пока ни о чем не говорила Сергею. Реденькие, с обильной проседью пряди некогда, по-видимому, роскошных волос были аккуратно зачесаны с висков и затылка на макушку, прикрывая там предательски светившуюся лысину. – Ну, здравствуй! – И добавил, пожимая машинально протянутую Сергею руку: – Или не узнаешь? Его темные угольки глаз блеснули смешинкой, а может – издевкой; сухие бледноватые губы вновь дрогнули и растянулись в усмешке, подчеркнув несимметричность хищно вздутых ноздрей.

– Свернутый Нос?! – изумленно выдохнул космический скиталец.

– Он самый, – кивнул тот и прибавил: – Вернее, остатки того, с кем ты, Серый, когда-то имел неосторожность познакомиться.

– Свернутый Нос! – горячо повторил Сергей, и снова – теперь уже крепче пожал руку своему бывшему сокамернику. Широко улыбаясь, он даже попытался обнять его – так был рад этой встрече! – но тот легонько отстранился, не без раздражения пробурчав: «Ну, ну, зачем эти бабьи нежности...»

Однако космический скиталец, казалось, не обратил внимания на эту плохо скрытую холодность и продолжал остервенело трясти ему руку, беспрерывно бормоча все на той же возбужденно-приподнятой ноте что-то вроде: «Свернутый Нос, дружище!..» Но вдруг замер и округлил глаза: – Слушай, Нос, ты почему так сильно постарел?!..»

Нос поджал губы, через силу высвободил свою ладонь из его горячей пятерни, отступил к столу, опустил на стул, хмуρο глянул на Сергея и тихо обронил:

– Успокоился?

– Д...да, – заикнулся тот.

– Ну вот и прекрасно. Садись, Серый! – Недовольно зыркнул на жующие рядом физиономии и проворчал: – А вы когда нажретесь, ненасытные хари? Оторвитесь хоть на секундочку, как-никак, друг ваш старый к нам наконец пожаловал! Поздоровайтесь, пожалуйста!.. – И саркастически хохотнул.

Хари оторвались от тарелок, посмотрели пороссячьими глазками на своего предводителя, затем довольно растянули лоснящиеся от жира губы и словно по команде выдали, глянув на Сергея:

– Здорово, браток! – И снова зачастили ложками.

– И это все? – казалось, искренне удивился Нос; ухмыльнулся, мотнув головой, и поднял глаза на Сергея: – Но ты не обижайся на них, Серый, они уже до того привыкли к всевозможным чудесам, что их, наверное, не удивит даже то, если здесь сейчас вдруг очутится сам господь Бог или, вернее, дьявол. К нему они как-то ближе. – Он вновь поджал губы, покивал своим изуродованным носом и продолжил, вздыхая: – И все же я думал, что мои умудренные жизнью соратники расскажут тебе, почему они так постарели? почему так катастрофически износились их некогда бравые тела? – Нос, кряхтя, поднялся, подошел к Сергею, взял его за грудки и, выпучив злые, с красноватыми прожилками глаза, стал говорить дальше: – Думал, может, поведают тебе, по чьей милости нам пришлось тянуть десятилетнюю лямку в том чертовом аду? – Постоял так, наверное, с минуту, напряженно всматриваясь в лицо парня, затем резко оттолкнул его от себя, сплюнул сквозь зубы прямо на пол, отступил назад к своему стулу и вновь разместил на нем зад.

– Не-е, – неожиданно враз прогудели скривившиеся в улыбочке хари, – некогда нам об этом трепаться, слишком жратва клева, там, где мы были, такой баланды не варганят!

– Слышал? – гаркнул предводитель. – Уразумел что-нибудь? Или нет?.. – И снова метнул в сторону бывшего сокамерника испепеляющий взгляд.

Сергей часто заморгал и медленно опустил на стул.

– Ведь это по твоей милости мы попали на ту дьявольскую планетку, будь она трижды проклята! – между тем продолжал Нос все в том же духе. – А ты в это время где-то прохладился, нежился – вишь, рожа-то какая, нисколько не изменилась! – И снова, уже в который раз, недобро оглядел лицо Сергея.

– А почему я должен измениться? – наконец дернулся тот. – Ведь прошло всего несколько дней?..

– Это для тебя несколько дней! А для нас – десять лет! – прорычал бывший зек и, скрипнув зубами, замахнулся на него своим огромным кулачищем. Но не ударил – лишь пригрозил, а затем с силой саданул им по столу. После поиграл желваками и хрипло продолжил: – Одно тебя оправдывает: нас вернули на Землю, по всей вероятности, благодаря тебе, Серый. Точнее, не совсем вернули, хотя и перебросили в этот район многопространственной зоны Вселенной по спецканалу невозврата. Но мы по-прежнему будем служить ИМ. Обязаны служить, черт бы их побрал! Однако служба эта будет уже здесь, на Земле. – И вздохнув, еле слышно добавил, уронив голову: – Правда, теперь уже на другой Земле...

– Почему – другой? – Сергей оторопело выпучил глаза и заерзал на стуле.

Нос невесело улыбнулся одной щекой, поднял голову и, протарабанив пальцами по столу, кинул ему прямо в лицо:

– Скоро узнаешь!

– Только смотри не обкакайся, – тотчас вставил пухленький, абсолютно лысый мужичок. Он неспеша облизал ложку, сытно икнул и тихо добавил, заинтригованно уточнив: – Когда присмотришься, что к чему... – Тяжело выдохнул, отодвинул опорожненную тарелку в сторону, погладил свой довольно-таки внушительный животик, посмотрел на соседа – худого, поджарого старика, уже закончившего трапезу – и спросил: – Не правда ли, Гвоздь?

– Все точно! Я сам было чуть не обмишурился!.. – пропел удивительно чистым голосом тощий сосед, и вдруг любопытствовал, прищурился въедливые глазки: – А меня не узнаешь?

Сергей вскинул голову, подался чуть вперед, затем резко повернулся сначала к одному, потом к другому и, приподняв

брови, ошалело подумал: «Господи! Да ведь это же мои сокамерники! Но как они изменились?! Неужто и вправду они были там, где время бежит быстрее?! Чудеса да и только!..»

А вслух вполне спокойно проговорил:

– Узнаю.

– Но плохо? Сильно харей преобразились, так? – продолжал ехидно щуриться Гвоздь.

– Есть немного.

– Козел драный! – вдруг взорвался толстяк, и передразнил его, скривившись: – Есть немного!.. Да мы там дошли до точки, понял?!

Свернутый Нос неожиданно улыбнулся и хлопнул толстяка по брюху:

– Кто-кто, а ты, Пузырь, это точно дошел – вон как твоя точка разбухла! – И от души расхохотался.

– Чево ржешь! – дернулся тот. – Если бы не мое ремесло татуировки – быть бы мне тоньше Гвоздя!

– А что было бы с Гвоздем? – уже спокойно поинтересовался Нос.

– А Гвоздь вообще бы исчез, так сказать, испарился б, как хреновенький парок в жаркой баньке, – ответил Пузырь вполне серьезно, и вдруг хохотнув, ослабил на друзей своими желтыми гнилыми зубами. – А тебе бы, Нос, только б подье...вать над нами...

– Ладно, ладно, – примирительно прогудел предводитель. – Шутка вещь серьезная и нужная в нашем деле. Но, разумеется, только тогда, когда она в меру. Ясно, братаны мои дорогие? – И развернулся к Сергею: – И ты, салажок, не сердчай на нас, это мы так, скуки ради. Кто виноват, кто прав – сейчас, думаю, нечему выяснять. Было и прошло – травкой поросло. Ничего не изменишь. Нам выпало одно, тебе – другое. Главное, мы снова вместе, а значит – должны доверять друг другу. Только так мы сможем выжить. – Помедлил и задумчиво прибавил: – И, возможно, вернуться к себе...

– К себе? – не понял Сергей. – Куда это?

– Домой, – выдохнул предводитель и уронил голову.

– А мы где? – Парень снова округлил глаза.

– На Земле. – Нос оторвал взгляд от пола, мрачно посмотрел на своего недоумевающего собеседника и добавил: – Но не дома.

– Вы что, разыгрываете меня?! – наконец вспылил Сергей и вскочил. – А это что вокруг – не дом мой, что ли?!

– Дом, дом, – закивал головой предводитель. – Но только... в другом месте, э-э... на другой Земле, вернее – в другом времени. Но не в будущем или в прошлом, а, как нам объясняли в бланк-задании... – Он замялся, горестно вздохнул и виновато зыркнул на Сергея. – И не вспомнишь-то сразу... В общем, мы находимся в возможно допустимом варианте, точнее – в одном из бесконечно допустимых вариантов развития нашей земной цивилизации, так, кажется, было накалякано там... – Нос сплюнул и процедил сквозь зубы: – Черт бы их побрал, этих инопланетных монстров, мозги набекрень свернешь от всей этой мудреной квашни!

Сергей замер, ошарашено уставившись на своего недавнего сокамерника, затем медленно опустился на стул, растерянно улыбнулся и пробормотал:

– Как это?..

– А как слышал, браток, – снова пропел Гвоздь и хлопнул парня по плечу. – Да ты не горюй! Не впервой! В десять раз хуже было, а один хрен прорывались! – И повернувшись к своим товарищам, бросил: – Я прав?

– Как всегда, – выпятил губу Пузырь. – По сравнению с тем, что раньше было – здесь просто рай! – И скривил свою расплывшуюся физиономию неподдельной улыбкой.

Сергей тупо уставился на сияющую рожу толстяка; после встал и подошел к окну. Там было все по-прежнему, без каких-либо изменений. Над городом стелилась все та же дымка – смесь смога и морозного тумана. Вдалеке виднелись разноцветные кубики автомобилей, доносился их приглушенный гул, визг тормозов и шарканье шин. Внизу играли ребятишки, торопились прохожие. Все было знакомо и до тошноты привычно. Ничего нового, неординарного не просматривалось и рядом, возле соседних домов. Пейзаж был тот же – обыденный и давно приевшийся. И, конечно, только что услышанное показалось ему просто-напросто каким-то дурным похмельным сном.

Сергей отвернулся от окна, намереваясь увидеть позади себя пустую комнату, вдруг ставшую для него снова родной и желанной. Но – нет! Его товарищи по несчастью находились здесь. И это были не призраки, не фантомы, нет. Эти люди были вполне материальны. Они были такими же реальными, как эти стены, как тот потрепанный диван в углу, как тот грязный мокрый половичок подле дверей или как та жирная муха на столе, каким-то непонятным образом вдруг оттаявшая

посреди зимы и теперь блаженно улетающая хлебные крошки, или тот огромный таракан на подоконнике, с важной медлительностью шевелящий своими длиннющими усами. Все здесь было таким же осязаемым, таким же ощутимым, как весь этот мир, как вся эта земля, словом – как сама жизнь! И никуда от этого нельзя было деться, спрятаться, убежать или, наконец, просто отстраниться и забыть. Увы – нельзя было!..

– Послушайте! – выкатив глаза, взмолился космический скиталец. – Если все это не бред, не галлюцинация, и вы меня не разыгрываете, то скажите ради Бога: какой смысл во всем этом?!. И какую роль я исполняю в этом дьявольском спектакле?!

– Вот это уже другой разговор, – прогудел Свернутый Нос; он встал, подошел к Сергею и доверительно положил руку на его плечо. – Так сказать, приступим к делу, да?

– Если можно, – судорожно дернул головой парень и тут же заинтригованно бросил: – Только к какому?

– Вот-вот, – заметил предводитель, – именно – к какому? – И покосился на него настороженным взглядом.

– Да объясните же мне наконец, что это за дело?! – Сергей со злостью скинул руку Носа со своего плеча, повернулся к нему всем корпусом и угрожающе вытаращил глаза.

– Ну, ну, Серый, – с наигранной обидой скривился предводитель. – Спокойнее, спокойнее, перво-наперво, нужно беречь нервы, они тебе еще пригодятся.

– Но я не знаю, что от меня хотят... – пробурчал Сергей, вдруг потухая.

– Слушай, Серый, а ты нам ничего не желаешь сообщить? – неожиданно спросил Нос и вновь впился ему в глаза.

– А что я должен сообщить? – Сергей недоуменно зачесал ресницами.

– Все, что знаешь.

– Где ты был все это время? – подал голос Пузырь.

– С кем встречался, чево видал? – добавил Гвоздь.

Парень поджал губы, затем начал говорить:

– Ну, сначала мы карабкались по скалам вместе с тобой... – И глянул на Носа.

– Это можешь пропустить, – буркнул тот.

Затем я провалился в какую-то дыру и очутился на лесной опушке. Потом... потом шастал по степи и... и наткнулся на ящера. Он пообещал отправить к тебе, Нос...

– С какой это стати? – Гвоздь воткнул в него свои большие впалые глаза, а затем прищурившись, заметил: – Подозрительная забота этих вонючих чудищ о каком-то там примитивном человечке, а?

– Я брякнул ему, что я... этот... как его... а, п-биоинверт, – проямлил растерянно парень.

– Так ты ему это сказал? – явно обрадовавшись, воскликнул предводитель. – Теперь все понятно. Как я и предполагал, он отправил тебя к нам, чтобы скрыть свои грешки, так сказать, замести следы. Молодец! Значит, что-то человеческое этим зверюшкам все же не чуждо! – И хохотнув, он подхватил Сергея под мышки и горячо обнял. – А мы-то, недотепы, трусили, все не могли взять в толк: почему тебя к нам направляют? – И снова заржал зычным голосом.

Пузырь с Гвоздем тоже приблизились к Сергею. Лица у них оттаяли, засветились, не оставив на них и тени отчужденности и подозрительности.

– Но почему вы говорите, что трусили? – Сергей откровенно улыбнулся – ему было невдомек, а вернее, просто смешно от мысли, что эти люди еще могут чего-то бояться.

– Тебя боялись, паря, тебя! – Нос любовно потрепал его по загривку. – Потому и трусили!

– Меня?! – Сергей даже присел от удивления, звонко шлепнув ладонями по коленкам. – С чего бы это?! – И перекинул ногу на ногу.

– Ты не лыбься, – посерьезнел Нос и вздохнул. – Дело в том, что мы подозревали и имели даже кое-какие косвенные доказательства, что ты каким-то образом был связан с инопланетянами еще раньше. Ну и вот теперь, как ты только что признался, тебе помог даже сам ящер, один из наших хозяев. А они, как правило, своим рабам не помогают! – И с силой ткнул Сергея пальцем в грудь. – Ясно?

– Ясно, – буркнул парень, вмиг убрав с лица улыбку.

– А тебе помогли, – продолжал Нос. – Что мы должны были думать, а? – Сергей пожал плечами. – Вот и мы не знали, когда получили какую-то странную депешу о твоём направлении сюда. Кто ты? Враг? Друг? На кого работаешь? На чью разведку? – предводитель скривил губы и развел руками. – А вдруг на противников Анти-6? Тогда нам крышка. А если ты все же наш, то зачем тебя – п-биоинверта! – сюда перебросили? Вдруг для того, чтобы в нужный момент нас убрать, так сказать, оприходывать как лишних, а проще говоря – отпра-

вить к нашим милым прабабушкам, а? Мы-то ой как хорошо все это знаем!.. Слава Богу, в последний момент нам случайно удалось разведать, что тот ящер, вроде бы, твой должник. А у них, этих зверюг, это ой как жутко свято!.. Так что извини нас бедолаг, нужно было проверить тебя. Ведь мы-то не знали точно – правда то, что этот монстр у тебя в должниках числится? А вдруг враки?.. – И вновь развел руками.

– А если бы я соврал?

– Нос ухмыльнулся и снисходительно изрек:

– Вот что значит быть непосвященным... – И снова положил руку на плечо Сергею.

– Каким-каким? – дернулся тот.

– Ну, попросту говоря, салажком. – И предводитель расплылся в широкой улыбке. – Ведь за те десять лет, что мы отпахали у этих говорящих тварей, нас там многому научили. Например, угадывать мысли. Так что соврать ты мог бы, но только мы, наверняка, тебя бы сразу раскусили.

– Вы умеете читать мысли?! – Сергей ошарашено оглядел своих бывших сокамерников.

– Господи, чего проще! – Нос выпятил нижнюю губу и вытаращил глаза. – Вот если бы мы умели делать то, что умеешь ты, другое дело... А ты умеешь многое, поверь!

– А что я умею? – повел бровью Сергей; он приоткрыл рот и медленно приподнялся. – Лично я ничего такого не умею, не знаю... Может вы знаете? – И окинул их пронзительным взглядом.

– Увы, – вздохнул Нос. – Пока и мы этого не знаем. Но если твой чешуйчатый друг смог вытащить тебя оттуда – наверное, скоро узнаешь. А ведь по всем писанным и неписанным законам этих страшилищ ты должен был остаться там навсегда!

– Но почему?

– Потому, что ты плюс-био, Серый, – уважительно напомнил ему Нос.

– Господи! – воззвал к небу парень. – Да скажет ли мне наконец кто-нибудь, что это такое!

– Успокойся, Серый. Сядь. – Нос подтолкнул его к столу. – Неужели ты и в самом деле не знаешь? – И выпятив губы, дернул плечами.

– Ну не знаю же, не знаю! Поверьте!.. – чуть не плача выкрикнул парень, останавливая свой бешеный взор на Носе.

– Чтобы сидеть мне всю жизнь на параше! – вдруг потупившись, проворчал тот себе под нос. – И почему твой драко-нишка тебе ничего не рассказал? – Нос помотал головой, повздыхал, а затем опечаленно посмотрел на раскрасневшуюся физиономию парня. – Пожалеть тебя, что ли?.. – Поджал губы, повертелся по сторонам, поочередно останавливая взгляд на застывших рожах своих бывалых товарищей – и вдруг резко махнул рукой: – Ладно, будь, что будет! Так и быть – расскажу!.. В общем, – он на секунду замолк, словно неожиданно заколебался в своих намерениях, потом вновь махнул рукой и уже более решительно продолжил: – в общем так, ты человек грамотный, не чета мне, и все быстро уразумеешь. Не то что я, пока всю эту бяку переварил, усвоил – чуть в их дурдом не загремел! Несколько месяцев как обкаканный шлялся, харя в идиота превратилась... Так вот, как ты, наверное, знаешь, среди нас, людей, существуют, так называемые, экстрасенсы. Но встречаются среди них типы, у которых биополе распространяется не во внешний, а... Как бы это тебе лучше объяснить?.. Оно распространяется во внутренний мир, что ли. Точнее – во внутрь своего организма. Вот они-то и есть плюс-био, а полностью...

– Знаю, знаю, – торопливо закивал головой Сергей, – а полностью они называются положительными биоинвертариями, каковым я и являюсь, так?

– Так-то оно так... – скривился предводитель звездных бродяг и неожиданно раздраженно бросил: – На первый раз прощаю, но если еще раз перебешь — накажу!

– Чего-чего? – неестественным изворотом головы дернул-ся Сергей. – Тут тебе не зона – не командуй!

– Хуже! – рявкнул Нос и тотчас покрылся от злости красновато-бордовыми пятнами. – Ты должен полностью подчиняться мне! Так же, как и остальные!.. Понял? Это приказ! Оттуда!.. – И резко мотнул головой вверх.

– Слушай!.. – закипая, выдохнул Сергей, но не успел договорить. Виски его вдруг сдавила непонятная сила, голова закружилась – и он сполз со стула на пол.

А когда открыл глаза, увидел перед собой ухмыляющиеся рожи своих бывших сокамерников.

– Очухался? – осведомился Нос и присел перед ним на корточки.

Сергей приподнялся, встал на колени, огляделся и хрипло выговорил:

– Что это было?

– Наказание это было, браток, наказание, – пролепетал елеинным голосом Гвоздь.

– Да-да, – закивал Нос, – оно самое.

– Мог бы и поосторожнее, – проворчал поверженный, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. Голова у него вновь закружилась, и он кулем опустился на стул. – Господи, когда все это кончится!..

– Ничего, ничего, – успокоил его Нос, – не бери в голову, сейчас все пройдет. В следующий раз будешь умнее. Соблюдение субординации – для нас закон! За этим у НИХ очень строго наблюдают. Что поделаешь – космическая разведка!..

– На первый раз мог бы и простить, – обидчиво пробормотал Сергей и, сморщившись, дотронулся до макушки.

Нос улыбнулся, а Пузырь хихикнул:

– Дура, ты что, думаешь это он тебя по башке грохнул? – И кивнул на предводителя.

– А кто же?

Нос хмыкнул и покачал головой.

– Плохо ты обо мне думаешь, Серый. – Он чуть помедлил и продолжил: – А шишку на твоём бараньем котелке не я набил, а ты сам, когда свалился со стула. Ну, а вмазали тебе по твоим вонючим мозгам – ОНИ. Индекс-волной. Чтобы следующий раз знал, кто здесь старший, а кто – младший. Хоть ты и плюс... Однако и я мог бы с таким же успехом сделать то же самое и тем же способом. Но не стал, передумал. А ОНИ, увы, не передумали. – Немного подумал, поиграл желваками и добавил: – А насчет зоны... насчет зоны намного проще. Если бы ты там позволил мне перечить, то я не стал бы об твою грязную фотокарточку руки марать. Я бы, просто-напросто, перевел тебя в отряд «петухов». Так сказать, на фаршлак. И – все.

– Куда? – не понял Сергей.

– На парашу, – вполне серьезно пояснил Нос под дружный хохот своих неунывающих товарищей. Затем шагнул к Сергею, взял его за подбородок. – Так вот, слушай меня дальше и – повнимательнее. – Но неожиданно отступил назад, взял стул, развернул спинкой к собеседнику, сел на него верхом и продолжил: – Полностью такие, как ты, называются положительно-тяжелые биоастроинвертарии, то есть, собиратели положительных энергий. Есть также собиратели и отрицательных энергий, то есть, отрицательно-легкие биоастроинверта-

рии, и их, как нам пришлось на себе испытать, создают искусственно, и только из тех людей, которые в последний момент перед отправкой с Земли имели близкий контакт с п-биоинвертом. Так что именно ты удостоил нас величайшей чести, – он саркастически усмехнулся, – быть причастным к бессмертному клану минус-био! Теперь тебе ясно по чьей милости мы влипли в это дерьмо?

– Вроде бы... – икнул Сергей и, понуро опустив голову, уткнулся себе под ноги.

– Да ты не бойся, – неожиданно отгаивая, прогундосил предводитель. – Мы уже не точим пику на тебя, давно перегорело... В какой-то мере даже довольны, что так получилось. Правда, рожки? – И повернулся к своим коллегам по галактическим скитаниям.

– Конечно, – отозвался Гвоздь. – Кем мы здесь были? Отбросами? Зеками? А там... – И скосил взгляд на Пузыря.

– А там стали такой же дрянью, как и здесь, – пискляво съязвил тот и осклабился. – Только... – Он вдруг замолк и многозначительно приподнял указательный палец.

– Только космической дрянью! – закончил за него Гвоздь и заржал во весь голос. Взгляд его разгорелся, и он воодушевленно прибавил: – А точнее – слугами самого вселенского дьявола! – Затем вздохнул и уже тихо заметил: – Хоть на мир поглазели...

– Ты хотел сказать – на тот вонючий инкубатор? – снова съязвил Пузырь.

На что Гвоздь лишь покивал головой и пожевал губами. А между тем Сергей поднял глаза, глянул на Носа и несмело проговорил:

– Вы бы хоть рассказали, где были...

– Где были, – передразнивая, проворчал тот и, мотнув головой в сторону своих товарищей, прогнусавил: – Рожки эти – во вспомогательном блоке, я – в сторожевом, а точнее, в пастухах. Так сказать, блюдил за порядком в инкубаторе!

– А что это такое? – уже смелее поинтересовался Сергей.

Предводитель хмуро посмотрел на своего бывшего сокамерника, поскрежетал зубами и ответил:

– В инкубаторах Анти-6 выводят обыкновенных людей.

– Людей? – Сергей удивленно вскинул брови. – А как они это делают?

Нос опять бросил на собеседника хмурый взгляд, снова скрипнул зубами и проговорил:

– Как они это делают – одному Богу известно, вернее, черту. А вот что именно используют для этого – догадываюсь. Но об этом лучше помолчать – иначе волосы дыбом встанут! Так вот, Пузырь с Гвоздем ухаживали там за новорожденными, точнее – за новосозданными. Учили их питаться, оправляться, разговаривать. В общем, были няньками, вернее – бионяньками. Хотя те и появлялись на свет, в большинстве случаев, почти взрослыми. Но были хуже младенцев – ничегошеньки не умели. – Нос помолчал, поиграл желваками, глянул на Сергея и продолжил: – Тебе это трудно понять, нужно самому все увидеть, рассмотреть, тогда, может, и дойдет... – Вдохнул, провел ладонью по лицу, словно смахивая с него невидимую паутину, и стал говорить дальше: – Ну, а в мои функции входило следить за этой необычной «хазой», охранять ее юных «зычарят», а когда те начинали немного шевелить мозгами, так сказать, становиться обыкновенными людьми – сразу же переводить их в следующий блок, уже под начало самих хозяев. Этим мы и занимались почти все десять лет. Ясно?

Сергей молча кивнул, а затем вновь поинтересовался:

– И много там было таких, как вы?

– Достаточно, – буркнул Нос и кисло улыбнулся.

– А что там делают п-биоинверты?

– Этого мы, к сожалению, точно не знаем, – вздохнул предводитель. – По-видимому, это большой секрет. Однако уверены – без них эта дьявольская империя существовать не может. Вмиг в ящик сыграет! Это – точно! Этих плюс-био никто никогда не видел, и они навсегда остаются там. Навсегда!

– А м-биоинвертов возвращают?

– Как видишь. Хотя об остальных ничего не могу сказать. Но, как мне известно, по истечении 10–15 лет они куда-то исчезают, и поговаривали, что их отправляют назад, на родные планеты.

– Так там были люди не только с Земли? – Сергей удивленно уставился на Носа.

– Конечно. Всяких там хватало. И коротышек с ногтей, вернее, по колено, и длинных, как березовые жерди, и смазливых, как писанные боги, и уродливых, как сами хозяева. Но, как мне показалось, эти чертовы зверюги все же придерживались каких-то определенных стандартов, чтобы, наверное, этот галактический сброд не слишком шарahalся друг от друга, как-то уживался меж собой, не враждовал. Я знаю точно,

что разумных видов во Вселенной бесчисленное множество, и, по-видимому, наши хозяева подбирали в одну компашку более-менее похожих друг на друга.

– Скажи, Нос, а дальнейшая судьба выращенных там людей тебе не известна?

– Понятия не имею, что с ними потом делают! – Помедлил, что-то припоминая, и продолжил: – Правда, один раз, когда среди них неожиданно встретил знакомую рожу – не лично мне знакомую, а вообще известную – пытался узнать, но ничего не вышло.

– А что за рожа? – любопытно спросил Сергей и подался вперед. Он уже, вроде бы, оправился от лучевого удара, и его, кажется, по-настоящему заинтересовало услышанное.

– Да знаешь, – Нос замялся, – я, может, и ошибся... Видишь ли, в нашем отряде получались людишки, как правило, пришибленные, затюканные. В общем, какие-то покорные, безвольные. А тут – эта рожа! Прямо как на портрете! Я помню еще до войны, да и после нее, она чуть ли ни в каждом кабинете красовалась – надменная, величественная... – И замолк.

– И что? – не вытерпел Сергей.

– А то! – нервно дернул головой предводитель. – Ну, подошел к нему, гляжу – похожий. А глаза – так и бегают, так и зыркают по сторонам! В общем, вроде бы совершенно другой, и – одновременно! – такой же, как остальные... – И снова умолк.

– А кто это был?

Однако Нос не успел ответить – вдруг резко встал, повернулся к окну и пристально посмотрел куда-то вглубь, в откровенно пустое пространство.

– Получено конкретное указание! – неожиданно проговорил он монотонно-стальным голосом. – Нам стало известно, что вместо обычного м-биоинверта в вашу группу случайно попал п-биоинверт высшего порядка. А так как возврат его к нам из данного района пространственно-временного континуума практически невозможен, ваше прежнее задание аннулируется и приписывается новое – с пометкой особо важное. А именно. В течение трех суток, начиная с сегодняшнего утра, п-биоинверт должен беспрекословно и с абсолютной точностью выполнять все исходящие от нас приказы! М-биоинверты обязаны всячески способствовать этому! Если операция пройдет успешно, все четверо будут немедленно

телепортированы домой! Если же нет – всех ожидают подземные рудники Альбаригона! Исполнение начинать немедленно! Все! – Предводитель медленно, всем корпусом, повернулся к замершим на стульях товарищам, обвел их побледневшие лица возбужденно горящими глазами и угрожающе прохрипел: – Только посмейте мне, облеваннные рожи, подкачать! Лично каждому глотку перегрызу! – Помолчал, поиграв желваками, и добавил чуть мягче: – Иначе, братва, всем нам каюк... – И вновь рявкнул: – Ясно?!

Когда они вышли на улицу, Сергею показалось, что его просто-напросто надули. Хотя после всего, что он услышал и увидел, а потом и почувствовал на собственной шкуре – это казалось маловероятным. И все же ощущение обмана не проходило.

Во дворе по-прежнему бесилась все та же неугомонная детвора, и среди нее – уже довольно-таки примелькавшиеся ему лица. По мостовой спешили знакомые из соседних домов, в примыкающем к подъезду скверике степенно прохаживались все те же тихие незаметные старики. Но когда один из них – ветеран, заслуженный пенсионер – приподнял шапку, приветствуя Сергея, последний ошалело замер, открыв рот, и едва не лишился чувств.

Только через секунды две-три звездный скиталец смог перевести дыхание и немного прийти в себя; он через силу сглотнул, невнятно поздоровался со стариком, еще раз затравленно зыркнул на него, словно не веря своим глазам, и, вжав шею в плечи, как можно быстрее просеменил мимо.

«Господи, да что же это такое?! – лихорадочно свербило у него в голове. – Покойники шастают прямо по улице! Сплю я, что ли?!» И пошагал еще быстрее.

– Ну, куда прешь? Не успеешь, что ли?.. – Нос положил свою тяжелую ладонь на его плечо и заметил с издевкой: – Если так рьяно кинулся выполнять задание – значит, соскучился по домашней еде. Или по бабьим ласкам, а, Серый?

– Там!.. Там призрак! Привидение!.. – сиплым голосом пробормотал в ответ Сергей и бешеным взором покосился на удаляющуюся спину старика.

– Чево? – Нос расплылся в улыбке, повернулся к плетущимся сзади мужикам и хохотнул: – Слышь, братва, не иначе, как наш салажонок с ходячим трупиком облобызался! – И заржал во весь голос.

– Привыкай, паря, – отозвался Гвоздь за спиной Сергея и, вздохнув, добавил: – Может, еще и не то встретишь... Нас тоже сначала колотило, будто с перепоею, когда со знакомым мертвяком нос к носу сталкивались.

Сергей вздрогнул, и на удивление отчетливо, словно это было только вчера, вдруг вспомнил тот траурный, хотя и лично для него ничем не примечательный день. Да-да! Всего каких-то полмесяца назад он, Сергей, помогал стаскивать с четвертого этажа соседнего подъезда тот пышно убранный гроб. И в нем покоился без всяких видимых признаков на скорое воскрешение этот довольно-таки любопытный тип – так хорошо ему знакомый и, как казалось совсем недавно, еще крепкий на вид старикашка. Лежал он как-то угловато, неудобно, словно прикорнул лишь на минутку после своего очередного беспокойного дня, ибо при жизни слыл неутомимым, неугомонным деятелем, и даже, наверное, за последние перед смертью дни не пропустил ни одного митинга, ни одной манифестации.

Но, видать, не выдержало стариковское сердце, лопнуло... А теперь глядь – ожил! Чудеса да и только!.. И приостановившись, осторожно оглянулся.

– Топай, топай, Серый. – Нос легонько подтолкнул его сзади. – Не оборачивайся, забудь...

Когда они вышли на центральную улицу. Сергей вновь с тревогой завертел головой по сторонам, словно пытаясь кого-то найти. Однако вокруг по-прежнему была обычная, ничем не примечательная картина. Все так же мимо сновали, деловито проходили, степенно прохаживались, казалось, совсем незнакомые люди, которые не обращали ни на Сергея, ни на его товарищей никакого внимания.

Сергей со всхлипом вздохнул и, стараясь не встречаться со взглядами прохожих, неспеша поплелся по тротуару. И сразу же совсем недавняя встреча с заслуженным покойником, как бы, притупилась, отошла в сторону и показалась не такой уж существенной, не такой уж важной.

Теперь – и снова неожиданно, и снова ошеломляюще – он был поражен другим, более ощутимым, более реальным. Все перекрестки, все дома были увешаны огромными красочными транспарантами, а вдоль улицы и площади напротив выстроились мощные, как тюремные стены, бетонные стенды с рядами напыщенно-нафуфыренных портретов каких-то, по видимому, почитаемых здесь лиц.

Все вокруг кричало ярким цветом, огромными буквами и бесперебойно, с яростью, воздавало здравицу какой-то непонятной, но, как тут недвусмысленно писалось, великой и всепобеждающей идее, готовой, казалось, сокрушить и того, для кого она предназначалась. Может, поэтому и были такими хмурыми и безликими физиономии у прохожих, в большинстве случаев, торопливо, без оглядки по сторонам, шмыгающих мимо со вжатыми в плечи головами, и уж, конечно, старавшиеся не замечать не только всю эту идиотскую бутафорию, окружавшую их словно бездушные стражники на вышках по углам, но и, разумеется, попадавшие навстречу им лица.

Поэтому зря Сергей боялся взглядов этих людей. Наоборот, они – все до единого – боялись всего вокруг, и старались как можно быстрее проскочить мимо друг друга.

Сергея так ошаршила эта петушина безвкусица улицы что он даже приостановился, тряхнув головой. Ему вдруг показалось, что он все же находится в своем родном городе, в своем родном мире, но сумевшем каким-то дьявольским способом переметнуться на десять лет назад, в то прошлое, когда все было до одури просто, понятно и, что самое важное, – сытно.

Но сзади вновь толкнули – уже нетерпеливо, грубо – и он с грустью вывел, что, к сожалению, ошибся – он на чужбине, поразительно похожей на родину, но – все же чужбине; в окружении своих бывших сокамерников, которые упорно ведут его куда-то, ибо нужно было срочно что-то начинать делать, чтобы как можно скорее ублажить какую-то неведомую могущественную силу, которая наконец соизволит переправить их домой, в свой мир – раздробленный, голодный, но – родной и, как неожиданно он понял, беспредельно дорогой ему.

Свернутый Нос вдруг остановился, повертел головой взад-вперед и, чуть помедлив, неторопясь направился в сторону старинного четырехэтажного особняка с невероятно тяжелыми колоннами по бокам и огромной инкрустированной дверью у входа.

– Сюда, – кивнул он и уже решительнее шагнул на отшлифованные временем мраморные ступени террасы.

– А что тут?.. – дернулся Сергей, настороженно всматриваясь в бронзовые буквы вывески. – Институт что ли какой-то?

– Да, научно-исследовательский.

– А чего мы там забыли?

– Такое распоряжение, – бесцветно бросил Нос и таким же голосом пояснил: – Только что в мой мозг поступил соответствующий сигнал. И мы обязаны подчиниться.

– И ты не знал, куда мы пойдем, когда выходили из дому? – осторожно любопытствовал парень.

– Разумеется, – буркнул предводитель и кисло усмехнулся: – Еще бы советовались они с нами, жди...

– И сейчас не знаешь, что будешь делать дальше? – Сергей оторопело зачастил ресницами.

– Конечно – нет. – Растянул губы и добавил: – Пора бы уже привыкнуть и ничему не удивляться... Ну так что, идем, Серый?

– Идем, – выдохнул тот, и все четверо переступили порог института.

Их встретил пожилой вахтер с печально впалыми глазами на синеватом гладко выбритом лице. Его острые жилистые скулы заиграли желваками, он поставил стакан чая на стол, отодвинул в сторону книгу, поправил на себе старенький военный китель и, бросив на вошедших деланно строгий взгляд, сипло поинтересовался:

– Кто такие? Ваши пропуска.

– У нас их нет, – сказал Нос.

– Тогда ваши паспорта. Вы в какой кабинет? Я сейчас позвоню...

– Не суетитесь, – оборвал его подчеркнуто официальную речь Свернутый Нос. – Мы – к вам!

– Ко мне? – Старик дернул густыми белыми бровями и, обводя всех удивленным взором своих зеленоватых глаз, обеспокоенно добавил: – Что-нибудь с внучкой опять?..

– Нет, – мотнул головой Нос и резко бросил: – Сейчас все узнаете! – И посмотрел по сторонам.

Сергея вдруг обдал неприятный холодок, он передернул плечами и отступил назад. Однако в спину грубо толкнули, и он нехотя шагнул на прежнее место.

Между тем старик вышел из-за стола и вопросительно забегал взглядом по лицам странных посетителей. Пауза затягивалась, и он хрипло проговорил:

– Я слушаю вас...

Нос шагнул вперед и отчеканил стальным голосом:

– Именем Анти-6 вы прекращаете свое существование в этом теле!

– Что?!. – Старик отпрянул в сторону, оперся задом о стол, не отводя вытаращенных глаз от окаменевшей физиономии предводителя, зашарил по телефону трясущейся рукой.

А Нос все так же бесстрастно продолжал:

– Вы должны благодарить Анти-6, что она дарует вам дальнейшее существование в обновленном носителе! Не бойтесь, это будет безболезненно!.. – И резко выкинув руку вперед, коснулся своим корявым указательным пальцем сухой морщинистой кожи на лбу старика.

Тот ошарашено захлопал ресницами, судорожно перекошил рот, намереваясь, по-видимому, что-то проговорить, а вернее, позвать на помощь, но не сумел – вскинул руки и повалился на пол, зацепив локтем стакан с чаем.

Звон разбитого стекла и грохот падающего тела лишь на секунду вывели Сергея из оцепенения. Он ринулся было назад, но ему вновь помешали верные помощники Носа, вмиг загородив дорогу к отступлению. Парень растерянно забегал глазами, лихорадочно ища выход из этой, совсем не безобидной для него ситуации. Но уже в следующее мгновение ноги у него подкосились, в горле застрял жутковато-горький комок животного страха, и в это время он почувствовал сильное головокружение – но только на секунду. Ибо тут же, следом, его обдала упругая волна чего-то невидимого, призрачного, но приятного, как бы опьяняющего, вернее, одурманивающего, и он невольно поймал себя на мысли – что-то подобное уже ранее с ним случалось.

Пока звездный скиталец стоял, недоуменно хлопая глазами, его товарищи дружно ухватили старика за ноги, оттащили его за стол, подальше от глаз, затем быстро обшарили ему карманы, а услышав приближающиеся по коридору шаги, не сговариваясь поддели все еще пребывающего в столбняке Сергея под мышки и с проворностью тараканов ретировались из помещения.

Ускоренным темпом просеменив, наверное, с полкилометра по многолюдной улице, они свернули за угол, перевели дыхание, настороженно поозирались по сторонам и на минуту замерли, прислонившись взмокшими спинами к каким-то холодным металлическим прутьям, выстроенным вдоль переулка – по-видимому, заготовкам под каркасы для очередных стендов.

Сергей судорожно смахнул рукавом пот со лба, кашлянул хрипловато и наконец обрел дар речи:

– Зачем это?.. Зачем?!

– Потом, салажок, потом... – торопливо пробурчал Нос.

– Ты убил его? Убил?!. – не унимался новоявленный космический гангстер.

Глаза у предводителя налились кровью, и он еле слышно процедил сквозь зубы:

– Да замолчи ты, сучья рожа!.. – Глаза же так и зыркали по сторонам. – Я же сказал: придет время – все узнаешь! – И сделав гармошкой лоб, уже теплее добавил: – Вернее, надеюсь, что все мы когда-нибудь узнаем, зачем им эта мокруха понадобилась!..

– Какая мокруха? – спросил Гвоздь. – На нем ни кровинки...

– На лице – да, – язвительно хохотнул Пузырь. – Но на брюхе, точнее, на трупе...

– Заглохните! – рявкнул Нос; поиграл желваками, затравленно стреляя глазами по прохожим, и обронил: – Чего у него в карманах?..

– Пятерка всего, – скривился Пузырь.

– Топаем к магазину – черпак возьмем!

– Чево? – удивился Сергей. – На пятерку ты хочешь взять бутылку? Да еще просто так, без талона?

Все четверо враз ухмыльнулись, только каждый по-своему. И, как ни странно, это сразу же привело всю команду в душевное равновесие.

– Идем, идем, салажок, – широко улыбнулся Нос. – Хоть вспомнишь, как мы когда-то существовали...

Винный прилавок и впрямь был заставлен бутылками с этикетками всевозможных расцветок. Без труда заполучив бутылку водки и даже кое-какую сдачу, они прошли в следующий отдел, где на оставшиеся копейки купили внушительный прутик свиной колбасы и четвертушку белого хлеба. И уже не выходя из магазина, по рьяному настоянию Сергея, они приобрели местную газету, хотя Гвоздь яростно сопротивлялся этому – как заядлый курильщик он требовал истратить последний медяк на пачку махорки.

И сейчас, топая по тротуару, чуть в стороне от Сергея, он бросал на него колкие, испепеляющие взгляды, непрерывно что-то сердито бормоча себе под нос.

Но Сергей не обращал на него никакого внимания. Он просто не видел этого, ибо тут же, возле киоска, быстро развернул газету и жадно впился, ее текст. И эта небольшая, про-

стенная газета так поразила его, до такой степени, что парень, казалось, ничего не замечал вокруг себя, забыв даже о том, что каких-то полчаса назад был соучастником какого-то странного, но, по его искреннему убеждению, нехорошего и, больше того, – мерзкого поступка. А апогеем этого ошеломления была дата, указанная на газете. Год и месяц совпадали со временем его мира. Оказывается, он был не в прошлом! Сытом! Довольном! Сонливом! Нет – он был в настоящем, но – так похожем на время ЕГО прошлого! Как будто оно по мановению какой-то волшебной палочки вдруг снова материализовалось на Земле. Но на его ли Земле? И почему у него так скверно и тоскливо на душе? Почему?!. Почему его не радует эта сытость, изобилие? Ведь это же время его юности? Время его первых дерзаний, порывов? Почему?!. И он вдруг снова вспомнил замертво рухнувшего на пол старика.

Кто он был?

Почему его убили?

Сергей со злостью швырнул газету под ноги, шагнул к Носу и неожиданно схватил его за грудки.

– Ты наконец скажешь, паршивый лагерник, что все это значит?!

Но тот, на удивление всем, не взорвался, не разразился отборной руганью, нет – лишь чуточку изменился в лице. И спокойно выдержав ненавистный, кричащий болью и отчаянием взгляд своего бывшего сокамерника, легонько отстранил его руки и выдохнул еле слышно:

– Я же сказал, не знаю, ничего не знаю... Пойдем, люди плятятся...

– Но меня-то... меня-то зачем втянули в это дерьмо?! – лицо парня вдруг перекопилось, глаза заблестели, ресницы засеменили – и он заплакал, уткнувшись в грудь своего товарища по несчастью.

Две рюмки водки сладко растеклись по ноющему от усталости телу, голова приятно закружилась, и Сергей, наверное, впервые за последние несколько дней наконец обрел душевное равновесие. Он блаженно вытянул на диване ноги и прикрыл глаза. Товарищи расположились рядом: Нос на раскладушке. Пузырь с Гвоздем – на полу.

Комната наполнилась звенящей в ушах тишиной. Лишь изредка ее нарушал жалобный всхлип какого-нибудь из спящих. Но Сергей не спал. В его голове еще долго роились сжи-

гающие душу вопросы, еще долго и мучительно теснились бесконечной грядой всевозможные мысли, догадки, предположения, еще долго тяжелым свинцовым туманом проплывали перед ним яркие образы каких-то странных говорящих чудовищ и еще долго чередовались бесконечной живописной вереницей вздымающиеся к облакам горы и разверзшиеся огненными вихрями бездонные ущелья. И все это стремительно пронеслось через его уставший затуманенный алкоголем мозг вперемежку с перекошенным от испуга лицом старика-вахтера, которое то и дело неожиданно, превращалось то в расплывшуюся до невообразимых размеров физиономию Пузыря, то в худое изнеможенное лицо Гвоздя, то в седую кудластую голову Носа. И парень еще не знал, что это и есть теперь его настоящий сон – сон человека, принявшего впервые, почти осознанно, почти намеренно, на свою грешную душу одну из самых чудовищных в жизни нош, а именно – ношу соучастника убийства себе подобного существа. И он еще не знал, что впоследствии, – после второго, третьего раза, – это происходит уже не так болезненно, не так мучительно. Ну, а после десятого – почти бесследно. Словно данное мероприятие было делом привычным, обыденным – как выпить стакан обжигающе холодной воды, затем спокойно передернуть плечами и тут же забыть, ничего внутри себя не задев и ничегошеньки там не оставив.

Он этого еще не знал, и поэтому так плохо спал – не так, как его товарищи.

Утро выдалось солнечное, яркое. С крыш капало – словно на дворе стоял не морозный для здешних мест февраль, а середина марта, когда весна обрушивается на эту землю сразу, налетом, и тотчас устанавливает здесь свои права и законы.

Сергей приподнялся на локте, посмотрел в окно. Ласковые, приветливые лучи восходящего солнца причудливо преломлялись на вспотевшем от сырости стекле и тут же превращались в беспокойных, шаловливых зайчиков, которые игриво перемещались по подоконнику, полу, стенам комнаты, наполняя душу новым светлым чувством и будоража ее до основания.

Однако это никак не задело Сергея. Вернее – задело, но лишь на мгновение, чуть-чуть, и владело им до тех пор, пока безжалостная реальность ни вторглась в его мозг, где враз обнажила всю его память. И первым, что вспомнил он, когда осознал, где находится, были события минувшего дня. Они

сразу же вереницей пронеслись перед его мысленным взором и тотчас вытеснили из головы все посторонние мысли. И уж конечно места для сентиментальных восторгов по случаю вдруг наступившей весны, вернее, ее нетерпеливой предшественницы – там не оставалось.

Сергей тяжело вздохнул, неспеша поднялся, сел на диван, спустив голые ноги на пол, отрешенно опустил голову и устался в одну точку.

– О чем размышлялся, Серый? – послышался голос Носа. Он вышел из ванной и, вытирая свою снежно-белую волосатую грудь большим махровым полотенцем, ослепительно улыбнулся.

– Ты где взял это полотенце? – вдруг живо вскинул голову Сергей.

– В твоём шкафу. А чо?

– Да ничего, – он хмуро глянул на расплывшуюся физиономию предводителя, – просто я приготовил его на подарок племяннице. Кое-как достал. А ты без спросу...

– А чо спрашивать? Тут все общее, а значит – мое. – И хотнул.

– Как это общее? – дернулся Сергей. – Тут мой дом!

– Ошибаешься, паря. Это – не твой дом.

– А чей же?

– А хрен его знает. – Он смачно высморкался в край полотенца, а затем добавил, ухмыляясь: – Вот сейчас откроется дверь – и войдет его хозяин. Чо будешь делать, а? – И уставил на Сергея соловелье глазки.

«Черт бы вас всех побрал! – с отчаянной злостью выругался про себя парень. – А ведь и правду говорит. Как-никак, а я нахожусь все же не в своем мире, а значит – и квартира не моя. И вещи. Все чужое. Все! А чье? Чье?!» И ошалело замотал головой.

– Слушай, а где он?..

– Кто? – не понял Нос.

– Ну тот, кто живет здесь.

– Двойник, что ли твой?.. Так мы его, как говаривают наши славные господа-драконы, распылили... на муку. – И вновь дурашливо хохотнув, провел ладонью по горлу. Чтоб не путался под ногами!

– Убили?!

– Убили, убили, – закивали ухмыляющиеся рожи Гвоздя и Пузыря, вдруг высунувшиеся из-за дверей кухни. – Ну вы там скоро, чай стынет!

Однако Сергей даже не повернул в их сторону голову.

– Но – зачем?! – не унимался он, чуть не плача.

– Да забудь ты, – раздраженно бросил Нос, – не трогали мы никого, даже не видели его. Это все они – твои друзья-ящеры!.. Пошли завтракать, скоро на задание. – И почесав пятерней свою лысоватую макушку, со вздохом прибавил: – Уже чувствую – затылок, мать твою, сильно зудится...

И вновь они неспеша шагали по шербатовому асфальту тротуара. Только теперь он неприятно почернел от растаявшего не ко времени снега. Обильные лужи тянулись по бокам дороги мутноватыми зеркалами. Однако в тенечке, на радость малышне, они уже снова успели взяться тонкой корочкой льда.

Его качество, а заодно и слух прохожих, тут же испытал на себе Гвоздь – приземляясь на шершаво-колючую, но все же достаточно скользкую поверхность льда своим костлявым задом, он изловчился в абсолютно короткий промежуток времени трехэтажно матюгнуться, проклясть Бога, черта и всю их многочисленную родню вместе взятую, чем сразу же привлек к себе, а в придачу и ко всей четверке всеобщее внимание.

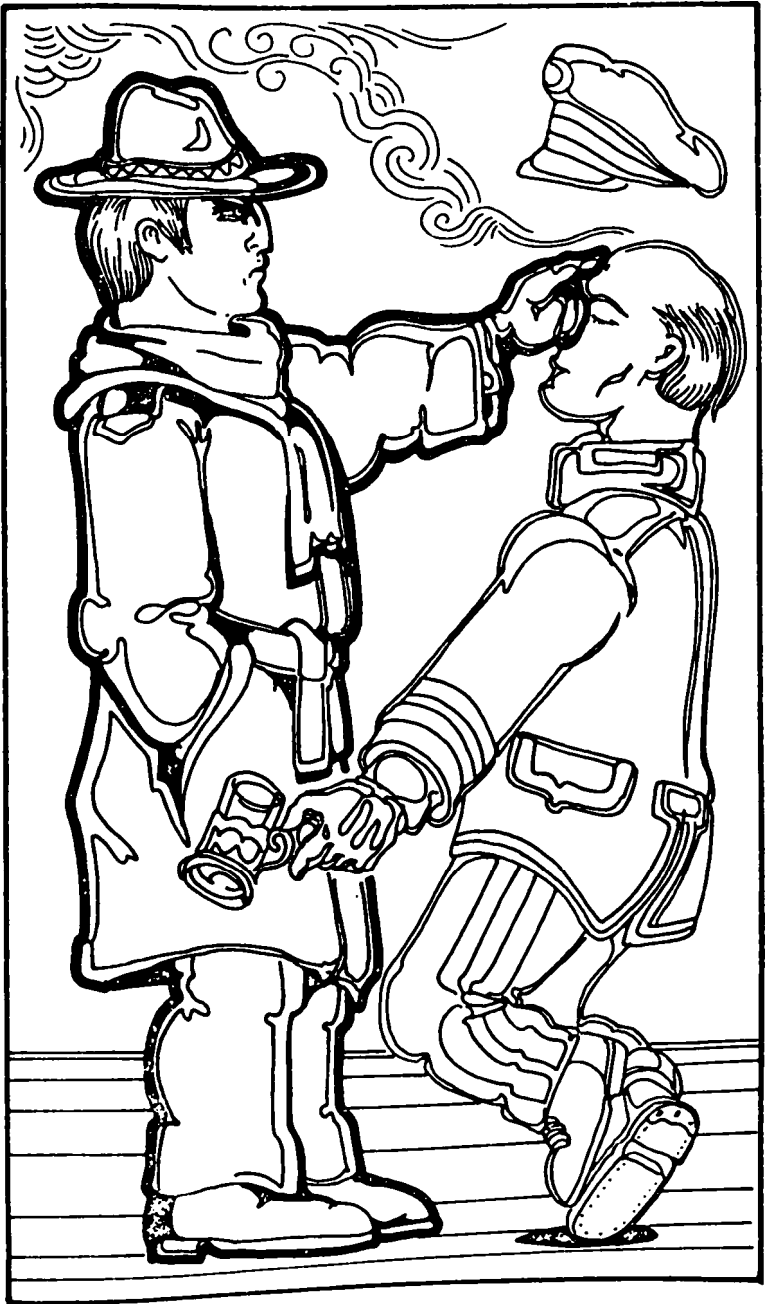
– Идиот! – прошипел, закипая, Нос. – Не хватало еще, что именно сейчас нас загребли в каталажку! – Он резко поддел его за шиворот, поставил на ноги и прохрипел еле слышно: – Захотел на рудники Альбаригона?! Убью, гад!.. – И замахнулся на него кулаком. Но не ударил – лишь со злостью ткнул ему в спину, отчего тот снова чуть не грохнулся на асфальт.

Когда инцидент, казалось бы, уже исчерпал себя и прохожие вновь засеменили мимо, уткнувшись снова себе под ноги и, вроде бы, не обращая ни на кого ни малейшего внимания, – к ним неожиданно подошел один пожилой, элегантно одетый мужчина.

Он строго оглядел вдруг присмирившую четверку колюче-прищуренными глазками и громко проговорил:

– Что вы себе позволяете в общественном месте! Вокруг женщины, дети, а вы материтесь! Как сапожники!.. Кто такие? – И сдвинул на переносице свои густые седоватые брови, решительно перегородил им дорогу; его толстые красноватые губы жестко сомкнулись, подчеркивая явную неприязнь.

– Да мы так... просто гуляли, – заискивающе промямлил Нос и беспокойно забегал глазами по сторонам. – Из деревни мы...

– Из какой? – мужчина шагнул ближе к Носу.

– Тут недалеко – буркнул тот и отступил назад, к парню.

У Сергея неожиданно отвисла челюсть, и он ошарашено прошептал ему сзади:

– Слушай, Нос, да это же следователь! Который меня допрашивал! А потом отправил всех нас на ту чертову планету! Он же!..

– Вижу! – не размыкая губ, резко оборвал его предводитель. А затем тихо бросил: – Бегите! А я его сейчас успокою!.. – И без промедления саданул того своим огромным кулачищем в зубы.

Они неслись по улице сломя голову. А следом, почти не отставая, за ними гнались два рослых милиционера, которые случайно проходили мимо и видели всю эту сцену. Прохожие испуганно шарахались в стороны, бранились, возмущенно галдели, но ни один из них даже не пошевелил пальцем, чтобы попытаться задержать убегающих или, хотя бы, сделать вид, что намерены это сделать – ну, скажем, включиться хоть на секундочку в этот необычный марафон. Ан, нет. У всех были срочные дела, у всех были неотложные заботы. Но главным, – разумеется, с точки зрения этой толпы, кстати, зрения искреннего, неподкупного, – было то, что каждый должен заниматься своим делом, своей работой и не совать нос в чужие дела. То есть – кто убежать, кто догонять, а кто возмущаться и посылать проклятия. Между прочим, и тем, и другим. Поэтому, будь убегающие ноги чуть помоложе, точнее, чуть попроворнее, им бы без труда удалось оторваться от погони и раствориться в этом сером, безликом и, в большинстве своем, равнодушном людском потоке. Так уж тут повелось.

Но догоняющие ноги были молодыми, тренированными, их здоровые мышцы еще не успели пропитаться склеротическими бляшками от непомерно больших доз горячительного напитка. А если эти излияния все же случались, – а случались они довольно-таки часто, – то сей продукт был для них намного доступнее, и, разумеется, разнообразнее, а значит – безвреднее и чище. Возможно, поэтому они вскоре и стали нагонять осквернителей порядка этого законопослушного города.

И когда основательно пробуксовывающий мотор в груди Носа стал окончательно сдавать, он неожиданно уловил на своей взмокшей макушке уже знакомый ему сигнал, который точно указал на место финиша этого изнурительного состязания. А конкретнее – на подворотню следующего дома. А так как возглавлял всю эту безумно несущуюся процессию сам предводитель, – хотя и начинал ее последним, – то он, сделав еще одно небольшое усилие для последнего, победного броска, первым и шмыганул в представшую перед ним, словно манна небесная, небольшую, грубо окантованную но краям острыми пиками ржаной арматуры дырку в высоком бетонном заборе. Следом тотчас проследовали и его товарищи.

Внезапное исчезновение преследуемых несколько озадачило догоняющих и на мгновение приостановило погоню, что и дало возможность первым тут же скрыться в подъезде соседнего дома.

Немного поостыв, Пузырь собрался было выглянуть на улицу, но Нос его остановил, пробормотав:

– Постой! Кажись, сюда-то нам и надо... – Он повертел головой по сторонам, всматриваясь в двери, затем кивнул наверх. – Вроде бы четвертый этаж, первая дверь... Идем! – И осторожно, на цыпочках, стал подниматься по лестнице.

Дверь открылась сразу, после первого же звонка, словно их ждали, прямо тут, в прихожей.

– Ну как? – расплылась скуластая лошадиная физиономия с глубоким красно-коричневым шрамом на левой щеке. – Удалось смяться?

– Вроде бы... – опешил Нос. – А как вы узнали?

– Профессиональный секрет, – ответил скуластый и любопытствовал: – Еще будут вопросы?

– Нет.

– Тогда проваливайте! – Но дверь не закрыл, внимательно изучая четвертку, и Нос обронил жалостливо:

– Разрешите войти?

– Зачем?

– Нужно.

– Зачем нужно? – уже строже повторил скуластый и, интенсивно заиграв желваками, придвинул почти вплотную к ним свою широкую массивную грудь.

– Ну, хотя бы, для того, чтобы узнать ваш профессиональный секрет, – неожиданно мудро для себя нашелся Нос и

тут же испуганно скривился в подобие улыбки от такой, как ему показалось, дерзкой смелости. И он не ошибся.

– А ты наглец, приятель... Ну хорошо, я открою тебе этот сногшибательный секрет. Но только здесь, на пороге. – Дедина кисло улыбнулся, а затем продолжил: – Тем более, что он, наверное известен многим, кто проживает в этом доме. – Чуть помедлил и прибавил: – Особенно тем, кто имеет балконы на солнечной стороне. Захватывающая картина недавно просматривалась с них. Как в детективном сериале!

– Понятно – осклабился Нос, – можете не продолжать. – И вновь заканючил: – Ну так как, можно войти? – Теперь он явно почувствовал, что это не тот, кто им нужен.

– От кого ты, олух, пожаловал к нам? – Лицо у скуластого приняло оттенок свирепости. – И почему толпой?

– Так получилось. – Нос развел руками и принял позу наивного простачка. – Нужен сам, срочно...

– Нет, ты действительно олух, – выдохнул скуластый и рывкнул: – А если фараонам дорожку подсказал?!

– Да нет же! – почти вскриком заверил его Нос. – Мы их облапошили!.. Век не найдут! – И попытался перешагнуть порог.

– Но скуластый был начеку – развернулся плечом и резко оттолкнул его назад, на площадку. В этот момент из комнаты донесся спокойный, но властный голос:

– Пусть войдут.

В кресле, вполоборота к высокому, почти до самого потолка, и довольно-таки широкому окошку, сидел крупный, спортивного вида мужчина и глядел прямо перед собой. Взор его уходил куда-то вглубь, за стекла окон, в пространство горизонта, словно там было что-то особенное, что-то значительное, только ему одному доступное, только ему одному понятное. Его внушительные, неестественно розовые залысины на прямом, с большими надбровными дугами лбу ослепительно поблескивали и, казалось, выпускали со своей почти зеркальной поверхности веселых проворных зайчиков, которые тотчас разбегались по всей этой со вкусом обставленной комнате.

Он медленно, с начальственной невозмутимостью повернул большую седовласую голову с длинными сзади локонами к вошедшим и колко упер в них свои удивительно голубые, с настороженным жестким блеском глаза.

– В чем дело? – Голос был неожиданно мягкий, почти домашнему приветливый. – Почему пренебрегли инструкция-

ми? Надоело красиво жить? – И взгляд голубоглазого вдруг изменился – приобрел жжено-синеватый оттенок.

– Необходимо было срочно сообщить!.. – быстро пробормотал Нос первое, что пришло ему в голову, и ступил было вперед. Но сзади его локти тотчас сомкнулись железными клешнями чьих-то сильных рук. Лакей и телохранитель все также был начеку. И предводитель пока отбросил мысль о немедленном сближении с нужным ему объектом.

– Для этого есть телефон, – бесстрастно донеслось из кресла, и голова сидящего вновь повернулась к окошку.

– По телефону нельзя было... – буркнул Нос, лихорадочно соображая, как бы умудриться дотянуться до этого чертова лба. И наконец услышал:

– Где товар?

– Здесь! – встрепенулся Нос и хлопнул по внутреннему карману своей легонькой, туго стиснувшей плечи куртки.

– Что? – Голова снова повернулась в сторону дверей. – Где это?

– Здесь, – уже не так уверенно повторил предводитель, проделав тот же жест.

– Ты хочешь сказать, что туда, – он бросил свой настороженно-удивленный взгляд на его грудь, – ты сумел впихнуть десять кило кокаина? – Одна бровь его слегка взметнулась, а тонкие бледноватые губы сначала приоткрылись, затем плотно сомкнулись и широко растянулись в подобие улыбки.

– Там квитанция, – выручил Сергей враз онемевшего предводителя. – От камеры хранения... – И выступил вперед.

– Да вы, ей-богу, спятили дружки! – Кресло жалобно скрипнуло и отпустило своего хозяина. Он круто развернулся и резко дернул рукой. – Давайте се сюда! А вы!.. – Но не договорил, не успел. Ибо одна из клешней телохранителя неожиданно ослабла и на мгновение освободила руку Носа, так как потянулась к Сергею, грубо нарушившему положенную дистанцию. Этого вполне хватило, чтобы пятерня предводителя тут же метнулась вперед и, казалось, совсем безобидно, даже как-то ласково, коснулась отполированного лба нужного ему объекта.

Мафиози осел. Скуластый же мгновенно выхватил из-за пояса пистолет, но не выстрелил – лишь ринулся к своему шефу, который уже стоял на четвереньках и удивленно пялился на сияющую рожу Носа.

Однако телохранитель не успел сделать и двух шагов, как тоже рухнул на пол – подножка Гвоздя вовремя сделала свое дело. Пузырь тут же подхватил выскользнувший из рук скуластого пистолет, саданул им того по макушке, и все четверо тотчас бросились к дверям.

А перед тем, как выбежать из квартиры, уже у самого порога, Сергей вновь почувствовал какую-то невидимую упругую волну, которая на этот раз приятно, щекотно, окутала все его тело, – от макушки до пяток, – затем пахнула жаром прямо в лицо и, казалось, ушла внутрь, пронзив кожу и даже кости до самого основания. Но не остановилась на этом – ушла еще дальше, еще глубже, будто сумела перейти какую-то запредельную черту, за которой уже окончательно размываются границы всей окружающей реальности.

Бежали они долго. Но не по улице – по каким-то зигзагообразным закуткам, крохотным узеньким проулочкам, о которых Сергей даже и не подозревал, хотя жил в этом городе, вернее в его абсолютной копни, уже давно и совсем недалеко от этого места, и, как ему казалось, знал тут каждый дом, каждый двор и каждую дырку в окрестных заборах.

Сердце бешено колотилось, и если бы этот дикий галоп продлился еще минуту, Сергей, наверное, замертво рухнул бы на землю. Однако Нос, который бежал все время впереди, неожиданно остановился, приподнял руку и огляделся. Прямо перед ним, на стыке двух бетонных заборов, просматривался узкий прямой проход, в конце которого виднелась оживленная улица.

Все разом прислонились к приятно холодным каменным плитам, а затем обессилено опустили задом на черноватый, взывшийся уже жесткой корочкой снег. Передохнув немного, они как по команде поднялись, отряхнули друг друга от снега, затем протиснулись в проход, спокойно вышли на тротуар улицы и тут же растворились в толпе.

Пахло чем-то пережженным, горьким, и Сергей вдруг с ужасом осознал, что попал в какую-то чудовищную западню, а точнее – в катакомбу, заполненную удушливым угарным газом. Он мучительно застонал, широко открыл рот, ища хотя бы, глоток чистого спасительного воздуха, а не найдя его, резко дернул головой и... проснулся.

На кухне слышался приглушенный говор и умиротворенное шипенье жарившихся на газовой плите котлет. Жена вернулась!

Сергей резко вскочил с постели и кинулся на кухню. Однако вместо знакомого и дорогого ему лица – правда, как всегда сердитого и строгого – его встретила ухмыляющаяся физиономия Пузыря.

– А-а, голубчик, – осклабился тот, – почувствовал аппетитный запах – сразу зеньки продрал!

– Да пошел ты!.. – со злостью бросил Сергей и, досадливо вертанув головой, поплелся назад.

– Да-да, – протянул Гвоздь, – видать, не с той ноги поднялся наш плюс-био. – И снова принялся усердно перемалывать своими костлявыми челюстями поджаренную котлету.

– Вряд ли. – Нос расплылся в улыбке, шагнул из-за стола, догнал Сергея, положил ему руку на плечо, и потянул назад. А когда привел на кухню, продолжил, снова скалясь: – Вряд ли он не с той ноги встал, правда, Серый? Просто ему любимая женушка во сне пригрезилась. Только уж слишком злючая! Не обласкала! Я угадал, а, Серый?

Сергей дернулся плечом, скидывая руку предводителя, и процедил сквозь зубы:

– Отвяжись!

– Ну что ты заладил: пошел да отвяжись? – Нос притворно скривил губы. – Мы же не чужие!

Сергей ухмыльнулся, оглядел своих недовольных товарищей и буркнул:

– А я и не говорю, что чужие. – Вздохнул и тихо добавил: – Если уж судьба так распорядилась...

– Кстати, о судьбе, – живо отреагировал Нос. – Раньше я в нее не верил.

– А теперь? – любопытно спросил Гвоздь, отправляя в рот очередную порцию котлеты.

– Теперь верю.

– Это почему же? – заинтересовался Пузырь, он отстранился от плиты и прищуро уставился на своего шефа.

– Потому что всю жизнь меня преследует цифра три.

– Цифра три? – Сергей хмуро покосился на своего бывшего сокамерника.

– Да, Серый, три. Три раза меня сажали. Три раза я провоцировал крупное дельце и не разу на них не попался. Все на мелочах. Три раза был жестоко избит Три раза попадал в ав-

томобильную катастрофу и каждый раз оставался живехоньким и невредимым. Три раза...

– Постой, – прервал его излияния Сергей, морщась, словно от зубной боли. – Это мы уже слышали еще в камере. Ты лучше скажи, что мы будем делать дальше.

– Именно к этому я и веду! – рубанул тот и возбужденно засверкал глазами. – Судьба к нам благосклонна! Там, где я лично участвую, что-то делаю, цифра три для меня, как правило, удачлива. Хоть и не всегда. Но в основном – меня проносит! Так вот, она для меня, как бы, священна. – На это Сергей криво усмехнулся, однако Нос, казалось, не заметил этого и все также возбужденно продолжал: – Если первый раз нам посчастливилось и мы успешно справились с заданием, то и во второй раз это должно было случиться! А это случилось? – Он круто развернулся к Сергею и уставил на него свои мутноватые кругляшки глаз.

– Случилось, – буркнул тот. – Ну и что из этого?

– А то, что и третий раз нам повезет! – напыщенно заверил его Нос и с довольной миной растянул губы.

– А четвертый? – спросил Гвоздь.

– Четвертого раза не будет, – бесстрастно изрек предводитель.

– Не будет? – Глаза Сергея чуть-чуть ожили, и он добавил уже с оттенком явной радости в голосе:

– Значит, нас ожидает всего лишь одно, последнее испытание?

– Не испытание, а задание, – поморщился Нос.

– Ну да, да, конечно... – торопливо закивал головой Сергей, не в силах подавить охватившее его волнение. – А когда?

– Сегодня вечером.

День тянулся долго, и Сергей не находил себе места. Ложился, вставал, склонялся по квартире, и только теперь понастоящему пожалел, что вовремя не купил новый телевизор, взамен старого, сломавшегося. Потом было уже не по карману. Однако вдруг вспомнил, что он, как-никак, а все же – не дома, и с горечью подумал, что и его двойнику в этом мире, видать, живется не сладко – тоже не может телевизор приобрести.

Под вечер, когда стало совсем невмоготу, он попытался выйти на улицу. Но Нос категорически воспротивился этому. И он снова вытянулся на диване, вновь и вновь перебирая в

памяти события последних дней – непонятных, кошмарных и, одновременно, удивительных дней. Кто он? Какую роль уготовили ему в этом диком, чудовищном спектакле? Да и спектакль ли это? А если спектакль – то чей?.. Господи, да помоги же мне?!

Наконец сумерки размазали свои серые тени по красочно убранным улицам, сделав их враз совершенно другими. словно какая-то неведомая волшебная сила вдруг сняла со всего города его элегантный сверхмодный костюм, обнажив в один миг все вокруг до нага. А там вместо красивого и здорового тела неожиданно – и на удивление всем! – оказался всего лишь манекен – жалкий, никчемный, прибитый...

Они вышли, когда уже совсем стемнело. На этот раз предводитель проследовал сразу же к автобусной остановке, и Сергей тотчас поинтересовался:

– Куда-нибудь поедем?

– Кажется.

– А куда?

– Не знаю я ни черта! – зло бросил Нос, озираясь по сторонам.

– Ну как же так?.. – выдохнул парень и разочарованно развел руками.

– А вот так! Я же тебе говорил, все идет по ходу, куда прикажут – туда и двинем!

– Значит, сам не знаешь...

– А ты думал – знаю? – спросил он с обидой в голосе и чуть погодя проворчал: – Не мешай, что-то плохо их слышно...

Автобус был наполовину пустой. А так как у этой криминальной компашки не было ни гроша в кармане, им стоило больших трудов скрыться от въедливых глаз водителя, внимательно следивших через зеркало за входящими в салон пассажирами и сразу же отмечающих не оплативших проезд.

Однако космические скитальцы ничуть не растерялись, они деловито потолкались возле кассы, затем как ни в чем не бывало проследовали вперед, уселись, сделав свои постные физиономии беззаботно-невинными, и водитель еще раз придирчиво прощупав их своим колючим взглядом, переключился на других – группу молодых парней, шумно ввалившихся следом.

Они ехали уже полчаса, остановки следовали одна за другой, но предводитель пока оставался на месте, хотя и пытался

несколько раз вскакивать, понапрасну беспокоя своих вконец испереживавшихся товарищей, и теперь, уже обессилов, начинавших дремать.

Сергей же, как ни странно, оставался спокойным – неожиданно для себя и, наверное, еще неожиданнее для своих коллег, узнай они об этом. Прошедший день не прошел ему даром – все внутри у него перегорело, улеглось, и нервозность, тревожное ожидание чего-то неизвестного, опасного под конец сменилось сонливой апатией, безразличием. И лишь только когда водитель объявил конечную остановку, сердце у Сергея неожиданно екнуло, учащенно заколотилось.

Они покинули автобус и очутились на довольно-таки обширной площади, в дальнем конце которой виднелось зубчатое здание железнодорожного вокзала.

Зал ожидания кипел приглушенным гулом – как улей, который вот-вот собирались разворошить. Народ суетился, нервничал, и лишь немногие сидели спокойно, уткнувшись себе под ноги или, наоборот, откинувшись в кресле и прикрыв газетой глаза, – дремали.

Откуда-то из глубины зала исходил аппетитных запах жареных пирожков, и Сергей слотнул слюну, неожиданно почувствовав жгучий голод, – последние два дня он питался кое-как, и поэтому сейчас был готов проглотить все, что подвернется под руку. Ноги сами пошагали в ту сторону. Его товарищи проследовали за ним.

Возле лотка с пирожками стояло несколько человек и неспеша, даже с каким-то показным безразличием, пережевывали купленную продукцию. Губы у них лоснились, пальцы блестели в жиру, и этот вид еще сильнее разжег аппетит у Сергея.

Трое из космических скитальцев заворуженно уставились на лоток, и поэтому не сразу заметили, как их предводитель проследовал чуть дальше, к сиротливо сидящему неподалеку человеку в старенькой потертой куртке. Он сосредоточенно доедал пирожок, и поэтому не обратил внимания на подошедшего к нему Носа. Обросшее густой щетиной лицо этого мужика было пурпурно-серым, а большие кроваво-синие мешки под слезливыми глазами, одутловато свисавшие на его дряблые щеки, красноречиво говорили только об одном – как о прожженном бродяге и пьянице. И лишь руки с тонкими гибкими пальцами выдавали в нем человека интеллектуального труда – но, по-видимому, в прошлом.

– Привет, приятель, – обратился к нему Нос, пристально взглядываясь в его мутноватые, с густыми красными прожилками глаза.

– Здравствуйте, – отозвался осипшим голосом бомж, проглатывая последний кусок пирожка.

– Похмелиться хошь?

– Похмелиться? – Небритая рожа расплылась, показывая неровный ряд пожелтевших зубов. – Непротив. Хотя уже три дня не употребляю, на мели... Закурить есть?

– Найдется. Слияем отсюда.

Однако мужчина вдруг изменился в лице, глаза его лихорадочно забегали, и он испуганно пролепетал:

– Нет! Нет!.. Я никуда не пойду! Ты – от Хана! Да?..

– От какого Хана, приятель? – Нос удивленно приподнял брови. – Никакого Хана я не знаю.

– А зачем зовешь?

– Вмазать.

– С чего бы это?.. – Он стал потихоньку передвигаться по креслу подальше от Носа. В это время из соседнего зала вышел милиционер. Бомж резко вскочил и кинулся к нему навстречу.

– Ты опять здесь! – раздраженно прохрипел сержант, увидев опостылевшую ему физиономию. – Снова в КПЗ захотел?

– Да нет... я... – жалостливо залепетал бродяга, то и дело озираясь на Носа и явно показывая блюстителю порядка, что боится этого человека намного больше, чем его, милиционера.

Однако тот, казалось, не замечал этого – его лицо побагровело, и ливень отборной ругани сдерживала лишь только форма.

– Немедленно убирайся отсюда... вшивая собака! – наконец подобрал сержант более-менее подходящие слова и, поддев бродягу за шиворот, потащил его к выходу.

Нос оглянулся – его сокамерники по-прежнему не могли оторваться от прелестей лотка.

– Сюда, олухи! – позвал он негромко. – Видите мента с мужиком? Топайте за ними!..

– Чево? – опешил Гвоздь. – За ментом не пойду... – Пузырь тоже был явно на его стороне.

– Не пойдете?! – грозно прогудел Нос и, шагнув им навстречу, вынул из карманов туго сжатые кулаки. Но исполнить задуманное не успел. Неожиданно послышался обеспокоенный возглас Сергея:

– Он убегает!

– Нос резко обернулся – бомж вырвался из рук милиционера и устремился в противоположную сторону, к выходу на перрон. Сержант чуть помедлил и кинулся за ним. Не долго думая, четверка бывших сокамерников тоже бросилась следом.

Выбежав из вокзала, Сергей на секунду растерялся, не зная в какую сторону ринуться. Но заметив Носа, подскочившего к бродяге, которого уже догнал сержант и пытался скрутить ему руки, не раздумывая метнулся в их сторону.

А когда подбежал – понял: все уже кончено. Вернее, сначала почувствовал, как какая-то упругая волна окутала его с ног до головы, на мгновение затуманив сознание, и лишь после этого он окончательно осознал, что бомж мертв. А уже потом увидел распластанного на асфальте мужика и неподалеку стоявшего сержанта, оторопело глазевшего на неожиданно рухнувшего кулем бродягу – прямо перед его глазами, почти из самых его рук. Чуть в сторонке пятился задом Нос.

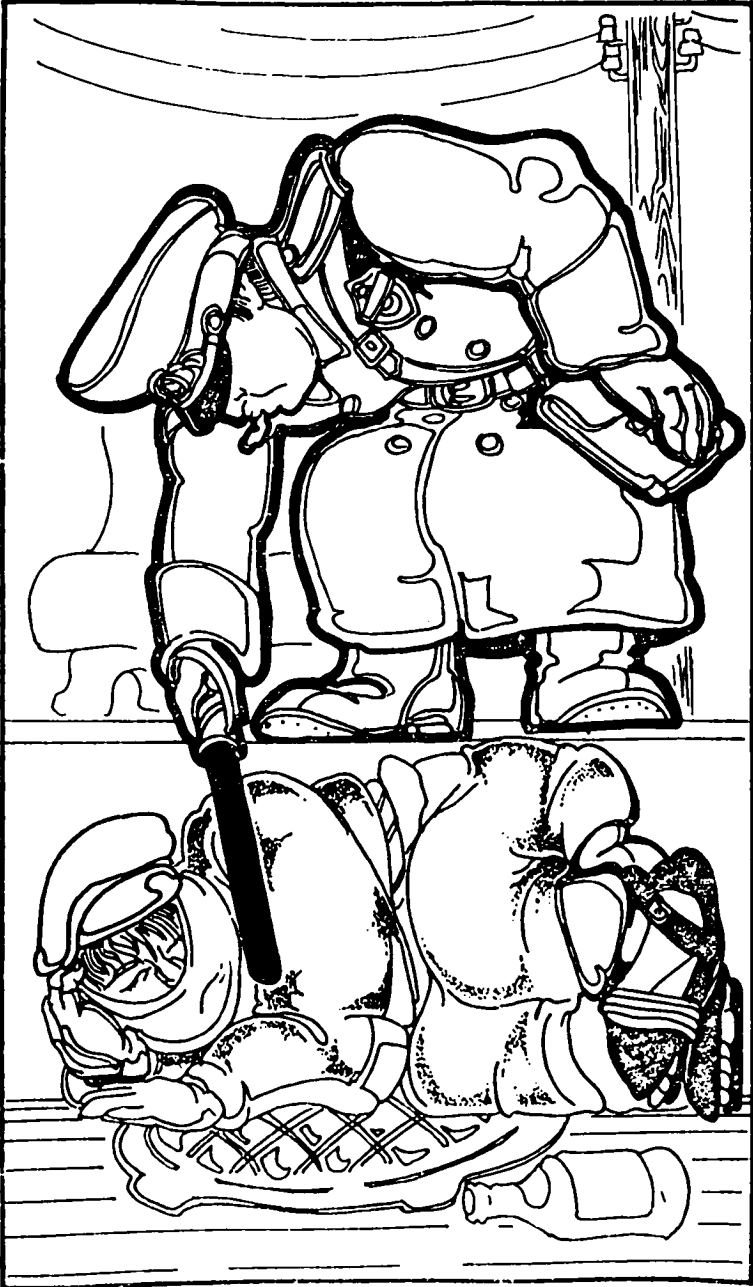
Сергей тоже стал потихоньку отступать назад, и прежде, чем до его ушей донесся истерический выкрик Носа: «Бежим!..», сзади и спереди прозвучал пронзительный вой сирены. Два милицейских газика круто развернулись и остановились по бокам, ослепив их яркими лучами своих фар и отрезав путь к отступлению.

Через полчаса вся четверка вновь очутилась в камере предварительного заключения – почти такой же, в какой они прохлаждались, казалось, еще совсем недавно.

Где-то так же монотонно капала вода, и Сергей, как и в прошлый раз, никак не мог уснуть, хотя его космические коллеги уже давно беззаботно посапывали. Будто ничего особенного не произошло, будто все хорошо и прекрасно, и они дрыхнут не под крепким тюремным замком, не под пристальным взглядом стражей, не в этой вонючей каталажке, а у себя дома, в своих теплых мягких постелях. Нет, наверное, ему никогда не привыкнуть к такой жизни! И он уже в который раз перевернулся на другой бок.

Утро подкралось незаметно, исподволь, оповестив, вернее, разбудив крепко спящую тройку и забывшегося к рассвету тяжелым беспокойным дремом парня звонким лязгом запоров на массивных дверях.

– Подъем! На прогулку! – прогудел на пороге зычный голос охранника.

Через пятнадцать минут их снова вернули в камеру, запев за ним двери с таким убийственным скрежетом и звоном, словно это была не дверь, а крышка гроба, и закрывали ее не на засов, а заколачивали намертво толстыми ржавыми гвоздями.

– Вот тебе и судьба, – пискнул Пузырь, скалясь в сторону Носа.

Предводитель дернул своей потускневшей лысиной и прорычал:

– Заткнись ты!.. – Помолчал, играя желваками, и уже без злости проговорил: – Где-то промашку дали, будь оно все не ладно!.. Что же теперь будет, а? – И повернулся к Сергею.

Тот усмехнулся, пожал плечами и обронил:

– Нашел кого спросить. – Пожевал губами и продолжил: – Я даже не знаю своей роли во всей этой идиотской кутерьме. И вообще – зачем все это надо было делать?.. – Он вылупился на понурившуюся физиономию своего главаря и неожиданно сжал кулаки до хруста в суставах.

– Об этом нужно спросить твоих друзей, – буркнул тот хмуро. – Они тебе лучше объяснят...

– Но где они?! – не на шутку разошелся Сергей. – Где эти уродины, черт бы их побрал?!

– Еще увидишь, – вздыхая, заметил Гвоздь, – обожди...

– Не дай Бог, – вставил Нос и добавил примирительно: – Чево теперь искать виновных, Серый? Что случилось – то случилось. Судьба!

– Опять судьба, – хохотнул Пузырь и вытянулся на нарах.

Нос хотел было огрызнуться, но не успел – снова открылись двери и на пороге вновь появился тот же охранник.

– Ты, – кивнул он на Сергея. – На выход!

Коридор, по которому вели Сергея, был удивительно знакомым, и когда он остановился перед представительной дверью, обитой темно-коричневым кожзамениателем, он уже почти не сомневался, кого увидит там, точнее, кто будет хозяином этого кабинета.

И не ошибся. За столом сидел так хорошо ему знакомый седовласый следователь с такими примечательно-толстыми, как у негра, губами.

– Садитесь, – кивнул он на стул, не отрываясь от бумаг. – А вы можете идти. – И стрельнул на охранника живыми острыми глазами.

Когда тот закрыл за собой дверь, Вадим Иванович поднял голову, внимательно посмотрел на Сергея и проговорил, вздыхая:

– Та-а-к, значит, докатились. Сначала маты и мордобой в общественной месте, а теперь – и убийство, так?

– Да нет же! – Сергей попытался вскочить.

– Сидите, сидите, молодой человек! – властно бросил следователь... вдруг улыбнулся, неожиданно проронив: – Здравствуйте, п-биоинверт!

– Что?! – онемело уставился на него арестант. – Вы... вы и здесь связаны с ними?!

– И здесь, и там, и везде, – довольно промурлыкал тот. – Как себя чувствуете, Сергей?

– Ничего... – опешил парень и вдруг взорвался: – Послушайте, вы!.. Когда все это кончится?!. Когда вы перестанете издеваться надо мной?!

– Кто это – вы? – ухмыляясь, полюбопытствовал Вадим Иванович.

– Ну вы!.. Все вы... инопланетяне!

– Во-первых, я не инопланетянин. А во-вторых, над вами никто не издевается.

– Но тогда как... как все это называется?!

– Вы работаете. – Голос у него оставался спокойным, и это несколько остудило Сергея.

– Работаю? На кого?

– В первую очередь, на себя. Ну, а потом уже... – Вадим Иванович помолчал, потер пальцами глаза и продолжил: – Ну, а потом уже на других. Ведь вы же – п-биоинверт. А значит, обязаны помогать космическим сообществам.

– Господи, – воззвал к небу Сергей, – ну вы-то хоть можете мне объяснить – что это обозначает?!

– Что именно? – Следователь нахмурился.

– Ну это... это чертово – п-биоинверт!

Хозяин кабинета тяжело вздохнул, встал, подошел к окну, затем резко повернулся к парню и задумчиво, словно убеждая в чем-то самого себя, проговорил:

– По-моему, теперь уже можно вам все объяснить. По крайней мере, ОНИ, кажется, не против...

Следователь снова проследовал к столу, кряхтя опустился на стул и продолжил:

– П-биоинверт – это человек, который своим уникальным биополем впитывает в себя астральные тела погибших, а точ-

нее – умерщвленных гениев. Проще говоря, это собиратель душ выдающихся личностей.

– Собиратель душ?.. – оторопело повторил Сергей и вдруг расхохотался.

– Чего вы ржете? – Хозяин кабинета недобро глянул на смеющуюся физиономию своего собеседника и свел гармошкой лоб.

– Ну как тут не смеяться, – Сергей утер кулаками выступившие из глаз слезы и посмотрел на следователя, – как тут не умереть со смеху, если вы причисляете дряхлого старика-вахтеришку, бандюгу-гангстера и грязного, опустившегося бродягу-бича к гениям человечества!

– Не скажите. – Вадим Иванович круто повел головой и нервно пожевал губами. – Все они, имея благоприятные обстоятельства, сделали бы блестящую карьеру и преподнесли бы миру не одно выдающееся открытие.

– Почему же они упустили, а вернее, поленились создать для себя эти благоприятные обстоятельства? – с явным сарказмом полюбопытствовал Сергей, продолжая смеяться теперь уже одними глазами, и, кажется, не веря ни единому слову своего собеседника.

Они ничего не упустили и уж, конечно, никогда не ленились! – неожиданно резко бросил следователь. – Этих обстоятельств просто не могло быть в этом обществе!

– Значит, виновато общество... – Сергей криво улыбнулся и, покачивая головой, еле слышно прибавил: – ...виновато в том, что они стали изгоями.

– Увы. Иного и не могло случиться здесь.

Сергей вздохнул, ухмылка с его губ слетела, он поджал их, вновь покачал головой, затем хмуро глянул на Вадима Ивановича и проговорил:

– И все же тут что-то не так...

– Что именно?

– Ну, хотя бы, то, что умерщвление ни в чем не повинных людей – это...

– Мы их не умерщвляем, – резко перебил его следователь, – мы их спасаем!

– Спасаете? – Парень округлил глаза. – Каким образом?!.

– Через несколько лет этот мир должен погибнуть в жестокой и бессмысленной войне. А термоядерное и психотронное оружие, которое будет применяться в этой войне, уничтожает, к сожалению, не только физические, но и астральные

тела. Так что мы их спасаем самым настоящим образом! И ТАМ они обретут второе тело и новую жизнь, в которой – надеюсь! – и реализуют весь свой интеллектуальный потенциал! – Вадим Иванович помял ладонями виски и продолжил уже не так возбужденно: –Кстати, возрождаются ТАМ не только гении, но и часть простых смертных, в основном используемых для второстепенных служб. Что-что, а этот контингент личностей у Анти-6 отшлифован до совершенства – работают как автоматы! Особенно хороши они в роли обслуги...

Парень поморщился и заметил:

– И все же тут пахнет чем-то нехорошим. Какой-то космический вампиризм, что ли?..

– Что поделаешь, – выдохнул следователь, – каждый приспособляется, как может.

– А если бы не было таких миров? – вскинул голову Сергей и прищурю уперся в собеседника.

– Каких таких?

– Ну, которые должны погибнуть в ядерной войне.

– Кстати, им грозит, как правило, не только эта беда, – тихо поведал Вадим Иванович, уходя от прямого ответа. – У подобных миров также довольно-таки высокий процент экологических катастроф.

– Господи, еще одна напасть! Но это, наверное, в том случае...

– Да, да, – не дал ему договорить следователь, – это в том случае, если такому миру удастся каким-то чудом выкарабкаться из ядерной трясины.

– Значит, если перескочишь первое болото, то во второе – уж обязательно угодишь!

– Именно так. Хотя и не всегда, были и исключения. Но очень редко!

– Понятно, – буркнул парень и чуть погодя прибавил: – Хотя и с натяжкой. – Затем повторил свой вопрос:

– Ну так как, если бы их не было – что тогда? – И снова уткнул в собеседника вопрошающий взгляд.

– Значит, ОНИ просто не существовали бы, – как ни в чем не бывало ответил тот и добавил: – Вернее, Вселенная их и не породила бы, вот и все.

– А может Анти-6 и им подобные специально подталкивают цивилизации к такой критической ситуации? Может, умышленно способствуют возникновению на таких планетах

всевозможных конфликтов, переворотов, глобально враждующих лагерей? И с определенной целью внедряют в промышленность экологически вредное производство, а?

– Все может быть, – глухо проронил хозяин кабинета; он нервно поправил свои посеребренные сединами локоны, кашлянул, а затем продолжил: – Однако ваш мир, кажется, выкарабкивается из этой трясины, не так ли?

– Вроде бы, – кивнул Сергею кисло и тут же отчаянно бросил: – Зато залезает в другую – не менее страшную!..

– И все же шанс у вас есть. – Следователь шумно выдохнул, откинулся на спинку стула. – Экономику и нравственное здоровье людей поправить у вас еще можно. Здесь же, к сожалению, уже невозможно ни то, ни другое, ни третье... Они по-прежнему с каким-то яростным остервенением стремятся к чему-то непонятному, сомнительному. Все так же, как и прежде, продолжают рьяно строить что-то эфемерное, призрачное. А что – и сами толком не знают! И скоро, совсем скоро этот картонный домик рухнет!.. Поэтому-то мы и торопимся как можно больше переправить туда астральной биомассы. Ведь все равно пропадает!.. – И увидев встревоженные глаза парня, пояснил: – Нет-нет! Не беспокоитесь! Ваша работа закончилась. Больше гениев здесь нет. Осталась одна тина. На удивление однородная – что в низших сферах, что в высших...

Наступившую паузу нарушил словавшийся голос Сергея:

– А что со мной будет?

– С тобой... – следователь вдруг запнулся, поджал губы, вперил в парня свои вмиг чем-то обозленные глазки и неожиданно почти официальным тоном закончил: – С вами ничего не будет – вам повезло. Поэтому вас просто отправят домой?

– Когда? – обрадовано встрепенулся Сергей.

– Скоро. – Вздыхнул, посмотрел на часы и добавил: – Возможно через минуту...

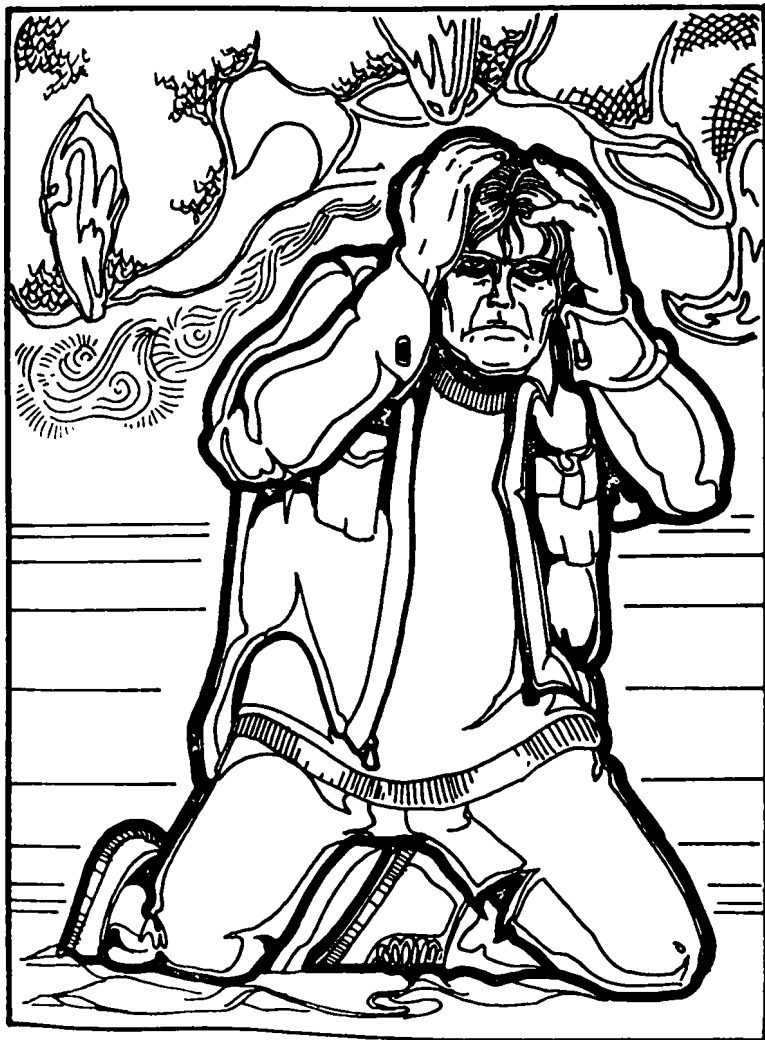
На кухне было тепло. Сергей удивленно повел бровью, притронулся к батареям – горячие. С чего бы это? Не иначе, как светопреставление нагрывает!

Он быстро снял свитер, в котором, как правило, всегда спал, и надел легкую рубашу. Зима выдалась суровая, а тепло-трассы, как обычно на ладан дышали, и поэтому в квартирах можно было не включать холодильник – все замерзло прямо на столе. А со спиртным, – чтобы разогреться, – было по-

прежнему туговато. Приобретать же сей продукт в коммерческих магазинах – одно разорение.

Сергей поставил чайник на плитку, неожиданно вспомнил свои недавние семейные ужины, вздохнул и опустился на стул. И что за супруга ему досталась? Чуть что – сразу же из дому, к родителям! Прямо беда: ни выпить, ни друзей привести – наказание да и только!

Он чертыхнулся, налил чаю, достал из тумбочки бумаж-

ный пакетик, вытряхнул из него четыре заскорузлых пряника, подумал, поджав губы, и достал еще один – экономь не экономь, а желудок свое берет.

Неспеша поужинал, затем вынул пачку «Астры», достал из нее внушительный «бычок», опять подумал, теперь уже выпятив губы, и положил его обратно. Еще немного поразмышлял – и взамен взял целую сигарету.

Присел на краешек стола, жадно затягиваясь приятно щекочущим нутро дымом и уже в который раз принимая решение, что это последняя в его жизни сигарета – мол все, больше курить не будет – вредно, да и накладно; потом встал, стряхнул со стола крошки, бросил грязный стакан в раковину и, позевывая, направился в спальню.

...Удар пришелся точно в лоб, но в последний момент слегка смягчился, ибо Сергей вдруг резко дернул головой, неожиданно что-то вспомнив...

Объединенная редакция журналов
"Приключения, фантастика", "Галактика", "Метагалактика",
газеты "Голос Вселенной"
и издательство "Метагалактика" объявляют конкурс

МИРЫ ЮРИЯ ПЕТУХОВА

I раздел

Конкурс не лучшие цветные и черно-белые иллюстрации к произведениям писателя Юрия Петухом "Звездная месть", "Бойня", "Сатанинское", "зелье Западня", "Измена", "Дорогами богов" и др., включая публицистику.

Конкурс проводится на трем группам участников:

1. Профессиональные художники, графики.
2. Художники-любители.
3. Дети до 15 лет (здесь потребуются помощь родителей, учителей, воспитателей, работников библиотек, кружков . студий и школ художественного творчества).

II раздел

Конкурс литературно-критических рецензий на произведения писателя (или одно выборочное произведение).

Количество работ, их формат, техника исполнения не регламентируются и не ограничиваются.

По результатам конкурса для каждой группы установлены призы и денежные премии. Конкурсные работы будут публиковаться в наших изданиях и альбомах.

Конкурс рассчитан на 5 лет. Подведение итогов, определение победителей и выдача премий – каждые полгода: на 1 января и 1 июля каждого текущего года.

Внимание! И школы, детские дома, интернаты, колонии, гарнизоны, студии необходимые для конкурсных работ книги и журналы высылаются бесплатно по заявкам .

**Адрес для высылки конкурсных работ:
11123. Москва, а/я 40. "конкурс"**

Москвичи могут сами сдать свои работы по адресам:
– Долгоруковская, 39 (киоск журнала ПФ у троллейбусной остановки напротив метро Новослободская);
– Рязанский пр.. 82/5 (м. Выхино, одна остановка на автобусе, 417 отд.связи, со двора).

КНИГИ – ПОЧТОЙ!

Издательство "Метагалактика" высылает:

Журнал **"Приключения, фантастика"**

Номера 1991 г. – 4000 р. Комплект 1992 г. – 5000 р.
Комплект 1993 г. – 5000 р. Комплект 1994 г. – 15000 р.
(отдельные номера 1994 г. – по 3000 р.).

Библиотека приключ. и фантастики **"Метагалактика":**

Серия "МГ 1993 г. в 5 книгах – 6000 р.

Серия "МГ 1994 г. в 6 книгах – 15000 р.

(отдельные книги "МГ 1994 г. – по 3000 р.)

Библиотека мистики и ужаса "Галактика":

Комплект 1993 г. – 3000 р.

Номера 1994 г. – 1,4,5,6 – по 2000 р.

Для любителей аномальных явлений и тайн –

Подборка ежемесячника **"Голос Вселенной"** – 5000 р.

ТАЛИСМАН-ОБЕРЕГ от сглаза и порчи – 5000 р.

Прорицания о будущем. в 2х книгах – 3000 р.

Классификатор инопланетных пришельцев – 2000 р.

(самое подробное описание инопланетян и НЛО).

Тома серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Чудовище. Западня. Бойня.

Сатанинское зелье – по 3000 р.

Одержимые дьяволом. Мистика - 1000 р.

Мордоворот. Детектив о рэкетирах – 1000 р.

Красный карлик. Эрот. повесть ужасов – 2000 р.

(детям до 16 лет не рекомендуется).

ДОРОГАМИ БОГОВ. Подлинная история Русского

Народа. Впервые публикуются данные, скрываемые,
официальной наукой. – 3000 р.

Голос Вселенной, номера 7-8, 9-10, 11-12 1994 г.

(расширенные номера) – по 2000 р.

Для получения заказа необходимо выслать почтовый
перевод по адресу издательства: **111123, Москва, а/я 40**

Петухову Ю.Д. На обороте талона точно укажите
заказываемые издания. **Четко пишите свой адрес!**

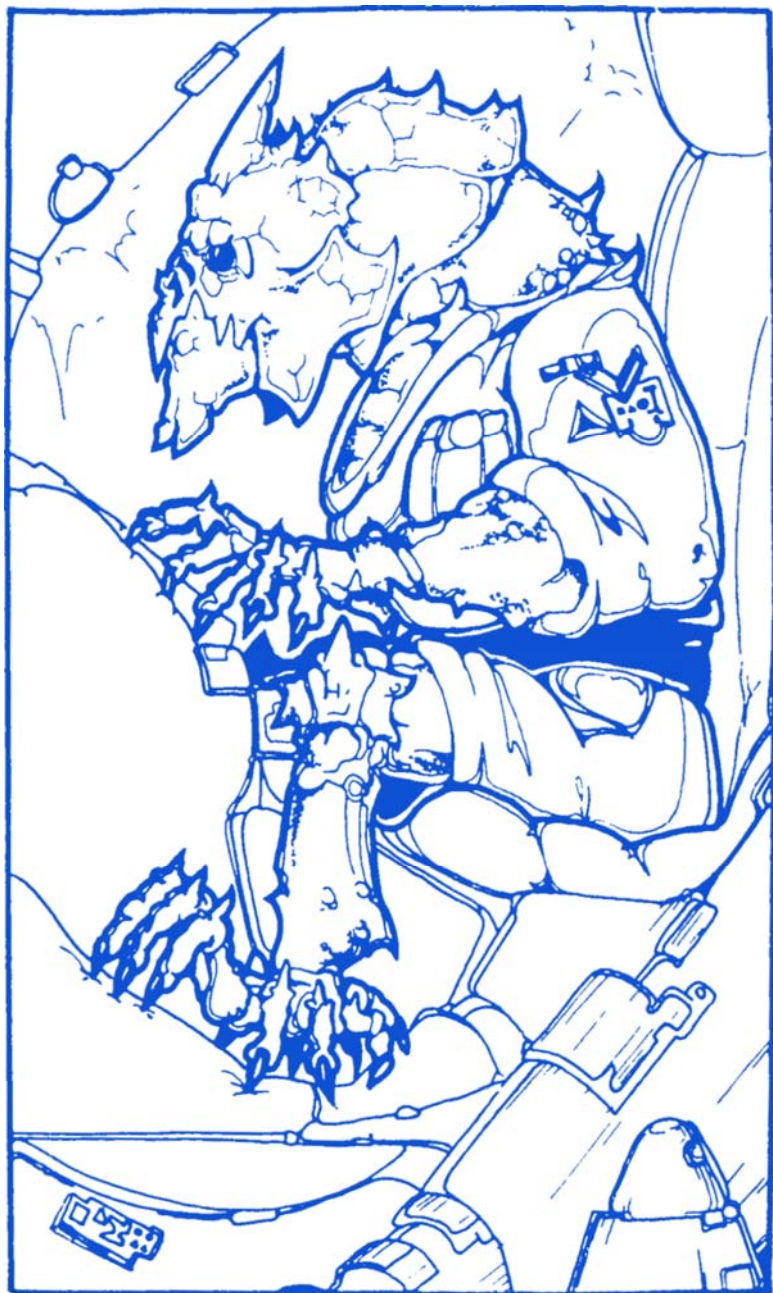
Отправка – немедленно!

Для организаций и других коллективных (оптовых)
заказчиков перечисления принимаются на расчетный

счет 1468489 в Перовском отделении Мосбизнесбанка

МФО 201735 получатель "Метагалактика" (суммы от

50 тыс.р. и выше).

Приключенческие боевики:
"Дарт и агенты Рассадур",
"Золотой мираж" и др.

